

**СОВРЕМЕННАЯ
ГЕРМАНИСТИКА
И
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

Выпуск 4

ФЛИНТА

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Коллективная монография

Выпуск 4

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2022

УДК 811.11; 821.11; 821.13

ББК 83.3(4)6

C56

Рецензенты:

Петренко Александр Демьянович

д.ф.н., профессор, директор Института филологии Крымского
федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь

Цветкова Марина Владимировна

д.ф.н., профессор департамента литературы
и межкультурной коммуникации Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород

**Современная германистика и западноевропейская
C56 литература (= Modern Germanic Philology and West-European
Literature) : коллективная монография. Вып. 4 / отв. ред.
А. В. Иванов. — Москва : ФЛИНТА, 2022. — 440 с.**

ISBN 978-5-9765-5239-5

Монография является четвертым выпуском из серии ежегодников «Современная германистика и западноевропейская литература». Серия создана по инициативе диссертационного совета Д 212.163.01 при Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова.

Издание подготовлено коллективом авторов — членов диссертационного совета, а также учеными из различных вузов России, участвующими в деятельности совета, и включает работы, посвященные различным теоретическим аспектам германистики и проблемам западноевропейской литературы.

Адресовано широкому кругу лингвистов и литературоведов, интересующихся вопросами германской и — шире — западноевропейской филологии.

УДК 811.11; 821.11; 821.13

ББК 83.3(4)6

ISBN 978-5-9765-5239-5

© Коллектив авторов, 2022

© НГЛУ, 2022

© Издательство «ФЛИНТА», 2022

Авторский коллектив:

Аверкина С. Н. (гл. 4.1.)
Байкова О. В. (гл. 2.1.)
Бондарева Л. М. (гл. 1.1.)
Бочкарев А. Е. (гл. 4.2.)
Бухаров В. М. (гл. 2.1.)
Голубева Н. А. (гл. 1.2.)
Григорьева Е. М. (гл. 3.1.)
Дубинин С. И. (гл. 3.2.)
Иванов А. В. (гл. 3.3.)
Иванова Т. К. (гл. 3.4.)
Карасик В. И. (гл. 1.3.)
Карпова О. М. (гл. 3.5.)

Кобенко Ю. В. (гл. 1.4.)
Левицкий А. Э. (гл. 3.6.)
Малыгин В. Т. (гл. 3.7.)
Маник С. А. (гл. 3.8.)
Никонова Ж. В. (гл. 1.5.)
Никольшина Т. Н. (гл. 3.6.)
Постникова С. В. (гл. 1.6.)
Рахманкулова С. Е. (гл. 1.7.)
Родина Г. И. (гл. 4.1.)
Тырыгина В. А. (гл. 1.8.)
Федоров В. В. (гл. 1.9.)

Раздел I
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

1. Ретроспективные тексты как трансляторы культурной памяти

В основе существования человеческой цивилизации лежит постоянная преемственность поколений, которая заключается в хранении, накоплении и тиражировании коллективного опыта. Постоянная циркуляция данного опыта в коммуникативном пространстве носит мультимедийный характер, поскольку «законсервированные» фрагменты общего прошлого характеризуются многообразием возможностей своей реализации.

Как отмечает немецкий культуролог Я. Асман, к приемам коллективной мнемотехники относятся праздники, торжества, события ритуального и церемониального характера, различные артефакты (напр., предметы бытовой утвари, одежда, украшения), конвенциональные знаки, ландшафты и пр. (ASSMANN 1991: 344). В соответствии с теорией синхронического времени К. Леви-Стросса, предполагающей существование так называемых «холодных» и «горячих» обществ (ЛЕВИ-СТРОСС 1985), подобные способы передачи воспоминаний в социуме характерны прежде всего для «холодных» обществ, не имеющих традиций письменности и вследствие этого не осмысливающих историю в целом как таковую.

В свою очередь, в «горячих» обществах, которые имеют развитую культуру письменности, носителями общего прошлого опыта служат канонические, или классические, базовые *тексты*, способствующие сохранению и укреплению социальной идентичности любой нации. Именно тексты становятся средством интеграции коллективного исторического опыта в культурную память человечества, что подразумевает их функционирование в качестве средства вербализации, фиксации, автономизации и, соответственно, трансформации коллективной памяти в память культурную (STOCKER 1998: 78; ср.: LACHMANN 1991; ERDLIE 2000; FRAAS 2000 и др.). В связи с этим У. Эрнст рассматривает тексты

и литературу в целом как некий инструментарий, способствующий эстетическому структурированию житейского опыта, жизненной мудрости и форм миропонимания прошлых поколений, а также необходимый для прогресса цивилизации ритуал по культуризации и увековечиванию знаменательных исторических событий (ERNST 1993: 73).

Вполне закономерным следует считать и мнение В. М. Грусмана, выделяющего в качестве основной функции, выполняемой в жизни социума культурной памятью, наряду с конституирующей, эмоционально-экспрессивной и консервативно-охранительной функциями социально-мнемическую функцию, которая обеспечивает связь поколений и заключается в накоплении, сохранении и распространении совокупного опыта социальной жизни (ГРУСМАН 2007: 94).

При анализе культурной памяти важно помнить о необходимости обязательного учета ее национально-специфического аспекта, что предполагает интерпретацию механизма культурной памяти в качестве экспликатора когнитивных и ментальных репрезентаций ценностно-смысловых феноменов, релевантных для конкретных культурно значимых дискурсов (АЛЕФИРЕНКО и др. 2012).

Основными видами текстов, свидетельствующих о прошлом и являющихся трансляторами культурной памяти, служат, согласно А. Асман и Я. Асману, «документы» («Dokumente») и «монументы» («Monumente») (здесь и далее см.: ASSMANN A. & ASSMANN J. 1994: 121). К «документам» немецкие культурологи относят письменные источники сугубо объективного характера, в частности, такие, как тексты договоров, военные меморандумы, демографические данные, церковно-приходские книги и пр. Соответственно, под «монументами» подразумеваются тексты, возникающие в процессе кодификации и аккумуляции социально значимых воспоминаний конкретными речевыми субъектами и реализующиеся в различных жанровых формах. При этом речь идет об источниках, в которых реконструируется реальное прошлое и которые входят в пограничную зону между фикциональной и нефикциональной литературой (напр., путевые заметки, личные дневники и т. д.), либо являются,

как подчеркивают исследователи, «чисто» литературными произведениями «любого рода и качества».

Вполне понятно, что, с одной стороны, при подобном подходе «монументальные» тексты, в терминах А. Асман и Я. Асмана, ассоциируются с мемуарно-автобиографической литературой, специфика которой заключается в реконструкции речедателями лично пережитого прошлого опыта, что изначально предполагает возможность авторского произвола в трактовке изображаемой реальной действительности.

С другой стороны, к литературным «монументам» с фикциональной доминантой, несомненно, относятся исторические романы, авторы которых на основе вполне аутентичных фактов и событий могут создавать художественные произведения, характеризующиеся достаточно вольным обращением писателей с реальными историческими персонажами в силу причин объективного и субъективного характера. Онтологическая обусловленность такого положения вещей объясняется той очевидной причиной, что в историческом романе речевой субъект занимается реконструкцией данностей, не входящих в зону его личного опыта и относящихся к сфере «чужого» прошлого.

В результате, с учетом вышеуказанной точки зрения немецких исследователей, мы полагаем целесообразным при осуществлении дифференциации двух видов свидетельств о прошлом учитывать *характер интеграции* этого прошлого в сферу сознания субъекта речевой деятельности. Принципиальным моментом для нас является вопрос о том, происходит ли такая интеграция прямо или опосредованно.

В процессе реконструкции и письменной фиксации лично пережитого речевой субъект пытается воссоздать своего рода метальный «слепок» определенных событий и фактов собственного прошлого опыта, прямо, т. е. непосредственно интегрированных в его сознание и хранящихся там в «законсервированном» виде. Вследствие такого положения вещей при порождении текста ретроспективного характера в действие приходят механизмы функционирования личностной, или автобиографической, памяти.

Однако в ситуации реконструкции автором ретроспективно ориентированного текста отдельных фрагментов культурной памяти человечества, не связанных с работой его личностной памяти, речь следует вести о непрямом, т. е. опосредованном вхождении в ментальную сферу речевого субъекта некоторой информации о прошлом.

Как видим, субстанциальные различия между «документами» и «монументами», согласно терминологии А. Асман и Я. Асмана, обусловлены в первую очередь функционированием разных видов памяти, что требует специального рассмотрения.

2. Синтетический характер историографических текстов

Облигаторным условием порождения и структурирования текстов, свидетельствующих о прошлом, является активация механизмов автобиографической или коллективной памяти, в основе которой лежит ментальная когнитивная деятельность речевого субъекта, характеризующаяся ретроспективной направленностью. Благодаря общности этого основополагающего фактора все подразумеваемые тексты циркулируют в единой семантической сфере, представляющей собой пространство *ретроспективного дискурса*; подр. см. в (БОНДАРЕВА 2021).

Сразу следует подчеркнуть, что наша когнитивная деятельность в целом имеет онтологически обусловленный ретроспективный характер, поскольку любой когнитивный процесс возможен только в ситуации постоянного сопоставления нового опыта с информацией, хранящейся в памяти в виде ранее приобретенных «прошлых» знаний. Однако такой специфический тип дискурса как ретроспективный дискурс формируется только в том случае, когда ретроспективная ориентация познающего субъекта вызвана его непосредственной интенцией реконструировать определенные знания о прошлом — своим или «чужом» — для их вербализации и фиксации в виде целостных завершенных текстов.

Если работа автобиографической памяти стимулирует структурирование текстов автобиографий, мемуаров, записок и мемуарных литературных портретов, то жанровый репертуар текстов, рефе-

рещионально соотносящихся с отдельными фрагментами коллективной памяти человечества, представлен главным образом жанрами историографии, биографии, мифологии и исторического романа.

Предварительно отметим, что в узком, чисто профессиональном смысле под историографией понимается специальная дисциплина, изучающая историю исторической науки (УЭС 1999: 509). Тем не менее, уже в XIX в. данный термин функционировал в значении описания истории в виде преданий, летописей, исторической литературы и т. д. (НАУМОВА 2011: 6). Таким образом, именно в этом широком значении номинация «историография» используется в тексте данной статьи.

Вполне понятно, что ко всем историографическим источникам применимо общеродовое понятие литературных текстов, но одновременно они совершенно правомерно воспринимаются читателями в качестве носителей исторической информации научно-познавательного характера. В итоге проблема взаимоотношений историографии и литературы продолжает оставаться предметом научных дискуссий и не находит до настоящего времени своего однозначного решения.

Безусловно, в пространстве ретроспективного дискурса в подобном пограничном положении находятся и остальные жанры, базирующиеся на знаниях коллективной памяти. Следует, однако, напомнить, что, например, в отношении мифологического жанра в научной среде существует определенная точка зрения, выраженная еще А. Ф. Лосевым, согласно которой миф следует считать предельной и универсальной формой исторического познания (ЛОСЕВ 2001). В продолжение мысли знаменитого русского философа исследователь Ю. А. Тюменцев указывает на способность мифа давать человеку «подлинно *цельное* знание» и служить для выражения «*абсолютной истины*» (ТЮМЕНЦЕВ 2003: 54).

При рассмотрении сущности взаимосвязей историографии и литературы на первый план выходят три ключевых момента: развитие этих взаимосвязей в диахроническом аспекте, текстуально обусловленное сходство и различие историографических и лите-

ратурных произведений, спорный вопрос о литературном характере историографических источников и вытекающее из этого, как следствие, нивелирование различий между историографией и литературой; здесь и далее см. в (NÜNNING 1998: 213-214).

Так, до середины XIX в. историографические тексты традиционно рассматривались в качестве художественных произведений не только с точки зрения используемых в них языковых и стилистических особенностей, но и в плане их морального и дидактического влияния на читателей. С развитием позитивизма в историографии усиливается тенденция к максимальной объективности и правдивости при изображении чужого прошлого опыта, в результате чего происходит функциональная дифференциация историографических источников и литературных текстов. В XX в. укреплению этой тенденции в немалой степени способствуют рост профессионализма историографов и инновации в сфере литературного модернизма. Но постмодернизм вновь подвергает серьезным сомнениям существование основополагающих различий между историографией и литературой.

Впрочем, проведение четкой делимитации обеих подразумеваемых сфер в связи с наличием онтологически обусловленных различий между их референтами также имеет давние традиции, идущие еще от поэтики Аристотеля. Как отмечается далее в *Metzler-Lexikon*, античные мыслители полагали, что областью действительного, т. е. реального, занимаются историки, а писатели, в свою очередь, имеют дело с областью возможного, т. е. того, что могло бы произойти (*ibid.*: 213).

На наш взгляд, исходным пунктом в полемике подобного рода может служить признание того факта, что беллетрист является «производящим» субъектом художественного творчества, в то время как историограф выполняет функцию «воспроизводящего» субъекта научно-исторического познания. При этом реконструирующая деятельность речевого субъекта по обработке исторического материала сопряжена с рядом существенных сложностей, которые, согласно Д. Харту, заключаются в необходимости

для историографа выбрать лишь один из имеющихся в его распоряжении вариантов: полностью нивелировать, практически «самоуничтожить» свое авторское «Я» ради максимальной объективности изложения, открыто прокламировать собственные взгляды на исторически значимые события или, наконец, признать невозможность в принципе добиться полноценной объективности в ходе исторического познания (НАРТ 1990: 16-17).

Следует добавить, что сам Д. Харт видит решение проблемы в утверждении тождественности исторического дискурса и эстетической концептуализации действительности, поскольку он рассматривает историю в качестве не данности, а ее *конструкта*, в котором не должен присутствовать фикциональный элемент, но для консистентности которого необходимо наличие риторических, поэтических и стилистических элементов (*ibid.*: 21). Аналогичные мысли высказывает и Й. Рюзен, интерпретирующий риторiku в духе «отца исторической науки» Л. Ранке (L. Ranke) в качестве связующего звена, которое объединяет в историографии такие компоненты как наука и искусство (RÜSEN 1990: 4).

Характерно, что в XX в. эти идеи наиболее ярко воплотились в теории «метафорического нарративизма» Х. Уайта и Ф. Анкерсмита, согласно которой каждый исторический текст является сложной лингвистической структурой, обладающей самодостаточным характером по отношению к объективной исторической реальности. В русле этих рассуждений нарратив не может проецировать аутентичный исторический ландшафт, так как именно в нем самом и возникает образ прошлого, а описываемые факты получают значение и смысл только в пространстве текстового целого (УАЙТ 2002; АНКЕРСМИТ 2003).

Обобщая вышеизложенное, мы хотели бы отметить, что при анализе сущности взаимоотношений историографии и литературы необходимо иметь в виду факт прямой зависимости исторической памяти от специфики каждой временной эпохи, в которой происходит осмысление того или иного текста как культурного памятника. Не менее важную роль играет степень охвата историографом информационного пространства, в котором циркулируют

тексты, репрезентирующие результаты обработки подразумеваемого исторического источника другими историографами и порой противоречащие друг другу. Наконец, не совсем верным было бы предположение о том, что каждый автор подобных текстов является «последней инстанцией» без права на ошибку и безликим «некто» без собственной точки зрения и жизненной позиции.

С другой стороны, в историографии известен тезис Р. Козеллека о «силе вето источников» (KOSSELLECK 1973), что подразумевает известные ограничения в обращении ученых с реконструируемым историческим материалом и помогает, таким образом, нивелировать в определенной степени возможность реального и эвентуального произвола историографа, выступающего в роли интерпретатора исторических событий.

В результате мы считаем целесообразным говорить в данной ситуации о наличии некоей уязвимости историографических текстов с позиций учета требования их полной аутентичности воспроизводимым историческим фактам и событиям, что влечет за собой признание синтетического характера историографических текстов, обусловленного органическим синтезом безусловно доминирующих *res factae* и в принципе возможных в них *res fictae*.

3. Субстанциальные признаки историографических текстов

Все историографические тексты, формирующиеся в пространстве ретроспективного дискурса, имеют ярко выраженную ретроспективную направленность, поэтому важным маркером репрезентированного в них концепта ПРОШЛОЕ становятся многочисленные *слова-реалии*.

В процессе исследования языкового материала нами было установлено, что подразумеваемые лексемы могут быть классифицированы на две группы (БОНДАРЕВА 2021):

1) слова-реалии с прагматической импликацией концепта ПРОШЛОЕ (далее — СРПИ);

2) слова-реалии с прагматической акцентуацией концепта ПРОШЛОЕ (далее — СРПА).

3.1. Слова-реалии с прагматической импликацией концепта ПРОШЛОЕ

В первую группу входят языковые единицы, не требующие какого-либо специального авторского комментария, обладающие широкой известностью, входящие в арсенал общедоступных фоновых знаний и позволяющие осуществить однозначную идентификацию изображаемого с определенным историческим контекстом. В качестве подобных экспликаторов исторического колорита служат упоминания самых различных деталей жизни и быта, характерных для воспроизводимой эпохи. О периоде средневековья могут свидетельствовать, в частности, деревянные «водопроводы» (1), промасленная бумага или свиные пузыри вместо стекол в домах неимущих горожан (2), а также «клювовидные» туфли с длинными, узкими, загнутыми вверх носами в качестве модной обуви (3), как это имеет место в текстовых фрагментах книги В. Целльнера *Reise in die Gotik*.

- (1) Das Wasser der so reich geschmückten städtischen Brunnen kommt oft von weit her. *Die Rohre bestehen aus hohlen Baumstämmen* (ZÖLLNER 1973: 45).
- (2) Die Ärmeren können sich kein Glas leisten und müssen wie die Bauern mit *Ölpapier* oder *Schweinsblasen* vorliebnehmen (ibid.).
- (3) Als Fußbekleidung werden *Schnabelschuhe* bevorzugt (ibid.: 32).

Маркерами ретроспективного плана повествования о тайнах античных мистерий в историографическом труде М. Гибель *Das Geheimnis der Mysterien. Antike Kulte in Griechenland, Rom und Ägypten* являются многочисленные номинации типа *Freigelassene*, *Skla-ven*, *Mänaden*, *Phöniker*, *Orphiker*, *Mysterien*, *Vacchanalien* и т. д., соотносящиеся с социальным устройством, религиозными течениями, традициями, празднествами и пр., существовавшими в античном мире.

Значимой разновидностью СРПИ являются *антропонимы*, референциально соотносящиеся с упоминаемыми в тексте историческими персонами широкой или узкой известности. Вполне очевидно, что имена Людовика XIV, мадам де Ментенон и мадам

де Монтеспан на страницах книги К. Ханкен *Vom König geküsst*, посвященной жизнеописанию королевских метресс, однозначно ассоциируются в читательском сознании с пышной атмосферой XVII в. в эпоху «короля-солнца» (4).

(4) Mitunter konnte es die Höflinge verwirren, wenn eine Frau plötzlich beim König sehr in Gunst stand. *Madame de Maintenon* war am Hof als Gouvernante von *Ludwig XIV.* und *Madame de Montespan's* unehelichen Kindern bekannt ... (HANKEN 1997: 125).

При реконструкции историографом темпорально обусловленной языковой картины мира, проецирующей менталитет соответствующей национально-культурной общности, могут активно использоваться номинации божеств и богов, как это наблюдается в тексте вышеупомянутой книги Гибель. Политеизм, присущий греческой античной цивилизации, находит свое отражение в разнообразии и многочисленности имен богов, в честь которых в Древней Греции и в Древнем Риме совершались тайные и явные мистерии (Dionysos, Bacchus, Hermes, Zeus, Jupiter, Venus и пр.).

Совершенно очевидно, что любой современный читатель с фоновыми знаниями самого общего характера на основе подобных лексем без труда сможет составить себе представление о времени и месте описываемых историографом событий.

Не менее важную роль в историографических текстах выполняют *топонимы*, в особенности — топонимы-историзмы, являющиеся номинациями объектов, либо исчезнувших с географической карты, либо существующих и по сей день, но под современными названиями. Такие СРПИ способствуют созданию убедительного ретроспективного фона повествования и реконструкции ряда важных исторических событий без их дополнительного разъяснения автором. Важно подчеркнуть, однако, что при функционировании в тексте топонимов узкой или достаточно ограниченной известности подобная информация будет иметь релевантность лишь для читателей с соответствующим тезаурусом.

В этом отношении достаточно любопытный языковой материал содержится в труде Х.-Г. Таутората *Schwarzes Kreuz auf weißem*

Mantel, посвященном судьбам немецкого рыцарского ордена и содержащем ряд узкоизвестных топонимов-историзмов, которые понятны лишь знатокам истории Восточной и Западной Пруссии. Так, например, упоминаемый в тексте город-крепость Рагнит называется сегодня Советском (5), относящемся к одному из крупных городов Калининградской области, а Растенбург является современным польским городом Кентшин (6).

- (5) In der Küche der Burg *Ragnit* befanden sich u.a. 200 Schrote getrocknetes Rindfleisch, 1 Korb mit Rosinen, 1 Korb mit Feigen... (TAUTORAT 1980: 62).
- (6) Auch *Rastenburg* wurde planmäßig angelegt. Die Altstadt hatte einen mittelalterlichen Grundriß mit einem quadratischen Markt... (ibid.: 109).

Впрочем, более информативными представляются топонимы-историзмы широкой известности, соотносящиеся с важными историческими событиями, хранящимися в коллективной памяти человечества. Показательным примером может служить, в частности, номинация *Tannenberg*, напоминающая потомкам о знаменитой Грюнвальдской битве в 1410 г., которая закончилась сокрушительным поражением немецких рыцарей объединенными силами русских, польских, литовских и татарских воинов под Танненбергом (Грюнвальдом).

Заметим, что сражение состоялось на местности, расположенной между тремя деревнями — Грюнвальд, Танненберг и Людвигсдорф, в связи с чем возникло разночтение его названия. В то время как в большинстве исторических источников речь идет о Грюнвальдской битве, в германской историографии чаще упоминается в данном контексте Танненбергское сражение (7).

- (7) Zur Komturei Ragnit gehörten die Kammerämter Labiau und Lauken. <...> In beiden Kammerämtern existierten zusammen 121 preußische Dienste. Diese stellten in der Zeit vor der Schlacht bei *Tannenberg* und dem Aufkommen der Söldnerheere fast zwei Drittel der kämpfenden Truppe des Feldheeres (ibid.: 41).

Характерно, что в процитированном текстовом фрагменте из книги Г.-Х. Таутората встречаются также топонимы-историзмы

узкой известности, такие как, например, Labiau (нынешний Полесск) и Lauken (в настоящее время поселок Саранское Калининградской области).

В целом топонимы-историзмы отличаются существенным разнообразием видов и могут быть репрезентированы в тексте урбанонимами / хоронимами (das Kapitoll, der Palatin), этнонимами (Thrakien, Anatolien), ойконимами (Königsberg, Danzig) и др., что способствует созданию убедительного исторического колорита.

3.2. Слова-реалии с прагматической акцентуацией концепта ПРОШЛОЕ

Поскольку любая когнитивная реконструктивная деятельность сопряжена с анализом фактов, *дистанцированных* от познающего субъекта во времени, доминирующими ориентационными веками для читателя ретроспективного повествования остаются, безусловно, многочисленные *хрононимы*, главным образом средства хронопунктуры, которые сопровождают в языковом плане номинации различных исторических событий, а также смыслополагающие антропонимы и топонимы. Прямое указание на определенную точку во времени, референциально соотносящуюся с реконструируемым событием, способствует восстановлению причинно-следственных связей, необходимых для ретроспективного осмысления значимых фактов прошлого коллективного опыта (8, 9).

- (8) Die Hochmeisterresidenz war bereits *im Jahre 1457* aus der Marienburg nach Königsberg verlegt worden (WÜNSCH 1960: 16).
- (9) Es wunderte daher kaum jemanden, daß gerade er [Wilhelm Scherer — Л. Б.] *1872* an die neugegründete Reichsuniversität Straßburg berufen wurde und *1877* die einflußreiche Berliner Professur für Germanistik erhielt (HERMAND 1994: 60).

Именно хронопунктурные маркеры способствуют структурированию фундаментального темпорального фона историографического повествования как повествования о прошлом даже при отсутствии в тексте грамматических форм классического претерита. Эффективным прагматическим средством в сочетании с подобными хрононимами служит употребление форм настоя-

щего времени (повествовательного презенса или *praesens historicum*), «оживляющих» события далекого прошлого и позволяющих современному читателю, как это имеет место, например, в книге Целльнера *Reise in die Gotik*, «совершать» вместе с автором путешествия по городам средневековой Германии (10-12).

(10) Wir erreichen Frankfurt kurz vor Messebeginn. Uns interessiert zunächst die Unterbringung der Gäste ... *Zur Herbstmesse 1361 sind es* 117 (ZÖLLNER 1997: 92).

(11) Wir begeben uns in die Stadt [Lübeck — Л. Б.] von Westen her, wo 1477 das Holstentor *vollendet wird* (ibid.: 120).

(12) Wie sehr das zugleich Lübecks Machtstellung war, *erhellte* der Besuch Kaiser Karls IV. *im Jahre 1375* (ibid.:122).

Логично в подобном контексте констатировать, что средства хронопунктуры относятся к наиболее убедительному виду СРПА.

Следующей разновидностью второй выявленной нами группы слов-реалий с прагматической акцентуацией концепта ПРОШЛОЕ служат лексические единицы, функционирующие в историографических текстах в сопровождении *специального авторского комментария*, наличие которого обусловлено интенцией повествователя максимально нивелировать темпоральную дистанцию, неизбежно существующую между реальной для читателя-современника действительностью и реконструируемой действительностью. Для адекватного восприятия информации ретроспективного характера ее получатель должен обладать соответствующей пресуппозицией, которая формируется в процессе элиминирования имеющихся в его индивидуальной картине мира историко-культурологических лакун.

Достаточно часто подразумеваемые СРПА представлены в тексте в форме приложений как языковые «иллюстрации» к более или менее пространно описываемым реалиям и понятиям прошлого, что соответствует логике построения тема-рематических микроцепочек (13-15).

(13) Dann wurde ein Ziegelofen gebaut und große Mengen von Brennholz, *die sogenannten „Brennrohnen“*, zum Teil von weither angefahren (WÜNSCH 1960: 55).

- (14) Die Ehre ist daher stets von der Unehre bedroht, die eine übliche Tat, „*Neidingstat*“, bewirkt (WOLFRAM 1995: 21).
- (15) Da es ihnen aber an Geld mangelte, verkauften viele Bergleute ihre Anteile am Bergwerk, ihre „*Kuxe*“... (ZÖLLNER 1973: 103).

Тем не менее, СРПА могут употребляться не только в постпозиции, но и в препозиции, когда они предшествуют сопровождающему их авторскому комментарию, который в этом случае сам становится приложением (16).

- (16) Aus den hasdingischen Vandalen ging das Königsgeschlecht *der Hasdingen*, der „Langhaarigen“, hervor... (WOLFRAM 1995: 59).

Одной из форм репрезентации подобных слов-реалий являются парентетические внесения моноксемного (17) или полилексемного состава (18), находящиеся в постпозиции к упоминаемому понятию или факту из сферы прошлого.

- (17) Sobald ihm das gelungen war, schloß der Orden mit der Gemeinde... einen Vertrag (*Handfeste*) ab, der urkundlich fixiert wurde (TAUTORAT 1980: 84).
- (18) Um das eigentliche Kernwerk zog sich an dessen Fuß eine etwa 6-9 Meter breite Erdterrasse (in der Ordenssprache „*Parcham*“ genannt) hin (ibid.: 53).

Безусловно, авторский комментарий в форме полилексемных парентетических внесений может быть оформлен, помимо скобок, двойным тире и представлять собой достаточно обстоятельное описание реалии, как это имеет место в труде К. Вюнша, реконструирующего быт жителей Восточной Пруссии и описывающего так называемую «черную кухню» (19).

- (19) Noch das um 1740 errichtete Haus Langgasse 25 in Heilsberg enthielt eine durch eineinhalb Geschosse reichende Diele, an deren einer Ecke *die „schwarze Küche“* — der im Erdgeschoß zu einer Kochstelle ausgeweitete, begehbare Schornstein — angeordnet war (WÜNSCH 1960: 57).

Очевидно, что слова-реалии с прагматической акцентуацией концепта ПРОШЛОЕ играют важную роль в формировании целостной и убедительной для читателя картины прошлого, воссоздание которой является главной задачей каждого историографа.

3.3. Самопрезентация субъекта ретроспективной деятельности

Если в сфере лингвопрагматики под самопрезентацией принято понимать определенную коммуникативную стратегию, используемую для управления впечатлением о говорящем у адресата (ЛАППО 2012: 74), то в рамках нашего исследования под этим термином подразумевается характер функционирования в ретроспективном повествовании языковых маркеров, которые свидетельствуют о присутствии речевого субъекта в структуре текста.

Не принимая во внимание рассмотренный в разделе 2 спорный вопрос о взаимоотношениях историографии и литературы, следует заметить, что историографические тексты в целом относятся к сфере научного и научно-популярного жанров, где авторская позиция традиционно по возможности нивелируется. Однако в процессе работы над языковым материалом нами были выявлены два способа самопрезентации историографа, предполагающие ее реализацию в эксплицитной и имплицитной формах, которые и будут рассмотрены в следующем разделе.

3.3.1. Автономинации в качестве эксплицитной формы самопрезентации речевого субъекта

Как известно, классическая форма самопрезентации, т. е. местоимение «Я», а *proioi* считается неуместным в изложении информации научного характера, вследствие чего ученые используют при необходимости придания личностной окраски повествованию такое стилистическое средство как «Мы» скромности» (нем. *das „bescheidene“ Wir*), подразумевающее исключительно самого автора или автора и группу его единомышленников (20).

(20) *Wir wenden uns der zweiten Gruppe zu: Olympia, Maria und Ortensia* (FLAKE 1986: 36).

В процитированном предложении из книги немецкого писателя О. Флаке *Große Damen des Barock*, содержащей исторические миниатюры о судьбах известных дам при дворе Людовика XIV, местоимение *wir* сигнализирует о намерении писателя сконцентрировать свое внимание в последующей главе на описании только трех из многочисленных племянниц кардинала Мазарини.

Аналогичным примером служит фраза из труда Г. Эггерса *Deutsche Sprachgeschichte*, где в процессе исследования автор, «скрывааясь» за «скромным» *wir*, указывает на необходимость рассмотрения семантики очередной лексемы, взятой из древневерхненемецкого языка (21).

(21) Greifen *wir* aus der Fülle von Beispielen, die *uns* die althochdeutschen Glossen gewähren, noch etwas heraus (EGGERS 1986: 200).

Это же «“Мы” скромности» может также референциально соотноситься с автором вкупе с другими специалистами в данной научной сфере. Коллегиальное *wir* подобного рода употребляет, например, П. Эйдель — автор историографического труда об искусстве подделок *Fälscherkünste*, ссылающийся на зафиксированный в исторических документах коллективный опыт предшественников (22).

(22) Die wenigen Dokumente, die *wir* haben, bei Plinius und Dio Cassius zerstreut, sagen einstimmig, die Druiden wählten für ihre Zeremonien düstere Orte... (EUDEL 1978: 9).

Впрочем, этот пример сохраняет свою релевантность и для несколько иной дискурсивной ситуации, когда местоимение *wir* в своей инклюзивной форме используется в историографических, равно как и в любых других научных текстах в качестве средства интимизации повествования для сокращения дистанции между авторским и читательским *Ich* и вовлечения получателя информации в круг интерпретируемых проблем (23).

(23) Diese heilige Geschichte von Eleusis, die zur Stiftung der eleusinischen Weihen führte, wird *uns* ausführlich erzählt in einem Hymnus auf Demeter... (GIEBEL 1993: 22).

Определенный интерес в языковом плане вызывает факт самообъективации автора ретроспективного повествования, когда в качестве средства автономинации выступает неопределенноличное местоимение *man* в составе высказываний, транслирующих личное мнение историографа относительно собственной деятельности в роли организатора текстового пространства. В подобном ключе К. Ханкен пытается обосновать правомерность своего подхода к обработке исторического материала о жизни

придворных Людовика XIV (24), а Г. Вольфрам вступает в полемику с авторами других историографических источников по поводу их оценки интерпретируемых исторических событий (25) и употребляет наравне с местоимением *man* объективирующую автономинацию *Historiker*, напоминая читателю о своих профессиональных возможностях и обязанностях в качестве такового (26).

(24) *Man* ist versucht, auf einem Grundriß einzuzichnen, wo die Höflinge untergebracht waren, und darauf zu folgern, in welcher Beziehung sie zueinander standen. Ein Grundriß kann jedoch nicht mehr sein als die statische Wiedergabe einer dynamischen Situation (HANKEN 1997: 20-21).

(25) *Man* muß sich wundern, wie die Stammesüberlieferung solche chaotischen Zustände als harmonisch empfinden konnte (WOLFRAM 1995: 20).

(26) Daß *man als Historiker* nach den germanomanischen Exzessen des vergangenen und der ersten Hälfte unseres Jahrhunderts heute wieder über die Germanen sprechen und schreiben kann, ist freilich nur den Anleihen bei der Ethnographie und der Übernahme ethnologischer Methoden zu verdanken... (ibid.: 10).

В целом следует заметить, что эксплицитная форма самопрезентации субъекта ретроспективной деятельности в историографических текстах носит, скорее, факультативный характер, поскольку она не обладает прагматически обусловленной значимостью в текстовом пространстве научного жанра.

3.3.2. Авторское отступление как имплицитная форма самопрезентации речевого субъекта

Исходя из принципиального целеполагания историографов, претендующих на максимальную объективность и достоверность повествования, вполне логично сделать вывод о том, что авторы ретроспективных текстов должны максимально нивелировать факт личного вмешательства какого-либо рода в процесс реконструкции прошлых реальных событий, являющихся принадлежностью коллективного опыта социума. Одновременно любой историограф, обладающий личным опытом и индивидуальной картиной мира, способен маркировать собственную позицию по отношению к описываемым результатам своей когнитивной деятель-

ности в имплицитной форме, т. е. без использования автономинаций. В результате этого семантическая целостность ретроспективного повествования нарушается *авторскими отступлениями*, для которых характерны разнообразные виды текстовой реализации.

Достаточно употребительным языковым средством подобного рода следует считать лексемы с семантикой субъективной модальности, онтологическая обусловленность которых связана с невозможностью обладания речевым субъектом абсолютных знаний в сфере коллективного опыта. Так, например, Вольфрам сигнализирует читателю при помощи модального слова *wohl*, усиленного последующим употреблением союза *oder*, предположительность своего утверждения о возможной дате начала военного похода римского полководца Варуса в связи с отсутствием документального подтверждения данного факта (27).

(27) *Wohl eher im September oder Oktober als im Juli oder August 9 n. Chr. brach Varus an der Spitze von drei, obgleich nicht vollzähligen Legionen und mit zahlreichen Hilfstruppen auf...* (WOLFRAM 1995: 41).

Важную роль играют и модальные глаголы, функционирующие в рамках различных синтаксических конструкций и передающие личное мнение историографа о степени достоверности излагаемой им информации. В ниже цитируемом примере Гибель маркирует глаголом *sollen* ссылку не на свое личное, а расхожее, существующее в преданиях мнение относительно места, в котором Дионис посадил первую виноградную лозу (28).

(28) Sie [нимфы — Л. Б.] zogen das Kind in Nysa auf, in einem mythischen Ort., wo Dionysos auch den ersten Weinstock *gestiftet haben soll* (GIEBEL 1993: 55).

Во фрагменте рассуждений Эггерса о поэтическом языке древневерхненемецкого периода глагол *müssen*, напротив, способствует доведению до читателя сведений об авторской точке зрения на посредническую роль сказителей из народа в создании и трансляции эпических и поэтических произведений от поколения к поколению на родном языке в условиях повсеместного господства латыни (29).

(29) Allerdings muß in einer niedrigeren sozialen Schicht, im schlichten Volke, die Freude an heldischen Stoffen und überhaupt am Fabulieren lebendig *geblieben sein*, und es *müssen sich* auch volkstümliche Dichter und Sänger *gefunden haben*, die alte Werke vortrugen und neue schufen, um die Wünsche dieser breiten Zuhörerschichten zu erfüllen (EGGERS 1986: 232-233).

Еще более показательными в плане прагматического воздействия на читателя являются авторские отступления в составе парентетических включений, содержащих дополнительную информацию, которая представляется историографу наиболее актуальной при реконструкции событий прошлого. Объем парентез, оформленных двойным тире или скобками, варьирует от нескольких лексических единиц до целого предложения.

Представленная таким образом информация нередко носит просветительский характер, способствуя расширению фоновых знаний читателя для более полного понимания описываемого исторического периода, однако в целом семантический и прагматический потенциал парентез является неограниченной величиной и зависит от творческой индивидуальности историографа.

Так, Вольфрам использует в тексте своей монографии о германской истории обширное парентетическое включение-предложение в целях уточнения информации о характере деятельности немецких гуманистов (30), вводит в состав парентезы сообщение об уникальности реконструируемого события (31), указание на время появления других историографических источников (32), описание внешнего вида реконструируемых реалий (33).

(30) Den deutschen Humanisten — *Melanchthon gab Huttens Werk zusammen mit der Germania des Tacitus im Jahre 1538 neu heraus* — ging es um den Nachweis der Gleichrangigkeit der germanischen, das heißt der deutschen Vorgeschichte mit der des Alten Roms... (WOLFRAM 1995: 32).

(31) Damit waren aber die Ursprünge der gotischen Bekehrung aufgegeben, die — *innerhalb der germanischen Welt einmalig* — „von unten nach oben“ begonnen hatte (ibid.: 84).

(32) In den nächsten Jahrhunderten, nicht zuletzt durch die Tacitus-Monographie „Germania“ (*geschrieben 98 n. Chr.*) vermehrte sich das Wissen um den gesamten germanischen Raum und darüber hinaus (ibid.: 25).

(33) Dabei hat der ostgotisch-barbarische Waffenschmied die Stirnbänder — *sie sind mit antiken Weinranken verziert* — in der römischen Waffenfabrik gekauft... (ibid.: 72).

В историографическом труде Целльнера об эпохе готики парентетические включения выполняют, помимо описательной функции (34), также функции, реализуемые конструкциями уступительного (35) и субъективно-модального характера (36), функции маркера организации текстового пространства (37) и экспликатора наглядных примеров (38).

(34) Sie [замок императора Карла IV — Л. Б.] sollte außer den Krönungsinsignien des böhmischen Königs und römischen Kaisers und Königs — *den beiden Kronen, dem Reichsapfel, den Schwertern, dem Zepter und Ornat* — die kostbaren Reliquien beherbergen, die Karl wie viele Fürsten mit Eifer und Hingabe sammelte (ZÖLLNER 1973: 152).

(35) Alles Wissen wurde von der Geistlichkeit vermittelt, die die Lehren der Antike — *wenn auch in Bruchstücken und ungeformt* — bewahrte (ibid.: 206).

(36) Zu gemeinsamen Maßnahmen fand man sich vornehmlich in Zeiten der Gefahr zusammen, beschloß Handelssperren (*sogar Brügge mußte erfahren, was das bedeutete*) und rüstete notfalls Kriegszüge aus... (ibid.: 112).

(37) Hussiten — *über die an anderer Stelle zu sprechen sein wird* — und Schweizer galten als Meister der neuen Kriegskunst (ibid.: 114).

(38) Auch hochwertige Naturalien — *etwa Pfeffer* — wurden unter Umständen als Zahlung entgegengenommen (ibid.: 98).

Наконец, в книге Гибель о тайнах античных мистерий парентезы содержат авторские пояснения относительно характера осуществления реконструируемых процессов (39), уточнения (40) и комментариев этимологического характера (41), а также иную информацию, обладающую релевантностью для ее получателя:

(39) Nach der Reinigung durch die Luft (*das Schütteln der Getreideschwinde, die Spreu vom Weizen sondert*) und im Wasser (*beim Bad im Meer*) folgt nun die Läuterung durch das Feuer (GIEBEL 1993: 38-39).

(40) Hier erhielten die Mysteren — *meist im Abstand von Wochen oder Monaten nach der ersten Weihe* — den zweiten Einweihungsgrad... (ibid.: 98).

(41) Von den Kureten (*mit Kuros, Jüngling, zusammenhängend*) erzählt der Mythos, daß sie die Hüter des Dionysoskindes waren... (ibid.: 93).

Нередко парентетические включения служат для акцентуации предположительного характера умозаключений историографа, который не скрывает известных сомнений в достоверности излагаемых фактов и обстоятельств прошлого (42-44).

(42) Nach dem Einzug ins Telesterion sprachen die Mysteren (*wohl im Chor*) den Eid der Geheimhaltung (ibid.: 43).

(43) Nana, die Tochter des Flußgottes (*oder Königs*) Sangarios, bewunderte den Baum und pflückte eine Frucht in ihren Schoß (ibid.: 119).

(44) Wohl eher im September oder Oktober... brach Varus... mit zahlreichen Hilfstruppen auf, um noch vor dem Beziehen der Winterlager am Rhein den (*fingierten?*) Aufstand eines entfernten Volkes niederzuschlagen (WOLFRAM 1995: 41).

Безусловно, во всех историографических текстах авторы обязательно употребляют парентетические включения, представляющие собой перевод на современный язык номинаций реалий и фактов прошлого на языке оригинала, что обеспечивает адекватное восприятие читателем сути ретроспективного повествования. Такие авторские микроотступления, в частности, при описании мистических празднеств в Древней Греции и античном Риме, активно употребляет в тексте в качестве языкового сопровождения исконных греческих и латинских номинаций Гибель (44, 45).

(44) Von hier aus führt der Weg zum Hieron (*Heiligtum*), heute vielfach auch der Neue Tempel genannt (GIEBEL 1993: 98).

(45) Der Römer war gewohnt, mit seinen Göttern ... nach dem Prinzip der Gegenseitigkeit: „do ut des“ (*Ich gebe, damit du gibst*) zu verkehren (ibid.: 128). Ср. пункт 3.2.

4. Выводы

Обобщая вышесказанное, нам представляется абсолютно обоснованным утверждение о том, что историографические тексты служат репрезентативными носителями культурной памяти, аккумулирующей многовековой опыт человечества. Структурирование текстов осуществляется в условиях ментально-когнитивной ретроспективной деятельности речевого субъекта, выступающего в функции реконструктора отдельных периодов исторического прошлого.

При этом автор историографического текста, осознающий в полной мере свою ответственность перед грядущими поколениями за максимально адекватную трактовку социального опыта, неизбежно оказывается вовлеченным, как и любой другой субъект речевой деятельности, в поле действия парадигмы господствующих политических, социальных и идеологических установок, характерных для соответствующего исторического этапа. В результате процесс познания и трансляции чужого коллективного опыта протекает в условиях творческого соучастия историографа, руководствующегося в известной степени собственным мировосприятием при осмыслении и изложении событий прошлой действительности.

Степень проявления авторской субъективности в подразумеваемых текстах и обусловленный этим фактором характер авторской самопрезентации зависит от непосредственной интенции историографа, однако в любом случае его конечной целью является прагматическое воздействие на читателя как адресата излагаемой информации.

Вовлечение читателя в историческое повествование осуществляется речевым субъектом в ходе упоминания в тексте широко известных номинаций и слов-реалий, косвенно апеллирующих к традиционному личностному тезаурусу. Однако более эффективным способом общения с читателем является имплицитная форма самопрезентации автора, что предполагает наличие в историографическом тексте специального авторского отступления в виде конкретного языкового комментария к реконструируемым в тексте фактам и событиям прошлого. Данная форма субъектной самопрезентации способствует не только нивелированию когнитивных лакун, неизбежно формирующихся в сознании читателя в процессе собственной ретроспективной деятельности, но и сокращению дистанции между отправителем и получателем историографического текста.

© Бондарева Л. М.

1.2. КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НОМИНАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

1. Введение

Настоящее исследование лежит в области когнитивной ономазиологии. На примере предлагаемой когнитивной модели именования можно четко увидеть, что теория номинации и когнитивная лингвистика имеют много точек соприкосновения. Теория языковой номинации, основательно разработанная известными отечественными лингвистами в векторах производной (КУБРЯКОВА 1977), вторичной (ГЕЛИЯ 1977), повторной номинации (ГАК 1977), номинации и текста (АРУТЮНОВА 1977), осмысленная позже в ключе прецедентного мышления — прецедентной номинации (ГОЛУБЕВА 2008), свидетельствует о непреходящей важности проблемы изучения номинативной деятельности человека.

Весомым подтверждением тому служит мысль Н. Д. Арутюновой о том, что «дать предмету, лицу или явлению адекватную номинацию, «окрестить» его надлежащим образом — значит выявить нечто для него характерное. Вопрос наименования в этом смысле есть вопрос познания. И действительно, проблема обнаружения сущности явления часто осознается как проблема номинации: акт называния отождествляется с актом познания» (АРУТЮНОВА 1977: 334). В зарубежной лингвистике проблема именования лежала в основном в фарватере «пути от референта» и референциальных трансформов к номинативной единице (М. Кривка, Х. Фатер, Дж. Хавкинс, В. Эрих и др.).

Предметом настоящего исследования является когнитивная модель обозначения концептуальной картины мира, в которой (модели) синтезируются несколько научных идей. Ведущей выступает когнитивно-функциональная теория речевой деятельности с главным постулатом о построении речи «номинативным путем» (КУБРЯКОВА 2008). Наше исследовательское внимание фокусируется при этом на модели именования, в которой явлен изоморфизм отношений лексических и грамматических (морфологических и синтаксических) категорий. В этой модели, используя

известную терминологию, можно увидеть «синтактикоподобные» отношения (М. Д. Степанова), и сама модель предстает как «ономазиологический базис» (Е. С. Кубрякова).

Долгое время (до середины прошлого века) предмет ономазиологии традиционно сводился к лексическим единицам и устойчивым именным словосочетаниям. Но уже тогда имели место другие взгляды на номинативную единицу, которые раздвигали ее границы до уровня предикативного словосочетания и предложения. Такая номинативная единица может называть сущность, событие или ситуацию в терминах *events*, *Satzreferent* и др. (В. Г. Гак, В. Дейк, Г. Г. Колшанский, Е. В. Падучева, Г. Рейхенбах, А. А. Уфимцева, и др.). Если слова и словосочетания обозначают отдельные предметы, то предложение как номинативный знак именуется предметами в их взаимосвязи и взаимообусловленности, хотя и дискретно.

Актуальная проблема, связанная с обозначением вербальных компонентов, предложения и высказывания, получила в лингвистике должное решение (BIERWISCH 1989; ENRICH 1991; VATER 2005; ИРИСХАНОВА 2005; НИКОНОВА 2006). В работах цитируемых авторов нашли свое отражение лексический и синтаксический аспекты процесса номинации, которые через «номинализации» затрагивают уровень предложения, его синтаксических синонимов и речевых актов.

Непреходящее значение для лингвистики, а, следовательно, и для нашего исследования имеет научная идея о стратификации семантики, которая восходит к языковедческой традиции В. фон Гумбольдта, А. А. Потемби и получила свое развитие в концепциях представителей Пражской лингвистической школы (С. Д. Кацнельсон, Э. Косериу, Э. Кошмидер, А. В. Бондарко). Сферу семантического содержания любого языка наполняют его различные уровни и аспекты, в том числе номинативный. В предлагаемой здесь научной дискуссии он составляет целостный объект семантики для ее изучения в понятии «прецедентно-номинативное микрополе» и отражает *актуальность* и *новизну* исследования.

Для предпринятого анализа ценным является тезис о сохра-

нении семантической константы в объеме синтаксических синонимов, нашедший отражение в цитируемых выше источниках. Однако нельзя не увидеть еще бóльшую значимость ономаσιологического вопроса в трансформационных процессах, в которых становится очевидной нетождественность (степень тождественности) смысла и функции трансформанта и трансформата. Именно когнитивно-ономаσιологический подход к трансформационному процессу позволяет выявить асимметрию языкового (производного) знака, установить концептуальные различия или сходства в разноструктурных единицах, репрезентирующих «прецедентно-номинативное микрополе».

2. Онтология базовых понятий исследования

Основными понятиями, релевантными для разграничения уровней семантики, как известно, являются *значение* и *смысл*. В когнитивном аспекте значение рассматривается как языковое отражение в нашем сознании сущностей объективного мира, содержание языковых единиц, классов и категорий, как концепт, манифестируемый знаком (Н. Н. Болдырев, А. В. Бондарко, Л. Витгенштейн, И. А. Мельчук, М. В. Никитин, Г. Фреге). В семиотическом аспекте значение выступает внутренней стороной языкового знака (слова) для отображения этой действительности (Ч. Огден, Ч. Моррис, И. А. Ричардс, Ф. де Соссюр).

Понимание же смысла сводится к содержанию, не связанному только лишь с языковой формой или системой форм. Он формируется также элементами речевой семантики, его приобретает языковая единица в конкретном контексте употребления. Поэтому смысл всегда субъективен. При этом необходимо исходить из того, что речевая (коммуникативная) семантика оперирует смыслами. То есть значение связывается с категориальным, или языковым содержанием, а смысл — с информацией, которая напрямую обусловлена ситуативностью и субъективностью осмысления этого языкового содержания, что вполне актуально также для разграничения грамматического значения и грамматического смысла.

Таким образом, в исходном понятии «смысл», вслед за (БОНДАРКО 2006), следует различать, два аспекта: системно-категориальный и речевой. Системно-категориальный смысл передается такими понятийными категориями как темпоральность, модальность, локативность, бытийность и др. Речевой смысл трактуется как информация, которую посылает говорящий, и та информация, которую получает адресат. Речевой смысл обусловлен, по мнению многих лингвистов, следующими компонентами: языковым содержанием высказывания, контекстуальной информацией, ситуативной информацией, энциклопедической информацией, прагматическими элементами дискурса (П. Ауер, А.В. Бондарко, В. Г. Гак, А. Демперман, Г. Лернер, Э. Купер-Кулен, Г. Г. Почепцов и др.).

Одновременно наша аргументативная стратегия описания когнитивно-номинативной модели вобрала в себя «содержательную грамматику» («Inhaltsgrammatik»), у истоков которой стоял Л. Вайсгербер (WEISGERBER 1962). Главный постулат этого подхода — достаточная и точная проекция содержания языкового пространства, нашедшая свои очертания в понятии «поле». Как отмечается в (РАДЧЕНКО 2006: 203), к «предтечам полевого описания языка» можно с уверенностью отнести далеких и более близких предшественников Л. Вайсгербера (К. Абель, Г. В. Лейбниц, Р. М. Майер, Э. Тегнер, К. В. Хайзе), которые указывали на существование в языке «семантических систем» («Bedeutungssysteme»).

Термин «поле» пришел из семасиологии. Его автор понимал под этим «поле значения» («Bedeutungsfeld») (IPSEN 1924). В ограниченном временном континууме развития лингвистики появляются термины «понятийная категория» (ЕСПЕРСЕН 1958) и «понятийное поле» («Begriffsfeld») (TRIER 1931). О. Есперсен пояснял, что наряду с синтаксическими категориями имеются еще внеязыковые категории, которые не зависят от тех или иных случайных фактов в языке. Идея понятийных категорий получила далее свое развитие в типологических исследованиях И. И. Мещанинова, обратившего внимание на малую разработанность вопроса о взаимных связях языка и мышления, когда «факты языка освещались со стороны, вместо того, чтобы получить свое объяснение

внутри себя» (Мещанинов 1945: 5).

В дальнейшем систематизация грамматических форм и средств языка предпринимается в лингвистике как «грамматическое поле» (В. Адмони, Х. Бринкманн, Г. Мюллер, В. Порциг), «лексико-грамматическое поле» (Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс), «грамматико-семантическое поле» (К. Зоммерфельдт). Стратегией современного полевого подхода является систематизация всех языковых средств по содержательным (семантическим) сферам на базе *коммуникативно-семантической функции*. Эти сферы очерчиваются языковым и дискурсивным употреблением грамматических, лексических и словообразовательных форм как «функционально-семантическое поле» с внутренней стратификацией его структуры и семантики (А. В. Бондарко, И. Буша).

Поскольку идентификационным термином нашего исследования является *прецедентно-номинативное микрополе*, то остановимся на понимании термина *прецедент*. Прецедент, как утверждается в (Руднев 2016), наделен психикой, под которой подразумевается его «проективная идентификация», то есть обладание чрезвычайно высокой степенью воздействия, назовем условно, объекта на нас, когда он переходит из одной социальной реальности в другую. С когнитивных позиций прецедент — это пресуппозиция существования некоторой сущности, знак наивной концептуализации, служащий моделью научного знания (Голубева 2009).

Реальность, в которой мы живем, представляет собой непрерывный процесс поиска смысла, который, без сомнения, является самой важной категорией в жизни человека. Смысл нужен людям затем, чтобы с его помощью (силы, воздействующей на нашу психику) создавать установку на «проективную идентификацию» — прецеденты, в которых закрепляется и хранится этот смысл. Поэтому каждая сущность, наполненная смыслом и соответствующей воздействующей силой, являет собой прецедент, а их совокупность в нашем сознании есть «прецедентная реальность», которая питает «прецедентное мышление».

Прецедентное мышление встраивается в широкую пара-

дигму известных психолингвистике типов мышления. Лингвофилософское осмысление прецедентных явлений в (ГОЛУБЕВА 2020) косвенно указывает на то, что они передают мышление, образно выражаясь, в смысле «дежавю», которое строится не на существующих догмах и общих законах постижения языкового знания, а на прецеденте. Этим прецедентом является все то, что «уже помыслил кто-то до нас, а мы просто движемся по колее, проторенной другими». Любая сущность, по мысли М. Хайдеггера, всегда «предположена уже заранее» (ХАЙДЕГГЕР 2006: 35-39).

Природа прецедентного мышления точно отражена в тезисе Ю. М. Лотмана, по которому «каждое осмысление образует отдельный синхронный срез, но хранит при этом память о предшествующих значениях и сознание возможности будущих» (ЛОТМАН 1967: 143). Эта мысль рефреном присутствует в концепции К. Г. Юнга о «скрытом воспоминании», позволяющая интерпретировать прецеденты как спонтанные «всполохи» памяти, как человеческий опыт, каждый раз живущий в новом времени (ЮНГ 1997).

Весь фонд знаний человека можно представить в виде единого когнитивного пространства, который Говорящий по мере необходимости актуализирует сферически (частично). Любой тематический сектор (ментальный фрагмент — часть концептуальной картины мира) носит межсобытийный характер, поскольку осмысление человеком определенной темы обуславливают события, информация о которых формируется разными источниками. Поэтому языковая картина мира, выражающая концептуальную картину мира, затрагивает интертекстовый уровень.

В ряду замечаний общего плана, касающихся семантики прецедентно-номинативного микрополя, необходимо уточнить также наше понимание синонимии. Выражение синонимических отношений в дискурсе может носить имплицитный характер, когда семантическая ситуация доводится до полного объема на основании языкового или коммуникативного прецедента (напр., знаниями правильного выражения отрицания или употребления связующих средств, оперированием фоновыми знаниями и др.). В этом случае можно говорить об имплицитной рекурренции, как

способе воспроизведения смысла, когда происходит потенциальное соотнесение двух или более пресуппозиций и постсуппозиций, которые не прямо, а опосредованно заполняют определенное когнитивное пространство признака дискутируемой сущности, то есть задействуется *когнитивный механизм инференции*.

3. Когнитивно-референциальная структура прецедентно-номинативного микрополя

Адекватная интерпретация определенной семантической ситуации обусловлена пониманием постулатов теории референции, которые в последнее время получают разработку в когнитивном аспекте. В этом смысле предлагается, например, подход к изучению системы значений сенсорной семантики, обозначающей так называемые «видимые референты» с описанием разных кодов памяти (А. Д. Кошелев), на фоне референциальной неоднозначности выявляется роль эмоций в ее формировании (В. Кемпе), предлагается типология референциальных конфликтов (О. В. Федорова).

В нашем случае речь идет не об одном неизменяющемся референциальном объекте, но об одной гомогенной неизменяющейся референциальной сфере, выраженной гетерогенной (открытой) совокупностью пропозиций. В когнитивно-референциальном плане мы понимаем это как единый когнитивный контекст определенной сущности при экспликации концептов «признак» + «сущность», которые создают «единый символический континуум». По сути, мы говорим о *принципе референциального расширения (воспроизводства)*, или *механизме концептуальной интеграции и когнитивного развития*, но не только. Это отношение смысловой восполняемости вокруг одной и той же сущности под двумя противоположными углами зрения, которое выражается разными языковыми единицами (структурами) и отражает понятие синонимии в широком смысле.

В когнитивной лингвистике подобного рода единицу, с точки зрения анализа концепта текста / дискурса, принято считать одним из «образцов интерпретации» («Deutungsmuster») (А. Линке, К. Кноблех). Или же возьмем, к примеру, интерпретацию текста в целом как целенаправленную когнитивную деятельность, которая явля-

ется триединством: одновременно *процессом* (обладающим объектами и результатами), *результатом* и *установкой* (презумпцией интерпретируемости объекта) (В. З. Демьянков), а также идею «концепта текста» (В. В. Красных).

Эмпирическую иллюстрацию тезисов, сформулированных выше, открывает серия распространенных в научной литературе высказываний, когнитивно-референциальная структура которых анализируется в ключе конверсных отношений и в которых логическому предикату приписывается признак *interessant*. Диффузное на первый взгляд множество высказываний объединяет логическая составляющая — эквивалентность по значению признака, в результате чего все они имеют одну гомогенную логико-семантическую структуру — *прототипическую пропозицию* (*etwas ist interessant*).

- (1) <...> dass... das Wort „abwickeln“ im hier *interessierenden* Kontext aus den öffentlichen Medien verschwunden ist (REIHER & LÄZER 1993: 34).
- (2) *Es ist nun interessant*, noch einmal auf <...> zurückzukommen (DEUTSCHE SPRACHE 2002. 3 (30): 267).

В ходе предпринятого анализа подвергнуты интерпретации двадцать три высказывания с лексемой *interessant*, которые поделены на пять групп: I (1-5), II (6-10), III (11-16), IV (17-19), V (20-23). Воспользуемся общепринятым условным обозначением аргументов: S (субъект), O (объект), Vfs (рефлексивный глагол — *sich interessieren*), Vf (транзитивный глагол — *interessieren*). В Таблице ниже представлен анализ логических предикатов в высказываниях с точки зрения обратимости в них аргументов. Из него следует, что схема логического предиката (S + Vfs + O) — (*jemand interessiert sich für etwas*) во всех высказываниях конвертируется схемой (O + Vf + S) — (*etwas interessiert jemanden*) при сохранении эквивалентности пропозиций в каждой из пяти групп. Следовательно, высказывания всех пяти групп гомогенны с точки зрения выражения референциальной ситуации состояния *интереса кого-либо к кому/чему-либо*. Все двадцать три высказывания объединяет логическая составляющая — эквивалентность по способу выражения признака.

Таблица. Выражение конверсных отношений пропозиции

Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Группа V
(1): S + Vfs + O	(6): O + Vf + S	(10): O + Vf + S	(17): O + Vf + S	(20): O + Vf + S
(2): S + Vfs + O	(7): O + Vf + S	(11): O + Vf + S	(18): O + Vf + S	(21): O + Vf + S
(3): S + Vfs + O	(8): O + Vf + S	(12): O + Vf + S	(19): O + Vf + S	(22): O + Vf + S
(4): S + Vfs + O	(9): O + Vf + S	(13): O + Vf + S		(23): S + Vfs + O
(5): O + Vf + S		(14): O + Vf + S		
		(15): O + Vf + S		
		(16): O + Vf + S		
Конверсия: S + Vfs + O → O + Vf + S	Конверсия: O + Vf + S → S + Vfs + O	Конверсия: O + Vf + S → S + Vfs + O	Конверсия: O + Vf + S → S + Vfs + O	Конверсия: O + Vf + S → S + Vfs + O

Предпринятый анализ обозначил также проблему степени выраженности этого признака, которая отражена в высказываниях на лексическом уровне (ср.: *hochinteressant*; *tiefinteressant*; *besonders interessant*; *das Zentrum des Interesses bilden*; *interessant und weiterführend*; *interessant, aber nicht ungewöhnlich*) вплоть до негации этого признака (*nicht von Interesse sein*). То есть можно говорить о расширении и сужении референциального объема семантического признака вплоть до его обнуления и когнитивном механизме развития со знаком ±.

В дискурсе синонимическими можно считать также образцы интерпретации *Wir wissen, ... / Wie man weiß, ... / Es ist allgemein bekannt, ... / — soweit bekannt — / bekanntlich / Es ist keine neue Erkenntnis* и др. Отношение синонимии в этих синтаксически разноструктурных выражениях вычленяется косвенно через общий признак *bekannt* и общую сущность *Wissen* (*bekannt* ← *Wissen* → *nicht neu = bekannt*). То есть отношение эквивалентности лежит в

плоскости *вторичной конверсности*. В то же время языковые выражения, которые объективируют эту вторичную конверсность, обусловлены действием когнитивного механизма *инференции*.

- (3) *Wie man weiß*, gibt es hierfür höchst unterschiedliche Konzeptionen <...> (ZEITSCHRIFT FÜR SPRACHWISSENSCHAFT. 1998. 2 (17): 241).
- (4) Es ist *allgemein bekannt*, dass <...> (GIRKE 1999: 171).
- (5) <...> seitdem es einen Kunstmarkt gibt, haben die Galeristen, *wie jeder weiß*, die Macht im Reich der Kunst übernommen (WEINRICH 1993: 791).
- (6) Allenfalls *weiß man*, dass <...> (VATER 2005: 57).
- (7) *Wir wissen*, wie sie im Rahmen der Komponentialsemantik <...> (BURKHARDT & LINKE 2004: 169).
- (8) Weil er *meines Wissens* einer der Ersten war, wenn nicht der Erste überhaupt <...> (CAMBOURIAN 2001: 19).

Аналогичным разноструктурным синтаксическим способом объективируется референциально-когнитивное пространство с общим семантическим признаком *überrascht*, предцицированным сущности *Wissen*.

- (9) *Es ist kein Wunder*, dass <...> (BURKHARDT & LINKE 2004: 159).
- (10) <...> *was nicht überrascht*, denn <...> (BLÜHDORN & al. 2004: 69).
- (11) *Es wäre verwunderlich*, wenn <...> (REIHER & LÄZER 1993: 7).
- (12) *Nicht verwunderlich* deshalb, daß <...> (MIEDER 2006: 46).
- (13) *Es ist daher nicht erstaunlich*, dass <...> (CAMBOURIAN 2001: 220).
- (14) Von hier aus *ist es auch gar nicht überraschend*, dass <...> (CAMBOURIAN 2001: 72).
- (15) *Es überrascht nicht*, daß <...> (MIEDER 2006: 49).

Каждая из приведенных высказываний-серий гомогенна с точки зрения референциальной ситуации — состояния *интереса*, *известности*, *удивления*. Важно при этом помнить, что языковое выражение объекта (в данном случае лингвистического, так как речь идет о метакоммуникативных структурах), так же как и его восприятие, определяется когнитивной схемой, матрицей, в которой инферируются и его неэксплицитно выраженные свойства, подвергающиеся развитию, отрицанию или трансформации инвариантных особенностей прототекста. Подтверждением тому служит мысль Х. Фатера, со ссылкой на Дж. Хавкинса о том, что

видимость референта не является обязательным условием для дейктической референции (VATER 2005: 108).

Образно выражаясь, такие лингвокогнитивные «подборки» по *прототипической метакоммуникативной модели*, согласно которой логическому предикату высказывания приписывается определенный признак, позволяют Говорящему опознать «коннотативный шарм» определенной коммуникативной тенденции. Таким образом, целостность матрицы (ее лексического фона) держится на основном *принципе референциального расширения* (воспроизводства) и одноименного когнитивного механизма, который предполагает создание определенного когнитивного пространства и референциального объема дискутируемой сущности.

Подобная организация идентичных и эквивалентных объектов в широком смысле (явлений, событий и т. д.) находит себя в традиционной форме интерпретации многозначного слова, особенно, когда оно стабильно не закреплено лексикографически. Это можно увидеть на концептуализации модного в наши дни слова *Globalisierung*, которое объединяет вокруг себя абсолютно разный коммуникативный опыт и годится при этом в процессе успешной коммуникации для иллюстрации понятия «масштабного объединения чего-либо». Это слово является «*Deutungsmuster*» в понимаемом выше смысле, которое сводит воедино все возможные референциально-родственные репрезентации. Это слово — императив, указание: *эти референциально-родственные (языковые и когнитивные репрезентации) интерпретировать и рубрицировать в одном семантическом ключе*. Оно манифестирует, словами Н. Н. Болдырева, «многоаспектное знание, объединяющее в себе множество различных контекстов возможного их осмысления» (БОЛДЫРЕВ 2008: 52) и приравниваются по референциальному объему к концепту.

Концепты делятся на общие (типовые), например, «мужчина» как гендерный тип и индивидуальные (уникальные), «мужчина — сосед дядя Петя». С точки зрения референции в первом случае подразумевается одна неизменяющаяся референциальная сфера, во

втором — один неизменяющийся референциальный объект, другими словами, *мужчина* — «первичный узел», а *мужчина-сосед дядя Петя* — «вторичный узел», в терминах (VATER 2005: 51).

На примере представленных референциально-конверсных отношений, лежащих в границах одной референциальной сферы, можно говорить о *прецедентно-номинативных микрополях*, которые формируются в сознании Говорящего / Слушающего по ставшим уже классическими признакам прецедентности (узнаваемость, общественно-социальная известность, воспроизводимость, частотность употребления). Вместе с тем в них осуществляется реализация референциальных стратегий через совокупность синонимичных номинативных единиц, актуализирующих значимость этих феноменов.

В анализируемых дискурсивных образцах реализуется через прототипическую пропозицию прецедентность события / явления. В них узнаются хорошо известные лингвистическому сообществу понятийные стереотипы, например, часто цитируемые имена ученых — К. Бюлера, Ф. де Соссюра и У. Энгеля и др. Концепт УЧЕНЫЙ в данном случае отражает общую референциальную сферу (первичный референциальный узел), а конкретные имена ученых — референциальные объекты (вторичные референциальные узлы), которые объективируются прецедентными именами.

Постоянное обращение к этим именам (обсуждаемым сущностям) имеет свою, как уже сказано, пропозитивную (логико-семантическую) структуру. В ней в роли релятора (функтора) выступает само прецедентное имя, а в роли аргументов — когнитивно-семантические мотиваторы, подтверждающие значимость этих имен, напр., *Grammatik* для У. Энгеля, *Organon-Modell* для К. Бюлера. При этом категориальный признак «прецедентность» в разной степени его выраженности может актуализироваться как функтором, так и его аргументами. Такое прочтение пропозиции имеют не только имена собственные, традиционно причисляемые к прецедентным феноменам, но и нижеприведенные нарицательные.

Нетрудно заметить, что целый ряд нарицательных имен Ant-

wort, Auffassung, Fall, Schema, Sinn и др. имеют семантически связанные аргументы, например, Fall — *interessant*, *klassisch* — *Syntax* (vgl. CHOMSKY 1965), *Semantik* (vgl. KATZ 1972; THRANE 1980), а также *direkte Schlüsse*, *Junktorenlogik*, *Sprechakttheorie*, *Tests*, хотя на прецедентность функтора *klassisch* работает уже само лексическое значение — признак «известно», «общепринято», «традиционно», равно как и для лексем *traditionell*, *bekannt*, *berühmt*.

В случае с функтором *Sinn* когнитивно-семантическими мотиваторами выступают *definiert*, *oben gemeint*, *oben eingeführt*, *dieser*, *konstruktionell*, *allgemein*, *speziell* или же *aristotelisch*, *formallogisch*, *Harwegs Pronomen*, *Handbuch der deutschen Konnektoren* и др. Лексемы *Fall*, *Sinn*, *klassisch* трактуются как «метарепрезентационная лексика». Такая лексика выражает речемыслительные, перцептивные, информационные, волитивные состояния; ср. англ. *fact*, *theory*, *maxim* (КЛЕПИКОВА 2008: 11).

На уровне семантической целостности текста благодаря рекуррентности номинативных элементов можно говорить об *изотопии* и *коореференции*. Понятие же дискутируемого здесь «прецедентно-номинативного микрополя» мыслится в большем объеме когнитивного пространства (в матрице), так как оно отражает интертекстовое пространство.

Однако формирование прецедентно-номинативного микрополя в рамках эклектичного текста вовсе не исключается. Так, структурно-семантическую связанность функтора и аргументов можно проследить на примере прецедентного имени немецкого грамматиста У. Энгеля в научном дискурсе.

- (16) <...> möchte ich <...> *Engels* Umgang mit dem Begriff Konnektor kritisch unter die Lupe nehmen (CAMBOURIAN 2001: 19).
- (17) Warum gerade *Engel*? <...> weil seine Deutsche Grammatik zu den originellsten Grammatiken der letzten zwei Jahrzehnten zählt <...> (ibid.).
- (18) Im Register *von Engels* Grammatik wird Konnexion <...> (ibid.: 20).
- (19) <...> dass sich *Engel* tatsächlich keine Gedanken darüber gemacht hat (ibid.).
- (20) <...> d. h. (in *Engels* Auffassung) eine vorhergehende Äußerung <...> voraussetzt (ibid.).

- (21) <...> dass der Begriff „Verbindung“ nicht nur *bei Engel*, sondern <...> angewandt wird <...> (ibid.: 22).
- (22) <...> wird man <...> über die Begriffe Kohäsion bzw. Konnexion (im Sinne *von Engel*) tun können (ibid.: 21).
- (23) <...> wie ich *mit Engel* (1996: 220) allgemeiner sagen will <...> (BLÜHDORN et al. 2004: 186).
- (24) <...> möchte ich <...> *Engels* Umgang mit dem Begriff Konnektor kritisch unter die Lupe nehmen (CAMBOURIAN 2001: 19).

4. Когнитивное пространство прецедентно-номинативного микрополя *alt*

Лингвокогнитивные очертания прецедентно-номинативного микрополя в рамках одной книги как эклектичного свертхтекста целесообразно проследить далее на базе научной критической статьи П. Брауна на книгу Франка Ширмахера *Das Methusalem-Komplott* («Заговор аксакалов», перев. наш — *Н. Г.*), вызвавшую в Германии и за ее пределами социальное возбуждение (BRAUN 2005). Речь в научно-публицистической статье идет о лингвостилистической и этической оценке содержания этой книги. Автор нашедшей книги повествует о катастрофических симптомах старения человечества на планете, в том числе в Германии, раскрывая масштабы и причины этого неизбежного на современном этапе явления. Браун делает блестящий гротескно-языковой анализ всех «страшилок» из книги Ширмахера, ключевым словом которых является *alt*.

Статья Брауна послужила благодатным материалом для выделения прецедентно-номинативного микрополя с функтором *alt* по книге *Das Methusalem-Komplott*, тем более, что сам Браун не без иронии, но дальновидно, порекомендовал заинтересованному читателю на фоне очевидной филологической скудости автора одиозной книги заняться разработкой понятийного поля «старение / старость». Языковые примеры заимствованы соответственно из указанной статьи Брауна.

Рассмотрим, выражаясь в понятиях (HERDER 1966), «становление языка» («*Sprachwerdung*») для «становления человека» («*Menschwerdung*»), в данном случае формирования образа «ста-

рого» человека в рамках прецедентно-номинативного поля. Возможность интерпретировать функтор *alt*, то есть наличие его когнитивной базы, осуществляется здесь путем пересечения трех референциальных планов — в виде установок автора книги, автора статьи и автора настоящего исследования. Ее формируют прежде всего фоновые знания, которыми располагают на момент дискуссии интерпретаторы.

Следуя терминологии, принятой в данном исследовании, — это когнитивно-семантические мотиваторы, или аргументы, которые затрагивают общие концептуальные области, выступающие когнитивным контекстом осмысления лексемы *alt*; ср.: *Alterspräsident, Altertum, Altmeister, Ältestenrat, Altenheim (Feierabendheim), Altersruhesitz, Altes Testament, die Grundlagen der Gerontologie, Krieg der Generationen, Majorat, Nestor, Pflegeversicherung, Rente (Pension), Seneszenz, Senilität, Sklerose, Verkalkung.*

Эти номинативные единицы создают предпосылку для правильной интерпретации прототипической пропозиции: *DER MENSCH WIRD ALT*. Здесь могут быть задействованы также лексемы, имплицитующие эту пропозицию в конкретном когнитивном контексте (книге, статье и других источниках) в виде перифраз. Ср.: *der Schock der Kriege, die Revolution unseres Bewusstseins, die erschreckende Diagnose unserer Gesellschaft, die Einleitung einer spektakulären Kulturwende* или синонимов *bejahrt, betagt, hinfällig, senil, grau werden, ergrauen, vergreisen, Greis, der Herbst unseres Lebens, graue Dämmerung*. Подобные аргументы создают необходимые условия для «раскрутки» объекта интерпретации — сущности (*Mensch*), которому предидируется признак (*alt*). При этом обсуждаемая «сущность» предстает как емкое понятие (человек, общество, государство, член этого общества / коллектива).

Формирование когнитивного пространства признака этой сущности осуществляется здесь прямо или опосредованно (косвенно):

- через ментальные репрезентации, репрезентируемые выражениями *mittelalterlich, eine alternde Gesellschaft, unsere kollektiv-*

tive Alterung, das soziale Alter, kollektive Alterung, das geistige Altern, das viel stärker alternde Deutschland, das alte Europa, die demographisch ältesten Staaten, die zukünftigen Älteren, die Alterung der Industrienation, die alternde Welt, das soziale, globale, demographische Altern;

- путем намека (die irrwitzigen Vorsorgepflichten, die Wiederaufführung des Revolutionsdramas, eine historische Chance haben; die erschreckende Diagnose unserer Gesellschaft, demographische Katastrophe, die Avantgarde einer unerhörten Revolution, kollektiver Selbstbetrug, revolutionäre Sprengkraft, Mitwisser des Komplotts, Einwanderungsdruck, eine neue muslimische Jugend, Krieg der Generationen, Krieg der Kulturen);

- через сравнение (wie das alternde Auto, die Älteren [...] nur wie etwas abgewirtschaftete Gebrauchtwagen im Straßenverkehr, wie ein riesiges Altersheim durchs Weltall kreisen, das Altern aus der Steinzeit, die gewonnenen Jahre als Ressource, Boomer als Ältere, Erstgeborener);

- путем гиперболизации (Alterskohorten, das globale Altern, Altersangst, Alterskatastrophe, die Dämonisierung seines Alters, eine Anomalie, die Erfahrung einer Minorität);

- в ходе метафоризации (Altersbeben, Altersschub, Terror der Altersangst, Rassismus des Alters, Komplott der Alten, der Krieg von Jung und Alt, der Sieg der Langlebigkeit, der Altersschock der Gesellschaft, Altersterror, Lebenszeitrevolution, die Walzen des Altersprozesses, graue Dämmerung, der Herbst unseres Lebens, Boten des Todes, Bevölkerungsmehrheit zum Tod, die Fraktion der Egoisten);

- ассоциативно (Methusalem, Greis, biologische Lebenserwartung, Zwangspensionierung, Verteilungskämpfe, Feierabendheim, Pflegeversicherung, Rente (Pension), Seneszenz, Senilität, Verkalkung, Sklerose).

С позиции осмысления прецедентов и их репрезентантов первичная лексема *alt* актуализирует языковой прецедент, а ее производные, которых, как свидетельствуют приведенные примеры, впечатляющее множество, являются актуализаторами прецедентов; ср.: Altern, Alterung, Alterstheorie, Altersrhetorik, Alters-

pflegequotient, Alters- und Rentenideologien, Altersstereotypen, Altersbilder, Altersschock и др.

Активаторы языкового прецедента *alt* выражают разные семантические отношения не только через синонимы (*gealtert, bejahrt, betagt*), но и композиты (*altbekannt, altdeutsch, altehrwürdig, altersbedingt, altersgrau, altertümlich, altgewohnt, althergebracht, altüberliefert, Altenteil, Altersbeschwerden, Altersgrenze, Altersgruppe, Altersruhegeld, Altersschwäche, Alterssitz, Altersstufe, Altkanzler, Alterspräsident, Ältestenrat, Altmeister, Altvordere, Altlast*).

Из обзора номинативных единиц следует, что когнитивный контекст шире конкретного прецедентно-номинативного микрополя какой-либо языковой единицы и всегда оставляет шанс Говорящему для авторского речетворчества, а потому остается открытым. В формировании прецедентно-номинативного микрополя *alt* задействованы когнитивные механизмы *метафорического переноса, инференции, импликации, когнитивного механизма концептуальной интеграции*, предполагающего возникновение нового смысла при взаимодействии двух разных концептов; см. примеры выше, а также *Altersschub, Feierabendheim, Herbst des Lebens, die Walzen des Altersprozesses*.

Эти прецедентно-номинативные единицы передают когнитивное пространство лексемы *alt*, обладают высоким информационным потенциалом, но в рамках текущего дискурса образуют периферию ее когнитивной матрицы.

Сюда же можно отнести вербальные словосочетания типа *das Alter neu definieren; das Alter meistern; mit dem Alter fertig werden; die Identität des Alters zerstören; einem das Alter rauben; sein eigenes Alter globalisieren; neu lernen zu altern; die Alten verachten, verfluchen, schimpfen, zetern, terrorisieren, höhnen*. Однако в отличие от прецедентных единиц, инферирующих смысл, эти номинативные единицы актуализируют коммуникативный прецедент, потому что «рождены» в дискурсе (в тексте книги); ср. далее: *Menschen in den sozialen Tod des Ruhestandes verabschieden, im Interesse einer jungen Gesellschaft den Alten das Selbstbewusstsein im Ar-*

beitsprozess rauben. Среди последних можно встретить антонимические языковые репрезентации ментальных проекций, в которых *Jugend ist genial und schöpferisch, das Alter aber stumpf und konsumierend*. В когнитивной матрице лексемы *alt* этим единицам также отведено место периферии, но они обладают высокой коммуникативной значимостью и выполняют апеллятивную и экспрессивную функцию.

При этом совершенно очевидно, что в рамках открытого референциального пространства прецедентная единица *alt* фиксирует как первичный референциальный узел (*Alter, Alte, die Alterung der Industrienation, das Altern aus der Steinzeit*), так и вторичный (*der biologische und soziale Terror der Altersangst, die Diskriminierung des Alters, Altersgipfel, Altersleben, das Selbstbewusstsein der Älteren, das Konfliktpotenzial des Alterns* и др.). При актуализации вторичных референциальных узлов вступает в игру когнитивный механизм *перспективизации*, в результате чего выделяется признак для его дальнейшей тематизации.

Таким образом, рассмотренные дискурсивные прецедентно-номинативные микрополя носят *динамический* (функциональный) характер. В свете всего сказанного «отсылочные» словарные статьи (*Verweisartikel, Siehe-Artikel*), как отмечено в (EBNER 2007: 306), бытующие в рамках лексикографии по конкретным номинативным единицам, можно рассматривать как *статичные* прецедентно-номинативные микрополя с индивидуальными (частными) когнитивными матрицами. На необходимость различать традиционную (статичную) и функциональную (динамическую) систематизацию словаря и место лексической единицы в концептуальной сети указано также в (ГОЛЬДБЕРГ 2008).

Итак, *прецедентно-номинативное микрополе* — это совокупность статичных и / или динамичных ментальных репрезентаций (пропозиций), которые объединяются единой когнитивной матрицей и отображают известность, традиционность и повторяемость сущности или понятия через какую-либо номинативную единицу (в определенном дискурсе).

Одним из ведущих является когнитивный механизм фокусирования. Он проявляется в том, что из множества коммуникативных единиц (структур) внимание и Говорящего, и Слушающего к обсуждаемому предмету речи концентрируется именно на одной единице, вокруг которой создается ее когнитивное пространство (когнитивная матрица) путем ее многократного воспроизведения и ее трансформов, будь то прецедентное имя или стандартизированная (шаблонизированная) лексема в виде речевого штампа.

5. Заключение

Предпринятый анализ серии прецедентно-номинативных микрополей в немецком языке показал, что теория номинации и когнитивная лингвистика имеют общее поле для взаимодействия, которым является *когнитивная ономаσιология* и точнее, *прецедентная ономаσιология*.

Разработка логико-синтаксического аспекта конверсности высветила метакоммуникативную мотивированность для многих прецедентных номинаций. В процессе анализа выделена логическая структура, которая легла в основу создания единой прототипической метакоммуникативной модели — *когнитивно-номинативной модели*. Это помогло увидеть гомогенность всех высказываний с точки зрения выражения ими референциальной ситуации (определенного информационного состояния) и гетерогенность (открытой) совокупности референтов. Так обозначилась референциально-семантическая центробежность и центростремительность в пределах единого когнитивного пространства при экспликации концептов «признак» + «сущность» вокруг определенного структурно-смыслового центра метарепрезентирования разноуровневыми средствами.

Кроме того, анализ показал, что прототипическая модель может быть не обязательно метарепрезентационного характера и может служить общей логико-понятийной базой так называемого *прецедентно-номинативного микрополя*, которое формируется в сознании коммуникантов по ставшим уже классическими признакам прецедентности. В основе формирования такого микрополя находится пропозитивная (логико-семантическая) структура, в

которой в роли релятора (функтора) выступает само прецедентное имя (будь то собственное или нарицательное), а в роли аргументов выступают когнитивно-семантические мотиваторы, подтверждающие значимость этих имен.

Исследование отдельных (конкретных) прецедентно-номинативных микрополей показало, что при их формировании задействованы разные когнитивные механизмы и что когнитивный контекст шире совокупности ментальных репрезентаций конкретного прецедентно-номинативного микрополя какой-либо языковой единицы; он всегда оставляет шанс Говорящему для креативного речетворчества, а потому остается открытым.

В ходе рассмотрения выяснилось, что дискурсивные прецедентно-номинативные микрополя носят *динамический* (функциональный) характер. В противоположность им «отсылочные» словарные статьи, бытующие в рамках лексикографии по конкретным номинативным единицам, можно рассматривать как *статичные* прецедентно-номинативные микрополя с индивидуальными (частными) когнитивными матрицами.

© Голубева Н. А.

1.3. НАСТЕННОЕ ИЗРЕЧЕНИЕ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Характерной особенностью немецкой культуры является вандшпрух (Wandspruch) — изречение в рамочке на стене.¹ Этот жанр текстов изначально назидателен и по своей основной функции соотносится с пословицами. Такие изречения можно увидеть повсюду в Германии. В наши дни подобные высказывания существенно видоизменились, они стали популярны в Интернете. До этого вандшпрух проник в Америку, поскольку немецкоязычные иммигранты составили значительную часть населения США. Соответственно, эти речения перешли в англоязычную лингвокультуру. Назидания в значительной мере преобразились в шуточные высказывания, порой противоречащие изначальной цели этого жанра, и дополнились картинкой. В основу данной работы положено предположение о том, что изречения на стене распадаются на определенные типы и обладают лингвокультурной и дискурсивной спецификой. В качестве материала были взяты тексты, размещенные в Интернете.²

Изречение на стене соотносится с автосемантическими высказываниями, т. е. речениями, которые являются самодостаточными и могут инкрустироваться в разные контексты (АБАКУМОВА 2012; БОЧИНА 2002; ВАГАНОВА 2002; ДМИТРИЕВА 1997; ИВАНОВА 2002; КАРЛИК 2013; ЛЕВИН 1984; МАНЯКИНА 1981; МАРТЕМЬЯНОВ 1989; НИЧИПОРЧИК 2015; ПОЛЧАНИНОВА 2012; СИДОРКОВА 1999; ФЕДОРЕНКО & СОКОЛЬСКАЯ 1990). В ряду таких высказываний следует назвать пословицы, поговорки, афоризмы, девизы, слоганы, лозунги и цитаты. Вместе с тем вандшпрух может рассматриваться как разновидность инскрипций, т. е. текстов, размещенных не в книгах или тетрадах, а на поверхности стен, на

¹ Автор благодарен Вере Александровне Митягиной и Наталье Николаевне Трошиной за комментарии к примерам.

² <https://www.wall-art.de/wandtattoo-weisheiten>; <https://www.facebook.com/groups/280793906509419>.

надгробьях, на одежде и различных предметах, а также в виде татуировок. В наши дни такие изречения наряду с притчами и назидательными нарративами получили широкое распространение в электронном сетевом общении и могут трактоваться как один из жанров сетевого дискурса — прескриптивы (КАРАСИК 2019). Настенные изречения выражают определенные ценности и нормы лингвокультуры и в этом плане в полной мере соответствуют объекту аксиологической лингвистики (ВОРКАЧЕВ 2011; ДЕМЕНТЬЕВ 2016; ЛЕОНТОВИЧ 2020).

Назначение назиданий — выразить в кратком виде некую рекомендацию морального характера. Вандшпрух в его прототипном виде представляет собой призыв:

Träume nicht dein Leben, sondern lebe deinen Traum! Не превращай жизнь в мечтания, но воплощай мечты в жизнь!

Обратим внимание на контраст как стилистический прием выражения такого призыва.

Denke nicht so oft, was dir fehlt, sondern an das, was du hast! Думай не о том, чего тебе не хватает, а о том, что у тебя есть.

Подобное назидание, повешенное в рамочке на стене, является сильным средством воспитания и самовоспитания. Можно сказать, что вандшпрух как лингвокультурный феномен упорядочивает ежедневную жизнь тех, кто постоянно видит этот текст дома или на работе. Известно, что страсть к порядку является яркой чертой немецкой культуры, хотя ее современные носители всячески пытаются подчеркнуть, что такое мнение представляет собой стереотипное и, возможно, устаревшее представление о них.

Призывы в виде настенных изречений программируют поведение людей.

Lebe jeden Moment. Lache jeden Tag. Liebe unermesslich. Живи в каждый момент. Смейся каждый день. Люби, не соизмеряя.

Близкий смысл выражен в английском высказывании:

Live well, laugh often, love much. Живи хорошо, смейся часто, люби больше.

В этих речениях содержатся психотерапевтические истины.

Beginne jeden Tag mit einem Lächeln. Начиная каждый день с улыбкой.

Иногда такие изречения кажутся трюизмами:

Lerne aus der Vergangenheit. Lebe in der Gegenwart. Träume von der Zukunft. Учись у прошлого. Живи в настоящем. Мечтай о будущем.

Действительно, осмысление прошлого, особенно тех ошибок, которые были совершены, дает людям необходимый жизненный опыт, т. е. учит их. Вместе с тем нельзя замыкаться на переживаниях, связанных с прошлым, поскольку это лишает нас энергии. Мечты же, как это подчеркивается во многих речениях, крыляют и дают силы двигаться вперед. Несколько иначе подобное поучение сформулировано по-английски:

Accept your past without regret, handle your present with confidence, and face your future without fear. Принимай свое прошлое без сожаления, справляйся со своим настоящим уверенно и смотри в будущее без страха.

Понятно, что прошлое нельзя исправить, для успешного движения требуется уверенность в своих силах, а страх мешает идти вперед.

Многие строят свою жизнь, исходя из известной латинской фразы: *Care Diem!* (Лови день!) Такая жизненная философия соответствует приоритетам телесной культуры, основным смыслом которой является поиск удовольствий. Как известно, такое мироощущение активно продвигается современной западной цивилизацией.

Приведем поучение, выражающее самоочевидную житейскую истину, сформулированное по-английски:

Many things in life will catch your eye, but only a few will catch your heart. Pursue those. Есть много вещей в жизни, на которые падает взгляд, но только некоторые остаются в сердце. Они-то и нужны.

Некоторые настенные изречения содержат общеизвестные истины:

Understand people by their actions and you'll never be fooled by their words. Старайся понять людей по их действиям, и тогда тебя никогда не обманут их слова.

Можно соглашаться или не соглашаться с изречением о выборе принципов поведения:

One of the simplest ways to stay happy is letting go of the things that make you sad. Один из самых простых способов быть счастливым — избавляться от всего того, что вас огорчает.

С одной стороны, такой совет действительно делает жизнь более комфортной. Но, с другой стороны, такая линия поведения есть апология безответственности, ведущая к отрыву от реальности.

Изречения на стене подчеркнута выражают позитивное мировосприятие:

Nimm dir Zeit glücklich zu sein. Найди время быть счастливым.

Известно, что повседневная реальность оставляет людям не только приятные переживания. Но изречение настоятельно советует людям стремиться к счастью. Это утверждение выражено императивно. Подразумевается, что человек должен стремиться к счастью. Выраженная идея долженствования соотносится с важным противопоставлением в семантике немецких модальных глаголов *sollen* и *müssen*, выражающих это значение; в первом случае субъект вынужден действовать под принуждением внешних обстоятельств, сложившегося порядка и традиций, во втором случае — по требованию внутренней самодисциплины. Сравним этот призыв с известным афоризмом В. Г. Короленко: «Человек создан для счастья, как птица для полета». В высказывании русского писателя содержится экзистенциальный смысл, немецкая фраза является прямым назиданием.

В наше время популярные строчки из песен часто становятся настенными речениями:

Viva la Vida! Es lebe das Leben! Да здравствует жизнь!

Эта фраза на испанском языке стала популярной благодаря песне британской рок-группы Coldplay из альбома *Viva la Vida or Death and All His Friends*. Его название позаимствовано из натюрморта мексиканской художницы Фриды Кало.

Отметим в связи с этим, что весьма часто вандшпрух представляет собой цитату известного философа или писателя:

Lernen, ohne zu denken, ist eitel; denken, ohne zu lernen, ist gefährlich (Konfuzius). Учеба без размышлений напрасна; размышления без учебы опасны (Конфуций).

Es sind die Begegnungen mit Menschen, die das Leben Lebenswert machen (Guy de Maupassant). Бывают такие встречи с людьми, которые делают жизнь ценной (Г. де Мопассан).

В изречениях, которые вывешены на стене как часть интерьера, часто проводится идея привязанности к своему дому — самому лучшему месту на земле:

Daheim ist es am schönsten... Дома лучше всего...

Эта идея выражена в пословицах разных народов: В гостях хорошо, а дома лучше (рус.); East or West, home is best (англ.). Восток или запад, а дома лучше всего.

В ином ключе подобная жизненная установка сформулирована в следующем речении:

Home is where your heart is! Дом там, где ваше сердце.

Впрочем, эта фраза может быть проинтерпретирована и как девиз прагматиков, давно сформулированный по-латински:

Ubi bene, ibi patria. Где хорошо, там и родина.

Такие речения наполнены ироничным смыслом.

Заслуживает внимания вандшпрух, призывающий мечтать:

Nimm dir Zeit zu träumen, es ist der Weg zu den Sternen. Найди время мечтать, это путь к звездам.

Этот призыв в определенной мере противоречит распространённому отношению к мечтам как бесплодным грезам. Обратим внимание на сходство этого призыва с американской фразой:

Hitch your wagon to the stars! Цепляй свой вагончик к звездам!

Эта фраза в концентрированном виде выражает мироощущение американских первопроходцев (ВАЛЯЙБОБ 2013).

В настенных речениях подчеркивается необходимость верить в возможность чуда:

Um Wunder zu erleben, muss man an sie glauben. Чтобы пережить чудо, в него нужно верить.

Такое речение является назиданием, адресованным в первую

очередь пессимистам и маловерам.

Рассматриваемые речения часто содержат символическое обозначение жизненной позиции:

Wende dein Gesicht der Sonne zu... Dann fallen die Schatten hinter dich. Повернись лицом к солнцу... И тогда тени останутся позади.

Такая символика является достаточно прямолинейной, ее назидательный смысл очевиден. Отсюда следует, что вандшпрух как жанр демократичен по своей сути и адресован широким массам в отличие от афоризмов, читателями которых являются, как правило, образованные люди, которым нравятся парадоксы.

Отдельный вид настенных поучений образуют высказывания, призывающие быть реалистами и ценить то, что имеешь:

Zufriedenheit ist der größte Reichtum. Умение быть довольным — самое большое богатство.

Это определенная философская позиция.

Позитивное мировосприятие включает умение справляться с трудностями, которые неизбежны:

Das Leben ist wie Musik: ein Paar hohe Noten, ein Paar tiefe Noten, aber immer eine schöne Melodie! Жизнь похожа на музыку: пара высоких нот, пара низких, но всегда — прекрасная мелодия!

В этом примере высокие мелодии метафорически обозначают приятные жизненные моменты, а низкие — неприятные. Несколько иначе подобное поучение сформулировано по-английски:

Life is like a piano. The white keys for the good days and the black ones for the bad days. But remember that you need both to make music. Жизнь похожа на пианино. Белые клавиши — для хороших дней, черные — для плохих, но помните, что нужны и те, и другие, чтобы получилась музыка.

В данном случае метафорически осмысливается цвет клавиш.

Известная фраза Шекспира «Вся наша жизнь — театр» следующим образом обыгрывается в настенном изречении:

Wenn das Leben wie ein Theater ist, dann such dir eine Rolle aus, die dir so richtig Spaß macht. Если жизнь — театр, ищи себе такую роль, которая тебе по-настоящему даст удовольствие.

Вызывает улыбку следующее высказывание, выражающее призыв к мажорному мировосприятию:

Don't walk. Dance. Не ходи пешком. Танцуй.

Заметим, что этот призыв противоречит житейской мудрости, которая выражена в известной басне Эзопа, изложенной в переосмыслении И. А. Крылова под названием *Стрекоза и муравей*.

Подчеркивается необходимость справляться с тревогой и неприятными переживаниями:

If you can't handle stress, you can't handle success. Если ты не можешь справиться со стрессом, ты не сможешь справиться и с успехом.

В психологии, кстати, приводятся аргументы в пользу стресса в определенных дозах. В паремиологии эта идея выражена предельно отчетливо:

Не следует молиться, чтобы кончились беды, ибо когда кончатся беды, кончится жизнь (евр.).

В настенных изречениях (в их современном электронном варианте) настойчиво проводится мысль о том, что неприятности и испытания не только неизбежны в жизни, но и имеют ценность:

Every pain gives a lesson, and every lesson changes a person. Каждая боль дает урок, а каждый урок меняет личность.

Способность преодолевать трудности метафорически выражена в следующем речении:

Life isn't about waiting for the storm to pass, it's about learning to dance in the rain. В жизни нужно не ждать, пока стихнет буря, а научиться танцевать под дождем.

Образ танцующих под дождем становится символом преодоления невзгод с улыбкой.

Заслуживает внимания вандшпрух, призывающий ценить каждое мгновение:

Momente ahnen oft gar nicht, wie wichtig sie sein können. Мгновения даже не подозревают, какими важными они могут быть.

Эта фраза соотносится со строкой популярной песни из многосерийного советского фильма «Семнадцать мгновений весны»: «Не думай о секундах свысока...»

В настенных изречениях подчеркивается важность позитивного мировосприятия в разные периоды жизни:

Hab nie Angst vor dem Altwerden. Du kannst immer noch viel Unsinn machen. Nur langsamer. Не бойся старости. Ты еще можешь сделать немало глупостей. Только медленнее.

К важным поучениям, призывающим реалистически относиться к жизни, относятся фразы, в которых речь идет об ошибках:

Every mistake is an opportunity to grow wiser. Каждая ошибка — это возможность стать умнее.

Обратим внимание на важную деталь — возможность, поскольку не все делают выводы из своих ошибок. Эта тема также многократно освещается в пословицах: *Errare humanum est* (лат.) (Человеку свойственно ошибаться); Не ошибается тот, кто ничего не делает (рус.).

Следует обратить внимание на объяснение в следующем высказывании:

Sometimes life does not give you what you want, not because you do not deserve it, but because you deserve so much more. Иногда жизнь не дает тебе того, что ты хочешь не потому, что ты этого не заслуживаешь, а потому, что ты заслуживаешь гораздо большего.

Перед нами сентенции с позитивным мотивирующим объяснением.

Не все способны удивлять близких людей неожиданным подарком:

Glück ist Zeit mit Menschen zu verbringen, die aus einem ganz normalen Tag etwas Besonderes machen. Счастье состоит в том, чтобы проводить время с такими людьми, которые могут из самого обычного дня сделать нечто особенное.

Запоминается следующее речение:

Once you carry your own water, you will learn the value of every drop.

Если ты сам несешь свою воду, ты будешь ценить ее каждую каплю.

В этом метафорически выраженном наблюдении дан совет, который пересекается по смыслу с известным изречением Вольтера: «Возделывай свой сад». Если человек вкладывает свои усилия в

определенное дело, он начинает ценить эти усилия.

Запоминаются настенные изречения, в которых обыгрываются известные пословицы или поговорки:

Wer schweigt, stimmt nicht immer zu. Er hat nur manchmal keine Lust, mit Idioten zu diskutieren (A. Einstein). Тот, кто молчит, не всегда согласен. Иногда у него просто нет желания вести дискуссию с идиотами.

В этой фразе А. Эйнштейна критически оценивается поговорка «Молчание — знак согласия».

Хотя изречения с позитивным настроем резко преобладают в общем числе примеров, встречаются и высказывания, критически оценивающие человеческую природу:

Never tell anyone your plans, show them your results instead. Никогда никому не рассказывай о своих планах. Лучше покажи им свои результаты.

Суть этой фразы состоит в признании зависти в качестве одного из вечных свойств человеческого характера. В более поверхностном прочтении это призыв воздерживаться от хвастовства. Еще более минорное мировосприятие выражено в следующей сентенции:

Just smile and say: "I'm fine". Because nobody really cares. Просто улыбайся и говори: «У меня все отлично». Потому что никого это не волнует.

Действительно, настоящее сочувствие встречается не так часто. Широко известна фраза из стихотворения американской поэтессы XIX в. Эллы Уилер Уилкоккс:

Laugh and the world laughs with you; weep and you weep alone (E. Weeler Wilcox). Смейся, и мир смеется с тобой, плачь, и плачешь один (одна).

В русской паремиологии эта тема тоже затрагивается (В радости сыщут, в горе забудут), но в английской лингвокультуре можно увидеть целую серию подобных высказываний (Adversity has no friends. В бедствии нет друзей. In time of prosperity, friends will be plenty; in time of adversity, not one amongst twenty. Во время

процветания у нас много друзей, во время бедствий вряд ли найдется один из двадцати. When good cheer is lacking, our friends will be packing. Когда веселье в доме исчезает, друзья пакуют свои вещи. When we laugh, everyone sees; when we cry, no one sees. Когда мы смеемся, все это видят, когда мы плачем — никто. When we sing everybody hears us, when we sigh nobody hears us. Когда мы поем, каждый нас слышит, когда вздыхаем — никто). Представляется, что подобная паремиологическая плотность в осмыслении этой темы может служить индикатором особенностей национального мировосприятия. Отметим в этой связи, что подобные изречения, хоть и встречаются в пословицах, составляют периферию настенных фраз.

Обратим внимание и на вандшпрух, в котором утверждается необходимость воспринимать мир таким, какой он есть, не украшая его:

Auf dem Boden der Tatsachen liegt eindeutig zu wenig Glitzer. В осмыслении реальности мало блеска.

Замечу в этом отношении, что в истории искусства мы сталкиваемся с интересным фактом: во французской, английской и русской культурах не получил широкого распространения экспрессионизм, суть которого состоит в демонстрации реальности в ее акцентированно неприглядном виде. Но этот жанр весьма типичен для немецкой живописи. Один из возможных ответов на вопрос, почему это имеет место, был дан в следующей форме: Seeking the truth. Поиск правды.

Итак, настенные изречения в их разных вариантах представляют собой жизненные советы, которые тематически сводятся к призывам сохранять оптимизм, ценить то, что есть, учиться на ошибках, но вместе с тем учитывать и изъяны человеческой природы. Такие советы соотносятся с пословицами и изречениями философов и писателей, образуя компендиум житейской мудрости.

Вместе с тем выделяются изречения более частного порядка. Вряд ли можно назвать мудрой следующую констатацию:

Ein gutes Essen ist Balsam für die Seele. Хорошая еда — бальзам для души.

Вероятно, такие фразы уместны на кухне или в кафе, либо произносятся и воспринимаются с улыбкой.

Не вызывает возражений следующий совет, хотя он носит и более частный характер:

Travel is the only thing you buy that makes you richer. Путешествие — это единственная ваша покупка, которая делает вас богаче.

В этой фразе прослеживается и рекламное содержание. Подобное изречение скорее всего является компонентом интерьера в туристическом бюро.

Многие согласятся со следующей фразой:

Ein Leben ohne Hund ist ein Irrtum (Carl Zuckmayer). Жизнь без собаки — это ошибка (К. Цукмайер).

В нашей коллекции примеров есть более категоричное и одновременно юмористическое высказывание на русском языке:

Четвероногий друг лучше двуногих двух.

Подобные фразы можно интерпретировать как в шутовском, так и в экзистенциальном смысле.

Особый тип настенных изречений образуют высказывания шутовского характера. Их можно с некоторыми оговорками разбить на три класса. К первому относятся речения, которые противоречат известным истинам. В строгом смысле перед нами антипословицы, назначение которых развеселить адресатов и выразить мягкий протест против навязчивых нравоучений (ВАЛЬТЕР & МОКИЕНКО 2005):

Wer schläft, sündigt nicht. Wer vorher sündigt, schläft besser... Тот, кто спит, не грешит. Тот, кто согрешит до этого, спит лучше...

Das Leben ist zu kurz zum Kalorien zählen. Жизнь слишком коротка, чтобы считать калории.

Geduld ist die Kunst nur langsam wütend zu werden. Терпение — это искусство медленно впадать в ярость.

Ordnung ist das halbe Leben... Ich lebe in der anderen Hälfte! Порядок — половина жизни... Я живу на другой половине!

Осуждение грехов является общим местом в проповедях и часто фигурирует в нравоучениях. Сюда же относится настойчи-

вое повторение призывов меньше спать и больше работать. В ответ говорящий произносит шутовую антипоговорку. В наши дни настойчиво продвигается здоровый образ жизни, в котором важное место занимает вполне обоснованный призыв питаться умеренно. Стройная фигура, правильное питание и занятия спортом продвигаются в качестве ориентира поведения. Но слишком навязчивое продвижение таких ценностей и норм вызывает шуточный протест. Интересна и фраза, в которой шуточно обыгрывается призыв сохранять терпение в разных ситуациях. Действительно, постоянный самоконтроль эмоций иногда приводит к взрывной реакции. Заслуживает особого внимания речение, в котором под сомнение попадает стереотипная норма немецкой культуры, а именно — порядок. Хорошо известна фраза: *Ordnung muss sein* (Порядок должен быть). Шуточный вандшпрух является оправданием тех, для кого это требование не является абсолютным императивом поведения.

Второй класс шутовых настенных изречений составляют высказывания, в которых утверждаются известные истины, но в неожиданной юмористической форме:

Klage nicht darüber, dass Gott den Tiger geschaffen hat, sondern danke ihm, dass er ihm keine Flügel gegeben hat. Не жалуйся, что Бог создал тигра, но поблагодари Его за то, что он ему не дал крыльев.

Действительно, любая плохая ситуация может стать еще хуже.

Шедевром шутовых вандшпрухов является следующая фраза:

Wer sich selbst kitzelt, der lacht, wann er will. Тот, кто сам себя щечечет, тот хохочет, когда хочет.

Эта фраза допускает как ироническое прочтение, когда она используется для описания человека, не обращающего внимания на обстоятельства, либо экзистенциальную интерпретацию — призыв не обращать слишком много внимания на неприятности.

Сюда же можно отнести фразу о важности интеллектуального мировосприятия:

Think! It's not illegal yet. Думай! Пока еще это не запрещено законом.

В этом высказывании содержится ироническая оценка всевластия юридических предписаний.

Запоминаются неожиданные сравнения:

Das Hirn ist keine Seife. Es wird nicht weniger, wenn man es benutzt.
Мозг — не мыло. Его не становится меньше, когда его используют.

К третьему классу шуточных изречений на стене можно отнести фразы, в которых содержится неожиданное противоречие:

Meine Nachbarn hören immer gute Musik, ob sie wollen oder nicht!
Мои соседи всегда слушают хорошую музыку, хотя они этого или нет!

Это речения с возможным включением изобразительного компонента: нормы поведения требуют соблюдать тишину в доме, в котором есть соседи. Мы понимаем, что изображенное на этом вандшпрухе фортепиано доставляет много неприятностей соседям такого музыканта.

Заключение

Настенное изречение является одним из жанров речи, назначение которых состоит в продвижении определенных норм и правил поведения, выраженных в лаконичной форме и соотносимых с автосемантическими высказываниями. Широкое распространение этого жанра в современной лингвокультуре многих стран объясняется потребностью видеть ориентиры поведения в эпоху постмодернистской нейтрализации ценностей и возрастании игрового мировосприятия. Существующие разновидности этого жанра, исторически возникшего в немецкой культуре, затем воспринятого в культуре США и в эпоху Интернет-коммуникации получившего глобальное распространение в электронном виде, сводятся к серьезным и шуточным изречениям. Первые затрагивают основы мировосприятия и соотносятся с пословицами и афоризмами, с одной стороны, и с более частными оценочными установками, с другой; вторые выражают критическую оценку настойчиво продвигаемых норм поведения либо формулируют те или иные ценности в парадоксальной форме.

1.4. ГРУППА ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ИЗБЫТОЧНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

Функционирование словарных элементов в речи говорящих индивидов допускает вывод о существовании коллективной системы языка, в которой данные элементы упорядочены предметно-тематически. Их использование обычно связано с реализацией определенных языковых функций, наиболее древней из которых является выразительная, так как объединяет в себе и назывную (номинативную), и поведенческую (перформативную), и коммуникативную, и познавательную, и мыслительную, поскольку речь служит выражению мыслей, и др. Реализация выразительной функции в речи предполагает комбинирование словарных элементов по определенным правилам, которые относятся не только к области грамматики, но и фонетики, прагматики и риторики, где традиционно обозначаются приемами. Свод правил речевого комбинирования образует своего рода точку сопряжения, стык двух систем, находящихся в непрерывном взаимодействии: с одной стороны, статичной системы коллективного пользования, так сказать, словарного инвентаря, а с другой стороны — динамичной совокупности отобранных комбинаций словарных элементов различного уровня (от морфем до сверхфразовых единств), количественно во много раз превосходящей первую, так как комбинаций элементов всегда больше, чем самих элементов. Если первая система виртуальна, невидима и существует в коллективном сознании сообщества говорящих, то вторая система — реальна, фактологична и имеет, как и любой знак, две грани выражения, или материальные ипостаси: письменную и звуковую. Поскольку она состоит не только из языковых элементов, образующих индивидуально значимые словарные множества, «прожиточные минимумы» языка, но и из регистров (элементов с одним стилистическим значением), жанров, стилей и т. д., обозначать ее целесообразно не термином *словарный состав*, как это можно наблюдать практически во всех работах в области стилистики, а — с целью

устранения двусмысленности и различения статического и динамического полюсов языка — *функциональным репертуаром*. Непрерывное взаимодействие коллективного паноптикума (инвентаря) элементов и подвижного функционального полюса (палитры речи), носящего исключительно индивидуальный характер, образует область пересечения лингвистики и антропологии: язык нужен человеку для выживания в искусственной среде обитания с той или иной разновидностью искусственного отбора, а человек языку — для поддержания коммуникативной пригодности в извечной конкуренции языков за головы и уста.

Если строение словарной системы языка не представляет особых сложностей для описания и может быть легко проиллюстрировано на примере словников двух типов словарей — ономаσιологического, словаря картинок, где словарные элементы организованы по предметно-тематическим областям, и семасиологического, алфавитного, — то описание функционального полюса языка породило массу теорий и, безусловно, заблуждений. Главным и весьма распространенным заблуждением следует признать отождествление сферы использования языка с границами той или иной (социальной, профессиональной и т. п.) формы функционального репертуара. Социолекты или профессиональные лексы представляются функционально замкнутыми и непроницаемыми сферами с исключительно самобытными репертуарами, в которых вне связи с другими подобными формами методом так называемого «дискурс-анализа» предельно анатомически сепарируются специальные единицы и выразительные средства. Необходимо подчеркнуть, что массовая имплементация такого подхода не способствует не только пониманию функциональной природы языка, но и приращению научного знания как такового. Во-первых, выделение выразительных средств и терминов как их разновидности — исконная вотчина риторики и стилистики, располагающих куда более серьезным аппаратом для подобных процедур, нежели новоявленный «дискурс-анализ», по сути ничем не отличающийся от логического приема анализа. Во-вторых, профессиональные или социальные ограничения лексики очерчивают границы лишь сферы использования определенных

словарных элементов, т. е. области действия языковых (и даже не стилистических) норм, но не границы регистров, жанров и стилей, которые складываются из выразительных средств, своеобразных «строительных камешков» функционального репертуара, и входят в куда более крупные системы использования языка — репертуары функциональных стилей. Подобное «заужение» объекта наблюдения, в целом характерное для позднего постструктурализма, не позволяет прийти к полноценным выводам относительно строения функционального репертуара в силу субъективно-ограниченного воззрения на его природу.

Следует отметить, что наиболее значимые и аппликативные подходы к его описанию сформировались задолго до постструктуралистских течений. Аристотель, не делая различия между элементами логики (ср. его поиск энтимем для достойного стиля), словарными элементами и элементами актерской игры (сценическими элементами), задолго до теории стилей Квинтилиана осмысляет стилевую структуру с позиции выразительных средств, называя, к примеру, в числе причин «хладности» стиля употребление сложных слов, необычных выражений, неподходящих эпитетов и метафор (АРИСТОТЕЛЬ 2018: 227). Похожий системный уклон, связанный с выделением элементов, демонстрирует Группа μ из Льежского университета, рисуя своего рода «квадратуру круга» функционального полюса языка путем систематизации его составляющих по парадигматическим и синтагматическим признакам (ДЮБУА и др. 1986: 90-91). Советская функциональная стилистика, отходя от систематизации функционального в языке, породила два магистральных направления анализа. Первое связано с именем выдающейся австро-советской ученой Э. Г. Ризель, предложившей дифференциацию всех выразительных средств по наличию и определенному оттенку экспрессивно-семантической окраски (RIESEL 1959: 65). В первом случае функциональный репертуар распадается на функционально-стилистически недифференцированный (общеупотребительный) и дифференцированный (с ограничениями), а во втором — на экспрессивно-стилистические регистры (напыщенный, литературно-

книжный, просторечный и т. д.). Второе направление, обоснованное в трудах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Л. В. Щербы и др., известно как теория функциональных стилей и в сущности лишь укрупняет описываемые формы существования функционального репертуара до сфер его использования. Существует практика выделения в промежутке между выразительными средствами и функциональными стилями, т. е. минимальной и максимальной дробностью деления, групп выразительных средств как срединных величин инвентарного свойства, близких по своей природе к приемам речевого комбинирования. Выделение групп носит исключительно теоретический характер и служит задачам описания функционального репертуара различных языков с общетеоретических позиций.

Всего различают семь общих групп выразительных средств: 1) образные, 2) описательные, 3) клишированные, 4) средства создания юмора и сатиры, 5) различного колорита, 6) звукоизобразительные, 7) грамматические и архитектурные средства. В основе группировки различных выразительных средств, т. е. построения релевантной типологии, лежит общность решаемой экспрессивной задачи. Безусловно, таких задач в речи намного больше семи, а значит, и число групп — не окончательное. Возможно выделение восьмой группы со «сквозной» типологией, средства которой решают задачу заострения внимания через создаваемую избыточность.

2. Методология исследования

Целью статьи является составление типологии средств создания избыточности в немецком литературном языке, образующих отдельный сегмент его функционального репертуара. Процедура сегментирования построена на синтезе двух приемов логики: абстрагирования (выделения значимых свойств элементов и отвлечения их от несущественных свойств) и обобщения (объединение элементов по общности существенных свойств) (ВИНОГРАДОВ & КУЗЬМИН 1954: 17-20). За существенное свойство в данной работе принимается не коренной, а вспомогательный признак элемента, способный решать указанную ранее экспрессивную задачу, так как

по коренному признаку все средства создания избыточности закреплены за вышеперечисленными группами. Помимо этого, построение типологии указанных средств предполагает использование приема классификации на основании сходства элементов внутри типологии и их отличия от элементов других групп выразительных средств. В силу «сквозного» характера средств создания избыточности в функциональном репертуаре немецкого литературного языка предлагаемая классификация является искусственной (ibid.: 46-47). Схематическое изображение приемов речевого комбинирования достигается путем использования функционального метода, являющегося в стилистике базовым и направленным на выявление приемов создания выразительных средств.

Методологическим фундаментом данной статьи выступает *системно-функциональный подход*, опосредующий такой ракурс рассмотрения языковых процессов, который позволяет отследить переход элементов системы к функции (*langue* → *parole*). Его преимущество состоит в получении представления о функциональных особенностях системы, структура которой выражается в речи через «роли» словарных элементов и их релевантные комбинации. Их многофункциональность, порожденная функциональным детерминизмом системы языка, т. е. ее обусловленностью процессами, протекающими на функциональном полюсе, может быть описана лишь посредством охвата максимального количества контекстов функционирования элементов языковой системы в различных ситуациях коммуникативного взаимодействия на немецком литературном языке. *Литературность* понимается здесь как историческая форма существования немецкого языка, характеризующаяся обработанностью, (стилевой) полифункциональностью, тенденцией к регламентации, гомогенностью и наддиалектностью (ГУХМАН & СЕМЕНЮК 1983: 5).

3. Результаты исследования

Сегментация функционального репертуара решает задачу не только определения наиболее значимых приемов, но и общих способов речевого комбинирования. Если в случае с образными средствами таким способом является объединение элементов из

различных предметно-тематических полей, — при этом чем дальше поля расположены друг от друга, тем более неожиданным будет образ (ср.: «*der bleiche Haifischhimmel*» Б. Брехта — «акулье небо», пер. Д. Самойлова), — по формуле $B = E(A_1) U E(A_2)$, где B — *Bild* (образ), $E(A_1)$ и $E(A_2)$ — элементы словарных множеств A_1 и A_2 , U — математический оператор объединения, — то в случае средств создания избыточности общим способом и, следовательно, вспомогательным свойством выступает увеличение лексической длины без изменения общего значения комбинации.

Сама избыточность (нем. *Redundanz*) — в ее лексическом понимании — исключительно линейной природы; ср. распространение (нем. *Erweiterung*), выступающее свободным (факультативным) членом атрибутивной группы: *die von einem zwölf Meter dicken Betonmantel abgeschirmte Strahlung* (нем. излучение, поглощаемое двенадцатиметровым бетонным саркофагом). Функционально атрибутивное распространение в немецком литературном языке приближено к наречным (обстоятельственным) словам, которые несут добавочную смысловую нагрузку через подчинительную связь *примыкания* ($V + Adv.$), к примеру: *das wird einem allenthalben gebetsmühlenartig um die Ohren gehauen* (нем. это повсеместно критикуется как по заказу). Тем самым избыточность заостряет внимание реципиента посредством линейного увеличения лексической длины высказывания, не влияющей на понятийный объем предиката.

В противоположность экономии речевых усилий, достигаемой главным образом за счет имплицитного характера высказывания (ср. обиходную реплику: *alles bestens!* — (дела идут) превосходно!), т. е. соотнесения последнего с некой абстрактной, полноценной моделью синтаксического построения, избыточность оперирует эксплицитностью и рекурсивностью, преследуя и одновременно нарушая баланс конструкционной симметрии и асимметрии. Будучи в большей степени свойством художественной речи, избыточность служит «приращению» деталей и признаков общего образа, обозначаемого в литературоведении экфрасисом. В нем все словесные образы текста соединяются в некий макрообраз, коррелирующий с замыслом создания произведения.

Средства избыточности выполняют здесь функцию подсказок, уточнений, отсылок и ведут к разгадке общей идеи текста (МАСЛОВА 2018: 85). Синтаксическая избыточность художественного текста соотносится, вопреки бытующему мнению, не с экспрессивностью речи, т. е. с регистрами пейоративной (разговорной, просторечной и вульгарной) окраски, а скорее с ее выразительностью, которая выступает не семантической характеристикой единиц функционально-стилистически дифференцированного состава, снабженной определенной коннотацией, а функциональным свойством комбинаторных образований, позволяющим раскрыть природу предмета речи через живописуемый образ. Благодаря синтаксической избыточности, выражаемой различными средствами линейного увеличения лексической длины высказывания, в синтаксисе художественной речи размывается грань не только между предложениями, но видами и формами речи, выступающими средствами контекстно-вариативного (архитектонического) членения текста. Так, повествование (представление предмета в действии) легко переходит в описание (представление самого предмета) или рассуждение (представление связи между предметом и его действиями), диалог — в монолог или внутреннюю речь, речь персонажа — в косвенную или прожитую и т. д., ср. отрывок из романа *Смерть Вергилия* (1945) Г. Броха (1).

- (1) Es wurde dunkler, die Gesichter wurden undeutlicher, die Ufer verblassten, das Schiff wurde undeutlicher, lediglich die Stimme blieb, sie wurde klarer und beherrschender, als wollte sie das Schiff und den Takt seiner Ruder lenken, vergessen der Ursprung der Stimme und trotzdem lenkende Stimme eines Sklavenknaben; wegweisend war das Lied, ruhend in sich selbst und eben darum wegweisend, eben darum ewigkeitsgeöffnet, denn nur das Ruhende ist zur Wegweisung imstande, nur das Einmalige, das aus dem Fluss der Dinge herausgegriffen, nein, herausgerettet ist, öffnet sich zur Unendlichkeit, nur das Festgehaltene — ach, war ihm selber jemals solch wahrhaft wegweisende Festhaltung gelungen? — nur das wahrhaft Festgehaltene, und sei es nur ein einziger Augenblick aus dem Meere der Jahrmillionen, wird zur zeitlosen Dauer, wird zum richtunggebenden Gesang, wird

Führerschaft; oh, ein einziger Lebensaugenblick, geweitet zur Ganzheit, geweitet zum Kreise des Ganzheitserkennens, unendlichkeitsgeöffnet; hoch über dem strahlenden Liede, hoch über der strahlenden Dämmerung atmete der Himmel, dessen klarherbe Herbsteßsüße seit Jahrhunderttausenden sich unverändert wiederholt hatte und noch Jahrhunderttausende unverändert sich wiederholen wird, einmalig trotzdem in seinem Hier und Jetzt, und seiner Kuppel heller Seidenglanz war von der Stille der anbrechenden Nacht überhaucht.

В других функциональных стилях избыточность носит скорее частный или ситуативный характер. В разговорной и публицистической речи она проявляется преимущественно в виде *иррадиации*, когда говорящий — зачастую ошибочно — повторяет отдельные слова или целые синтаксические отрезки речевой цепи (2), словно цитируя самого себя, и *рекурсии* (нем. Verschachtelung) с глубиной в несколько шагов (3), как показано на Рис. 1.

- (2) Ich sage ganz deutlich: *Wenn man so etwas verändern will, wenn man so eine Planung wie diese hier zum Beispiel verändert*, dann schmeißt man auf der einen Seite viel Geld weg. (DW)
- (3) Da kann man vielleicht ermessen (**S1**), wenn wir dann zwei Kilometer (**S2₁**) — oder manche Städte bauen ja noch viel längere U-Bahnen (**S3**) — U-Bahnstrassen haben (**S2₁**), wenn Sie dann zehn Findlinge haben (**S2₂**), dann haben Sie schon mal zehn Millionen mehr ausgegeben (**S1**) (DW).

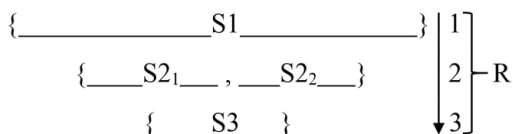

Рис. 1. Трехшаговая глубина рекурсии (R)

В научном и официально-деловом стилях избыточность связана с требованием к точности, достоверности и детальности опосредуемой информации. Здесь ключевые позиции занимают тавтология (морфологический повтор) и антиэллипсис (4).

- (4) Die *Beschäftigungsquote* von *Beschäftigten* aus den *Hauptberufsländern* der Asylbewerber variierte nach Angaben der Bundesagentur für Ar-

beit je nach *Herkunftsland* und lag zum Beispiel für *Geflüchtete aus Eritrea* bei 51, 6 Prozent, für *Geflüchtete aus Syrien* dagegen nur bei 31,4 Prozent (Bundestag, Wissenschaftliche Dienste, Dokumentation WD 6 — 3 000 — 031/22).

Как можно видеть, повтор выступает сквозным средством создания избыточности в функциональном репертуаре немецкого литературного языка, что допускает вывод о возможности построения естественной функциональной классификации выразительных средств данного сегмента, которые первично закреплены за следующими группами: группой клишированных средств (гендиадис), средств описания и выделения (умаления) признака (элатив, гипероха), средств создания юмора и сатиры (пародия), различного колорита (ксенизмы) и — самой обширной — группой грамматических средств с подгруппой средств повтора. В силу многочисленности типов последней для данной работы отобраны наиболее частые приемы: тавтология, плеоназм, этимологическая фигура, верум, полиптотон, парегменон, антиэллипсис, пролепсис, итерация, миметический повтор. Однако, как только фокус сегментирования смещается с системы на функцию, т. е. «выхватывает» не стереотипность (type) как качество словарных систем, а симптоматику (token) как репертуарное (функционально-стилистическое) свойство литературной речи, итогом сегментации неизбежно становится практическое воспроизведение теоретического опыта Группы μ , т. е. систематизация функции («квадратура круга»). По-видимому, искусственность системы наследуется всеми величинами коллективного (словарного) свойства, выделяемыми исключительно для теоретических нужд языкознания. Данное познание склоняет к выводу, что естественные классификации выразительных (стилистических) средств как единиц функционального репертуара не обладают такой бесспорной теоретической и дидактической пользой, как искусственные. Тем не менее дифференцирующими основаниями системной типологии средств избыточности в немецком литературном языке выступают их функциональные свойства: а) усиление, б) возобновление высказывания, в) номинативность, г) производность.

А. Средствами избыточности, усиливающими высказывание, являются: 1) элатив, 2) экзотизм, 3) верум и 4) антиэллипсис.

1. Элатив (нем. *Elativ*, лат. *elatus* – «возвышенный, патетический») представляет собой суперлатив без предшествующих степеней сравнения (позитива, компаратива) и содержит в детерминативной части композита эмотивные элементы (префиксоиды), усиливающие значение основного компонента (нем. *Hauptwort*), ср. элативные перифразы: *jammerschade*, *strohdumm*, *sauviel*, *fuchsteufelwild*, *mucksmäuschenstill*, *todsterbenslangweilig*.

2. Ксенизмы (нем. *Xenismen*, *Lehn- und Fremdwörter*, греч. *ξένος* ‘чужой, гость’) являются иноязычными вкраплениями, создающими локальный (национальный, этнический) колорит, и подразделяются на экзотизмы и варваризмы, различающиеся главным образом степенью ассимиляции. Экзотизмами (нем. *Exotismus*, греч. *εξωτικός* ‘иностранный’) называются высокоассимилированные единицы, обозначающие реалии уклада быта определенного народа. Варваризмы (нем. *Barbarismus*, греч. *βάρβαρος* ‘варвар, иноземец’) являются слабоассимилированными заимствованиями, сохраняющими фонетические и морфологические особенности языка-донора. Как правило, ксенизмы усиливают высказывание имплицитно, избыточность же создается за счет линейного «наращивания» иноязычных лексем в сочетании с фигурами перечисления (климаксом, аккумуляцией, асиндетоном и др.) (5).

(5) Zur Musik fällt einem sofort die *Balalajka*, *Kasatschok* und *Kalinka*, der *Donkosakenchor* und *Ivan Rebroff* ein, dabei ist der gar kein Russe (F. Bischof, C. Meyerhoff).

3. Верум (нем. *Verum*, лат. *verum* ‘истинное’) как разновидность тавтологии, образуемой по формуле $A \rightarrow A$, имеет синтаксически «зеркальную» структуру и формат предложения, что ставит его в один ряд с клишированными единицами, ср: *versprochen ist versprochen*; *tot heißt tot*; *was sein muss, muss sein* (КОБЕНКО 2019: 141).

4. Антиэллипсис (нем. *Antiellipse*, греч. *ἀντί-* ‘против’, *ἔλλειψις* ‘недостаток’) представляет собой избыточное повторение элементов синтаксического построения и является многофункциональным средством. В разговорной речи он применяется для усиления

(6), а в научной и деловой речи — для уточнения высказывания. Данное дифференцирующее основание уже используется для классификации фигур повтора, относящихся, как отмечалось ранее, к синтаксическим средствам. Параллельное же использование оснований для выделения двух сегментов функционального репертуара противоречило бы первому закону логики – закону тождества ($A = A$, или $A \neq B$).

(6) Wir landen entweder aus Vertrauen zum Evangelium im Himmel oder in der Hölle, *was immer, wo immer und wie immer* es dort auch sein mag (Ph. Mertens).

Б. Средствами избыточности, возобновляющими высказывание, выступают: 1) анадиплозис, 2) пролепсис, 3) итерация, 4) миметический повтор.

1. Анадиплозис (нем. Anadiplose, греч. ἀναδίπλωσις ‘сдвоенность’) представляет собой избыточное повторение последней фразы предыдущего предложения в начале последующего (7).

(7) Mit dem Schiffe spielen *Wind und Wellen*; *Wind und Wellen* nicht mit seinem Herzen (J.W. Goethe).

2. Пролепсис (нем. Prolepse, греч. πρόληψις ‘предположение, предвидение’) повторяет не фразу целиком, а заменяет ее местоимением (8).

(8) *Der Alte*: Er kommt nie auf den Chefsessel (M. Ande).

3. Итерацией (нем. Iteration, лат. iteratio ‘повторение’) в стилистике принято обозначать монотонное (или ошибочное) повторение определенного члена предложения без учета его предыдущего использования. Примечательно, что в письменной речи источником итерации становится повтор сказуемого, а в устной — нередко определения, ср. «любимый» эпитет *fabelhaft*, бесстыдно используемый в речи немецкоязычных современников (9).

(9) Ein *fabelhaftes* Hotel mit *fabelhaftem* Essen, Animation und Ambiente!

4. Базовая функция миметического повтора (нем. mimetische Wiederholung, греч. μίμησις ‘подобие’) — надежность и точность передаваемой информации, которая кодируется «end-to-end», т. е. с учетом полной лексической длины сообщения. Факторами

избыточности здесь выступают обязательное указание отправителя и получателя информации, как отличительный признак криптолекта, например, в переговорах спецслужб (10), и полное воспроизведение вопроса в ответной реплике с возможными, но незначительными (позиционными) изменениями (11).

(10) *Rotfuchs an Mutterhenne! Rotfuchs an Mutterhenne! — Hier Mutterhenne! Wird gemacht, Rotfuchs!* (Sniper Elite 4)

(11) *Kommen wir noch dazu? — Wir kommen noch dazu!*

В. К средствам избыточности, реализующим назывательную функцию, относятся: 1) тавтология, 2) плеоназм, 3) гипероха и 4) гендиадис.

1. Тавтология (нем. Tautologie, греч. ταῦτολόγος ‘повторяющий одно и то же’) строится на повторе однокоренных слов, принадлежащих к разным частям речи, ср: *die richtige Richtung*. В обиходе ее разновидностью может выступать (ошибочный) повтор парных союзов или релятивов, например: *je schneller, je besser; der gewinnt, der besser ist*.

2. Плеоназм (нем. Pleonasmus, греч. πλεονασμός ‘излишний’) предполагает избыточное повторение однокоренных слов разных частей речи, ср.: *die Zagenden und Zaudernden*.

3. В основе гиперохы (нем. Нурероche, греч. ὑπεροχή ‘чрезмерность’) лежит установление атрибутивной связи между повторяющимися лексемами с целью гиперболизации (суперлятивизации) определенного признака, например: *das Süßeste vom Süßen, das Buch der Bücher*.

4. Гендиадис (нем. Zwillingsformel, греч. ἓν διὰ δυοῖν ‘один через два’) — это двоянное тавтологическое клише, использующее парные лексемы одной части речи, ср.: *hieb- und stichfest, aus Jux und Tollerei, ohne Wenn und Aber*. Традиционными принципами объединения являются аллитерация (*mit Mann und Maus versinken*), ассонанс (*Lug und Trug*) и рифма (*außer Rand und Band geraten*). Просторечное удвоение, преследующее обычную линейную избыточность, допускает появление эпентезы «m», характерной не только для немецкого языка, ср.: *Kuddelmuddel, Techtelmechtel, doppelt-gemoppelt*. Подвидами гендиадиса выступают

гендиатрис (alt,¹ klapprig² und krank³), гендиатетракис (frisch,¹ fromm,² fröhlich,³ frei⁴ — лозунг немецких гимнастов) и гендиапентакис (verliebt,¹ verlobt,² verheiratet,³ ein Kind gekriegt,⁴ geschieden⁵ — немецкая считалочка) (КОБЕНКО 2019: 101).

Г. К средствам избыточности в функции производных принадлежат: 1) этимологическая фигура, 2) полиптотон, 3) парегменон и 4) пародия.

1. Этимологическая фигура (нем. → лат. figura etymologica) построена на сочетании слов с общей этимологией и управлением в винительном падеже, например: einen *Traum träumen*, eine *Erzählung erzählen*.

2. Полиптотон (нем. Polypoton, греч. πολὺς ‘много’, πῶοις ‘случай, падеж’) представляет собой повтор слова в различных падежах в рамках одного предложения (12).

(12) Das endlich ist *Bein* von meinem *Bein* / und *Fleisch* von meinem *Fleisch* (Bibel).

3. Парегменон (нем. Peregmenon, греч. παρηγμένον ‘подобословие’) предполагает повторение однокоренных слов в предложении, например: lass uns *Liebende* und *Geliebte* sein!

4. Пародия (нем. Parodie, греч. παρῳδία ‘ответная (сатирическая) песня’) широко используется как средство преобразования или клиширования высказывания (в публицистической речи). Выразительный инвентарь пародии задействует приемы выхода за рамки шаблона, типичного для средств создания юмора и сатиры. Производные здесь выступают залогом сохранения ссылки на исходное клише, ср.: Ein Mann, ein Wort. *Eine Frau, ein Wörterbuch*.

4. Заключение

Опыт сегментации функционального репертуара такого языка западногерманской группы как немецкий недвусмысленно ставит во главу угла необходимость определения и различения коренных и вспомогательных признаков выразительных средств с целью их дальнейшей группировки. В этом смысле любая предложенная типология должна быть единообразной как по дифференцирующим основаниям, т. е. общим способам решения экс-

прессивных задач (объединение, замещение, добавление словарных элементов и т. п.), так и по подобранным признакам. Это значит, что их типологическое смешение контрпродуктивно самой цели сегментации и не может быть взято за основу теоретического описания. Задачу существенно усложняет многофункциональность комбинаторных образований, которая позволяет отнести их в ту или иную группу лишь с учетом их контекстных «ролей», ср. выражение *ein Attentat auf j-n vorhaben* (шутл. приходится по чью-л. душу), которое может функционировать как клише (фразеологизм), перифраз (средство описания) и ситуативное средство создания юмора и сатиры.

Очевидно, сами общие способы речевого комбинирования следует признать универсалиями литературных языков — шаг, который современной лингвистике еще только предстоит совершить. В данном вопросе, однако, открытым остается не *quod* (что), а *quo modo* (каким образом), т. е. каким образом это должно произойти: должна ли это сделать теоретическая лингвистика, определяемая сегодня в значительной степени публикационной конъюнктурой, или теория литературного языка, которая, как и стилистика, пока еще существует на платформе частных ветвей языкознания, как то: германистика, романистика, русистика и т. п.? Ответ на данный вопрос напрямую зависит от дальнейшей разработки положений функциональной лингвистики, экспонентом которой является макродисциплина стилистика с ее строгой методологической базой и обширным понятийно-терминологическим аппаратом, существенная часть которого сформировалась в лоне риторики и логики. По-видимому, указанному шагу должно предшествовать обоснование статуса самой стилистики как *области теории литературного языка*, что могло бы подвести прочный теоретический фундамент под положения стилистики, которая, вопреки ее макродисциплинарному статусу, по-прежнему имеет определенную теоретическую неустойчивость и рассматривается то с позиции отбора (признак литературности), то как инвентарь приемов, то как подход к описанию объема реализации выразительной функции языка в конкретном речевом произведении, а то и вовсе как неконкурентоспособный

предшественник новоявленной дискурсологии, целиком дублирующей ее аппарат.

Экспонентом избыточности, бесспорно, признается художественный текст, в котором она достигает наивысшей кристаллизации. Вне всяких сомнений, это нельзя отнести к свойствам только немецкой художественной речи, но словесных произведений искусства вообще, понимая закономерности их общеязыковой композиции. Теоретическое осмысление явления избыточности в немецком литературном языке наводит на мысль о грамматической обусловленности его выразительных средств, соседствующих с правилами речевого комбинирования. Действительно, линейное увеличение высказывания достигается в пределах слова морфологическими средствами, а на уровне предложения — синтаксическими. С тем же, повтор определенного фрагмента речи в тексте выводит избыточность уже на уровень архитектоники речевого произведения, т. е. надсинтаксический (сверхфразовый) уровень, где единицами инструментирования выступают средства когезии, объемно-прагматического и контекстно-вариативного членения текста. Ведь несмотря на то, что повтор можно признать наиболее частым средством выражения избыточности, последняя не порождается простым реплицированием образца $г \rightarrow ггг$, а использует в том числе различные приемы преобразования высказываний.

© Кобенко Ю. В.

1.5. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ДОСТИЖЕНИЯ ПЕРЛОКУТИВНОГО ЭФФЕКТА В ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ (на примере современного немецкого языка)

1. Введение в проблематику исследования

В современном мире различные виды рекламных обращений стали неотъемлемой частью социальной коммуникации.

Реклама окружает человека во всех сферах его жизни и распространяется не только на товары и услуги (коммерческая реклама), но и на его потребности и нужды (некоммерческая, социальная реклама).

Феномен социальной рекламы стоит особо в общем ряду текстов некоммерческой рекламы, акцентируя внимание на правилах и нормах социума, обеспечивающих его сохранение и развитие. По своему характеру социальная реклама интернациональна и национальна одновременно. В ней отражаются такие социальные установки и проблемы, которые имеют не только глобальный характер, но и присущи конкретной стране, национальности, социальной группе.

Основное определение социальной рекламы находим в правовом дискурсе. Согласно ФЗ РФ «О рекламе» от 13.03.2006,

социальная реклама — информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства (ЛАЗАРЕВА 2000).

Онтология социальной рекламы определяет исследовательский интерес к данному феномену со стороны многих наук: маркетинг, психология, социология, теория вероятностей, статистика, лингвистика и др.

В современной отечественной научной литературе имеется достаточное количество работ, которые посвящены изучению социальной рекламы (А. Б. Базаров, С. Н. Бердышев, Л. А. Брусенская, Е. В. Воробьева, В. Ю. Гомельская, О. Н. Горбачева, О. Г. Забелина,

Н. Г. Зеркалий, Т. Ю. Мельникова, С. И. Петошина, А. Н. Солодовникова, М. А. Тертычина и др.).

Авторы обращают свое внимание преимущественно на экстралингвистические особенности социальной рекламы, при этом язык рассматривается как прикладной, вспомогательный аспект, который является инструментом воздействия на реципиента.

Многими исследователями социальная реклама рассматривается как классическая коммуникативная технология, используемая в различных сферах жизнедеятельности общества с целью донесения сообщения, «месседжа», желаемым для заказчика образом воздействия на сознание и поведение аудитории (ВОРОШИЛОВА 2007).

В некоторых исследованиях находим также указание на то, что «социальная реклама — это способ мобилизации и координации добровольной активности членов общества с целью решения актуальных, общезначимых социальных проблем, которые невозможно удовлетворительно решать с помощью стандартного набора государственных административно–правовых средств» (КНЯЖЕВА 2012).

В этом заключается основное отличие социальной рекламы от других видов и типов рекламных сообщений. Социальная (некоммерческая) реклама — это реклама, спонсорами которой являются некоммерческие институты с целью привлечь внимание к делам общества и злободневным проблемам человечества, передать сообщение, которое пропагандирует определенное позитивное явление и формирует основополагающие гуманитарные принципы социального сознания.

Появление первых продуктов социальной рекламы относят преимущественно к 1906 г., когда Американская гражданская компания выпустила листовки, призывающие к защите Ниагарского водопада от вреда, наносимого энергетическими компаниями, хотя и до этого в США уже существовали специальные тексты социальной направленности. Во времена Гражданской войны в США (1861—1865) публиковались различные объявления чисто социального характера. Эти объявления призывали граждан к восстанию

против социальной несправедливости и имели большой успех.

Истоки российской социальной рекламы уходят далеко вглубь истории. Существуют доказательства существования специальных текстов, обладающих воспитательной функцией, уже в текстах XVIII—XIX вв. и даже XVII в., когда в повседневную жизнь русского человека вошел жанр «назидательного лубка». Исторически назидательные лубки представляют черно-белые гравюры, которые впоследствии расписывали вручную. На них изображались сюжеты самой разной тематики: от литературных сюжетов, животных, пейзажей до образов социально значимых проблем.

Вплоть до начала XX в назидательные лубки вполне выполняли свои функции в обществе: способствовали формированию негативного отношения к неприемлемым в обществе качествам и поступкам — к пьянству, невежеству, а также внедряли представления о правильном поведении (БЕРДЫШЕВ 2008: 65).

В XVIII в. назидательные лубки впервые стали использоваться в качестве прямого носителя социальной рекламы. Примером тематики назидательных лубков «нового образца» служит пропаганда необходимости вакцинации населения против оспы.

Назидательные лубки являются не только русским артефактом, подобные картинки были распространены практически во всех европейских странах. В период обострения какой-либо политической ситуации они использовались для высмеивания противника или, наоборот, для поднятия патриотического духа. В частности, в истории известны английские лубки, в которых высмеивался Наполеон.

Военное время является расцветом социальной рекламы как жанра, так как в это время появляется понятие «рекрутинговый плакат». Это большие, яркие, привлекающие внимание плакаты, которые агитируют новобранцев идти в армию. Первой страной, использующей данный способ привлечения внимания к военной службе и защите Родины, стали Соединенные Штаты Америки в 1917 г., когда на свет появляется знаменитый «дядя Сэм» (нарисованное олицетворение Америки) в исполнении Джеймса Монтомери Флегга.

Военная тематика положила начало развитию русскоязычного социального плаката. Во время Первой мировой войны появились такие культовые плакаты, как «Ты записался добровольцем?» и «Родина-мать зовет!»

Во второй половине XX в. социальная реклама уходит от политики и военной тематики, на первый план выходит реклама коммунально-бытового и общественного характера, посвященная охране леса, безопасности детей дома и на улице, экономии природных ресурсов.

В современной России реклама социальной направленности приобретает свою значимость с 1995 г. и связана с появлением на телевидении рекламной акции «Позвоните родителям» телекомпании «Вид». Через несколько лет социальная реклама выходит на новый уровень, связанный с тематикой здоровья, охраны окружающей среды, безопасностью и с сохранением памятников истории.

В Европе феномен социальной рекламы развивается несколько иначе и разрабатывается в большей степени по заказу некоммерческих организаций.

Существует целый ряд крупных некоммерческих организаций Европы, которые считают своей целью формирование общественного мнения и привлечение внимания к проблемам социума. Примерами служат такие организации как Caritas (Германия), Центральный офис информации (Великобритания), Panaфриканская организация против СПИДа (Франция), Австрийский фонд помощи развивающимся странам (Австрия).

Немецкая некоммерческая (социальная) реклама не имеет правовых основ и не регулируется государством. На сайте центрального союза рекламы ФРГ, который регулирует деятельность организаций, занимающихся созданием и распространением рекламы, информация о некоммерческой рекламе отсутствует. Несмотря на это государственные структуры часто выступают в качестве заказчика социальной рекламы, которая направлена на популяризацию общественных ценностей.

Основной тематикой немецкой некоммерческой рекламы являются такие социальные проблемы как бедность и безработица,

здоровье, миграция, инклюзивное обучение и помощь людям с ограниченными возможностями, семья, религия. Для каждой из названных тематических направлений разрабатываются соответствующие программы и кампании по поддержке нуждающихся.

Отличительной чертой немецкой рекламы социальной направленности считается мягкость формы выражения. Ужасающие или угнетающие изображения действительности завуалированы, чтобы не шокировать публику и не вызвать отвращения и страха. Кровь и нелицеприятные эпизоды выражены символически и несут двойственный характер. Например, на плакате Немецкого Красного Креста (Deutsches Rotes Kreuz) по привлечению внимания к проблеме донорства для обозначения образа крови были использованы чернила.

Социальная реклама, как немецкая, так и российская, не несет в себе коммерческого подтекста. Если целью коммерческой рекламы является привлечение внимания к определенному предмету или товару для получения выгоды, то социальная реклама охватывает бытовые, общественные или глобальные проблемы.

По тематике социальной рекламы ее можно условно разделить на следующие группы:

- реклама определенного образа жизни (отказ от курения, употребления алкоголя, забота об окружающей среде и т. д.);
- гражданские права и обязанности, идея патриотизма (любовь к Родине, своевременная уплата налогов);
- борьба с пороками и угрозами, предупреждение катастроф (проблема низкого уровня жизни в некоторых странах, голод, война);
- профилактика личной безопасности граждан (соблюдение правил дорожного движения) (ЗЕВАХИНА 2009).

Анализ теоретической литературы показывает, что различают социальную рекламу позитивной и негативной направленности. Позитивная социальная реклама обращает внимание реципиента на положительные явления и создает позитивный образ, а негативная социальная реклама обращается к отрицательным, деструктивным моделям поведения в социуме, показывая

их разрушительный характер.

По формату социальную рекламу подразделяют на звуковую, текстовую, визуально-графическую, визуально-кинематографическую и визуально-объектную.

Продукты социальной рекламы (плакаты, Интернет-реклама) имеют огромный воздействующий потенциал и получают широкое распространение в средствах массовой информации. Эта воздействующая сила объясняется тем, что они объединяют в себе языковую и визуальную знаковую системы и выходят за рамки привычной лингвистики.

Важным шагом в изучении рекламного текста в лингвистике является анализ продукта как креолизованного текста,

...фактура которого состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащий к другим знаковым системам, нежели естественный язык) (ТЕРСКИХ 2017: 77).

Подчеркнем, что специфика креолизованного текста состоит не столько в визуальной и вербальной информации, которые формируют единое информационное пространство, а в невозможности первоначальной интерпретации одной части текста без другой. В отличие от обычного иллюстрированного текста полнота креолизованного текста достигается только за счет восприятия всех составляющих текста одновременно.

Процесс создания креолизованного текста характеризуется тем, что он осуществляется одновременно по двум каналам (вербальный и невербальный), в противном случае текстовая логика теряется. Креолизованные тексты способны передавать не только само послание, но и отношение к нему, степень доверия, общее настроение, передаваемое вместе с сообщением (ВЕЖБИЦКАЯ 1985).

Воздействующий потенциал текстов социальной рекламы может быть, на наш взгляд, успешно описан в свете теории речевых актов — центральной концепции лингвистической прагматики (А. Вежбицкая, И. М. Кобозева, Л. М. Медведева, Дж. Остин, Дж. Серль, Ю. С. Степанов и др.).

В основе данной теории лежит понятие самого речевого акта, понимаемого как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации (АРУТЮНОВА 1990).

Согласно мнению Дж. Остина, одного из основоположников теории речевых актов, в каждом речевом высказывании можно выделить два типа семантического значения, принципиально отличных друг от друга. Первый подразумевает под собой собственно лингвистическое содержание речевого акта, которое может быть обнаружено в поверхностной структуре высказывания на основе анализа формально-грамматического состава высказывания. Второй заключается в прагматическом содержании высказывания, которое может варьировать в зависимости от содержания самой коммуникативной ситуации; подробнее см. в (НИКОНОВА 2007; НИКОНОВА 2013) и др. Таким образом,

помимо собственно языковой информации, выраженной лексическими и грамматическими средствами языка, актуализованное в речи высказывание обладает ситуативным смыслом, являющимся в некоторых случаях ключом к его пониманию (БАРАКИНА 1998: 20).

Прагматическое значение речевого акта как минимальной единицы коммуникации формируется в результате осуществления говорящим целенаправленного речевого действия, выполняемого с опорой на принципы и правила речевого поведения, используемые в том или ином обществе, обладающего иллокутивной силой и способного «непосредственно воздействовать на сознание адресата, вызывая определенный перлокутивный эффект, а также как финальный акт в серии прочих речевых действий» (АРУТЮНОВА 1990).

Перлокутивный эффект речевого акта напрямую связан с его коммуникативной успешностью и может измеряться степенью реакции реципиента в ответ на совершенный речевой акт, выходящей за рамки речевого акта. Достижение определенной реак-

ции со стороны реципиента лежит, напротив, в плоскости коммуникативного замысла говорящего через использование им заданных вербальных и невербальных средств коммуникации.

В рамках исследования, проведенного автором настоящей работы, осуществлен анализ немецкоязычных текстов социальной рекламы на предмет выявления языковых средств достижения перлокутивного эффекта.

Эмпирический материал составили около 1000 официально опубликованных текстов социальной рекламы последних лет, отобранных методом сплошной выборки в поисковых сервисах Google и Yandex и на официальных сайтах различных коммерческих и некоммерческих благотворительных организаций, государственных структур Германии, в том числе плакаты некоммерческих благотворительных организаций Caritas, Диякония Евангелической церкви, Немецкий Красный Крест и др.

2. Результаты исследования и их обсуждение

В результате анализа удалось выявить разноуровневые языковые средства, используемые носителями немецкого языка в текстах социальной рекламы для получения необходимой степени воздействия на реципиента (перлокутивного эффекта).

Лексические средства представлены, в основном, определенными частями речи. Глагол выступает в большинстве случаев прагматическим ядром текста социальной рекламы, например:

Kein Alkohol! Nimm Teil an der 3 Tage Challenge!

Kinder retten die Welt.

Alles rächt sich irgendwann;

Team sucht ErzieherInnen;

Der beste Weg, die Ausbreitung des Virus zu vermeiden, zu Hause zu bleiben.

Исследование показывает, что используемые в текстах социальной рекламы глаголы используются, чаще всего, в настоящем времени, что обусловлено стремлением рекламодача подчеркнуть актуальность и важность проблемы.

Как показывает анализ, немецкоязычные тексты социальной рекламы изобилуют такими глаголами как *machen, helfen, fühlen,*

спраgen пр. Семантический анализ позволяет установить, что все они объединены семей «изменение» и «помощь». Исходя из этого, перлокутивный эффект текстов социальной рекламы достигается за счет воздействия на реципиента на эксплицитном уровне — рекламные тексты содержат прямой призыв к действию, изменению, помощи:

Anschnallen. Bleib am Leben.
Schenke Leben, spende Blut.
Hilfe, bevor es nicht zu spät ist.
Legen Sie Ihr Smartphone weg und fahren Sie einfach.
Darum bitte, LASST UNS LEBEN!

В последнем слогане обращает на себя внимание шрифтовое выделение, которое призвано сконцентрировать внимание получателя информации на ключевых аспектах рекламной кампании некоммерческой организации.

Среди модальных глаголов наибольшую частотность демонстрирует глагол köpnen, который следует в предложении, как правило, после подлежащего, выраженного личным местоимением:

Sie können jemandes Held werden. Spende Blut.
Zusammen können wir fliegen.
Wir können alles schaffen... aber nur gemeinsam.

Использование модального глагола в сочетании с личным местоимением создает особый перлокутивный эффект, который заключается в побуждении реципиента к действию. Прочитав рекламный слоган, он отождествляет себя с обществом (в случае использования местоимения wir) или воспринимает слоган как прямое обращение (в случае использования местоимений ich, du).

Высокую частотность кроме глаголов демонстрируют также существительные. Анализ показал, что самыми распространенными являются имена нарицательные, которые номинируют конкретные, неабстрактные понятия, например:

Zigarettenkippen machen in Berlin fast die Hälfte des Mülls aus.

Этот пример направлен на две целевые группы и вызывает у представителей различных целевых групп различные эмоции. С одной стороны, номинативная группа «окурки» связана с идеей

о вреде курения. С другой стороны, количество окурков на улицах Берлина подчеркивает проблему сохранения порядка и охраны окружающей среды. Констатация факта о колоссальном количестве мусора в виде окурков заставляет общественность задуматься о глобальных проблемах, таких как здоровье нации и охрана окружающей среды.

Как показывает анализ слоганов некоммерческих организаций, прилагательные используются, как правило, в составе рекламных текстов в сравнительной или превосходной степенях, что способствует созданию ярко выраженного перлокутивного эффекта, поскольку такое речевое оформление характеризуется максимальным экспрессивным потенциалом:

Das größte Wunder des Meeres ist, dass es noch lebt.

Je schneller Sie helfen, desto besser.

Schläfrigkeit ist stärker als du.

Weit weg ist näher, als du denkst.

Die größte Katastrophe ist das Vergessen.

Особым воздействующим потенциалом, способствующим достижению перлокутивного эффекта в текстах социальной рекламы, являются числительные, указывающие на конкретные данные. Использование такого приема оказывает убеждающее действие на реципиента, поскольку наглядно демонстрирует масштаб проблемы:

Für tausende Kinder in Osteuropa ist das Leben kein Spiel.

Näher an 10% der Kinder unter 10 Jahren hatten bereits Selbstmordgedanken.

Tabakrauch enthält über 70 Stoffe, die erwiesenermaßen an Tieren getestet wurden.

Использование местоимений играет в некоторых случаях особую роль в достижении воздействующего эффекта.

Например, местоимение *ich* (я) используется в рекламных текстах некоммерческих организаций для того, чтобы реципиент отождествил себя с отправителем сообщения, которое размещено на рекламном баннере. В таком случае получатель информации подсознательно отождествляет себя с экспертом, разбирающимся

в проблеме:

Ich mag das nicht.

Ich glaube, dass Heimat im Herzen beginnt.

Ich glaube, kein Lebensabend sollte dunkel sein.

Местоимение *du* (ты), будучи эксплицированным в текстах социальной рекламы, имитирует диалог с реципиентом, что также может создавать определенный перлокутивный эффект:

Du bist keine Skizze. Sag nein zu Magersucht.

Opfer sind Menschen wie du und ich.

Использование местоимений в текстах социальной рекламы создает в целом чувства единения, присутствия и общности.

Фоностилистические средства языка занимают важное место в создании перлокутивного эффекта в текстах социальной рекламы. Они делают текст более ярким, живым и эмоциональным. Прежде всего обращают на себя внимание средства создания особого ритма, делающие текст запоминающимся — аллитерация, рифма, анафора и пр.

Максимальную частотность показывает в немецкоязычных текстах рекламы прием аллитерации, под которой понимается сочетание в узком контексте повторяющихся или схожих звуков, например:

Papier sparen — Planeten retten

Plastiktüten töten.

Wer trinkt, fährt nicht.

При использовании такого приема рекламный слоган приобретает стихотворную форму и легко запоминается.

Рассмотрим следующий пример:

Gute Sitte in Mitte.

В приведенном рекламном слогане некоммерческой организации обращает на себя внимание повтор звука [t] в каждом слове, что делает его благозвучным и способствует его запоминанию.

В следующем слогане некоммерческой организации прием аллитерации используется в сочетании с графическим выделением ключевой информации рекламной кампании:

Ich bin gegen
Tierquälerei
Tierversuche
Tötungsstationen

В этом примере все три ключевые слова начинаются на звук [tʰ], что создает особый перлокутивный эффект.

Богатым потенциалом в аспекте достижения перлокутивного эффекта обладают, как показали результаты анализа, *лексико-стилистические средства*.

Использование в текстах некоммерческой рекламы метафоры помогает отправителю сообщения создать яркие запоминающиеся образы, которые, будучи основаны на бытовых и повседневных реалиях жизни человека, характеризуются сильным манипулятивным потенциалом, что способствует достижению ярко выраженного перлокутивного эффекта и побуждает общественность к принятию решения:

Rauchen ist ein Mordgeschäft.

В этом примере процесс курения олицетворяется с убийцей, что создает фрустрационный эффект и заставляет реципиентов задуматься о собственном здоровье.

die tickende Zeitbombe

Этот слоган социальной рекламы нацелен на пропаганду использования альтернативных источников энергии и акцентирует внимание на опасности, которую представляет собой ядерные источники. Ядерная энергия предстает в образе бомбы, детонатор которой запущен.

Помимо метафоры достаточно эффективным приемом для достижения перлокутивного эффекта показывает себя антитеза, которая создает противопоставление хорошего и плохого:

Forschung ja — Tierversuche nein!

Sag nein zu Drogen, sag ja zum Leben.

Mein Beruf ist, die Begabung statt Behinderung zu sehen.

Ich glaube an die Stärken der Schwächsten.

В первых двух слоганах некоммерческих организаций антитеза *nein/ja* очевидным образом указывает реципиенту, какой из предложенных вариантов является верным. В третьем примере понятия «дар, талант» и «ограничение, неполноценность» являются противоположными и чаще всего не могут существовать вместе. Автор не только сравнивает эти понятия, но и объединяет, стремясь показать, что все возможно.

Прием олицетворения, заключающийся в перенесении свойств и качеств живого существа на неодушевленные предметы, также широко используется в текстах социальной рекламы для достижения перлокутивного эффекта:

Alkohol gräbt eine Lücke zwischen Ihnen.
Wenn das Alter Mauern baut.
Wenn Armut Mauern baut.

В первом примере алкоголь предстает в сознании реципиента одушевленным существом, к тому же достаточно физически развитым, так как способен выполнять сложную физическую работу, например, вырыть яму. Такое олицетворение вызывает у реципиента чувство опасности перед алкоголем, а также чувство отвращения и жалости к тем, кто не может справиться с алкогольной зависимостью.

В следующих двух примерах понятия «возраст» и «нищета» наделяются способностью самостоятельно разделять людей на определенные группы и порождать дискриминацию.

Следующее выразительное средство, способствующее созданию образности и перлокутивного эффекта — это эпитет.

Vernachlässigte Kinder fühlen sich unsichtbar. Stoppen Sie jetzt Kindesmissbrauch.

Эпитет *unsichtbar* 'невидимый' моментально создает в сознании реципиента образ «невидимого» ребенка, ребенка, который никому не принадлежит и находится к опасности. Результат использования такого эпитета в текстах социальной рекламы — чувство вины и личной ответственности, возникающее у реципиента.

Анализ показал, что в текстах немецкой социальной рекламы

используются эвфемизмы с целью скрыть нелицеприятные стороны действительности.

Jedes dritte Baby stirbt nach Wahl.

Эвфемизм *Wahl* в данном примере несет в себе смысл прерывания беременности.

Je schneller Sie fahren, desto schneller kommen Sie dort an.

Здесь лексическая единица *dort* призвана завуалировать понятие «смерть».

Большим потенциалом в аспекте достижения перлокутивного эффекта обладает прием языковой игры, например:

Mäuse trinken kein Alkohol, sie haben Angst vor dem Kater.

В этом примере языковая игра базируется на многозначности лексической единицы *Kater*, среди семантических значений которой 'кот' (общее значение), 'похмелье' (разговорное значение).

Treffen sich eine Deutsche, eine Iranerin und eine Syrerin im Kino — kein Witz.

В этом случае автор использует кальку известного анекдота, заменив типичные для анекдота национальности на те, которые связаны в Германии с миграционным кризисом.

Überstunden, Mutter, Kind.

Автор отсылает нас к названию известной детской игры «дочки-матери» (*Vater, Mutter, Kind*), где слово «отец» заменено на словосочетание «дополнительные часы работы».

Следует отметить, что в текстах немецкой социальной рекламы использование стилистически сниженной лексики фиксируется крайне редко, были отмечены лишь единичные примеры.

Грамматические (морфологические и синтаксические) средства позволяют наряду с вышеуказанными разноуровневыми средствами создать яркие и запоминающиеся слоганы социальной рекламы.

С точки зрения синтаксической организации, рекламные слоганы некоммерческих организаций представляют простые нераспространенные, часто эллиптические, предложения. Такое синтаксическое оформление соответствует маркетинговым прин-

ципам создания эффективного рекламного слогана, который должен быть кратким и легко запоминающимся.

Pelz tötet.

Die Erde erwärmt sich.

В ходе анализа было отмечено также использование такого синтаксического приема как парцелляция, которая призвана оказывать воздействующий эффект тем, что создает определенную паузу и дает реципиенту время для самостоятельного размышления над проблемами и возможными путями ее решения:

Leben retten. Stub es aus.

Marihuana. Was ist gut daran? Nichts.

Wer das Land liebt, kommt nicht mehr davon los. Zumindest nicht mit dem Bus.

Имеет место также употребление риторического вопроса как средства достижения перлокутивного эффекта, способствующего тому, что вопросительное предложение непременно побуждает реципиента к рефлексии.

Hinterlassen wir der nächsten Generation zu viele Baustellen?

Lebt die alte Generation zu Lasten der jungen?

Kann die junge Generation künftige Lasten stemmen?

Muss die nächste Generation für zwei arbeiten?

Wie schweißen wir alle Generationen für eine gute Zukunft zusammen?

Высокую частотность показывают при употреблении в текстах социальной рекламы восклицательные предложения, которые содержат в своем составе, как правило, императив основного глагола, выражающий прямой призыв к действию.

Bitte hilf diesen Kindern!

Der Tierquälerei ein Ende!

Hilf dem Elefanten mit deiner Spende!

Schützen wir die Wunder der Natur!

Stopp die Tierversuche!

В ходе анализа рекламных слоганов некоммерческих организаций было установлено, что в ряде случаев рекламодатели используют *графические и визуальные приемы* в сочетании с языковыми, что позволяет им максимально эффективно добиваться

перлокутивного эффекта. Часто визуальные формы подачи проблемной информации сочетаются с языковыми приемами.

3. Заключение

Суммируя вышеизложенное, отметим, что проведенное исследование позволило сделать теоретически и практически значимые выводы о языковых средствах достижения перлокутивного эффекта в текстах немецкой социальной рекламы.

В качестве методологической основы исследования выступила теория речевых актов, обладающая высоким объяснительным потенциалом при описании прагматической составляющей исследуемых текстов.

Анализ теоретической литературы показал, что социальная реклама является инструментом социальной политики, а также коммуникативной технологией, направленной на формирование общественного мнения.

Способность продуктов социальной рекламы оказывать эмоциональное воздействие и вызывать у реципиента строго определенную ответную реакцию обусловлена их особой структурой. Комбинация вербального и невербального компонентов креолизованного текста социальной рекламы действует на реципиента, как единое информационное поле, способное передавать не только само сообщение, но и отношение к нему, степень доверия, настроение.

Перлокутивный эффект текстов социальной рекламы достигается наличием в их концептуальной структуре прагматической доминанты, находящей выражение в разноуровневых языковых средствах.

Полученные результаты расширяют имеющиеся в лингвистике сведения о языковых средствах достижения перлокутивного эффекта в текстах социальной рекламы в немецком языке.

Исследование может быть продолжено на материале других языков и в сопоставительном аспекте.

© Никонова Ж. В.

1.6. DAS ADJEKTIVSYSTEM DER DEUTSCHEN SPRACHE: SUBKLASSEN UND ENTWICKLUNGSTENDENZ

1. Allgemeine Bemerkungen

Seit jeher sind Adjektive Gegenstand der eingehenden grammatisch und lexikal orientierten Abhandlungen. Mit der Zeit bildete sich die traditionelle Auffassung dieser Wörter als kategorielles Mittel zur Bezeichnung der Merkmale, vor allem Eigenschaften (= Qualität) der Dinge, Geschehen, Umstände usw. (JUNG 1996: 302; BOLLINGER 1975: 145; LONG 1962: 42-43; ВИНОГРАДОВ 1972: 152).

Auch in den neueren Untersuchungen bleibt diese Auffassung der Wortart im Wesentlichen unverändert, obwohl schon auf den ersten Blick die Verschwommenheit ihres (d. h. der Wortart) Aufbaus zutage tritt. In dieser Hinsicht bleiben auch heutzutage einige Probleme aktuell, die mit dem linguistischen Status der Adjektive als einer Wortart verbunden sind. Nur um einige zu nennen: Handelt es sich um eine Wortart „Adjektive“ als eine grammatische Kategorie, oder haben wir es mit einem System (einer semantisch-funktionalen Kategorie) der Eigenschaftswörter zu tun? Wo liegen die Grenzen der Subklassen und der Klasse im Ganzen? Auf welche Weise sind die Semantik der Eigenschaftswörter und die von ihnen zu erfüllenden syntaktischen und semantischen Funktionen aufeinander bezogen? Es bleibt auch die Frage offen, ob einzelne Einheiten wirklich eine Qualität bezeichnen, und wenn ja — welcher Art Qualität es ist?

Es handelt sich in erster Linie um Wörter wie *gut*, *schlecht*, *schön*, *richtig* u. dgl., die unserer Meinung nach eher zu Wert- oder Modalwörtern zu zählen sind. Wie bekannt, ist diesen Wörtern eine ausgesprochen pragmatische Bedeutung (im Rahmen der Begriffe „gut — schlecht“, „viel — wenig“) eigen, wobei deskriptive Bedeutung der Eigenschaft kontextgebunden ist (vgl. ein *schöner* Park, ein *schönes* Mädchen, eine *schöne* Stadt, wo *schön* in jeder Wortverbindung ganz unterschiedliche Eigenschaftsbedeutungen impliziert). Objektiv betrachtet geht es um eine Gruppe von Wertwörtern, die zum System der Adjektive gezählt werden können wegen ihrer Fähigkeit, kontext-

bedingte Eigenschaften des zu bestimmenden Gegenstandes zu implizieren. Es sei zu bemerken (und die Ergebnisse der Analyse bestätigen es), dass diese Gruppe, obwohl im Adjektiv-System nicht so umfangreich (7,7%), letzten Endes ein Pol bildet, dass die Entwicklungstendenz der deutschen Adjektive zu deren semantisch-funktionalen Erweiterung krönt, u. Z. zur Umorientierung auf qualitativ-wertende Bedeutung und Funktion. Und es ist nicht verwunderlich, wenn man bedenkt, dass jede Charakteristik aufs engste mit der subjektiven Einschätzung der Eigenschaften seitens des Sprechenden verbunden ist. Was aber die Wörter wie *sicher*, *wahrscheinlich*, *wirklich*, *normal* anbetrifft, so sind sie eher Modalwörter, die die subjektive Einschätzung eines Geschehens zum Ausdruck bringen.

Die Rede ist auch von adnominalen Derivaten wie *mechanisch*, *Eustachisch*, *russisch* u. dgl., die zwar als eine wichtige Quelle der Schöpfung immer neuer Adjektive im eigentlichen Sinne zu betrachten sind (HOTZENKOECHERLE 1968), deren Status als Einheit des Adjektivsystems aber einer Begründung bedarf. Ist ja klar, dass diese Lexeme eine besondere Art der Qualität bezeichnen, die mit der Qualität, von den Wörtern wie etwa *grün*, *trocken* usw. bezeichnet, nicht gleichzusetzen ist.

Von diesem Standpunkt aus müssen auch einige andere Wortgruppen behandelt werden, die zwar zu Adjektiven gezählt werden, deren semantisch-funktionale Eigentümlichkeiten aber im Vergleich zu denen der „echten“ Adjektive stark reduziert sind. Man verweise als Beispiel auf Wörter wie *link*, *ober*, deren syntaktisch-funktionale Merkmale auf ein einziges — attributives — begrenzt sind (und das ist auf ihre semantischen Eigentümlichkeiten zurückzuführen!).

Darüber hinaus haben wir es mit dem System zu tun, dessen Subklassen in semantisch-funktionaler Hinsicht nicht homogen sind. Demzufolge muss man einsehen, dass das semantische Kriterium — die Bedeutung der Eigenschaft (= Qualität), wenn auch traditionell als eigentliche Grundlage des Adjektivsystems aufgefasst, in den oben betrachteten Fällen stark abweicht zugunsten des formalen Kriteriums, u. z. des der Übereinstimmung des Beiworts mit dem näher zu bestimmenden Substantiv in Genus, Zahl und Kasus. Dass dieses Kri-

terium auch für andere Wortarten und deren Subklassen kennzeichnend (vgl. Demonstrativ-, Possessivpronomen, Partizipien in attributiver Funktion) und deshalb nicht ausgesprochen für Adjektive relevant ist, ja im Gegenteil das Bild der Wortarten und ihrer Grenzen verwischt, liegt auf der Hand. Man kann auch darauf hinweisen, dass für das deutsche Adjektiv mit seinen drei Typen der Deklination dieses Kriterium überhaupt keine primäre Stellung einnehmen kann (АЛЕКСАНДРОВ 1978).

Nicht weniger fragwürdig scheint die Behauptung über die Relevanz der Kategorie der Steigerung als Kriterium der Aussonderung der Adjektive. Dieses formale Kriterium erweist sich als unzulänglich nicht nur für eine beschränkte Gruppe der Adjektive wie *blind*, *tot*, *schwanger* usw., sondern (und das ist wichtig!) für einen großen Teil der Bezugsadjektive.

Wenn diese Eigenschaftswörter und Subklassen doch zum Bestandteil der Wortklasse „Adjektive“ gehören (und das wird wohl niemand bestreiten), so *nur*, weil sie alle sozusagen „eigenschaftsbezogen“ sind.

Derselbe Sachverhalt ist auch für grammatische Beschreibung der russischen Adjektive. Dieser Standpunkt ist z. B. im oben zitierten Werk von V. V. Vinogradov vertreten. Diese Tradition der russischen Grammatik geht auf die klassische Interpretation der Adjektive zurück, die ihren Anfang vermutlich im Werk von A. Vostokov findet (ВОСТОКОВ 1831: 26-27). Der Autor zählt zu dieser Klasse Kardinalzahlen, Frage- und Demonstrativpronomen. In der neueren *Grammatik der russischen Gegenwartssprache* (ШВЕДОВА 1970: 307-308) werden die Grenzen der Klasse durch undeklinierbare Modalwörter wie *буквально*, *действительно* erweitert, obwohl ihr krasser Unterschied von Adjektiven im eigentlichen Sinne offensichtlich ist.

Die Situation bleibt im Wesentlichen unverändert bei der Felduntersuchung des Adjektivsystems (FLÄMIG & al. 1980: 606-607; vgl. auch MOSKALSKAJA 1971: 227-235, СТЕПАНОВА 1978, MOTSCH 1981), der zufolge, z. B. in *Grundzügen einer deutschen Grammatik* zu dieser Klasse sowohl Wertwörter (*nützlich*, *schadhaft* u. dgl.), als auch Zahlwörter (der *eine* Bruder, der *fünfte* Tag u. dgl.) gezählt werden. Die Einreihung der Kardinalien in die Klasse der Adjektive, getarnt mit

den Termini wie *Zahladjektive* (der *erste*, der *dritte*), *Gattungsadjektive* (einerlei) (HELBIG & BUSCHA 1984: 281-282¹), die Zuschreibung diesen Wörtern der Bedeutung 'Eigenschaft des Maßes und der Zahl' (JUNG 1966: 303) verdunkeln eher ihre wahre semantische Funktion und sind auf der irreführenden (unserer Meinung nach) These über die Gemeinsamkeit der Vergleichsformen und wortbildenden Formen der Ordnungszahlwörter (der *fünfte* Tag, der *zwanzigste* März) aufgebaut. Um Inkonsequenzen solcher Art aus dem Wege zu gehen, versuchte in den 40-er Jahren der russische Linguist A. Šachmatov die Einreihung der Ordnungszahlwörter in die Adjektivklasse anhand sekundärer Bedeutung der Eigenschaft zu erklären, die einigen Wörtern dieser Gruppe eigen sein können (vgl. der *erste* Schüler = der Schüler, der sich durch bestimmte Eigenschaften positiver Art (leistungsstark, fleißig) von anderen Schülern als der beste abhebt) (ШАХМАТОВ 1941: 491).

Die Unzulänglichkeit der adäquaten Beschreibung des Adjektivsystems ist letzten Endes auf die Verschwommenheit der linguistischen Auffassung der Eigenschaft (= Qualität) zurückzuführen, obwohl dieses Kriterium bei der Aussonderung der Klasse eine grundlegende Rolle spielt und zu analysierende Wörter als Einheiten des Adjektivsystems markieren soll.

Dass die Bedeutung der Eigenschaft das funktional-semantische Wesen des Adjektivs beeinflusst, kann man z. B. an den Eigenschaftswörtern (*blond*, *blind*, *taub* u. ä.) sowie bei adnominalen Derivaten (*frikativ*, *dorisch*, *euklidisch* u. ä.) veranschaulichen. Die Neutralisation die-

¹ In diesem Zusammenhang scheint der Beitrag von Markus Hundt von Interesse, wo auf das Vorhandensein der Übergangsbereiche der Adjektive zu anderen Wortarten hingewiesen wird — ein Beispiel der unscharfen Kategoriengrenzen zwischen den Wortarten im ganzen (HUNDT 2000: 10). Es wäre folgerichtig anzunehmen, dass dasselbe Prinzip der semantisch-funktionalen Auflösung als allgemeiner Charakterzug der Feldstruktur der Sprache auch für den inneren Aufbau des Adjektivsystems gültig ist. Die Frage ist — von welchem sprachlichen Mechanismus wird das dialektische Zusammenwirken einzelner Klassen und Subklassen geregelt?

ser Art hängt zweifellos mit spezifischer Bedeutung der Adjektive zusammen (hoher Grad der Eigenschaft, die in vollem Maße zum Vorschein tritt und die entweder ein volles Maß der Eigenschaft widerspiegelt, die von Grund auf nicht als gestärkt oder geschwächt erscheinen kann (*blind, taub*) oder als klassifizierendes Merkmal eines Gegenstandes auftritt und schon deshalb an der Steigerung nicht teilnimmt).

Worin liegt aber die Spezifik des semantischen Kriteriums bezüglich der Klasse der Adjektive? Wenn man bedenkt, dass es sich um signifikative Bedeutung eines Merkmals handelt, die die wichtigsten inhaltlichen und funktionalen Momente des Begriffs der Qualität widerspiegelt, so wäre es konsequent, auf diese logisch-semantischen Momente einzugehen, die in der Logik und Philosophie festgelegt sind, um in der darauffolgenden Analyse nachzuforschen, mit welchen Semen in der Bedeutung des Eigenschaftswortes sie korrelieren und anschließend — auf welche Weise diese Seme semantisch-funktionale Eigenartigkeit dieser Wörter regeln und beeinflussen. Wie es scheint, kann man nur unter dieser Voraussetzung die Einreihung der Beiwörter ins System der Adjektive begründen, ihre semantisch-funktionalen Besonderheiten aufdecken und somit nicht nur die Grenzen zwischen einzelnen Subklassen ziehen und deren Position im System feststellen, sondern auch die Tendenz dessen Entwicklung aufwerfen.

Wie bekannt, wird in der logischen und philosophischen Fachliteratur die Eigenschaft einmal als ein Merkmal aufgefasst, das mit dem Gegenstand aufs innigste verbunden ist, ihm anhaftet und es sozusagen in eine bestimmte Klasse der Gegenstände einreicht, zum anderen — als eine verhältnismäßig selbständige komplexe Sinneinheit, die über eigene sie konstituierende Momente verfügt (solche, wie z. B. „zufällig — wesentlich“, „dauerhaft — vorübergehend“ u. a. m.). In der Abhandlung verweisen wir uns auf die logische und philosophische Interpretation der Kategorie der Qualität, die zur Zeit der Arbeit am Thema vorwiegend zugänglich waren (АРИСТОТЕЛЬ 1939: 14; СПИРКИН 1960: 340; КОНДАКОВ 1975: 64; ЛУКЪЯНОВ 1982: 64; ИЛЬИН 1972: 14).

Ein Versuch, eine linguistisch orientierte Definition der Qualität zu formulieren, wurde seinerzeit vom russischen Sprachforscher K. Aksakov unternommen. Unter Qualität versteht der Autor

jene abstrakte und verständliche allgemeine Seite eines Gegenstandes, die in ihm eine Verwirklichung findet, die aber nicht unbedingt ihm gehört und als Allgemeines jeder Erscheinung gehören kann (АКСАКОВ 1880: 65-70).

Der zeitgenössische Petersburger Sprachforscher V. Pavlov präzisiert diese Definition, indem er bei der Untersuchung der relativen adnominalen Adjektive, genauer — ihrer Entwicklung zu qualitativen, dieses relevante Moment der Eigenschaft, u. z. die Bezeichnung mittels qualitativer Adjektive der Eigenschaft als des „Gleichen im Verschiedenen“ hervorhebt, dass für den Übergang der Bezugsadjektive in den Bereich der qualitativen Adjektive ausschlaggebend ist (ПАВЛОВ 1960: 65-70). Laut dieser Auffassung können Eigenschaften mit einer bestimmten, mehr oder weniger umrissenen Vorstellung korrelieren, sie im Bewusstsein hervorrufen und an verschiedenen Objekten erlebt werden. Solche Eigenschaften können bei all den Gegenständen aber nicht als ihre typisierenden Seiten, sondern eher als passiv, implizit vorhanden sein. Sie erscheinen in solcher Aufeinanderbezogenheit „Gegenstand — Eigenschaft“ als nicht dauerhaft, sondern sozusagen „vorübergehend“. *Grün* können nicht nur der Baum, sondern auch das Gras, unreife Äpfel, Augen, möglicherweise Wasser, Himmel usw. sein. *Grüne* Bäume werden im Herbst *gelb, rot; kaltes* Wasser kann erwärmt werden usw. Dieses Moment der Eigenschaft verhilft dazu, dass die Bedeutung des qualitativen Adjektivs als selbständiges, an dem Kontext nicht gebundenes Phänomen erscheint, das sein eigenes Denotat hat. Je nach dem Kommunikationsziel kann der Sprechende einem Gegenstand verschiedene Qualitäten zuschreiben, die nur „hier und jetzt“ für die Kommunikation wichtig sind. Das heißt, die Eigenschaft wird dem Gegenstand zugeschrieben, während die Verbindung selbst pragmatisch bedingt und deshalb frei und lose ist.

Ein weiteres wichtiges Moment der Eigenschaft (und somit des Adjektivs) — ihre gegenständliche Bezogenheit (s. oben die Definition von K. Aksakov) wurde Anfang des 19. Jh. vom russischen Linguisten D. Ovsjaniko-Kulikovski besonders hervorgehoben, der diese Eigenart des Adjektivs vom Standpunkt der Logik interpretiert, u. z. als Form eines Gedankens, der Merkmale darstellt, welche in Gegenständen pas-

siv vorhanden sind (ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ 1902: 37-38). So implizieren Blumenarten verschiedene Farben, Dufte usw. „Passives“ Vorhandensein einer Eigenschaft im Gegenstand deutet übrigens darauf hin, dass es sich um eine Eigenschaft im Ruhezustand handelt. Dieses für die Eigenschaft relevante stativ Moment wurde von L. Sütterlin und E. Leisi besonders hervorgehoben, bei E. Leisi — als differenzierendes Merkmal bei der Gegenüberstellung deutscher qualitativer Adjektive vs. Adverbien (SÜTTERLIN 1923: 98; LEISI 1961: 40).

Die oben erwähnten Momente werden durch entsprechende Bedeutungskomponente (Seme) widerspiegelt, die in der Bedeutungsstruktur des Adjektivs bestimmte Konfiguration bilden. Zu solchen Semen gehören:

1) die gegenständliche Bezogenheit, die einer freien Verbindung der Qualität mit Gegenständen zugrunde liegt (*rot — Blut, Fahne, Johannisbeeren, Kirschen, Tomaten, Rosen, Licht, Nase, Gesicht* usw.; *frei — Land, Volk, Mensch* usw.; *jung — Geschöpf, Tier, Dame, Mannschaft, Leute, Autor, Gesicht, Mutter* usw.);

2) die innigste, untrennbare Verflochtenheit des Merkmals mit dem Gegenstand, die wir mit H. Ammann (AMMANN 1962: 153-185) „Inhärenz“ nennen und die Beständigkeit des Merkmals hinsichtlich eines Objekts voraussetzt und somit die Zugehörigkeit des Gegenstandes zu einer besonderen Art der Gegenstände markiert (wie etwa *rote Rübe, gelbe Rübe, gelbe Presse, mechanischer Webstuhl, Eustachische Röhre* und dgl.);

3) „Autonomie“ der Existenz der Qualität, d. h. ihre Unabhängigkeit von jeglichem Gegenstand. Diese ist auf das Vorhandensein eines selbständigen Denotats solcher Qualität zurückzuführen, ermöglicht dem Adjektiv breite Fügungspotenzen und ist offen zur Aufnahme emotionaler und modaler Schattierungen verschiedener Art (vgl. *klares Wasser — klares Lächeln*). Nicht zufällig wird dieses Moment von P. Grebe als klassenbildendes Kriterium hervorgehoben. Vgl. seine Interpretation des Adjektivs, dessen Grundleistung nach der Ansicht von P. Grebe darin besteht,

die Stellungnahme des Sprechers zu den Wesen oder Dingen..., zum Sein oder Geschehen..., zu Eigenschaften selbst ... oder auch zu Umständen ... auszudrücken, den Eindruck zu bezeichnen, den Wesen,

Dinge, Geschehen, Eigenschaften und Umstände auf ihn ausüben (GREBE 1962: 203);

4) statives Vorhandensein einer Qualität im Objekt.

Die Vollzähligkeit / Unvollzähligkeit der genannten Seme, ihre Kombination und Rangierung begründen: a) semantisch-funktionale sowie syntaktische Eigenart des Adjektivs, b) seinen Status hinsichtlich der Zugehörigkeit zu einer bestimmten Subklasse, c) bestätigen letzten Endes die Position der Subklassen im System, d) veranschaulichen die Dynamik der Beziehungen zwischen einzelnen, insbesondere peripherischen Segmenten.

2. Semantisch-funktionale Eigenart der Subklassen der deutschen Adjektive

So ist z. B. für *qualitative* Adjektive vor allem das Zusammenwirken von den Bedeutungskomponenten (1) „gegenständliche Bezogenheit“ und (3) „Autonomie“ kennzeichnend. Ihr Wert ist verhältnismäßig gleich rangiert; infolgedessen kann das qualitative Adjektiv die syntaktischen Positionen des Attributs, des Prädikatsattributs und des Prädikativs frei einnehmen (ein *kleines* Haus — Das Haus ist *klein* — Das Haus stand *klein* am Ufer des Flusses) — wichtige Momente, die Beiwörter dieses Typs zu Adjektiven im eigentlichen Sinne machen (MOTSCH 1968: 20), und ihre Kernposition im System berechtigen. Die Dynamik dieser Subklasse wird von der Rangierung der Seme (1) und (3) beeinflusst. Das lässt sich durch folgende Beispiele veranschaulichen. So verhilft in einigen Fällen die Relevanz des Sems (1) dazu, dass die Adjektive geneigt sind, vorwiegend mit Substantiven bestimmter semantischer Gruppen eine Verbindung einzugehen (wie etwa *blond* — *Haar*, *heiser* — *Stimme*, *corpulent* — *Körper*. Vgl. im Russischen: *карие* — *глаза*, *пегая*, *каурая* — *масть* [лошади] usw.). Diese enge semantische Bezogenheit bleibt beibehalten, wenn sich das Beiwort auf syntaktischer Ebene auch mit Substantiven anderer Subklassen oder mit Verben verknüpft (ein *blondes* Mädchen ist ein Mädchen, das *blondes Haar* hat; wenn man *heiser* spricht, so spricht man mit *heiserer Stimme*). Solche Adjektive unterliegen keiner Metaphorisierung eben wegen der ausgesprochenen Relevanz der Bedeutungskompo-

nente (1). Demzufolge ist ihre semantische — charakterisierende (qualitative) Funktion von einer klassifizierenden Schattierung überlagert. Allerdings ist ihnen dank des Sems (3) die syntaktische Position des Prädikativs und des Prädikatsattributs auch nicht fremd. Dabei sind prädikative Adjektive (wie *blond*, *vergilbt*) geneigt, über die qualitative Funktion hinaus den Gegenstand aus der homogenen Klasse auszuheben (*Ihr Haar war blond*, aber nicht *braun*), zum Unterschied von rein qualitativen Adjektiven, die in dieser syntaktischen Position eher eine subjektiv-wertende Schattierung annehmen, was nicht zuletzt unter dem Einfluss des Sems (3) möglich ist (Dieser Mensch war *klug*). Die oben skizzierte semantisch-funktionale Eigenart der stark ausgeprägten „gegenstandsbezogenen“ Adjektive (*blond*, *vergilbt* u. ä.) beeinflusst die Position dieser (allerdings sehr kleinen) Gruppe an der Peripherie der qualitativen Adjektive, wo sie sozusagen „Übergangszone“ zu „reinen“ Bezugsadjektiven bilden — der Subklasse, die dank ihrer obengenannten Rolle im System der Adjektive einer eingehenden Analyse bedarf. Am Rand der Subklasse der qualitativen Adjektive konzentrieren sich auch Beiwörter, die dank der Relevanz des Sems (3) emotional-modale Färbung leicht annehmen, je weniger die Adjektive und die näher zu bestimmende Substantive semantische Kongruenz aufweisen (vgl. *warmes Wasser* — *warme Worte*; *schwerer Koffer* — *schwere Sorgen*, *trockene Schuhe* — *trockene* [= allzu nüchterne, etwas langweilige] *Antwort*, *flaches Gelände* — *flaches* [= plattes, uninteressantes] *Buch* und dgl.).

Diese Gruppe bildet auch eine Übergangszone zur Subklasse der sog. *qualitativ-qualifikativen* Adjektive, in deren Bedeutung das Sem (3) stabil die Oberhand gewinnt und das wertende Sem als gleichberechtigte Komponente eingeschlossen ist. Demzufolge wirkt die semantische Funktion der Charakterisierung des Objekts mit der wertenden zusammen, was auch paradigmatisch in Wörterbüchern fixiert wird.

Die Analyse zeigt eine stabile Tendenz der Bedeutungsentwicklung einer großen Anzahl der Adjektive in dieser Richtung, die sich in der umfangreichen Gruppe der qualitativ-qualifikativen Adjektive (wie *steif*, *elegant*, *robust*, *dumm*, *knallblau* u. a. m.) resultiert. Ihr Anteil am System der deutschen Adjektive beträgt etwa 16,7% (vgl. mit der

Anzahl der rein qualitativen Beiwörter — 32,1%). Das berechtigt, sie als eine selbständige Subklasse im deutschen Adjektivsystem zu betrachten, die sich die Subklasse der qualitativen Adjektive anschließt, eine peripherische Stellung in diesem System einnimmt (wegen der der Qualität als solcher nicht eigenen Wertbedeutung) und eine „Übergangszone“ zu Wertadjektiven bildet.

Zum Unterschied von den oben analysierten Subklassen ist für *denominative Bezugsadjektive* der Vorrang der Bedeutungskomponente (2) „Inhärenz“ typisch, die den anderen Aspekt der Qualität manifestiert und somit den Status dieser Art der Derivate als Eigenschaftswörter berechtigt. Das Sem (2) widerspiegelt die untrennbare Verflochtenheit des Gegenstandes und dessen typischer Eigenschaft, die den Gegenstand als Vertreter einer bestimmten Art markiert, ihm gegenüber dauerhaft und stabil bleibt und keiner Veränderung unterliegt (sonst würde die Zugehörigkeit des Gegenstandes zu dieser Art verloren gehen). Es handelt sich um solche Adjektive und Wortverbindungen wie *dorische Säule, Eustachische Röhre, euklidischer Algorithmus, nichteuklidische Geometrie, übertarifliche Bezahlung, interdisziplinäre Forschungen, exotherme Reaktionen* usw.). In der Regel sind ihre syntaktischen Funktionen nur auf den attributiven Gebrauch reduziert. Weil in ihrer Bedeutung das Sem (3) ausbleibt, werden sie nicht gesteigert und lassen keine subjektiv-emotionale Färbung zu. Zum Unterschied von den oben besprochenen Subklassen kann die Eigenschaft, durch das Bezugsadjektiv bezeichnet, dem Gegenstand im Redeakt nicht zugeschrieben werden. Die Gruppe „Adjektiv + Substantiv“ wird als stehende Wortverbindung verwendet, wobei dem Bezugsadjektiv klassifizierende (und nicht qualitative oder qualitativ-qualifikative) Rolle zufällt.

Erst im Laufe sozial bedingter Erweiterung der Fügungspotenz des Adjektivs (vgl. *klinisch — Ausbildung, Behandlung, Unterricht; mathematisch — Aufgabe, Gleichung, Denken* usw.) wird das Sem der Inhärenz nach und nach zuerst durch das Sem (1) und dann — durch das Sem (3) verdrängt und tritt in den Hintergrund oder wird (in einigen Wortverbindungen) gar neutralisiert. Die Adjektive büßen an der klassifizierenden Funktion ein zugunsten der (qualifikativen) Charak-

terisierung des Objekts, die oft subjektiv-emotional gefärbt ist (vgl. *bürokratische Hemmnisse, verbrecherischer Leichtsin, eckiger Sprung, blumiger Stil* usw.), und rücken somit näher zu Subklassen der qualitativen oder qualitativ-qualifikativen Adjektiven oder überkreuzen sich sogar mit denen an Peripherien der Subklassen (z. B. *diplomatische Beziehungen, diplomatischer Korps* [hier dominiert das Sem (2)] — aber: Er ist *diplomatisch* genug [hier dominiert das Sem (3) in Verbindung mit dem subjektiv-wertenden Sem]). Dem zufolge können solche Beiwörter syntaktische Positionen des Prädikativs, des Prädikatsattributs und der Adverbialbestimmung einnehmen (vgl. Sein Gesicht wurde *eisig*. Sie lächelt mir *mütterlich* zu. Der Pflaumenbaum stand *kreidig* im Licht der Scheinwerfer usw.). Zum Unterschied von „reinen“ Bezugsadjektiven ist ihnen auch die Kategorie der Komparation nicht fremd (Diesmal war seine Antwort *diplomatischer*). Wie oben erwähnt, sind die Wörter dieser „Übergangszone“ oft emotionell gefärbt, denn ihre Bedeutungserweiterung vollzieht sich häufig aufgrund der Metaphorisierung, die den impliziten Vergleich nicht ausschließt (z. B. *bleierner Himmel* ist der Himmel, mit Wolken bedeckt, die grau wie Blei sind; *bleierne Müdigkeit* ist die Müdigkeit, die schwer wie Blei lastet. Vgl. auch: *tödlicher* (= sehr großer, starker, ausgeprägter) *Hass*; *giftiges Lächeln*, *blecherne Stimme* u. a. m). Vgl. auch die Interpretation solcher Derivate in Wörterbüchern (KLAPPENBACH & STEINITZ 1967/1978), z. B. *blechern* = metallisch klappernd; *dünn* (Klang, Stimme); *teigig* = wie Teig, geschmeidig; dickflüssig; mehlig; weich (Apfel, Birne, Farben); *gläsern* = fein, zerbrechlich wie Glas (Klang), bildl. = starr (Augen, Blick) usw. Insbesondere lässt sich Metaphorisierung und impliziter Vergleich bei Derivaten auf *-ähnlich*, *-artig*, *-förmig*, *-haft*, *-lich*, *-ig*, *-en* (*-ern*), *-isch* nachweisen (s. Beispiele oben! auch *gespenstisch* = *gespensterhaft* = einem Gespenst ähnlich, fig. unheimlich; *königlich*, fig. wie ein König vornehm u. a. m.), z. B.: Drei Motorradlampen sausten *raetenartig* über die Straße. Vor uns stehen *riesenhafte* Aufgaben.

Die Tendenz zur Erweiterung des Fügungsbereiches (die auf die Erweiterung der Bedeutung zurückzuführen ist) und somit zur Umorientierung auf charakterisierende (oft durch subjektiv-emotionale

Schattierung überlagert) Funktion ist bei denominativen Bezugsadjektiven dieser Art stark genug ausgeprägt, was ihre besondere Rolle im Adjektivsystem bestätigt. Davon zeugt auch ihr Umfang im Wortbestand der Adjektive, der im Vergleich zu dem Umfang der „reinen“ Bezugsadjektive viel größer ist (22,8% vs. 10%). Das oben Gesagte begründet den Status der Bezugsadjektive solcher semantisch-funktionaler Art als eine selbständige Subklasse der „qualitativen“ Bezugsadjektive, die eine peripherische Zone zwischen „reinen“ Bezugsadjektiven, qualitativen und qualitativ-qualifikativen Adjektiven einnimmt und mit ihnen dynamische Wechselbeziehungen eingeht.

Eine besondere Position in dem zu beschreibenden System nimmt die semantisch-funktionale Gruppe der sog. Adjektive-Adverbien ein, deren Status in der deutschen Linguistik noch diskutabel bleibt; vgl. dazu (LANG 1977: 97-156). Zu ihnen können Beiwörter wie *schnell* — *langsam*, *laut* — *leise*, *scherzhaft*, *pausenlos*, *unablässig* und dgl. gezählt werden. Die Analyse hat gezeigt, dass in ihrer Bedeutung das Sem „nicht Stativ“ vorhanden ist, das diese Beiwörter anderen Subklassen gegenüberstellt. Dieses Sem bestimmt den Bereich der Fügungspotenzen der Beiwörter voraus, u. z. vor allem den der Verben und Nomina actionis / agentis (vgl. *beifällig*: sich über *etw.* äußern, aussprechen; *etw.* aufnehmen, erzählen; Gemurmel, Bemerkung, Urteil). Ihre primäre syntaktische Funktion ist die der Adverbialbestimmung der Art und Weise. Sie gehen allerdings auch die Verbindungen mit Substantiven ein, die Gegenstände, Personen bezeichnen. Dabei rückt das Sem „nicht Stativ“ in den Hintergrund, wird aber nicht neutralisiert, und solche Verbindungen implizieren eine Handlung, einen Prozess, die von näher zu bestimmenden Personen, Gegenständen vollbracht werden. So bedeutet *ein schneller Junge* ohne Zweifel eine Person, die etwas schnell tut (reagiert, schreibt, antwortet), *ein präziser Mensch* ist eine Person, die präzise handelt usw., desto mehr bei Nomina instrumentalis (*ein schnelles Auto* — das Auto, das schnell fährt). Mit Recht wird diese Wortgruppe als Resultat der Umformung eines Verbalkomplexes betrachtet. Der Bezogenheit auf Substantive verschiedener semantischer Subklassen liegt unter anderem das Sem (3) zugrunde, das oft genug zur emotional-

stilistischen Färbung der Adjektive-Adverbien beiträgt (vgl. *plumpe Gestalt, Hände, sich plump ausdrücken*).

Diese semantisch-funktionalen Merkmale der Adjektive-Adverbien bestimmen nicht nur ihre Position an der Peripherie des Systems, sondern auch ihre Kontakt- ja Überschneidungszonen mit qualitativen und qualitativ-qualifikativen Adjektiven, wo die letzteren je vom Kontext auch adverbiale (sekundäre) Funktion übernehmen können (vgl. *ein scharfes Gesicht*, d. h. *scharfe Gesichtszüge*, auch: *ein scharfes Messer*, aber *etw. scharf sagen*; *hartes Brot*, aber *hart blicken* usw.).

3. Zusammenfassung

In der vorliegenden Abhandlung sind wegen Raummangels nur wesentliche Momente skizziert, die die Eigenart einzelner (aber nicht aller!) Subklassen der Adjektive und des Systems als Ganzes betreffen. Dieser Beschreibung liegt aber eine Analyse der Beiwörter der deutschen Gegenwartssprache zugrunde, anhand der Texte aus der schöngeistigen Prosa, des Deutschen Wörterbuchs von G. Wahrig (WAHRIG 1970) und des Wörterbuchs der deutschen Gegenwartssprache (KLAPPENBACH & STEINITZ 1968/1978) unternommen. Die Analyse bringt die Dynamik der deutschen Adjektive zum Vorschein, die nicht nur spezifische Beziehungen zwischen einzelnen Subklassen kennzeichnet, sondern auch die Tendenz ihrer Entwicklung und somit des Systems als Ganzes in Richtung zu Wertwörtern offenbart. Eine wesentliche Rolle spielt dabei das Sem der Autonomie, die sich allmählich durchsetzt und es ermöglicht, dass die emotionell-subjektive Schattierung sich in der Wortbedeutung stabilisiert und an dem Bedeutungswandel immer aktiver teilnimmt.

© Постникова С. В.

1.7. ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1. Полевой подход к исследованию синтаксиса

Полевой подход к системе синтаксических моделей отвечает современной методологии изучения объекта в лингвистике с опорой одновременно на принцип дискретности составляющих его элементов и принцип континуальности языковой системы, обеспечивающий ее гибкость и целостность. Изначально «теория поля» применялась, как известно, в исследованиях лексических систем языков (Г. Ипсен, Й. Грир, В. Порциг), однако оказалась универсальной теорией, объясняющей строение языковой системы в целом. В целом ряде трудов полевой подход применен к грамматическим, и, более узко, синтаксическим явлениям; см., в частности, в (АДМОНИ 1973); о понятии сентенционального поля в (КОВАЛЕВА 2009), семантико-функциональные поля в синтаксисе типологически разных языков в (КОПРОВ 2010).

Признавая знаковую природу предложения, современная лингвистика признает возможность глубинного сходства между словом и предложением как между единицами номинации. В соответствии с базовыми положениями когнитивной лингвистики синтаксическая модель предложения рассматривается как языковой репрезентант ментального образования — типовой пропозиции, или синтаксического концепта, и коррелирует с некоторой типовой ситуацией предметной действительности (КУЗЬМИНА 2015; ПОПОВА 2009; ФУРС 2009); см. обзор, например, в (АЛЬ-РУБАИ 2018) и др. Синтаксическая модель предложения включает минимальный набор синтаксических позиций (подлежащего, сказуемого, дополнения, локативного компонента), при заполнении которых лексическими единицами высказывание отражает ситуацию действительности со всеми ее обязательными участниками.

Интересным прославляется вопрос о том, каким именно образом, какими языковыми средствами фрагмент действительности

отражается в синтаксических моделях предложения, и, соответственно, от «формы к смыслу» — каким образом существующие синтаксические построения передают определенный смысл.

Относительно небольшое число структурных моделей языка (обзоры концепций выделения синтаксических структур и инвентарей синтаксических моделей предложения в английском языке см., например, в [Кузьмина 2009]) и способность каждой модели реализовываться в высказываниях не только о базовых типах ситуаций, принадлежащих конкретно-физическому миру, но и о иных многообразных типах ситуаций действительности той или иной степени абстрактности, не может не свидетельствовать о полевой организации синтаксических реализаций модели предложения как знака типового отношения между предметами.

2. Ядро и периферия реализаций синтаксической модели простого предложения

В настоящей работе мы исходим из представления о том, что ядерные и периферийные реализации модели коррелируют с разновидностями выражаемого высказыванием содержания — особенностями описываемой ситуации действительности. Определим, соответственно, ядерные реализации структурной модели как такие ее реализации, которые отражают ситуацию, характеризующуюся основными признаками базового типа отношения, кодируемого данной структурной моделью языка: тем же количеством и функциональными характеристиками участников и типом связывающего их отношения.

К ядру модели относятся и ее прототипические реализации, под которыми здесь понимаются такие реализации модели, которые отражают конкретное, наблюдаемое, то есть воспринимаемое органами чувств отношение между физическими объектами. Следует отметить, что понятия ядра и прототипа (об эволюции понятия прототипа в лингвистике см. в [Дружинин 2017]) (или «периферийности» и «непрототипичности») нередко выступают в лингвистических исследованиях как взаимозаменяемые. В связи с этим необходимо оговориться, что в данной работе понятия ядра и прототипа разграничиваются: прототипические реализации модели

рассматриваются как составляющие *часть* ядерных реализаций модели. Прототипичность связывается здесь в первую очередь с соответствием первичному опыту — конкретно-предметной, чувственно-воспринимаемой ситуацией действительности, отношением между физическими объектами (именно такие ситуации ранее иных «подлежат» концептуализации и синтаксической репрезентации). К ядру модели относятся и реализации, отражающие абстрактные ситуации, метафорически интерпретируемые как то или иное отношение предметного мира.

Периферийные реализации модели в отличие от ядерных отображают ситуации иного типа, чем те, за которыми в языке изначально «закреплена» данная модель. Поскольку ситуации, отражаемые периферийными реализациями модели, представляют собой другой тип отношения между предметами, их участники обладают другими функциональными характеристиками.

Ядерные (в том числе прототипические) и периферийные реализации модели формально различаются по структурным, лексико-грамматическим и лексико-семантическим характеристикам их обязательных конститuentов, в совокупности позволяющим компонентам модели отразить определенные типы участников с конкретными онтологическими и функциональными характеристиками и определенный тип отношения.

Учитывая полевую организацию модели, непрерывность концептуального пространства вообще и концептуального пространства синтаксиса в частности, следует ожидать наличия «пересечений» разных моделей в их периферийных реализациях, «переходных зон» между моделями, или таких содержательных разновидностей структурных моделей, которые могут попасть на периферию другой модели. Высказывание одного структурного типа по своему содержанию может сближаться с реализациями другой синтаксической модели. Данное явление объяснимо с точки зрения тенденции к асимметрии плана выражения и плана содержания, реализующейся на разных языковых уровнях.

Рассмотрим подробнее проявления признаков поля в системе

синтаксических реализаций одной из синтаксических моделей простого английского предложения — модели с подлежащим и главным сказуемым (далее также — модель SP), репрезентирующей отношение между предметом и его процессуальным признаком.

3. Ядерно-периферийная организация разновидностей модели SP

3.1. Ядро модели

Ядро модели составляют ее реализации, отражающие некоторые динамичные ситуации — наблюдаемые процессы или единичные действия, осуществляемые субъектом. Подлежащее модели выражается тем или иным субстантивом, обозначающим предмет — субъект процесса, а сказуемое эксплицируется переходным глаголом. По своему изначальному значению глаголы, функционирующие в ядерных реализациях модели, крайне многообразны. Среди них, например, глаголы со значением мимических проявлений, жестикуляции (The audience applauded; She blinked; He nodded obediently), звучания (They growled and barked; The snake hissed loudly; He never hummed or whistled), речемыслительной деятельности (He had talked for more than an hour; I am thinking), изменения свойства или состояния предмета (The young man blushed; His eyes bulged; My courage faded; She died), процессов, происходящих с веществом или в природе (It was drizzling; The substance bubbled and foamed), движения (He crawled quietly; They are running; The talk drifts) и др.

3.2. Периферия модели

К периферии модели относятся ее реализации, отражающие ненаблюдаемые процессы / события или статичные ситуации той или иной степени абстрактности. Подлежащее эксплицируется субстантивной единицей, которая соотносится с предметом (одушевленным или неодушевленным), абстрактными сущностями явлениями и т. п. Сказуемое выражается глаголами со значением:

(1) физического (физиологического) ощущения (Their muscles ached; I'm itching); эмоционального состояния лица (Don't worry; He hasn't grieved yet; He panicked);

(2) пребывания в определенном положении или позе (Its tail

hung limply; My father was kneeling; They were squatting in front of the door);

(3) существования (продолжения существования), продолжения пребывания в определенном положении, длительности и т. п.: (I think, therefore I am; Did they ever exist? We will not live forever; This will not last; The pain persisted; We can't stay).

Рассмотренные реализации модели отражают не процесс, осуществляемый субъектом, а некоторый статичный признак субъекта, и в этом отношении близки к моделям с именным сказуемым и локативным комплементом: Don't fear → Don't be afraid / scared, etc.; He was kneeling → He was on his knees, They exist → They are here / There are in this world и т. д. Глагол-сказуемое в данных реализациях либо не употребляется в форме длительного вида, что соответствует онтологии отражаемой ситуации, либо употребляется в этой форме, если подлежащее выражено наименованием одушевленного предмета (Ср.: The book lay on the table и He was lying). В последнем случае ситуация интерпретируется независимо от ее реальных особенностей как процесс, осуществляемый субъектом, что, в свою очередь, согласуется с основанной на опыте тенденцией представления человека в языке как активного, действующего субъекта в противоположность пассивным неодушевленным объектам. В иных случаях употребление длительного вида факультативно.

В следующих реализациях подлежащее модели отражает субъекта или объект восприятия:

(4.1) одушевленного субъекта, воспринимающего что-либо (She can't see; But nobody heard; I can't smell). Сказуемое выражено непереходным лексико-семантическим вариантом переходного глагола со значением чувственного восприятия;

(4.2) неодушевленного объекта восприятия (It feels good; He looked clean; The car smells like mold; The whole story sounded very odd). Сказуемое эксплицируется непереходным глаголом со значением подверженности предмета чувственному восприятию — 'ощущаться' ('быть на ощупь'), 'выглядеть', 'звучать', 'пахнуть',

‘иметь вкус’ — feel, look, sound, smell, taste; со значением чувственного или ментального ощущения — ‘казаться’, ‘представляться’, ‘доказывать(ся)’, ‘иметь значение’ и т. п. — appear, look, seem, sound, prove, matter и т. п.

В реализации (5) модели SP подлежащее выражается субстантивной единицей, которая соотносится с субъектом (лицом), сказуемое — непереходным лексико-семантическим вариантом переходного глагола со значением эмоционального или рационального отношения к чему-либо (He doesn't care a bit; I can love; I can hate no more).

Реализации (4) и (5) отражают статичные ситуации, предполагающие двух участников — субъект и объект восприятия или отношения, и сходны по своему содержанию с моделью, включающей прямое дополнение: She can't see → She can't see anything; I can love → I can love someone и т. д. С другой стороны, данные реализации модели отражают некоторый статичный признак предмета (способность проявлять некоторое осязаемое свойство, способность испытывать ощущения, отношение к чему-л.), в силу чего они приближаются по содержанию к модели с именным сказуемым: She looks nice → She is nice (as one can see); She can't see → She is blind, She isn't capable of seeing; I can love → I am capable of loving и т. д.

В реализациях модели, описываемых ниже, подлежащее соотносится с субъектом, объектом или инструментом направленного процесса.

(6.1) Подлежащее соотносится с субъектом процесса (конкретным или абстрактным предметом, событием). Сказуемое выражено непереходным лексико-семантическим вариантом переходного глагола с семантикой воздействия на свойство или состояние одушевленного или неодушевленного предмета, тех или иных физических или абстрактных манипуляций с предметами, предполагающих перемещение предмета или его части, его передачу, получение субъектом и т. п. Сказуемое обозначает процесс, направляемый субъектом а) на какой-либо иной предмет (People create and they destroy; My cat doesn't bite; They burn, they kill; Love hurts; I teach); б) на самого себя (She dressed; We'd better hide; He's

shaving; Will you please behave!).

Вариантом реализаций (4.1) и (6.1) модели SP являются, соответственно, структуры типа He feels well и He behaves well; She dresses nicely. Выделенным аспектом фрагмента действительности, отражаемым высказыванием, в данном случае является признак процесса, который осуществляет субъект.

(6.2) Подлежащее выражается субстантивной единицей, относящейся с объектом процесса; сказуемое выражено переходным лексико-семантическим вариантом переходного глагола со значением воздействия, созидания или иного направленного процесса (Sugar dissolves in water; Till the wound heals; Does this material wash?; The door will not lock; The dress zips at the back; If the book does not sell...).

Вариант данной реализации модели представляет собой высказывания типа The book sells well. С помощью наречия, прилагательного или единицы со значением количества, меры чего-либо выражается существенная информация о характеристиках процесса, производимого субъектом (о легкости его осуществления, выявляемых свойствах объекта и т. п.): The fabric compares favourably in quality; It knits easily and steams well; Tomatoes squash easily; This tea brews well и др.

(6.3) Подлежащее выражено субстантивной единицей, соотносящейся с инструментом процесса; сказуемое — непереходным лексико-семантическим вариантом глагола со значением воздействия, созидания или иного направленного процесса: The tool cuts efficiently; The machine sews well.

Данная реализация модели отражает процессы, направленные на объект, и имеет содержательное сходство с моделью с прямым дополнением: He drank → He drank his drink; She washed → She washed herself; Does this material wash? → Can this material be washed, Can one wash this material?; Something is cooking → Someone is cooking something; She was driving → She was driving a car и др.

Одновременно с этим описанные реализации модели могут отражать множественные процессы, направляемые не на кон-

кретный объект (за исключением процессов, направляемых на самого субъекта), а класс объектов, и, как следствие, обозначать статичный признак предмета (способность осуществлять некоторое действие; обладание свойством, позволяющим какому-л. субъекту производить действие с данным предметом). Поэтому рассматриваемые реализации модели также приближаются по содержанию к модели с именным сказуемым: *Does this dress wash?* → *Is this dress washable?*; *They kill* → *They are killers*.

(7) Подлежащее выражено существительным или местоимением во множественном числе (или именем с собирательным значением, несколькими именами, связанными сочинительной связью) и соотносится с субъектом и объектом процесса одновременно. Сказуемое представлено непереходным лексико-семантическим вариантом переходного глагола, обозначающим взаимный процесс — процесс, предполагающий контакт нескольких предметов — равноправных участников. В число таких глаголов входят глаголы со значением: физического или абстрактного взаимонаправленного процесса (*They embraced*; *Our glasses touched*; *Dogs often fight*; *They married*), движения предметов навстречу друг другу, движения, приводящего к установлению контакта между предметами, объединению предметов (*The vans collided*; *They will meet*; *The rooms communicate*; *If the substances don't touch, they don't blend*), логического отношения, связи — значением, восходящим к конкретно-предметному значению перемещения (*These things don't balance*; *The events coincided*; *The parts did not correspond*; *Tastes differ*; *We match perfectly*).

Данная реализация модели имеет некоторое содержательное сходство с другими моделями: объектной (*They embraced* → *They embraced each other*; *A embraced B, and B embraced A*) и локативной (*They differ* → *A differs from B, B differs from A. They are different from each other*).

(8) Подлежащее эксплицируется единицей, обозначающей предмет-место, в котором находится или движется нечто. Сказуемое выражается непереходными глаголами со значением выделения предметом некоторой субстанции, движения вещества или

движения, осуществляемого одновременно многими предметами. Приведем примеры: *The room stinks! If a place echoes, it is...; The radiator was leaking; His nose was bleeding; The forests abound with deer; The place was swarming with insects.*

По своему содержанию высказывания, реализующие данный вариант модели, приближаются к моделям, включающим локативный элемент: *The radiator is leaking → Something is leaking out of (from и т. д.) the radiator; The room stinks → There is some smell in the room; The place was swarming with insects → There were a lot of insects there.*

(9) Подлежащее соотносится с предметом, перемещающимся (относительно некоторого ориентира); субъектом, целенаправленно воспринимающим нечто; предметом, находящимся в том или ином отношении к другому предмету; событием, случающимся (с тем или иным предметом). Сказуемое эксплицируется переходным глаголом со значением движения в определенном направлении (*No memories came; I am leaving; He turned*), целенаправленного зрительного и слухового восприятия (*They were looking and listening; Look but never stare!*), обусловленности, принадлежности (включения) и т. п. (*It depends; She never really belonged*); со значением 'случаться', 'происходить' (*It just happened; Such behavior never occurs*).

В ситуациях, отражаемых высказываниями рассматриваемого типа, имеется некоторый предмет (ориентир для буквального или фигурального движения), к которому направлен процесс: *They left → They left some place / left for some destination; Never stare → Never stare at somebody / something и т. д.; That happens → That happens to people / to the world и т. д.* Как следствие, по своему содержанию данная реализация модели приближается к модели с локативным компонентом.

4. Лингводидактические следствия из представления о континуальности синтаксиса

Как видим, в системе синтаксических моделей простого предложения английского языка имеется большое количество в той или иной степени синонимичных и, значит, в определенной

степени взаимозаменяемых структурных реализаций модели, выражающих те или иные смыслы, в зависимости от сочетания структуры и наполняющей ее лексики.

Однако практика обучения английскому языку как иностранному свидетельствует о том, что учащиеся не всегда используют весь репертуар синтаксических моделей и весь набор реализаций одной синтаксической модели предложения. Даже на продвинутом этапе обучения многие испытывают трудности, обусловленные интерференцией родного языка, в использовании синтаксических структур, близких по значению, но позволяющих выделить те или иные аспекты описываемой ситуации.

Изучающие английский язык применяют в первую очередь максимально прозрачные структуры, отражающие наиболее типичные, интуитивно понятные ситуации, или, иными словами, ядерные структуры (или же структуры, аналоги которых имеются в родном языке). Например, ни один из 21 студента, которым было предложено описать на английском языке несколько ситуаций действительности, не воспользовался конструкциями типа *The book sells well* и *His nose was bleeding*. Между тем, среди опрошенных (опрос проводился в сентябре 2022 г.) были только студенты 3 курса лингвистического вуза, имеющие высокий уровень владения английским языком, подтвержденный результатами тестирования на предыдущих курсах. При отсутствии в речи на иностранном языке определенных структур, она, разумеется, менее разнообразна синтаксически и менее аутентична, даже если не содержит явных ошибок. Изучение периферийных реализаций модели с учетом их системных связей и целенаправленное формирование навыка их употребления, как представляется, способствует достижению большей «гибкости» в использовании средств выражения. Попытка реализации такого подхода принята, в частности, в (РАХМАНКУЛОВА 2020).

Конкретные способы синтаксической репрезентации фрагмента мира в структуре английского высказывания весьма разнообразны, и из огромного количества имеющихся возможностей для сообщения о ситуации действительности носителем языка в

соответствии с его восприятием данной ситуации, коммуникативной и прагматической задачами выбираются те или иные синтаксические средства. Принципы такого отбора можно с успехом применить, если рассматривать синтаксическую модель как средство выражения определенного смысла, в единстве с ее лексическим наполнением.

Из устройства синтаксиса простого предложения современного английского языка следует со всей очевидностью, что об одном и том же фрагменте действительности можно сказать, используя разные структурные модели предложения, выделяя при этом те или иные аспекты описываемой ситуации. Очевидно, именно представление о гибкости системы моделей предложения английского языка как инструмента выражения смысла, приспособляющегося к конкретным целям говорящего, целесообразно формировать у изучающих английский язык.

© Рахманкулова С. Е.

1.8. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В ДИСКУРСЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

1. Постановка проблемы

Категории времени и пространства играют существенную роль в процессе мыслительной и языковой деятельности человека и отражают в языке ценностное отношение познающего субъекта к объективной реальности. Изучением пространственно-временных категорий ученые занимались еще со времен античности. Впервые понятия «время» и «место» были выделены греческим философом Аристотелем в его учении о категориях (АРИСТОТЕЛЬ 1951). Идеи Аристотеля о пространстве и времени оставались одними из ведущих философских идей на протяжении многих столетий. Долгое время категория пространства исследователями изучалась преимущественно отдельно от категории времени. М. М. Бахтин объединил эти категории в разработанной им теории хронотопа, в которой разработан хронотопический подход к изучению художественного произведения.

В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем (БАХТИН 1975: 237).

Литературоведческий подход к литературному произведению предполагает сопряжение универсалий «времени» и «пространства» с такой не менее важной текстовой универсалией как «человек». Человек в тексте, иными словами, изображается во времени и пространстве: он условно привязан к определенному месту и существует в конкретном текстовом времени (БАБЕНКО 2004: 53). Во многих литературоведческих исследованиях подчеркивается мысль о том, что хронотоп служит для пространственно-временной

конкретизации образов персонажей (ГОНЧАРОВА 1983: 42; ТЕМИР-БОЛАТ 2012: 6-9).

Лингвистический подход к изучению пространственно-временных категорий в литературном произведении предполагает обращение к функциональной ипостаси языка, к выявлению функционального потенциала языковых форм лексических, грамматических, лексико-грамматических единиц для выражения художественного времени и пространства (ГАЛЬПЕРИН 1981; ТУРАЕВА 1979; ПАДУЧЕВА 1996; КАЗАНЦЕВА 1991). Последнее относится к числу одной из первоочередных задач языкознания на современном этапе, в связи с чем обращение к данному аспекту языка определяет актуальность предлагаемого исследования.

Единство пространства и времени может проявляться в наличии таких сложных категорий как категория предикативности, а также в целом ряде синкретических лексических и грамматических единиц, одновременно способных означать и временные и пространственные характеристики.

Основной целью работы является рассмотрение грамматических и лексических средств, обеспечивающих пространственно-временной континуум в английском художественном тексте, исследование способности грамматических и лексических единиц фиксировать и передавать информацию о временных планах и пространствах создаваемой автором художественной действительности.

2. Методы исследования

Методы и приемы анализа, использованные в данном исследовании, определяются его целью и задачами. Основу методологического аппарата составляет индуктивно-эмпирический метод, с помощью которого производится структурно-семантический анализ языковой организации художественного текста в рамках рассмотрения категории пространственно-временного континуума. Дедуктивно-типологический метод используется в исследовании для классификации хронотопов, а также для расчленения пространственно-временного континуума текста на составляю-

щие его координаты и композиционные компоненты. Применяются также методы коррелятивного и контекстуального анализа. В качестве эмпирического материала послужил научно-фантастический роман-антиутопия Г. Уэллса *When the Sleeper Wakes* (1997).¹ Предметом анализа являются лексико-грамматические средства, использованные для создания пространственно-временного континуума.

3. Описание и обсуждение результатов исследования

Действие в романе *When The Sleeper Wakes* начинается в Англии в конце XIX в. Главный герой по имени Грэхем впадает в летаргический сон и просыпается через двести лет. Созданная в произведении действительность дается через восприятие нескольких персонажей (Грэхема, Избистера, Острога и Элен), что делает ее многомерной и полифоничной. Многомерность и полифония анализируемого произведения с лингвистической точки зрения апеллирует к множеству различных грамматических и лексико-тематических групп, формирующих хронотопичный фундамент текста. Наряду с видовременными формами глаголов, образующих временное поле текста, темпоральную структуру (в нашем случае в основу положен нарративный претерит — *germarked, hesitated, conveyed, perceived, repeated*), в создании пространства условного мира произведения, его локальной структуры участвуют лексико-грамматические классы слов, служащие сигналами, указывающими на место. В романе *When the Sleeper Wakes* в качестве таких сигналов выступают, например, существительные-субстантивы, называющие физическое пространство:

1) обозначения географических реалий посредством топонимов (*England, Chelsea, Pentargen, Camelford, Wookey, Boscastle, Avignon, New Arawan, Mediterranean*) и обозначений гидро- и оро-объектов (*sea, mountain, cliff, cove, rock*);

2) обозначения артефактов (*garden, room, clock, table, porch, ship, harbour*);

3) обозначения частей света и соответственные направления

¹ <https://www.gutenberg.org/ebooks/775>.

(east, west, westward, southward, northward);

4) обозначения мер пространства, установленных принятыми системами измерения (yard, mile, foot) и др.

Лингвистически пространственно-временной континуум (хронотоп) реализуется через грамматические и лексические ресурсы языка. Время является фундаментальной категорией, пронизывающей бытие и сознание человека на всех этапах его существования. При вербальном кодировании обозначение в виде отдельных лексических единиц получает то, что является ценностным в жизни человека. Экстралингвистическая реальность находит свое воплощение в виде концептов, которые материализуются в слове; время относится к числу абстрактных концептов, маркируемых лексическими единицами языка.

Известно, что в семантической структуре слова есть компоненты, свидетельствующие о темпоральной и локальной привязанности лексической единицы. В первую очередь об этом свидетельствуют показатели грамматических категорий слов, когда семантика слова обусловлена его грамматической формой.

Грамматические формы определяют различные смыслы действительности, формирующие условные границы хронотопа, и базируются на грамматическом значении. Грамматическое значение — обобщенное, отвлеченное значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее в языке свое регулярное выражение. В области морфологии — это общие значения слов как частей речи, например, значение предметности у существительных, процессуальности — у глаголов. В области синтаксиса это значение предикативности, а также разнообразные отношения компонентов словосочетаний и предложений как абстрактных грамматических образцов: значения семантического объекта, субъекта, того или иного обстоятельного квалификатора (локальное, темпоральное, причинное, целевое и т. д.).

3.1. Грамматическая реализация категории времени

Ниже будут рассмотрены несколько фрагментов из текста романа, демонстрирующих хронотопическую вариативность. Первый фрагмент взят из четвертой главы «The Sound of a Tumult» и

из пятой главы «The Moving Ways». Он отличается обилием грамматических структур, наглядно формирующих текстовую семантику и обладающих логичной законченностью.

It was all very puzzling, but apparently, these people in unfamiliar dress knew what they were about. Yet they were odd and the room was odd. It seemed he was in some newly established place. He had a sudden flash of suspicion. Surely this wasn't some hall of public exhibition! If it was he would give Warming a piece of his mind. But it scarcely had that character. And in a place of public exhibition he would not have discovered himself naked.

Then suddenly, quite abruptly, he realised what had happened. There was no perceptible interval of suspicion, no dawn to his knowledge. Abruptly he knew that his trance had lasted for a vast interval; as if by some processes of thought reading he interpreted the awe in the faces that peered into his. He looked at them strangely, full of intense emotion. It seemed they read his eyes. He framed his lips to speak and could not. A queer impulse to hide his knowledge came into his mind almost at the moment of his discovery. He looked at his bare feet, regarding them silently. His impulse to speak passed. He was trembling exceedingly. They gave him some pink fluid with a greenish fluorescence and a meaty taste, and the assurance of returning strength grew.

В приведенном фрагменте такие грамматические показатели времени, как окончание *-ed* во второй форме глагола прошедшего времени *The Past Simple Tense* (*shouted, turned, carried, seemed, perceived*) создают атмосферу повествования; употребленные частотно и через небольшие интервалы, эти формы создают единую картину, в которой аккумулировано действие в повествовательном контексте.

Предикативные группы в этом фрагменте относятся к временному плану *The Past Simple Tense*, в том порядке, в котором они установлены автором в ходе повествования: *people knew, he was, he had, he realised, he interpreted, he looked, they read, he framed, impulse came, he looked, impulse passed, they gave, assurance grew*. Опираясь на этот ряд, можно без дополнительной информации восстановить последовательную информационную базу передаваемого автором сообщения.

Из фрагмента видно, что стержневым элементом лексико-грамматического микрополя здесь является Past Indefinite, что определяет простой время-ориентированный хронотоп, в котором происходит чередование временных элементов на сюжетной линии и тем самым выражается динамика сюжетного континуума (Енукидзе 1984: 16).

Наряду с простым время-ориентированным хронотопом в тексте представлены сложные, или сюжетные хронотопы (в терминологии Енукидзе), демонстрирующие связь с ретроспекцией и проспекцией в художественном тексте. Они выражают приостановление сюжетного движения на хронотопной линии, «выпадение» из общей динамичности хронотопного движения. Языковыми средствами выражения ретроспекции являются те грамматические и лексические элементы, которые способны выразить предшествование — перфектные формы глагола (*ibid.*: 18). Благодаря временной структуре *had + 3 форма основного глагола* The Past Perfect Tense (*had happened, had lasted, had worn*) появляется возможность вернуться в момент времени, предшествующий прошедшим событиям. Именно Past Perfect является стержневым элементом микрополя ретроспективности. Подсознательно читатель соотносит все лексические единицы конкретной части предложения с предпрошедшим временным планом, когда они фиксируют определенный временной контекст. Как правило, для усиления, или уточнения значения ретроспективности употребляются обстоятельства времени, выражающие предшествование по отношению к точке отсчета сюжетного повествования, например, *his trance had lasted for a vast interval (before that happened)*.

Следующий фрагмент содержит другое временное микрополе — микрополе перспективности.

It would be possible," said Lincoln thoughtfully. "Quite possible. Indeed, it shall be done." He laughed. "I came prepared to suggest amusements, but you have found one for yourself. I will telephone to the aeronautical offices from here and we will return to your apartments in the Wind-Vane Control. By the time you have dined the aeronauts will be able to come."

Фрагмент связан с проспективностью в анализируемом тексте и выражается в основном формами будущего времени, центром микрополя выступает Future Indefinite: shall be done, will telephone, will return, will be able.

Употребление различных временных форм глагола, таким образом, помогает различать темпоральные соотношения слов с временными планами изображаемой в тексте действительности. Проспективные и ретроспективные отклонения на линии сюжета указывают на изменение временной координаты; и создают разный характер художественного времени — последовательный, непрерывный и прерывистый (КАГАН 1974: 30-31; ДОМАШНЕВ 1989: 81-86).

В связи с реализацией художественного времени в произведении интересным представляется замечание Д. С. Лихачева о том, что

художественное время получает свое художественное значение не само по себе, а в зависимости от того, в какие сочетания оно вступает с другими компонентами художественного мира произведения, и в первую очередь, с художественным пространством (ЛИХАЧЕВ 1970: 7-8).

Далее будет рассмотрена роль грамматических средств при воссозданной пространственной, локальной структуры.

3.2. Грамматическая реализация категории пространства

Художественное пространство как внутреннее единство частей произведения, отводящее каждой части только ей присущее место и тем самым придающее целостность всему произведению, имеет дело не только с пространством, отраженным в произведении, но и со временем, запечатленным в нем. Пространство хронотопа — это отражение реального пространства, поставленного в связь со временем. Художественное пространство организуется в анализируемом романе через использование следующих морфологических и синтаксических категорий.

1. Частое употребление структур сослагательного наклонения The Subjunctive Mood создает впечатление фантастичности

хронотопа и наиболее ярко выражает иную, *субъективную реальность*, данную через призму восприятия автора или героя, вводит читателя в мир субъективных размышлений и предположений: «If it was he *would give* Warming a piece of his mind. <...> And in a place of public exhibition he would not have discovered himself naked». За это также отвечают такие грамматические структуры, как *as if, it seemed, as though*: «...as if by some processes of thought reading he interpreted the awe in the faces that peered into his», «it seemed as though the rushing platforms before him were suddenly spattered with the pale buff of human faces».

2. Согласно семиотической и герменевтической теориям, художественный хронотоп заключает в себе сообщение о цветовой гамме, звуковой тональности изображаемой действительности. Благодаря суффиксу *-ly* различается *маркировка образа действия*; семантика слов с данным суффиксом в сочетании с глаголом отвечает за дополнительную информацию к основному действию (*regarding — silently, trembling — exceedingly, accumulating — garridly, contrasted — vividly, working — methodically, leaping — dexterously, crowded — densely*). Благодаря этим описательным элементам пространство может приобретать определенный цвет (*contrasted — vividly*), наполняться звуками (*shouted — suddenly*) и движениями (*leaping — dexterously, working — methodically*).

3. С помощью окончания множественного числа или его отсутствия в процессе восприятия создаются образы *множественности или единичности предмета*. Здесь можно выделить такое понятие как количественность задаваемого смысла в субстантивной лексике, с помощью которой автор проводит черту между личным пространством Грэхема и окружающим его миром, между целостной личностью и хаосом: *trance, emotion, suspicion, impulse, mind, strength — faces, voices, murmurs, figures, openings, pits, platforms*. Неслучайно абстрактные существительные, характеризующие внутренний мир главного героя, употреблены в цельной форме единственного числа и противопоставлены безличностной субстантивной лексике, делающей акцент на множественности предметов и создающей атмосферу разрозненности и беспокойства.

4. Употребление предлогов различных типов определяет не только направление движения и постановку предметов в границах данного хронотопа, но и выделяет смысловой центр, относительно которого воссоздается действительность текста. В приведенных отрывках таким смысловым центром является появление главного героя Грэхема в новом мире, что и служит мотивировкой дальнейших событий романа. Например, пространственные предлоги: *in some newly established place, into his mind, looked at his bare feet, turned to him, pushed up the running platforms, going down, the rushing platforms before him, nearest to him, in his ear, run back towards the conflict*; временные предлоги: *for a vast interval*; целевые предлоги: *dawn to his knowledge, access to this descending staircase*; объектные предлоги *looked at them, became aware of cries*.

5. Отношения компонентов словосочетаний и предложений как абстрактных грамматических образцов также играют немаловажную роль в формировании хронотопа. В обоих отрывках центральным представляется значение семантического субъекта, которым является Грэхем, что видно из структуры текста: в подавляющем большинстве предложений в качестве подлежащего выступают слова *he, Graham*. Именно через призму восприятия этого героя читателю открываются те обстоятельства, в которых он оказался. Более того, частое употребление слов, в данном случае обозначающих семантический субъект произведения, обеспечивает логическую взаимосвязь предложений в тексте. Значение обстоятельственного квалификатора выражено в большей мере при помощи предлогов, сочетающихся с конкретной субстантивной лексикой. В обоих отрывках превалирует употребление предлогов нахождения в пространстве и движения, что указывает на локальное значение основного обстоятельственного квалификатора.

Далее будет описано участие лексических ресурсов языка в конструировании пространственно-временного континуума.

3.3. Лексическая манифестация пространственно-временного континуума через выделение ядерных ЛТГ

На временной статус лексической единицы могут указывать семантические компоненты, что обычно находит отражение в

словарях в виде помет типа *old use* (describes expressions that are no longer in current use), *old-fashioned* (describes expressions that are passing out of current use), например: *ere, perchance — old-fashioned; balderdash, beanfeast — old use*. Так, сама лексическая единица способна передавать информацию об определенном отрезке времени и поддерживать ассоциативную связь с ним. Это доказывает, что понятие времени сводится не только к одной грамматической категории (СИНКИНА 2008: 248).

Язык хронотопичен; хронотопична внутренняя форма слова, то есть тот опосредствующий признак, с помощью которого первоначальные пространственные значения переносятся на временные отношения (БАХТИН 1975: 278). Лексический хронотоп в языкознании имеет существенное значение. Можно сказать, что неологизмы и архаизмы определяются именно хронотопом, и в данном случае ведущим началом в хронотопе является время. При этом особо подчеркивается текстовая значимость лексического уровня как наиболее тесно связанного с идейно-тематическим содержанием текста (БАБЕНКО 2004: 36).

Для осуществления анализа лексической манифестации категории хронотопа в данном художественном тексте представляется целесообразным сначала (первый шаг) определить хронотопичную тему произведения, т. е. привести формулировку его смыслового (идейно-тематического) содержания, выраженную суммирующей синтаксической единицей. Хронотопичная тема обусловлена пространственно-временным континуумом текста, суммирует в одной синтаксической конструкции идеологический контент художественного произведения и моделирует основные локализации его хронотопов, или хронотопичные ядра.

В лингвистическом понимании хронотопичная тема оказывается двусторонней сущностью: ее означаемым оказывается предметная область, описываемая в тексте и включающая объекты — действующие лица, предметы и происходящие в ней действия; означаемым выступают лингвистические средства различных уровней и в первую очередь категории слов, «организован-

ных подобно тезаурусу» (СЕРЕДА 1984: 8). Означающие тем, которые представляют организацию языковых средств в структуре текста, объединяются на основе общности предметно-понятийных областей текстов.

Следующий шаг состоит в выявлении системы лексико-семантических классов слов, реализующих хронотопичную тему. Иначе говоря, семантическую основу текста создают некоторые семантические группы слов и их связи, образующие лексико-семантическую структуру текста, на которую накладываются другие характеристики, обеспечивающие его связность и цельность (ibid.: 6).

Хронотопичная тема романа Уэллса *When the Sleeper Wakes* может быть выражена следующей развернутой суммирующей синтаксической единицей: The worlds of past and future provoke discrepant regulations of social value and make the Sleeper struggle fearlessly for a better reality. Отгалкиваясь от заявленных компонентов хронотопичной темы, можно утверждать, что данная единица обладает объемом и пространственно-временной протяженностью (worlds, reality — четырехмерная система действительности), субъектно-объектным наполнением (the Sleeper, regulations, value), акциональностью (provoke, make, struggle), диалектичностью (past and future), оценочностью (discrepant, better, social, fearlessly). В этих ядрах заявлены основные локализации хронотопов произведения: где, как, с помощью кого и зачем будут происходить основные события.

Ядра хронотопичной темы обуславливают систему лексико-семантических классов слов, которые и образуют лексико-семантическую структуру текста. Например, ядро the Sleeper обуславливает лексико-тематические группы (ЛТГ) обозначений действующих лиц, куда также можно отнести Graham, Isbister, Warming, Lincoln, Howard, Ostrog, Helen, Asano. Ядро worlds указывает на ЛТГ обозначений пространства: cove, path, sea, rocks, alleys, cliff, а также на ЛТГ обозначений времени: then, again, afternoon, soon, before, always. Ядро worlds сложное и релятивное по своему наполнению, так как с семантической точки зрения может включать несколько различных компонентов. Ядро provoke,

make, struggle определяет ЛТГ обозначений активного действия: walk, said, overcome, prompted, take, found и т. д.

Необходимо, однако, отметить функционирование хронопических ядер не только на лексико-тематическом, но и на сюжетно-смысловом уровне художественного текста, что более точно отражает его идейно-смысловой контент. Например, к ядру the Sleeper следует отнести не всех действующих лиц, а лишь тех, которые являются главными в формировании сюжетного хода — Isbister, Ostrog, Helen. Ядро worlds распадается на Victoria's England и the world after more than a "gross" of years. Ядро provoke, make, struggle обуславливает не просто всевозможные лексические обозначения активного действия, встречающиеся в романе, но вступает в отношения с порогами повествования:

1) пробуждение Грэхема и возвращение к активной жизни (provoke) отражено в такой ЛТГ как recovered, astonished, remembered, perplexity, puzzling, причем наиболее частотным является употребление слов perplexity, puzzling (а также perplexed, puzzled), рефлектирующих состояние главного героя. Интересно заметить, что на сюжетобразующем уровне ЛТГ не ограничивается только частью речи, заявленной в ядре, так как здесь ее компетенция расширяется: слова, определяемые ядром, не обязательно должны быть связаны грамматическими показателями, но семантически они должны быть привязаны к сюжетному наполняющему текста и полноценно отображать его, так что морфологический способ варьирования является типичным явлением внутри тематических ЛТГ на сюжетобразующем уровне;

2) деятельность Грэхема в новом мире и образ его новой жизни (make): attention, interested, curious, unsteadily, confusion, investigate, struggle. Грэхема интересовал и в то же время приводил в смущение уклад новой жизни (interested, curious, confusion); главный герой шел по своему пути пока неуверенно (unsteadily), исследуя новые социальные формы существования (attention, investigate). Вокруг него всегда происходила борьба и народные волнения (struggle);

3) борьба Грэхема за народ и за лучшее будущее (struggle):

suddenly, reckless, innumerable, death, pursuit, tumult, vanished, grasped, hastily, saved. Наиболее частотным из этого ряда является наречие suddenly, подразумевающее быструю и неожиданную смену событий. На данном этапе ядро struggle коррелирует уже и с личным хронотопом Грэхема, т. е. происходит расширение данного концепта за счет вовлечения главного героя в народную борьбу.

3.4. Ядерные ЛТГ и их роль в концептуальном моделировании пространства

Опираясь на вышеприведенный анализ хронотопичной темы и ее составляющих (хронотопичных ядер), представляется возможным композиционно структурировать данные для выстраивания концептуальной модели пространства. Роман *When The Sleeper Wakes* базируется на двух эпохах: первая связана с периодом правления королевы Виктории, действие начинается в Англии в конце XIX в.; вторая эпоха относится к XXII в., к Англии далекого будущего. Исходя из этого, пространственно-временной континуум с композиционной точки зрения может быть разделен на три хронотопа, для каждого из которых свойственны свои лингвистические особенности:

1) первичный хронотоп — поле времени и пространства, откуда действие начинается, где наблюдается завязка (текст характеризуется употреблением устаревшей лексики (words of old use, old-fashioned words);

2) промежуточный хронотоп, обозначающий переход от одних реалий к другим (либо от одних ценностей к другим), намекающий условную черту между двумя противопоставленными мирами, эпохами или реальностями вообще (множество авторских неологизмов);

3) хронотоп назначения — поле времени и пространства художественного произведения, где происходит кульминация, завязка и затем подводятся итоги, где достигается цель повествования и подбираются верные ключи, где разрешается проблематика художественного текста (создание конфликта с помощью внутренних, или ментальных, хронотопов; экспрессивность речи

героев реализуется на уровне морфологической производности).

Названные хронотопы объединены сюжетной линией произведения и находятся в непосредственной зависимости друг от друга. Интересно отметить, что композиционные хронотопы (т. е. классифицированные с точки зрения композиции) не только упорядочивают структуру произведения и маркируют определенные границы времени и пространства, но и обуславливают отношения между предметами. Философский словарь определяет время и пространство как «основные формы существования материи» (НФС 2007: 58). Существенное дополнение к этому определению можно найти у В. Л. Акулова: «пространство и время суть атрибуты, выражающие собственную структуру материи, а не некие особые реальности, являющиеся условиями ее бытия» (АКУЛОВ 2002: 65). Материя существует не как таковая, а в виде многообразия вещей, упорядоченных и связанных между собой определенными отношениями. Согласно Акулову, «связь элементов материи как динамической системы и есть ее пространственно-временная структура» (ibid.: 60).

Применяя это положение к анализируемому тексту, необходимо отметить, что композиционные хронотопы демонстрируют видоизменение материи и развитие различных предметов в художественной действительности, а также отношение героев к этим предметам с помощью ряда субстантивной и адъективной лексики, что подробно рассматривается при анализе и сопоставлении хронотопов текста.

3.4.1. Анализ первичного хронотопа

Как было указано выше, повествование начинается во второй половине XIX в. в Англии. Для этого первичного хронотопа характерно превалирование субъектной-пространственной координаты: «Пространственные и временные отношения организуются вокруг субъекта, принятого за ориентир» (БЕНВЕНИСТ 1974: 296), на основании чего «...выделяются три вида локализации: персональная, пространственная, временная» (ГАК 1982: 11).

Первая картина, предстающая перед читателем — это живо-

писная бухта Пентаргена, где происходит встреча Грэхема и Избистера.

One afternoon, at low water, Mr. Isbister, a young artist lodging at Boscastle, walked from that place to the picturesque cove of Pentargen, desiring to examine the caves there. Halfway down the precipitous path to the Pentargen beach he came suddenly upon a man sitting in an attitude of profound distress beneath a projecting mass of rock.

В двух предложениях задается событийный контекст, в котором намечается дальнейшее повествование данной главы. Такая субстантивная лексика как *afternoon, cove, caves, path, beach, mass of rock* позволяет определить время суток и местоположение героев, общие черты мира, окружающего их, и даже душевное состояние одного из героев: *man, distress*. Адъективная же лексика выполняет не только описательные функции (позволяет понять, как красива была та природа, какие страдания испытывал Грэхем), но и сопоставительные (антитеза: тепло, солнце, море — это прекрасный мир, в котором Грэхем чувствует себя несчастным). Именно использование адъективной лексики задает конфликт: *white, great, blue, blinding, sunlit* («мир природы»: нейтральная и положительная коннотация) *vs* *sudden, ghastly, bloodshot, pallid, bloodless, silent* («мир человека»: нейтральная и негативная коннотация). Ниже следует фрагмент, из которого взяты упомянутые выше единицы.

“Look at these rocks!” cried the seated man with a *sudden* force of gesture. “Look at that sea that has shone and quivered there for ever! See the *white* spume rush into darkness under that *great* cliff. And this *blue* vault, with the *blinding* sun pouring from the dome of it. It is your world. You accept it, you rejoice in it. It warms and supports and delights you. And for me.” He turned his head and showed a *ghastly* face, *bloodshot pallid* eyes and *bloodless* lips. He spoke almost in a whisper. “It is the garment of my misery. The whole world... is the garment of my misery.” Isbister looked at all the *wild* beauty of the *sunlit* cliffs about them and back to that face of despair. For a moment he was *silent*.

Употребленные в этом отрывке текста прилагательные, характеризующие природу и окружающий мир вообще, создают атмосферу чистоты, незапятнанности, эстетизма, добродетели, и

это не случайно, так как в викторианскую эпоху особенно ценились нравственные качества человека.

Интересно отметить, что качество этих тематических лексических единиц может абсолютизироваться в некую самостоятельную сущность, которая мыслится в абстракции от предметов, им обладающих: *the blue unspeakable, the glistening white*. Обозначения моря и суши становятся персонифицированными объектами повествования и употреблены с целью демонстрации дисгармонии во внутреннем мире главного героя:

I shall kill myself. If no other way — at the foot of yonder *dark precipice* there, where the waves are green, and the white surge *lifts and falls*, and that little thread of water *trembles down*.

Как утверждает Середа (1984: 17), это становится возможным за счет принадлежности данных классов слов к информативным знакам (десигнаторам) в системе языка, передающим объективную информацию о явлениях, предметах и качествах.

При этом на этом этапе повествования в речи героев как у представителей викторианской эпохи преобладают «книжные слова» («bookish words»): I resorted to drugs вместо I took to drugs, I commenced living for sleep вместо I began living for sleep, среди которых есть немало устаревших (old use): ere long (= soon) it came, at the foot of yonder (= that) dark precipice. Даже некоторые синтаксические конструкции являются устаревшими для разговорной речи: craving for rest that I feel вместо I need rest, it has only added muscular fatigue to the mental вместо it has made me feel tired physically and mentally, I am a solitary man wondering in this world вместо I am all alone in this world.

Двести лет спустя, после того как Грэхем впал в летаргический сон, можно наблюдать изменения нравственных качеств и ценностей человека. Этот аспект раскрывают вышеперечисленные средства создания хронотопа.

“If I remember rightly,” said Warming, “you were an artist?”

“Was. And then I became a married man. I saw it was all up with black and white, very soon — at least for a mediocre man, and I jumped on to process.

Those posters on the Cliffs at Dover [изменение материи по Акулову] are by my people.”

“Good posters” admitted the solicitor, “*though I was sorry to see them there.*”

“Last as long as the cliffs, if necessary,” exclaimed Isbister with satisfaction.

“*The world changes.* When he fell asleep, twenty years ago, I was down at Boscastle with a box of water-colours and a *noble, old-fashioned ambition.* I didn’t expect that someday my pigments would glorify *the whole blessed coast of England.*”

На примере этого отрывка можно также проследить изменение материи по Акулову. Перед нами та же природа, те же скалы, но вся эта естественная красота перекрыта рекламой: человек стал руководствоваться прагматическими меркантильными ориентирами с расчетом на одну только выгоду («*The world changes*»). В этом видна предпосылка для перехода к промежуточному хронотопу романа, где обозначена смена одних ценностей на другие.

3.4.2. Анализ промежуточного хронотопа

Промежуточный хронотоп заявлен в главе 3 «*The Awakening*», когда Грэхем просыпается в XXII в. Здесь происходит знакомство героя с новой для него реальностью. В описании новой эпохи можно найти множество авторских неологизмов, например, *capillotomist* ‘один из лучших артистов в мире’, *aeropile* ‘аэропил, маленькая летательная машина’, *fomile* ‘фомайль, особое вещество, необходимое для работы моторов’, *wind-vane office* ‘управление Ветряных Двигателей’, *babble-machines* ‘болтающие машины, средства массовой информации’, *the moving ways* ‘подвижные пути, основной вид транспорта в новом веке’. К новым реалиям прибавились и новая денежная единица *lions*, а также новые обозначения счета *gross*, *dozand*.

Six dozen, Sire. Of course things, even these little things, have altered. You lived in the days of the decimal system, the Arab system — tens, and little hundreds and thousands. We have *eleven numerals* now. We have single figures for both ten and eleven, two figures for a dozen, and a dozen dozen makes a *gross*, a great hundred, you know, a *dozen gross a dozand*, and a *dozand dozand* a *myriad*.

Эти индивидуальные авторские неологизмы не вышли за

пределы данного контекста и остались принадлежностью индивидуального стиля Уэллса, так что их новизна и необычность сохранились. Автор концентрирует внимание на описании особенных черт новой эпохи, нового мира, в котором главный герой на данном этапе выступает в качестве наблюдателя. Таким образом, промежуточный хронотоп является пространственно-ориентированным, без акцента на субъектную координату, в отличие от хронотопа назначения, где Грэхем много рефлектирует и затем сам включается в борьбу, что указывает на то, что субъектная координата приобретает немаловажное значение.

Одним из главных маркеров нового времени является его «новый» язык, который представлен редуцированным и крайне упрощенным вариантом известного нам английского языка:

The lettering on the cylinders puzzled him. At first sight it seemed like Russian. Then he noticed a suggestion of mutilated English about certain of the words. “oi Man huwdbi Kin” forced itself on him as “The Man who would be King.” “Phonetic spelling,” he said (глава 7 «In the Silent Rooms»).

Упрощение языка связано с примитивизацией сознания человека, с ограничением его миропонимания, и таким образом это демонстрирует ментальный хронотоп «новых» людей. Этот аспект, безусловно, важен для раскрытия и объяснения общего хронотопа картины, так как деструктивные изменения внешнего мира являются следствием ментальной и нравственной ограниченности людей, создающих действительность вокруг себя.

Заслуживает внимания использование в «новом» языке обращение Sire, которое заменило Sir (“Graham concluded the word was Sir, but this man pronounced it Sire.”) (глава 4 «The Sound of a Tumult»). Вот что можно узнать о происхождении слова Sir из Oxford Advanced Learner’s Dictionary: «Word Origin — Sir — Middle English: reduced form of *Sire*». Это позволяет полагать, что интенсивного развития языка не происходит, происходит лишь возвращение к старым его формам, и это говорит о ментальном движении назад, создает атмосферу ретроспекции в «языковом мышлении» (ЩЕДРОВИЦКИЙ 1995).

3.4.3. Анализ хронотопа назначения

Хронотоп назначения в романе, впервые заявленный в главе 18 «Graham Remembers», имеет сложный смешанный характер, поскольку в качестве доминант здесь выступают субъектная и пространственная координаты. В главе 18 происходит разговор между Грэхемом и Элен, из которого он узнает о корыстных намерениях Острога захватить власть и подавить народ. Субъектная координата хронотопа назначения обусловлена построением и соотношением внутренних, или личных, хронотопов трех героев Грэхема, Острога и Элен (второй персонаж — антагонист Грэхема, третий — единомышленник). Эти хронотопы представлены через отношение каждого из героев к окружающему миру. Внутренние хронотопы Грэхема и Элен созвучны, и это находит свое подтверждение на уровне морфологической производности. В речи обоих героев преобладают слова с коннотацией положительной оценки, например, *beautiful, worshipful, glorious, heroic, gigantic*, указывающие на созидательное начало (хронотоп созидания). В связи с этим интересным представляется замечание Н. К. Шутой о том, что «целью анализа того или иного типа хронотопа должно быть выявление его возможностей в раскрытии характеров и психологической мотивации поступков героев литературного произведения» (ШУТАЯ 2005: 65).

Как было отмечено выше, для хронотопа назначения показательно ядро *struggle*, коррелирующее с личным хронотопом Грэхема. На данном этапе происходит семантическое расширение этого ядра за счет вовлечения главного героя в народную борьбу и противостояние Острогу, что порождает их антагонизм. На лексическом уровне это выражается в частом употреблении таких слов как *preclusion, obstruction, difficulty, interference, discouragement, discountenance, impediment, let, obstacle, drawback, objection, stop, defeat, fast, abrupt, prevent, fall*. В тезаурусе П. Роже² все эти слова относятся к семантической категории *Antagonism*, подкатегории *Active Antagonism*, где с легкостью упорядочиваются лексико-семантические связи отобранной лексики.

² <https://www.gutenberg.org/files/22/22-h/22-h.htm>.

Острог, вождь нового народа, ставит выше всего власть и жестокость, что выражается в экспрессивности его речевой характеристики. Он использует длинные слова и предложения, чтобы завуалировать свое бездействие и сбить с толку собеседника:

There was scarcely enough fighting, as we made promises, of course, but it is extraordinary how violently and rapidly this vague out-of-date humanitarianism has revived and spread, and we who sowed the seed even, have been astonished (Глава 19 «Ostrog's Point of View»).

Экспрессивность его речи также обусловлена морфологической производностью, или словообразовательными средствами. В своих высказываниях Острог наиболее часто употребляет слова, имеющие префиксы с отрицательной оценочной коннотацией, например, *discontent*, *disorder*, *dismiss*, добавляя суффикс *-ish* к именным основам, образует прилагательные с презрительно-раздраженной коннотацией: *foolish*, *doggish*. Кроме того, в речи вождя преобладает употребление прилагательных с отрицательными префиксами и суффиксами: *insulted*, *disorganized*, *enervated*, *inconvenient*, *unprivileged*, *forced*, *eliminated*, *condemned*. Такие прилагательные выражают утрату, полное отсутствие чего-либо и повышают эмоциональность высказывания.

Употребление этих форм эксплицирует деструктивность, нацеленность на разрушение мира (хронотоп деструктивности). Но ничто не властно над миром и человеком так, как время. Не случайно время («time») является *тематическим словом* всего произведения. Слово можно считать тематическим, если у него обнаруживается семантическая связь с одним или более словами в последующих предложениях, а затем и со словами в структуре всего произведения. Тематические значения могут присутствовать в скрытом виде, т. е. не будучи выраженными на поверхности текста (Арнольд 1990). В романе *When the Sleeper Wakes* концепт времени заявлен в самом заглавии, поскольку *when* входит в тематическое поле *time* и, согласно тезаурусу П. Роже, относится к лексико-семантической категории *Being in the Concrete*. Слово *time* начинает фигурировать с первой главы романа: *hot for the time of year*, *exasperating demand of time from the mind*, *time — life*. Можно

также выделить много лексических единиц, относящихся к тематическому полю *time*: *day after day, live in patches, live for sleep, for six long days, out of the light of the day* (глава 1 «*Insomnia*»). Далее, глава 3 «*The Awakening*», в которой заявлен промежуточный хронотоп, также изобилует словами и выражениями, относящимися к полю *time*: *as morning after morning, after the night's sleep, towards the hour of dawn, how long*. В главе 5 «*The Hall of the Atlas*» слово *time* отличается самым частотным употреблением: *vast interval of time, so remote in time, all in good time, wait a little longer time, remained sitting for some time, but that time, the time of imprisonment*. То же самое наблюдаем в главе 10 «*The Battle of the Darkness*»: *at the time it was but a passing incident, this time the picture was livid, at that time he had little mind for details, after a time he ceased to hear* и т. д.

Существенной особенностью функционирования в тексте ЛТГ обозначений пространства и времени является их способность располагаться в инициальной позиции простого и сложного предложения, абзацного зачина, самого текста, в заглавиях. При этом данные обозначения не только обеспечивают большую достоверность изображаемого, детализируя повествование и сообщая сведения о месте и времени действия, т. е. выполняют эпическую функцию, но и служат средством композиционного переключения повествования (СЕРЕДА 1984: 19). Это может быть наглядно проиллюстрировано на нескольких примерах названий глав романа *When the Sleeper Wakes*, начиная с главы 5: 5. *The moving Ways*; 6. *The Hall of the Atlas*; 7. *In the Silent Rooms*; 8. *The Roof Spaces*; 14. *From the Crow's Nest*; 16. *The Aerophile*; 17. *Three Days*; 20. *In the City Ways*, 22. *The Struggle in the Council House*; 23. *While the Aeroplanes Were Coming*. Эти названия глав с помощью обозначений пространства и времени фиксируют этапы развития сюжета в романе и намечают динамику повествования.

Таким образом, помимо функции актуализации пространственно-временного континуума, идентификации места и времени действия, ЛТГ обозначений категории хронотопа выполняют в художественном тексте связующую функцию. Эта функция выделена

в одном из исследований как эпическая (ibid.), что делает ЛТГ неотъемлемой частью внутренней структурной организованности, условием языковой и художественной целостности текста.

4. Заключение

В конструирование пространственно-временного континуума научно-фантастического романа вовлекается широкий спектр лексико-грамматических ресурсов, при этом как лексические, так и грамматические категории описывают и временные, и пространственные координаты.

1. Поле времени формируется глагольными формами: использование претеритных форм сказуемого передает динамику сюжетного континуума, употребление перфектных, ретроспективных, форм, а также форм будущего времени, т. е. проспективных форм, указывает на отклонение во временную динамику.

2. Поле пространства условного мира может создаваться морфологическим и синтаксическими категориями: категория количественности в субстантивной лексике, с помощью которой автор проводит черту между личным пространством героя окружающим его миром, категория сослагательного наклонения (The Subjunctive Mood) используются для создания субъективной реальности. В создании поля пространства участвуют также разные части речи: использование предлогов различных типов определяет не только направление движения и постановку предметов в границах описываемого пространства, но выделяет смысловой центр.

3. В создание временного и пространственного континуума также вовлечены лексические ресурсы языка. На временной статус лексической единицы, могут указывать ее семантические компоненты, они могут передавать информацию об определенном отрезке времени и поддерживать ассоциативную связь с ним, эта информация может быть подтверждена специальными словарными пометами. В построении пространства условного мира активно участвуют лексические кластеры — лексико-тематические группы, они образуют ядра хронотопической темы.

4. Осмысление выделенных хронотопических ядер (ядерных

ЛТГ) в разнообразных связях с героями, концепцией автора, сюжетной линией обеспечивает концептуальное моделирование пространства, где пространственно-временной континуум организуется посредством трех смыслообразующих хронотопов: первичного, промежуточного и финального хронотопа назначения.

© Тырыгина В. А.

1.9. ПУБЛИЦИСТИКА В РЯДУ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Постановка проблемы

Открывая печатное издание, слушая радио или смотря телевизор, мы каждый раз встречаем большое число произведений письменной и устной речи, которые относятся к разряду публицистики. Материал подобного рода отличается языковой неоднородностью, способствующей возникновению очевидных трудностей при его описании. Сложности начинаются с определения границ стиля публицистики, который традиционно ассоциируется в сознании большинства людей с языком средств массовой информации, хотя на современном этапе он также представлен текстами публичных выступлений, эссеистикой, мемуарной прозой и др. Подобное многообразие позволяет классифицировать исследуемый материал самыми разнообразными способами. Не вдаваясь в преимущества и недостатки того или иного классификационного подхода, следует отметить то, что сближает всех исследователей: осознание глубинных различий между публицистической речью и прочими функциональными разрядами языка.

Период с 80-х гг. прошлого столетия по сей день характеризуется ростом научного интереса к иным кроме газетно-журнального текста формам публицистики. Этому в немалой степени способствовали социально-экономические изменения, как в нашей стране, так и во всем мире, побудившие исследователей обратить пристальное внимание на такие области публицистики как эссеистика и ораторика. В работах по эссеистике чаще всего рассматриваются особенности эссеистического творчества отдельных авторов (ДУРОВА 1996; WALKER 1991), анализируется специфика жанра эссе (ДМИТРОВСКИЙ 2002; ЭПШТЕЙН 1988) либо описываются его отдельные признаки (ADORNO 1990). К группе исследований в области ораторики относятся в первую очередь работы по истории риторики (БУШУЕВ 2003; ЛЬВОВ 2003; ПОРУБОВ 2002), а также по психолингвистическим основам и культуре полемической речи (АЛЕКСАНДРОВ 2004; ЗАРЕЦКАЯ 1999). Не остается без внимания и

язык радиожурналистики (ЯРОШЕНКО 1973; БАГИРОВ 1987).

Указанные исследования позволили выявить содержательные и языковые особенности отдельных разрядов публицистического стиля, но так и не сформировали унифицирующего представления о всем функциональном регистре. Очевидно, для подобного рода лингвистических обобщений исследователю необходимо отойти от привычных типологических характеристик того или иного направления в публицистике и попытаться взглянуть на данный регистр с позиций функциональной стилистики, подходящей к определению стиля, как к единому многомерному и неоднородному образованию.

2. Теоретические подходы к выделению функционального стиля публицистики в отечественной и зарубежной лингвистике

Теоретическое описание всего многообразия публицистических текстов с позиций функциональной стилистики должно опираться на эмпирический материал, соответствующий представлениям о публицистическом стиле. В связи с этим следует отметить, что несмотря на серьезный теоретико-методологический задел функциональная стилистика на сегодняшний день не смогла выработать единого подхода как к определению стиля вообще, так и к дефиниции его отдельных функционально-речевых разновидностей. Основной причиной этого, по мнению отдельных ученых, является «мигрирующий» характер понятия «стиль», которое является основополагающим для целого ряда смежных гуманитарных областей знания и отражает состояние современной науки, отличительной чертой которой является взаимосвязь различных научных областей и унификация их понятийного и категориального аппарата (ПАВЛОВСКАЯ 2007: 3).

Широкое признание в языкознании получило определение, данное академиком В. В. Виноградовым:

Стиль — это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того

или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой практике данного народа (ВИНОГРАДОВ 1955: 73).

При классификации стилей предлагается опираться на актуализацию в них важнейших общественных функций языка, в связи с чем выделяются: «обиходно-бытовой (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)» стили (ВИНОГРАДОВ 1963: 30). Функции общения в языковом плане соответствует некий устойчивый и обширный набор лексических единиц, не называющих узкоспециальные понятия (функция сообщения) и не обладающих коннотациями (функция воздействия).

Сам термин *публицистический стиль* (от лат. *publicus* 'общественный') указывает на сферу общения — общественная (публичная) деятельность, подразделяемую на определенные виды (политика, право, культура, экономика и др.) (ДЕСЯЕВА & АРЕФЬЕВА 2008: 135). Многообразие видов общественной деятельности и большое число текстов, в которых они находят свое отражение, создают трудности при попытках унифицирующего описания всего стиля. Существующие научные подходы можно разделить на три типа. В первом случае публицистический стиль отождествляется с газетно-журнальной публицистикой, что, объясняется сложившейся традицией использования понятий «публицистика» и «журналистика» («journalism») в качестве синонимов. Подтверждением этому является тот факт, что наибольшее число работ по теории публицистики в России было написано в советскую эпоху, когда публицистика рассматривалась в первую очередь как совокупность творческих материалов газетно-журнальной периодики и напрямую связывалась с идеологией правящей партии. Именно в таком ключе выявляются и описываются специфические черты публицистического стиля большинством исследователей этого периода (ВАКУРОВ, КОХТЕВ, СОЛГАНИК 1978; ВАСИЛЬЕВА 1982; КОСТОМАРОВ 1971).

Во втором случае публицистический стиль дробится на отдельные разновидности, которые соотносятся одновременно с представлениями о видах публицистической речи и газетной речи как таковой (ДЕСЯЕВА & АРЕФЬЕВА 2008: 136). В связи с этим в лингвистике получили хождение такие понятия как «газетно- (журнально)-публицистический стиль», «идеолого-публицистический стиль» (СОЛГАНИК 1968; БАРЛАС 1978) и «подстиль», обозначающий

речевую разновидность функционального стиля, выделяемую на основе группировки текстов с общей тематикой, отличающуюся общностью способов подачи, интерпретации содержания и сходными чертами стилистического оформления и композиции (КОСТИКОВА 2008: 4).

В связи с этим различные исследователи выделяют: газетно-публицистический, агитационный, политико-агитационный, политико-идеологический, официальный, массово-политический, радио-тележурналистский, ораторский, научно-публицистический и иные подстили (ГОРШКОВ 2006; КОЖИНА 1970; ВАСИЛЬЕВА 1982). Не вызывает сомнений, что использование представления о подстиле обусловлено осознанием большинством исследователей значительной неоднородности и разнотипности языкового материала, относимого к одному функциональному стилю, а также определенную тенденцию проникновения элементов дискурсивного анализа в функциональную стилистику, что в некоторой мере разрушает целостность восприятия функционального стиля как единого элемента стилистической системы.

В третьем случае исследователи рассматривают публицистический стиль как набор присущих ему жанровых разновидностей текстов, что не раз признавалось непродуктивным в рамках функционально-стилистических исследований, поскольку возможность выделения внутри публицистики отдельных типов текстов, различающихся по экстралингвистическим и лингвистическим характеристикам, приводит к бесконечному дроблению материала, в результате чего представление о публицистичности сводится к одному тексту (ФЕДОРОВ 2011: 99-108).

Первые попытки классификации стилистических особенностей языка в англо-американском языкознании относятся к 1888 г., когда составитель *Oxford English Dictionary* Дж. Мюррей представил собственное видение структуры английского вокабуляра. Выделяя три базовых уровня: общий (common), разговорный (colloquial) и литературный (literary), он подразделяет два последних из них на: technical, slang, dialectal и scientific, foreign соответственно (CRYSTAL 1995: 190). При этом обращает на себя внимание некоторая некорректность включения technical words в раздел colloquial и foreign words в раздел literary. Подобная нечеткость воззрений сохраняется и в современном англо-американском языкознании. Вопросы стилистической стратификации словарного состава языка, маркированности языковых единиц, существования отдельных стилистических подсистем (функциональных стилей языка), как правило, рассматриваются вне системного подхода, как частные вопросы лексикологии, грамматики, переводческой практики и т. п.

Как следствие, само выделение стилистики в качестве отдельной отрасли языкознания ставится под сомнение некоторыми современными западными лингвистами, которые предлагают вместо понятия «стиль» использовать понятие «дискурс», признавая его единственно верным, так как он отражает, по их мнению, суть стилистики (CRYSTAL 1991: 332). В этом случае социолингвистическая составляющая представляется более устойчивой в то время, как определяемые ею «стилистические черты» условными, непостоянными. Именно социолингвистический фактор положен в основу классификации Д. Кристала социальных вариантов языка, включающей Religious English, Occupational English, Scientific English, Legal English, Plain English, Political English, News Media English, Restricted English, etc. (CRYSTAL 1995: 370-387). Вполне очевидно, что подобный подход лишен единства классификационного основания и позволяет распределить публицистические тексты между несколькими социальными вариантами.

Широкий разброс мнений по основным вопросам теории стилистики в западном языкознании имеет свое объяснение.

Лингвисты констатируют, что «русский литературный язык может настолько отличаться от разговорного, что приходится иногда говорить о двух разных языках» (ЧУЖАКИН & ПАЛАЖЧЕНКО 1997: 24). Столь же значительны различия и между функциональными стилями внутри литературного стиля (научным, публицистическим, деловым и т. д.) в русском языке, что, очевидно, позволяет достаточно четко отделять один стиль от другого. Как отмечает А. Д. Швейцер,

в английском языке различие между литературным и разговорным стилями значительно меньше. Внутри литературного стиля мало ощущается различие между функциональными стилями (в английской стилистике этот термин употребляется редко) (ШВЕЙЦЕР 1988: 55).

Аналогичным образом дело обстоит и в зарубежных исследованиях в области так называемого «genre analysis» (DUDLEY-EVANS 1987; SHALOM 1993; SWALES 1990; WEISSBERG 1993), где ученые склонны создавать подробнейшие описания в первую очередь экстралингвистических условий, в которых создаются те или иные речевые произведения. Так, выделение *editorial article* в американской прессе традиционно осуществляется по факту месторасположения (на первой странице издания) или по авторству печатного материала (автором является редактор газеты или журнала). Вместе с тем не ясно, какие характеристики данного типа публицистического текста будут отличать ее от любой другой статьи в том же печатном издании.

Сказанное убедительно доказывает, что методология выявления и изучения функционального стиля публицистики на основе анализа видовых и жанровых особенностей относящихся к нему текстов, не отвечает требованиям всеобъемлющего лингвостилистического исследования и является малоперспективной. Очевидно, объективные языковые характеристики текстов публицистики будут способствовать выявлению однотипных групп текстов среди всех ее разновидностей. Этот факт доказывает необходимость применения категориального подхода к описа-

нию публицистического стиля в совокупности его содержательных и языковых характеристик с учетом его функционально-стилистической неоднородности.

3. Выделение инварианта публицистического стиля как основа его унифицирующего описания

Теоретическое выделение публицистического стиля возможно при осознании категориальной природы противопоставления трех основных функций языка, предложенных В. В. Виноградовым, которое позволяет установить, что в публицистике реализуются функции общения и воздействия при доминирующей роли первой (КОНУРБАЕВ 1999: 136). Данное положение предоставляет возможность разработки методики унифицирующего описания всего многообразия текстов, относящихся к данному функциональному стилю. На первом этапе необходимо установить набор *стилеобразующих параметров* — *общих содержательных характеристик публицистического стиля, имеющих практическое воплощение на вербальном уровне*, которые позволяют объединить в его рамках разнообразные по своим жанровым и языковым характеристикам тексты. На втором этапе анализируются языковые характеристики исследуемого материала, которые свидетельствуют об актуализации в его содержании установленных языковых функций и стилеобразующих параметров, что позволяет выявить инвариантную основу стиля, переходящую из текста в текст. На третьем этапе выявляются вариативные языковые характеристики, присущие отдельным типам текстов в рамках публицистического стиля, которые свидетельствуют об уровне его языковой вариативности.

Одним из ярких примеров применения подобной методики является докторская диссертация А. И. Комаровой, посвященная исследованию научного стиля. При всем многообразии, неоднородности и разножанровости текстов, принадлежащих к нему, в этой работе предлагается сосредоточиться прежде всего на том, что их всех объединяет — на инвариантных особенностях, которые остаются неизменными от текста к тексту, а также понять их динамику, то есть общее направление вариативных изменений,

наличие которых не отменяет принадлежность всех этих текстов к одному функциональному стилю (КОМАРОВА 1995: 121). Эти изменения позволяют исследователю выделить три основных регистра научного стиля: *тексты 0-го уровня*, в котором выявленные стилеобразующие параметры и инвариантные языковые особенности реализуются в наиболее чистом виде, *тексты 1-го уровня (restricted English forms)*, представляющие такую разновидность научной речи, в которой передача полноценного научного содержания достигается максимально экономными языковыми средствами при явном расширении понятийной сферы в сторону описания научного процесса и увеличения числа слов, называющих соответствующие понятия и *стилистически нейтральные тексты*, характеризующиеся значительным расширением их понятийной сферы, связанной с обсуждением способов исследования материала и характера интерпретации полученных результатов и нарастанием идиоматических проявлений у всех частей речи.

Вполне очевидно, что категориальный подход к описанию публицистического стиля в совокупности его содержательных и языковых характеристик с учетом его функционально-стилистической неоднородности представляется перспективным, что делает актуальным выявление стилеобразующих параметров и инвариантных языковых характеристик, которые являются объединяющими для всех текстов данного стиля и позволяют определить границы его вариативности.

4. Материал и методы исследования

Выявление стилеобразующих параметров может быть осуществлено путем сопоставительного анализа значительного объема эмпирического материала. Основу исследовательского корпуса настоящего раздела составили тексты публицистической направленности, отобранных из печатной периодики Великобритании и США (Newsweek, The Boston Globe, The Independent, The New York Times, Time), хрестоматии по общественно-политическому красноречию *Literature and the Language Arts* (SLATER 1996), биографических изданий (KRASS 2002; MARTIN 1985) и мемуаров (RAE 1997).

Сравнение содержания и языкового наполнения отобранных материалов показывает, что стилеобразующие параметры публицистики могут быть выделены, исходя из актуализации присущих ей языковых функций общения и воздействия, связанных с созданием информационного поля и его последующей интерпретации. Анализ способов актуализации функции общения позволяет определить в качестве стилеобразующих параметров публицистики *информативность* и *квазиинформативность*, а анализ способов актуализации функции воздействия — *интерсубъективность* и *субъективность*. Под *информативностью* понимается свойство публицистического стиля предоставлять основную информацию при помощи языковых средств, нацеленных на точное воспроизведение фактов, а также на доказательство их истинности. Под *квазиинформативностью* — свойство публицистического стиля предоставлять дополнительную (вспомогательную) информацию, преимущественно связующего или фонового характера. Вербальные средства, нацеленные на точное воспроизведение фактов и доказательство их достоверности, в первую очередь привлекают внимание его адресатов, в то время как лингвистическая и паралингвистическая консолидирующая основа публицистики, не содержащая основной информации, оказывается в «серой зоне», поскольку отражает необходимое, но все-таки вторичное и менее актуальное содержание. Сказанное позволяет говорить о функциональной антитетичности данных понятий на фоне их неразрывной общности, в связи с чем они объединяются в бинарный стилеобразующий параметр — *информативность / квазиинформативность*.

Аналогичные отношения наблюдаются и между двумя другими стилеобразующими параметрами — *интерсубъективностью* и *субъективностью*, которые также рассматриваются как неразрывное бинарное целое *интерсубъективность / субъективность*. Понятие «интерсубъективность» является междисциплинарным и функционирует по-своему в отдельных отраслях знания. Философский словарь дает несколько его определений, наибольшую актуаль-

ность среди которых имеет «независимость употребления и понимания языковых выражений от лиц и обстоятельств» (Грицанов 1999: 117). Значение термина *интерсубъективный* — ‘межличностный, общий, общедоступный’ традиционно противопоставляется значению термина *субъективный* — ‘личный, индивидуальный, уникальный’ (Ивин & Никифоров 1997: 133). Интерсубъективность соотносится с такими характеристиками публицистики как стандартизированность, узнаваемость, привычность, легкость восприятия, адаптация к определенной читательской аудитории и пр. Субъективность — особое индивидуально-авторское осмысление описываемых событий, непривычность вербального оформления. Интерсубъективность является продуктом коллективного сознания, в то время как субъективность — индивидуального (Федоров 2019: 91). Таким образом, стилеобразующий параметр *интерсубъективности* подразумевает свойство публицистики регулярно воспроизводить однотипные сущности, упрощающие ее восприятие. В свою очередь, стилеобразующий параметр *субъективности* связан со свойством публицистики вырабатывать вербальные феномены, отклоняющиеся от традиционных норм оформления материалов подобного рода и способствующие привлечению к ним дополнительного внимания. Для доказательства высказанных соображений и выявления механизмов практической актуализации выделенных стилеобразующих параметров обратимся к вербальным способам их оформления.

Вербальные средства оформления *информативности* в первую очередь обнаруживаются на *лексико-фразеологическом уровне*. Наиболее заметным из них является широкое использование прецизионной лексики — языковых единиц с фиксированным значением, нацеленных на передачу конкретной информации (имена собственные, сокращения, числительные, даты) и эргонимов (собственные имена деловых объединений людей, в т. ч. союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений, кружков) (Подольская 1988: 188).

- (1) ‘One night in the late fall of 1972, I sat besides Kurt Vonnegut Jr. in a chigger-ridden field at Cape Kennedy and waited for the firing of Apollo 17, the only

night launch' (Time, August 3, 1998).

- (2) 'Though the improvement of economy in 1840, birth of daughter, and strong neglect of their familiars in *Dunfermline*, *Annie* and *Andrew Aitken* emigrated to *Allegheny City*, a suburb of *Pittsburgh, USA* (KRASS 2002: 15).

Еще одним проявлением вербальной актуализации информативности является использование воспроизводимых безобразных номинативных полилексемных комплексов, носящих терминологический характер, типа *business place*, *civic leaders*, *civil rights*, *diplomatic community*, *energy producers*, *global warming*, *health care system*, *home plantation*, *job growth*, *world shipping* и т. д.

- (3) 'The overseers of these, and all the rest of the farms, numbering over twenty, received advice and direction from the managers of the *home plantation*. This was the great *business place*' (LITERATURE AND THE LANGUAGE ARTS 1996: 365).
- (4) Widespread job growth is needed to shore up incomes after spending among consumers ground to a halt in the second quarter' (The New York Times, September 25, 2009).

Средства вербального оформления информативности также включают клишированные безобразные глагольные коллокации, обозначающие различные действия, типа *to accept bids*, *to access business records*, *to admit definition*, *to apply for retirement*, *to avoid transactions*, *to dismiss allegations*, *to extend provisions*, *to satisfy appetite*, *to seek bids* и т. д.

- (5) 'Voters in Shirley and Harvard *supported the proposal*, which had been strongly promoted by the Massachusetts Development Finance Agency [...]' (The Boston Globe, June 10, 2009).
- (6) 'On December 19, the Electoral College *will cast their ballots* [...]' [The Independent, October 11, 2016].
- (7) '[...] which was always too little *to satisfy enormous appetites*. And some of the Indians [...] fled to the mountains *to avoid the terrible transactions* of the Christians (LITERATURE AND THE LANGUAGE ARTS 1996: 89).

К вербальным средствам оформления стилеобразующего параметра информативности на *текстовом уровне* относятся ссылки на источники информации и цитация.

- (8) 'According to polls, just 34 percent of citizens plan to vote in this month's EU parliamentary election, which determines who represents their countries in the pan-European legislature situated in Brussels' (Newsweek, June 8, 2009).
- (9) 'For more than a year, according to classified intelligence reports, Al Qaeda's affiliate in Yemen has been making efforts to acquire large quantities of cator beans [...]' (The New York Times, September 13, 2009).
- (10) July Davis, then party president, put it most bluntly, "We weren't elected government to put 10,000 women on lay-off, not in the middle of this recession" (RAE 1997: 7).

Вербальная актуализация стилеобразующего параметра *квазиинформативности* обнаруживается главным образом на *лексическом уровне*. Она осуществляется посредством использования общевокабулярной лексики, формирующей языковую основу печатной периодики. Очевидно, постоянное чередование языковых единиц, нацеленных на актуализацию информативности, и всех прочих встречающихся в ней лексем, нацеленных на актуализацию квазиинформативности, является маркером публицистической речи.

Вербальная актуализация стилеобразующего параметра *интерсубъективности* в первую очередь проявляется в наличии на *лексико-фразеологическом уровне* значительного числа *прецедентных феноменов* (*прецедентных имен и прецедентных высказываний*), воплощающих языковую категорию *прецедентных единиц* —

«образцовых языковых фактов, служащих моделью для воспроизводства сходных фактов и представленных в речи определенными вербальными сигналами, которые актуализируют стандартное или нестандартное (по своей креативности) содержание» (ГОЛУБЕВА 2007: 152-153).

- (11) 'Robin Hoods of Palestine Head for the Hospitals' (Time, May 24, 1999).
- (12) 'Giles Deacon. A handworked sweater in a knit of Gargantua' (The New York Times, September 25, 2009).
- (13) 'Chrysler was a *dead man walking*, and GM was a problem that no bank or investor group would touch' (Time, June 8, 2009).
- (14) 'In fact, Diana Frances Spencer was not quiet *Cinderella*' (MARTIN 1985: 6).

Кроме этого, к прецедентным феноменам, широко представленным в публицистике, относятся типовые коллокации, обнаруживающие экспрессивность, которая формируется посредством привычных для коллективного сознания языковых механизмов интерпретации информации:

- узуально-клишированные номинативные словосочетания, обнаруживающие метафорическое переосмысление ключевых элементов: *consumer giant, cooperation ties, debt relief, financial burden*;

- узуально-клишированные оценочные номинации, аксиологическое содержание которых формируется посредством прилагательных и наречий, напрямую выражающих положительную или отрицательную оценку: *bad deal, better discipline, good chance, good job, good news, good reviews, good sign, good times, outstandingly bad, tremendous amount, wonderful deal, worst instincts*;

- узуально-клишированные оценочные номинации, аксиологический потенциал которых формируется путем метафорического переосмысления входящих в них прилагательных и наречий: *ample reason, blistering report, crashing prices, declining prices, deep cuts, escalating tension, faltering economy, mountain pressure, painfully evident, passionate defense, rough time*;

- узуально-клишированные глагольные словосочетания, характеризующиеся идиоматическим переосмыслением входящих в них компонентов: *to assess a sign, to be weighted down by debt, to boost the economy, to build bridges, to derail a proposal, to put a crimp, to put a dent, to rattle the market, to show a unified front, to tighten the policy, to trace the roots*;

- традиционная англо-американская фразеология: *dark ages, dead ringer, head over hills, rara avis, sore subject, swang song, to be in the same boat, to bear fruit, to breath new life, to come down to Earth, to lay a trap, to raise the voice, to ring a bell, to see the bottom, to shift beneath smb's feet, white cash* и т. д.

На *синтаксическом* уровне важным механизмом, нацеленным на вербализацию интересубъективности в публицистическом стиле, наряду с типовым не инвертированным оформлением

предложений является повсеместное усложнение синтаксиса, которое происходит за счет использования придаточных предложений, конструкций в страдательном залоге, конструкций с неличными формами глагола и приложений.

Важным вербальным средством оформления субъективности является использование *прецедентных трансформов* — намеренно измененных прецедентных имен и прецедентных высказываний, которые обнаруживаются, главным образом, на *лексико-фразеологическом уровне*. В отличие от прецедентных феноменов, использование которых характеризуется определенным автоматизмом, создание прецедентных трансформов требует дополнительных мыслительных и творческих усилий.

- (15) 'In my opinion, it will not cease, until a crisis shall have been reached, and passed — "A House divided against itself cannot stand" (LITERATURE AND THE LANGUAGE ARTS 1996: 404).
- (16) 'It is becoming increasingly clear that the story of the global economy is a *tale of two worlds*' (Newsweek, June 8, 2009).
- (17) '*Flame First, Think Later: New Clues to E-mail Misbehavior*' (The New York Times, September 20, 2009).

К иным вербальным средствам выражения субъективности относится использование образных колокаций, встречающихся в единичных контекстах и обнаруживающих авторское начало. Как правило, это — тропы, основанные на переносном значении входящих в них компонентов, которые не только обеспечивают выразительность публицистического стиля, но и являются «опознавательными знаками» индивидуального стиля авторов.

- (18) 'She was a *supersized meal of pop culture*', '[...] the conveniently timed marriage to the *about-to-burst pinata* that was ailing octogenarian [...]', '[...] the country of self-invention, of new names, new faces and new starts — *the land of plasticity*', '[...] whether it will be *the new marijuana*', 'Some people called it an *intoxicated rant* [...]', '[...] Smith is in her *24-karat heaven*' (Time, February 23, 2009).
- (19) '[...] that the *torch has been passed* to a new generation of Americans — born in the century, tempered by war, disciplined by a *hard and bitter peace* (LITERATURE AND THE LANGUAGE ARTS 1996: 830).

К основным языковым средствам актуализации субъективности на *синтаксическом уровне* относятся структуры, соотносящиеся с представлением об экспрессивном (эмоциональном) синтаксисе (РАХМАНКУЛОВА 2012; SKREBNEV 1994), которые нацелены на повышение общей выразительности публицистических текстов: построения с однородными членами предложения; предложения, начинающиеся с обстоятельств различного типа; построения с номинативными, эллиптическими и абсолютными конструкциями, не входящими в состав прямой речи; предложения с инверсией, не входящие в состав прямой речи; вопросительные предложения, соотносящиеся с представлением о риторическом вопросе, который не предполагает ответа, поскольку своим содержанием утверждает определенную мысль, выражает раздумья, сомнения, эмоциональное состояние автора.

Проделанный анализ позволяет утверждать, что корреляция между стилеобразующими параметрами публицистики информативностью / квазиинформативностью и интесубъективностью / субъективностью носит не линейный, а взаимопроникающий характер, поскольку способы их актуализации накладываются друг на друга. Например, индивидуально-авторские средства вербального оформления субъективности являются, как правило, и механизмом оформления информативности, поскольку нацелены на презентацию факта особым, не нейтральным, способом. Подобное положение дел демонстрирует сложное устройство публицистического стиля. Описанные бинарные стилеобразующие параметры, по сути, являются основой для разработки двух независимых типологий средств его оформления на одном и том же эмпирическом материале, что имеет ряд очевидных преимуществ: во-первых, такой подход позволяет выделить наиболее существенные из них, а во-вторых, исследование эмпирического материала, в основе которого лежит подобный принцип его типологизации, носит синергетический характер и позволяет достичь суммирующего эффекта взаимодействия двух или более факторов, который существенно превосходит эффект простой суммы отдельных компонентов.

5. Основные выводы

Проанализированный языковой материал свидетельствует о том, что инвариант публицистического текста представляет собой постоянное соотношение рационального и эмоционального. Рациональное начало проявляется в различных языковых характеристиках, так или иначе стандартизирующих его восприятие, делающих его привычным, узнаваемым, легко декодируемым, что напрямую соотносится с проявлениями языковой функции общения. Эмоциональное начало публицистики заключается в наличии среди языковых единиц, включенных в ее состав, образных, стилистически маркированных слов и синтаксических коллокаций, актуализирующих экспрессивное, индивидуально-авторское отношение к описываемым явлениям, напрямую соотносящихся с реализацией языковой функции воздействия.

Публицистические тексты являются частью глобальной функционально-стилистической системы развитых литературных языков, где они сосуществуют с произведениями речи иной направленности и отграничиваются от них не по произвольно выбранным признакам, а на основе последовательного описания стилеобразующих параметров и вербальных средств их оформления. Стилеобразующий параметр информативности отражает свойство публицистики максимально точно воспроизводить основную информацию и доказательства ее достоверности. На вербальном уровне информативность оформляется посредством прецизионной лексики, безобразных узуально-клишированных словосочетаний, ссылок на источники информации и цитации. Стилеобразующий параметр квазиинформативности отражает свойство публицистики воспроизводить фоновую информацию посредством общевокабулярной лексики, формирующей ее языковую основу. Стилеобразующий параметр интересубъективности отражает свойство публицистики воспроизводить однотипные сущности, упрощающие ее восприятие. К вербальным средствам его актуализации относятся: прецедентные феномены и типовые усложненные синтаксические построения. Стилеобразующий па-

раметр субъективности отражает свойство публицистики вырабатывать феномены, отклоняющиеся от традиционных норм ее оформления. На вербальном уровне субъективность актуализируется посредством прецедентных трансформов, обнаруживаемых в единичных контекстах образных коллокаций и экспрессивных синтаксических построений.

Таким образом, весь регистр публицистического стиля составляют тексты единые по стилеобразующим параметрам, но отличающиеся по своим языковым характеристикам. Границы стиля, следовательно, проходят там, где доминируют вербальные средства оформления языковой функции общения либо там, где явно преобладают вербальные средства оформления языковой функции воздействия. Неоднородный характер публицистики позволяет предложить их деление на три уровня, которые отражают движение от «ядра» стиля, представленного текстами 1-го уровня, в которых языковые функции общения и воздействия имеют равновеликое вербальное проявление, к периферии стиля, где с одной стороны располагаются тексты 0-го уровня, характеризующиеся максимальным проявлением вербальных средств оформления языковой функции общения, а с другой стороны, тексты 2-го уровня, характеризующиеся максимальным проявлением вербальных средств оформления языковой функции воздействия. При этом функционально-стилистическое тождество текстов всего регистра публицистики обеспечивается тем, что при варьировании на языковом уровне тексты всех разновидностей объединяют неизменные стилеобразующие параметры, обеспечивающие их фундаментальное сходство.

© Федоров В. В.

Раздел II

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРЬИРОВАНИЕ

2.1. НЕМЕЦКИЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ЭТНОС В ИСТОРИИ РОССИИ И КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

1. Введение

С момента первого поселения немцев в Крыму прошло более 200 лет, история же пребывания на территории полуострова германских племен восходит к периоду Великого переселения народов, что свидетельствует о наличии на территории Крыма богатого историко-культурного наследия, продолжающего вызывать интерес в том числе с этнографической точки зрения. Активным этапом в изучении культуры немцев Крыма стали 1990—2000 гг., время становления независимых национальных государств, возвращения депортированных этносов и развития этнических сообществ. Не случайно именно в этот период стремительно растет число этнографических исследований и обращений в местные архивы, а фонд этнографической литературы Центральной библиотеки Крыма пополняется трудами многих исследователей. С 2014 г. начинается процесс восстановления и воссоединения сообщества крымских немцев с немцами России, появляется возможность рассмотрения целостного взаимодействия сообщества, объединенного единой исторической судьбой.

2. Результаты исследования и их обсуждение

2.1. Островные диалекты в полицентрических языках

В современных лингвистических исследованиях пристальное внимание уделяется не только вопросам функционирования языков больших лингвосоциумов. Наряду с этим наблюдается обращение к языкам и диалектам малых народностей, что связано с озабоченностью по поводу их возможной утраты в результате усиления давления глобальных языков, обслуживающих надрегиональную коммуникацию. Следствием этого давления является уход местных языков из многих сфер общения, прежде всего официальных, таких как политика, образование, наука, СМИ и др. Функциональная ограниченность языков может привести их к полному вытеснению и отмиранию. Умирающие языки начинают все меньше использоваться внутри языкового сообщества, а

их функции переходят к другим, доминирующим в регионе языкам. Так происходило с английским, испанским, русским и другими языками или *lingua franca*. Сфера употребления умирающего языка может сократиться до одной единственной, как, например, Геэз (*ge'ez*) — древний семитский язык, употреблявшийся в Эфиопии, который, по данным Большого энциклопедического словаря, сохранился там только как литургический язык эфиопских христиан.¹

Отмирание языков малых народов может иметь не только лингвистические, но и геополитические последствия и по этой причине привлекает внимание и лингвистов, и политиков. В качестве примера можно привести исследовательский проект ЮНЕСКО, посвященный критериям, определяющим статус малых языков и перспективы их выживания (MOSELEY 2010; БУХАРОВ & БАЙКОВА 2016). Функционирование языков малых народов или малых языков ограничено узкими рамками исторически закрепленной за ними территории распространения, как в случае, например, с языками народов Северного Кавказа, Полинезии и т. п. Для таких языков характерно сужение функциональной сферы, поскольку они не могут обслуживать потребности коммуникации, выходящие за пределы ограниченного региона. Общую тенденцию их развития можно обозначить одним словом — угасание, о чем свидетельствуют данные статистики ЮНЕСКО.

Иные тенденции можно наблюдать в языках, имеющих глобальное распространение, в первую очередь английском, французском, испанском и португальском. Их распространение в мире связано с завоеванием территорий на большом удалении от метрополий и появлением новых государственных образований на месте их бывших колоний. Такой путь развития ведет к появлению новых государственных языков и, соответственно, новых языковых центров с характерной для них вариацией стандарта, как, например, полицентрический английский язык с американским (США), канадским и австралийским вариантами. Это можно наблюдать и

¹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/101826>.

во французском, испанском, португальском ареалах. По такому же пути развивался и немецкий язык на различных территориях Африки, Азии, Латинской Америки и Океании. Потеря Германией колоний в ходе Первой мировой войны остановила этот процесс.

Немецкий язык, тем не менее, остается общепризнанным примером полицентрического языка, центры которого сформировались, однако, в том виде, как они существуют сейчас не вследствие его перенесения в другие регионы, а на основе сближения многочисленных системно гетерогенных диалектов. Структурирование диалектных центров шло параллельно с государственным строительством и в силу большой раздробленности не завершилось созданием единого языка, как языка единой нации. Не случайно это отражается и в названии языка *Deutsch*, т. е. народный язык (*diutisca zunga*) без указания на название народа или территории распространения (русский, японский, новозеландский и т. п.). Формирование языковых центров шло как вокруг столиц княжеств, так и в торгово-промышленных регионах, таких как, например, Лейпциг. Создание национальных государств — Германии, Австрии, Швейцарии, а также вхождение отдельных территорий в другие государства (например, Люксембург) привело к формированию вариантов немецкого языка, получивших название «национальных»; см., например, в (ДОМАШНЕВ 1983). Основным свойством полицентрических языков является их способность выполнять все коммуникативные функции во всех сферах общения в местах своего распространения.

Традиционно описываемые национальные варианты немецкого языка не являются, однако, структурно однородными, имеющими одинаковую значимость на соответствующей территории распространения. Их можно рассматривать как субстандарты с региональным дроблением. Региональный характер таких языковых форм связан с тем, что в национальных государствах сохраняются как фактические наблюдаемые языковые различия, образующие «региональные языки» (*regionale Sprachen*), так и ментальные представления об их границах в сознании населения (*mentale Dialekte*) (ANDERS 2010). В основе региональных языков

лежат исторические диалектные области ниже-, средне- и верхненемецких диалектов, и поэтому границы региональных языков, особенно в пограничных частях Баварии, Австрии и Швейцарии, могут не совпадать с государственными.

Важной особенностью немецкого языка являются его формы за пределами европейского ареала, называемые обычно языковыми или диалектными островами. Появление таких островов не связано с развитием государственности титульной нации какой-либо территории. Они появились либо в связи с военными действиями, либо по причине экономических переселений различных групп населения. Наиболее ярким примером таких диалектных островов являются немецкие диалекты в восточной Европе и Азии. Германия периода начала массовой волны переселения в Россию во время царствования Екатерины II была в лингвистическом отношении невероятно раздробленной, и поэтому носители далеких друг от друга в языковом отношении диалектов могли оказаться рядом на одной или смежных территориях. Переселенцы руководствовались при выборе места поселения не диалектом соседей, а хозяйственными интересами. В результате, на территориях, заселяемых немецкими переселенцами, начинался сложный процесс установления контактов языков и культур: во-первых — это интернемецкие междиалектные контакты, во-вторых, контакты немецкого и русского населения — основного населения России в большинстве мест расселения немецких колонистов и, наконец, в ряде регионов контакты с малыми народами, проживающими там вместе с русскими. Контакты народов — это контакты культур, самобытность которых, как известно, отражается в языке, а это свидетельствует о важной значимости этнокультурных фактов для изучения языков в условиях полиязычного общества, включающего иноязычные острова.

Изучение немецких островных диалектов имеет давнюю традицию. Объектом изучения являлись исторические места поселений немцев, прежде всего на юго-западе Украины, в Крыму и в Поволжье. Итогом этого можно считать становление россий-

ской школы диалектологии, заслуга создания которой принадлежит прежде всего В. М. Жирмунскому. Следующая волна научного интереса к судьбе немецких диалектных островов связана с изучением их состояния и функционирования после депортации во время Второй мировой войны в Сибирь и Казахстан и в некоторые другие регионы на востоке страны. Особое место в этом ряду занимают диалекты немецких поселенцев в Кировской области, которые пережили двойное переселение: депортацию из мест постоянного проживания, а затем вторичное переселение для работы в так называемой «трудармии» на лесоповале в Вятке; подробнее см. в (БУХАРОВ & БАЙКОВА 2016).

Менее обстоятельно описано стоящее особняком языковое сообщество немцев Крыма. Оно также подвергалось ассимиляции, пережило репрессии, депортации во время Второй мировой войны, изменения государственной принадлежности и социального строя. На сегодняшний день, согласно критериям ЮНЕСКО, не ясен сам факт существования языкового сообщества немцев Крыма, а, следовательно, и их языка.

Рассмотрение языковой ситуации в Крыму свидетельствует о том, что уцелевшие потомки крымских немцев ради самосохранения фактически утратили свою немецкую идентичность и практически ассимилировались в южно-российский этнос. Попытки поддержания немецких этнических традиций и обычаев еще не являются свидетельством существования языка, как функционирующего средства коммуникации. Для доказательства такого факта требуется более широкое документирование истории и сведений о немецком языке этого региона, пока для этого еще существуют возможности. В основе решения статуса языка или диалекта должны находиться факты его функционирования и связанные с этим обстоятельства, другими словами — этнокультурные маркеры языковой общности. К ним можно отнести историю этноса или его части, вопросы вероисповедания, культуры и сферы использования языка.

2.2. История распространения немецкого языка в Крыму

История немецких поселенцев в России уходит своими корнями в середину X в. н. э., когда княгиня Ольга (920—969) пыталась наладить дипломатические отношения с Оттоном Великим (912—973). В 957 г. княгиня посетила Константинополь, где приняла христианство, а позднее, через два года попросила германского короля Оттона Великого о направлении в Киев христианских миссионеров. По указанию короля монах Адалберт из монастыря святого Максимилиана в Трире был возведен в сан «епископа русских» (ГЕРМАН и др. 2005: 13). Впоследствии князь Ярослав Мудрый (978—1054) налаживал тесные связи с немецкими высокопоставленными домами для того, чтобы найти своим сыновьям богатых немецких невест (BRUNL 2003: 27). В годы правления Ивана III (1462—1505) число немцев, переселившихся в Россию, значительно увеличилось. Многие из них благодаря знанию военного искусства, секретов различных ремесел помогали русскому народу в подготовке к избавлению от татаро-монгольского ига.

По свидетельству Н. М. Карамзина, агенты Петра I (1689—1725) разъезжали по всей Европе и приглашали на российскую службу военных и моряков, корабелов и гидротехников, инженеров, строителей, архитекторов. Чтобы сделать эти приглашения более привлекательными, Петр I своим манифестом от 16 апреля 1702 г. среди прочего гарантировал иностранцам свободу совести и вероисповедания. Им давалось право публично проводить богослужения со всеми таинствами и обрядами и строить собственные церкви (ГЕРМАН и др. 2005: 24).

Первыми представителями германских племен в Крыму были готы, поселившиеся здесь еще в III в. Однако они смешались с крымскими народами и потеряли свои национальные особенности (КИЗИЛОВ 2015: 35-39). Лишь, спустя полторы тысячи лет началась большая волна переселения немцев в Крым. Основной приток иностранцев начался во время правления Екатерины II. В 1783 г. Екатерина II подписала манифест «О принятии по-

луострова Крымского, полуострова Тамани и всей кубанской стороны под свою державу». 20 февраля 1804 г. был издан Манифест, который предусматривал переселение

...исключительно хороших земледельцев, скотоводов, садоводов, а равно мастеровых, полезных и сельскому быту, если каждый из них имеет в наличном капитале или в товарах не менее 300 гуденов (ГЕРМАН и др. 2005: 24).

Причиной эмиграции немцев было не только приглашение России, но и последствия Семилетней войны на их родине, французская оккупация после войны с Наполеоном, неурожай, голод, строгие и зачастую несправедливые методы управления, например, продажа солдат в Америку, ограничение свободы вероисповедания.

После победы над Турцией и присоединения Северного Причерноморья и Крыма России нужны были новые колонисты для освоения этих обширных, малозаселенных территорий. Большое значение для немецкой колонизации этих территорий, получивших название Новороссии, имела деятельность князя Григория Потемкина. В 1786 г. он направил в германские государства специального уполномоченного российского правительства Георга Траппе как агента по вербовке колонистов в Новороссийский край. Колонизация конца XVIII — начала XIX вв. стимулировала приток на эти территории немецких и меннонитских переселенцев, и появление там их земледельческих колоний. Обустроившись на новых землях, приняв гражданство Российской Империи, переселенцы становились составной частью местного населения. С 1787 г. начинается переселение в эти места меннонитов из окрестностей Данцига и других регионов Германии, непрерывно продолжавшееся в течение 30-ти лет. Документально переселение меннонитов в Россию было оформлено губернатором Новороссии князем Потемкиным в 1787 г. Он руководил быстрым и успешным заселением Новороссии и Крыма, где возникло много важных городов и портов, среди которых Херсон, Екатеринослав, Николаев, Симферополь, Севастополь и др., а также множество селений, куда приглашались колонисты. Всем колониям был отведен в «вечное пользование» надел земли, величина которого составляла от 30 до

65 десятин на каждое семейство (ibid.).

Переселившись в Крым, немцы внесли большой вклад в развитие местного сельского хозяйства. За основу хозяйствования ими была взята распространенная в Германии система. Существенная роль в ней отводилась животноводству, виноградарству и виноделию, а также развитию перерабатывающей промышленности. Наряду с мукомольной, кожевенной, деревообрабатывающей, пищевой и другими видами промышленности важное место заняло производство сельскохозяйственной техники (завод «Лепп и Вальман»). Таким образом, надежды правительства России на немцев в области «улучшения экономики края» были оправданы.

Первые семь немецких колоний были официально зарегистрированы в 1805 г., три из них располагались в Симферопольском и четыре — в Феодосийском уездах. Предки крымских немцев были выходцами из разных земель Германии: Вюртемберга, Бадена, Нассау, Пфальца, Швабии, Эльзаса, Баварии, а также из Швейцарии и Австрии. Это были в основном люди, достигшие высокого положения: инженеры и математики, торговцы и губернеры, миссионеры и офицеры, сыровары и часовщики. Во времена царствования императора Александра I по его приглашению в Крым прибыли 50 семей из немецкой Швейцарии (кантона Цюрих). Это были уже в основном обедневшие крестьяне и ремесленники, пострадавшие от экономического кризиса в Европе, а также не желавшие сражаться в армии Наполеона. В 1804—1805 гг. переселенцы из Швейцарии, Вюртемберга и Бадена образовали колонии в Судаке, Отузах (ныне поселок Щebetовка Феодосийского района), Цюрихталь (ныне село Золотое поле Кировского района), Гейльбрун (ныне село Приветное Кировского района), Герценберг (ныне село Пионерское Феодосийского района), Фриденталь (ныне село Курортное Белогорского района), Нейзац (ныне село Красногорское Белогорского района), Розенталь (ныне село Ароматное Белогорского района). В 1811 г. была основана колония Кроненталь (ныне село Кольчугино Симферопольского района). В первых восьми немецких колониях в годы их формирования (1804—1810) поселились 440 семей (1512 человек). По данным

1824 г. в этих колониях проживали уже 1630 человек. Это были так называемые «материнские колонии», выходцы из которых впоследствии стали переселяться в другие регионы и основывать новые «дочерние колонии».

В целом, формирование колоний шло по-разному, хоть и имело общие черты. Все они заселялись первоначально строго по вероисповеданию: католики, евангелисты-лютеране, меннониты. Позднее часть немцев приняла православие, а при советской власти вероисповедание уже не имело значения для выбора места жительства немецкими семьями. Как отмечает Г. Рисс, немецким колонистам было обещано по 30-80 десятин земли на двор, т. е. на семью, фактически же в материнских колониях получили меньше: в Судак — по 10, в Розентале — по 24 десятины на двор. В дальнейшем немцы покупали землю уже за свои деньги, без всяких льгот (РИСС 2005).

Немецкие поселенцы селились также в крупных городах Крыма, где занимались ремесленным производством и торговлей. В 1865 г. этнические немцы проживали уже в 45 населенных пунктах. По данным переписи населения 1897 г. их численность составляла 31950 человек (ТОПОНИМИКА КРЫМА 2010: 333-335).

Немецкие колонии получили право на самоуправление. Это позволяло им выписывать из-за границы машины, породистый скот, хорошие семена. Вскоре они стали цветущими оазисами в степном и предгорном Крыму, масса колонистов занималась земледелием. Поднять вековую целину стоило больших трудов, но немцы смогли превратить пустоши в плодородные земли, на которых выращивали зерновые и другие сельскохозяйственные культуры, содержали домашних животных, в основном овец, мясомолочный и рабочий скот, производили продукты не только для себя, но и на продажу. Как отмечает Б. Л. Финогеев, высокий уровень культуры немецких колонистов проявлялся не только в их трудовой деятельности, но и в общем поведении. Немецкие поселения отличались высокой стабильностью, пониженной межэтнической и общенациональной конфронтационностью (ФИНО-

ГЕЕВ 1997). По наблюдениям путешественников той поры селения немцев напоминали деревни, расположенные по берегам Рейна и отличались от других крымских деревень зажиточностью, благоустроенностью и аккуратностью. В домах — чистота, опрятность, типичное для немецких сельских жилищ разнообразие мебели и нередко наличие музыкальных инструментов.

Следующее массовое переселение немцев в Крым происходило в 1862—1870 гг. В связи с выездом в 1856—1862 гг. из Крыма в Турцию большого количества крымских татар только в Перекопском уезде оказались брошенными 278 деревень, а земля пустовала. Уже в 1864 г. сюда переселилось 3245 немцев. В северные степные районы Крыма переселились «молочанские» меннониты из Бердянского уезда Таврической губернии, позднее часть их прибыла из Пруссии. Наиболее известны колонии меннонитов Карасан (1862) и Спат (1882). Всего они образовали в степной зоне Крыма 41 колонию.

В 60-70 гг. XIX в. в Россию приглашают немцев для основания новых колоний в Крыму. По данным центрального статистического комитета МВД Российской империи, в 1865 г. на полуострове насчитывалось уже 45 мест с немецким населением — колонии, владельческие и общественные деревни, одна казенная деревня, хутора. Колонии представляли собой миниатюрные города с правильно распланированными улицами, каменными домами, покрытыми черепицей.

XX столетие — это прежде всего Первая и Вторая мировые войны, революция и гражданская война. Все это стало причиной серьезных проблем в жизни немецкой общины в Крыму. Войны были связаны с исторической родиной крымских немцев, и поэтому политики отводили им роль форпоста или пятой колонны Германии. Российская Государственная дума призывала в 1914 г. смотреть на немецкое население как на верноподданных государства, что они и подтверждали как на полях сражений, так и в тылу, оказывая помощь русской армии. Однако в то же время готовился закон о «Ликвидации немецкого землепользования в России», который вступил в действие в 1915 г., и это положило

начало процессу ликвидации немецкого этноса в Крыму.

Революция 1917 г., гражданская война и особенно принудительная коллективизация, в ходе которой зажиточные крестьяне, т. е. большинство немецкого населения, были объявлены классом эксплуататоров и подлежали уничтожению. В 40-е гг. прошлого столетия в связи с началом Второй мировой войны начался процесс выселения немцев из Крыма. Таким образом, общественно-политические события XX в. привели к коренному изменению социальной структуры, распаду экономики и культуры немцев. Завершением этого процесса была депортация 63000 крымских немцев в 1941 г.

2.3. Роль церкви в объединении немецких переселенцев и их диалектов

Вопрос вероисповедания является исключительно важным для развития многонациональных сообществ, в особенности, если они формируются на территории с исторической религиозной доминантой. В случае Крыма такими доминантами были православие русского населения и ислам крымских татар. Основные религиозные контакты немецких колонистов были с христианским православным населением, религиозно-культурные модели которых во многом были им близки. Небольшая часть немецких переселенцев была католической, но в своем большинстве они были протестантами. Это обстоятельство имеет немаловажное значение для характеристики их языка, поскольку протестантская церковь практиковала богослужение на немецком языке и дополняла тем самым деятельность школы по сохранению наддиалектных форм языка.

Несмотря на существенные этнические различия, особенно с крымскотатарским населением, каких-либо проблем национального характера в Крыму не наблюдалось, потому что отсутствовала главная причина таких проблем — экспансия культуры переселенцев. Свидетельством этому является то обстоятельство, что история контактов немецких колоний и соседствовавших с ними поселений других народов не знает конфликтов на этниче-

ской почве. Длительное соседство русских и немецких переселенцев обусловило становление межкультурной общности, целью которой было сохранение этнического самосознания на фоне интенсивного хозяйственного и бытового сотрудничества.

Не следует, однако, преувеличивать роль вероисповедания в формировании немецкой общины в Крыму как части единого этноса. Довольно большую группу немецких колонистов в Новороссии, в том числе и в Таврической губернии составляли меннониты, переехавшие сюда с первыми переселенцами. Они не поддерживали отношений с другими немецкими поселенцами именно из религиозных убеждений.

Не было единства и в среде самих меннонитов, секта которых возникла в Нидерландах. У истоков ее стоял Менно Симон. Меннониты отрицали необходимость государства. Обряд крещения они совершали только над взрослыми, истинно, с их точки зрения, верующими. Культовые обряды меннонитов носили упрощенный характер. Вместо храмов у них были молитвенные дома без всякого религиозного убранства. Духовные старшины и проповедники исполняли свои обязанности безвозмездно. Вскоре после своего возникновения секта меннонитов разделилась на два течения — фрисландский и фламандский. После переселения на юг России и в Крым среди меннонитов возникло еще несколько толков, наиболее значительными из которых были вюстизм и гюпферство.

Основателем первого толка был бывший лютеранский пастор Эдуард Вюст, который создал свою общину. На основе вюстизма возникло гюпферство. Его представители считали проповедь своего учения святым душеспасительным делом. Гюпферы отвергали духовное общение не только с неверующими, но и с теми, кого считали согрешившими и нераскаявшимися. В отличие от других течений гюпферы проводили ночные моления, заканчивавшиеся шумным весельем, плясками, пением. Они пропагандировали свое учение среди окрестного населения, старались приобщить к нему православных. Иногда гюпферов безосновательно обвиняли в фанатизме, многоженстве, утверждали,

что они наказывают смертью за малейшие прегрешения. Сами гюпферы против подобных обвинений возражали. Важной чертой их учения была обязательная помощь бедным и неимущим.

От секты меннонитов в Крыму в 1882 г. отделились лица, которые называли себя последователями истинной христианской веры — апостольские христиане. Основоположником этого направления был Герман Петерс. Последователи этой секты, по утверждению ее основателя, подчинялись только «святой воле Спасителя». Однако это было не совсем так. Им предписывалось также повиноваться начальству, установленному самим богом, и всем его распоряжениям. Тем не менее, крымские апостольские христиане в 1894 г. отказались присягнуть новому царю — Николаю II, нарушив тем самым заповедь Германа Петерса. Апостольским христианам запрещалось занимать любые административные должности, предписывалось вести безукоризненный в нравственном отношении образ жизни. Последователи Германа Петерса безропотно, как наказание от Бога, воспринимали и прощали все нанесенные им обиды. Доходило до того, что они даже не защищали свою жизнь от разбойников, а свое имущество от грабителей. Апостольских христиан среди крымских немцев было сравнительно немного. В 1894 г. в Перекопском уезде в селении Темир-Булат их насчитывалось всего 17 семей. 12 последователей Германа Петерса жили в Евпаторийском уезде. Они гордились тем, что им удалось приобщить к своему учению одну крестьянку-украинку.

В России меннониты получили освобождение от воинской службы, поскольку это противоречило их вере, и после того как в 1874 году они были лишены этого права, почти все эмигрировали в Америку. Из одной только Таврической губернии выехали свыше 900 семей меннонитов. В августе 1911 г. состоялся съезд меннонитов Таврической губернии, в работе которого участвовало 147 делегатов от 41 крымской общины. На съезде были рассмотрены вопросы о меннонитских общинах, о немецких училищах, о препятствиях к вступлению в брак, о направлении менно-

нитов за границу для получения церковного образования, о содействии британскому обществу меннонитов (КАЩЕНКО 1994). Иначе говоря, основными проблемами, что и в раннем периоде заселения Крыма немцами, были разобщенность общин на почве религиозного раскола, препятствие для браков с «иноверцами», стремление к установлению связей с единомышленниками за рубежом, а не с окружающим населением. Таким образом, церковь и разобщенность вероисповедания немецких переселенцев вряд ли имели особое значение для сплочения немецкой этнической общности в Крыму, как это было с православием в остальной России.

2.4. Школа как условие сохранения языка

Из истории немецкого языка известно, что школа и образование сыграли большую роль в процессе сближения диалектов и становления надрегиональных норм немецкого языка. Основная часть немецких переселенцев приехала в Россию в XVIII — начале XIX в., т. е. в период активного формирования национальных вариантов немецкого языка у себя на родине. Однако там жизнь крестьян, которые составляли основную массу переселенцев, проходила в регионах, в которых наддиалектные формы языка еще только начинали проникать в деревни, тем более что церковь не была единой и не везде способствовала этому процессу. Переселение в Россию происходило группами крестьян из разных диалектных регионов, что само по себе воздвигало те или иные барьеры для общения, к которым прибавлялись сложности коммуникации в иноязычном окружении. В Крыму это были не только русский, но и крымскотатарский языки. Переселенцы ощущали потребность в сохранении родного языка, что стимулировало развитие школьного образования.

Особенности системы образования, сложившейся в немецких этнических поселениях в Крыму описаны в трудах Л. И. Дайнеко, С. Г. Кащенко, В. И. Ганкевича, И. А. Задерейчука и др. Так, в работе И. А. Задерейчука приведены все типы немецких школ, существовавших на территории Крыма, а также указывается, что немецкая этническая общность имела собственную и своеобразную систему просвещения, которая сформировалась в

условиях замкнутости и обособленности немецких поселений, поддерживавших постоянную связь только со своей бывшей родиной (ЗАДЕРЕЙЧУК 2002; ЗАДЕРЕЙЧУК 2007).

Уже в начале XIX в. в немецких колониях существовали национальные немецкие школы и училища, которые были материально хорошо обеспечены. Преподаватели стремились сохранить национальный язык и культуру. Среди колонистов почти не было неграмотных. Практически каждый поселок имел собственную общественную школу, которая содержалась на средства сельского общества. Школы носили церковно-религиозный характер и часто совмещались с молитвенными домами, что было похоже на немецкую традицию создавать школы при церквях и монастырях. Учились не только мальчики, но и девочки, которые в конце XIX в. составляли почти половину всех учащихся. Обязательными для изучения были русский язык, русская литература и история. Это обстоятельство определялось необходимостью установления контакта с русскоязычным окружением и адаптации к обычаям, существовавшим как в быту, так и в сфере официального общения.

Преобразования в школах немецких поселений конца XIX в. — начала XX в., не изменили их религиозной направленности. Преобладали начальные школы, в которых дети получали элементарное образование. Были также училища, где готовились преподаватели для начальных школ и писари. Так, например, в 1877 г. в Крыму в Симферопольском уезде открылось Нейзацкое центральное училище по подготовке учителей начальных классов для немецких колоний и сельских писарей, знающих русский язык (КАЩЕНКО 1994). В этих школах и училищах обучались только немцы, поскольку немецкий язык был одним из языков обучения, а не иностранным языком, как учебным предметом. Известный статистик К. А. Вернер отмечал, что наибольший процент учащихся Крыма приходился на волости с немецким населением. Они составляли от 20% до трети всех обучающихся (ВЕРНЕР 1889: 66-67). Половина немецких мужчин и треть женщин умели писать и читать по-русски, что было обусловлено спецификой жизни в рамках языковых островов и системой образования. Немецкое

население выписывало до Первой мировой войны немало различных газет и журналов, преимущественно из Германии.

Таким образом, в Крыму до начала XX в. были все условия для сохранения немецкого языка как средства коммуникации и передачи его новому поколению. Современная ситуация с немецким языком в школах Крыма и других немецких диалектных островах существенно отличается от той, что была до 40-х гг. прошлого столетия. В соответствии с Федеральным законом «О языках народов Российской Федерации» государство обязано создавать условия «для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или проживающих за их пределами» (ФЗ № 1807-1, ст. 6). Однако действие этой статьи распространяется фактически только на коренное население с распространенными языками, которое проживает достаточно плотно на определенных административных территориях. В ряде случаев преподавание организуется на родном языке за пределами административного образования, например, татарском или башкирском, мордовском и некоторых других языках. Около 50 языков изучаются в РФ в качестве учебных предметов, но редко в выпускных классах.

Немецкий язык больше не является языком обучения в бывших и настоящих регионах, где он еще сохранился. Как учебный предмет он остался в России лишь в небольшом количестве школ с углубленным преподаванием ряда дисциплин, чаще всего не во всех классах, а лишь в дополнение к английскому языку или как второй иностранный. Дополнительной возможностью изучения немецкого языка являются различные платные школы и курсы. Естественно, сложившаяся ситуация не способствует сохранению немецкого языка этнических немцев в России и передаче его от поколения к поколению. В лучшем случае — это возможность для желающих соприкоснуться с немецким языком. Возможность использования немецкоязычных сайтов Интернета мало влияет на эту ситуацию, поскольку сейчас действует достаточно качествен-

ный автоматический перевод, причем не только письменных текстов, но и видеоматериалов. Сайт общественной организации Региональная немецкая национально-культурная автономия Республики Крым «Видергебурт»² оформляется на русском языке за исключением отдельных редких перепечаток из немецкой прессы.

2.5. Культурные традиции в условиях языкового острова

Культура, вне всякого сомнения, является одним из важнейших параметров этнической идентичности. Сохранение культурных традиций предполагает сохранение языка, пусть даже в ограниченных функциональных рамках. Однако сужение сфер использования языка, особенно в условиях смешения различных народов, как это наблюдается в языковых или диалектных островах, приводит к тому, что культура во многих случаях сводится к фольклору, предназначенному по большей части к презентации факта существования народа. Литература и СМИ на родном языке как главные трансляторы культуры при этом не развиваются, а сами языки становятся «символической ценностью». Это говорит о том, что языки и культуры это две стороны одной лингвокультурной сущности. Нарушение любой из них ведет к угасанию другой. Такой вывод напрашивается при рассмотрении работ, посвященных возникновению языка этноса. Это положение заложено и в основу, так называемой кросс- или межкультурной коммуникации: без понимания культуры, традиций, обычаев другого народа полноценное общение невозможно, равно как и понимание иной культуры невозможно без знания языка. Это хорошо просматривается в функционировании языка переселенцев в рамках языкового острова. При этом перед жителями такого острова стоят как минимум две задачи: овладеть языком, принять культуру окружения, с одной стороны, и, с другой — не потерять себя.

История приводит массу примеров растворения языков и культур под влиянием завоевателей, а иногда и наоборот, как, это было, например, с германцами в конце V в. — начале VI в. в се-

² <http://deutsche-krim.ru>.

верной Галлии, от языка которых сохранилось лишь название нового образования *Frankenrihi* (*Frankreich*) «Королевство франков». Жители немецких языковых островов, попав в иноязычное и инокультурное окружение, были вынуждены уделять особое внимание образованию на родном языке, своей религии и культуре, чтобы не раствориться в окружении, особенно на этапе первичного переселения из-за отсутствия связи с исторической родиной. Это им успешно удавалось до 30-х гг. прошлого столетия.

Советская власть в первые годы своего существования не препятствовала культурной и, отчасти, административной автономии. В Республике немцев Поволжья на немецком языке издавались газеты, было радио, работал немецкий театр, но все это осложнилось и прекратилось в связи с началом процесса так называемой «интернационализации». Из библиотек, собиравшихся многие десятилетия, была изъята художественная, сельскохозяйственная, религиозная и другая литература на немецком языке, уничтожалась письменная память народа. В 1937 г. были закрыты немецкие школы в Крыму. Борьба с религией привела к тому, что приходы Нейзацкий, Цюрихтальский, Нейманский, Бютенский и Джемелский были национализированы. Молитвенные дома закрывались, запрещалось проводить богослужения. В них разместились ревкомы, избы-читальни и клубы. Оставшиеся передавались немецким общинам в аренду, хотя изначально были построены на средства колонистов. Значительная часть колонистов лишилась избирательного права. В 1929—1930 гг. Крымиздатом было издано на немецком языке 4 наименования книг, на крымскотатарском — 168, на крымчакском — 4, греческом — 1.

2.6. Язык как связующее звено этноса

Этническое самосознание обеспечивается прежде всего широким функциональным спектром использования родного языка, сохранение которого является одной из важнейших задач полинационального общества, возникшего в результате смешения коренного населения — русского, крымско-татарского и переселенцев из Германии и других стран немецкоязычного ареала.

Термин *язык* применительно к речи крымско-немецких колонистов употребляется скорее в бытовом, чем в лингвистическом значении. С точки зрения истории немецкого языка начало массового переселения (вторая половина XVIII в.) приходится на период становления грамматических норм, имеющих общенациональную значимость. Однако этот процесс идет неравномерно в разных регионах немецкого ареала и касается прежде всего сферы литературы, науки и культуры. Он не затрагивает широких масс населения, особенно сельского, общение которых осуществляется на основе диалектов. Нормализация и стандартизация произношения еще больше века будет отсутствовать. С учетом этого под языком немецких колонистов Крыма следует понимать диалекты в устной форме, которые были средством общения на исторической родине.

Диалектами колонисты пользовались в ежедневном общении с семьей и односельчанами. Каждая колония говорила преимущественно на диалекте, вывезенном из Германии, однако, в зависимости от условий расселения обнаруживалась большая пестрота в распространении диалектов: в одном селе, например, мог быть представлен южнонемецкий швабский, а в соседнем — нижне-немецкий или какой-либо другой диалект. Учитывая то обстоятельство, что большинство переселенцев первой волны не владели нормами национального языка, у них не было наддиалектного языка посредника. В результате происходило смешение двух, трех и даже более диалектов, не обязательно близких по своим системным характеристикам. Таким образом, формировалась новая форма наддиалектного немецкого языка, не имевшая ни кодификации, ни описаний своей специфики. Становление этой формы языка следует отличать от процесса развития диалектов на фоне формирования национальных немецких языков в основном ареале. Там появлялись из нескольких рядом расположенных узколокальных диалектов практически каждого села или поселка так называемые новые диалекты, отвечающие новым потребностям общества, связанным с ростом городов и промышленности.

Наддиалектные формы немецкого языка колонистов нельзя считать ни классическими диалектами, ни новыми диалектами,

аналогичными диалектам основного ареала или региональными наречиями, скорее всего их можно определить как говоры («Mundarten»). Все колониальные диалекты или говоры являлись в различной степени смешанными, поскольку в каждой колонии были переселенцы из различных мест. При этом в некоторых колониях произошло почти полное поглощение одного диалекта другим, за исключением каких-либо незначительных реликтов. В других, напротив, продукт смешения не совпадал полностью ни с одним из известных на исторической родине диалектов.

Второй особенностью немецкого языка крымских колонистов было то, что немецкие говоры вступали в активные контакты с русским языком, проникавшим через постоянное непосредственное общение с русскими соседями, что не идет ни в какое сравнение с заимствованиями, принимавшими в истории немецкого языка иногда интенсивный характер.

Нередко в литературе можно встретить утверждения о влиянии литературного (национального, единого и т. п.) немецкого языка на островные диалекты. Скорее всего это делается по аналогии с процессом становления национального немецкого языка, в результате которого произошло разрушение многих диалектов. В Германии и Австрии этому способствовали канцелярии, литература, развитие городов и городской культуры и промышленности, торговля между регионами, частично церковь, там, где она перешла на немецкий язык. Почти всего этого были лишены немецкие колонии — диалектные острова в Российской империи, состоящие преимущественно из сельского населения. Общение с оставшимися на родине родственниками и друзьями, через которое можно было бы на актуальном уровне поддерживать владение немецким языком, сводилось в XVIII в. и начале XIX в. к эпизодической переписке. Лишь с развитием прессы такая возможность появилась, однако потребность в общении на стандартном немецком языке уже исчезла; см. транскрипты аудиозаписей в (Байкова 2009; Байкова 2017; Бухаров & Байкова 2016; Байкова & Оношко 2013).

Процессы, происходящие в островных диалектах, не могли не заинтересовать лингвистов, поскольку их изучение позволяло не

только познакомиться с «археологическими артефактами» в виде народного творчества, передававшегося в искусственной языковой среде, но и лучше понять механизмы языкового развития современных полицентрических языков. В 1920-х гг. XX в. известный языковед, профессор Петербургского университета В. М. Жирмунский на основе организованного им семинара создал «Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России». Официально данный семинар входил в лингвистическую секцию Ленинградского института языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете (СВЕТОЗАРОВА 2015: 4-5).

В течение 1926—1930 гг. вместе со своими коллегами и учениками Жирмунский провел ряд экспедиций в немецкие колонии Крыма, Ленинградской области, Украины и Закавказья. Эти экспедиции стали основой для становления и развития в России лингвистических полевых исследований и диалектографии, отработки методики и технологии аудиозаписей, получивших дальнейшее развитие в трудах его учеников (ЗИНДЕР & СТРОЕВА 1978). Еще одним поводом для организации экспедиций в места немецких поселений был интерес Жирмунского к песенному фольклору, в частности, к старинным народным балладам, которые в то время еще можно было услышать из уст немцев-колонистов (СВЕТОЗАРОВА 2015: 4-5). За короткое время в немецких колониях Ленинградской и Новгородской областей, Украины, Крыма и Закавказья было собрано огромное количество ценнейших записей диалектов российских немцев и образцов их письменного и устного фольклора. В этот период Жирмунский опубликовал целый ряд работ, посвященных немецким колониям (ЖИРМУНСКИЙ 1929; ЖИРМУНСКИЙ 1931, SCHIRMUNSKI 1926; SCHIRMUNSKI 1928; см. тж. STRÖHM 1926; HUTTERER 1992).

Детальное исследование немецких колоний Крыма началось в 1920-х гг. XX в. Начало данных исследований было обусловлено предложением известного немецкого фольклориста, профессора И. Мейера издать сборник немецких народных песен в серии издаваемых им сборников народных песен Германии. По инициативе профессора Жирмунского его ученица Эллинон Иогансон

начала сбор песен немецких южнорусских колонистов. Иогансон собирала материал по истории, диалектологии, этнографии и фольклору жителей обследованных 14 колоний в Крыму, старейших колоний под Симферополем и Феодосией. Экспедиции имели комплексный характер поскольку задачу «Ленинградского центра по изучению немецких поселений в России» Жирмунский видел в исследовании немецких колоний «...с точки зрения их истории, диалектологии, фольклора и этнографии в связи с возможностями культурного самоопределения национальных меньшинств» (ОТЧЕТ В. М. ЖИРМУНСКОГО за 1926 г.).

Процессы развития немецкого языка как средства общения немецкого населения в СССР и изучение этих процессов прервались в конце 30-х гг. прошлого века. Принудительное переселение крымских немцев проходило в несколько этапов. Сначала в Орджоникидзевский (Ставропольский) край и Ростовскую область, а затем в Казахстан и в спецпоселения трудармии. Все это разрывало межличностные, семейные, хозяйственные, культурные связи. Школы и культурные заведения больше не существовали. В результате образование и культура были разрушены. На их место пришла религия как компенсация культурно-образовательных ценностей. Больше 10% детей немецких спецпоселенцев школьного возраста в Казахстане вообще не учились, и по итогам переписи населения 1989 г. немцы занимали одно из последних мест по уровню грамотности. Лишь единицы немецких детей, получивших среднее образование, могли поступить в университеты и институты после возвращения из мест депортации, поскольку существовали квоты для их приема. Учителям-немцам запрещалось преподавать гуманитарные предметы. Все это, вместе взятое, имело следствием сохранение старшим поколением единственного культурного наследия — фольклора в виде народных песен, сказок, стихов. В памяти переселенцев сохранились представления о национальных костюмах и танцах. После потрясений XX в. систематизация культурного наследия немцев Крыма является хотя и важной, но трудновыполнимой задачей. До 90-х гг.

прошлого столетия культура немецких переселенцев и некоторых других народов, всегда населявших Крым, не была даже представлена в этнографическом музее народов Крыма. Для восполнения этого пробела требуется не только сбор сохранившихся артефактов, но и их реконструкция на основе имеющихся лингвистических данных, в том числе с помощью результатов диалектологических экспедиций Жирмунского.

Необходимо отметить, что юг Украины и Крым заселялись преимущественно выходцами из южно-немецких регионов Германии с севера и юго-запада земли Баден-Вюртемберг, говорившими на швабском и южно-франкском диалектах. Они распределились по Молдаванской республике, Одесскому и Николаевскому округам и в большинстве колоний Крыма — в Симферопольском, Феодосийском районах, Судаче и др. В результате появились формы языка, которые Жирмунский определил как франко-швабские смешанные говоры (ЖИРМУНСКИЙ 1929: 201).

Учитывая характер социальных и геополитических условий, в которых немецкий язык существовал в СССР в середине прошлого столетия, можно было ожидать стагнацию его форм, вплоть до превращения в пиджин и исчезновения. В действительности, многочисленные описания различных диалектов, в том числе и крымского швабского, свидетельствуют об их сохранении, но с существенными изменениями на всех языковых уровнях. Причиной этих изменений являются гетерогенные тенденции развития после переселения крымских швабов на различные территории России и Казахстана и формирование новых контактов с иными диалектами, в частности с южно-франкскими.

3. Заключение

Рассмотрение истории возникновения, развития и угасания островных немецких диалектов в России позволяет сделать ряд выводов.

Трагические события первой половины прошлого столетия имели следствием разрушение языковой ситуации, сложившейся за годы после переселения немцев в Россию. Особенно это касается их депортации в 40-е гг., которая проходила поспешно, без

какого-либо учета культурных, религиозных и языковых связей тех или иных групп немецкого населения, поскольку в первые месяцы начала войны это было практически нереально. В результате принудительного переселения и неоднократной смены мест проживания усилились процессы взаимодействия диалектов и возникли предпосылки для формирования диалектов с более широкой, чем их историческая, основой. Однако немецкие диалекты в России не превратились при этом в пиджинированные образования и не исчезли.

С возвращением Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. начался новый период в истории немцев полуострова. Изменился вектор международных отношений: новый статус Крыма не был принят международным сообществом, и многие организации были вынуждены покинуть Крым. Однако и в этой ситуации общность единой исторической судьбы немцев России, для которых русский язык стал родным, а немецкие корни не остались забытыми, продолжает объединять людей в единое сообщество русских немцев, которые стремятся сохранять свою культуру. Так, в интервью с представителями пресс-службы РИА Новости Крым в 2018 г. в Симферополе председатель Национально-культурной автономии немцев Крыма, заместитель главы комитета Госсовета РК по межнациональным отношениям Юрий Гемпель сообщил, что ежегодно в Крым на постоянное проживание возвращаются несколько семей российских немцев. По словам Гемпеля, после воссоединения Крыма с Россией и подписания президентом РФ В. В. Путиным 21 апреля 2014 г. Указа «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» к различным общественным объединениям крымских немцев от соотечественников, проживающих в Киргизии, Казахстане и Германии, начали поступать обращения с просьбой оказать содействие в их возвращении на полуостров и дальнейшее обустройство.

История немцев в Крыму продолжается. Перед исследовате-

лями этнографии немцев Крыма стоит задача описания современного уклада жизни, состояния значимых этнокультурных маркеров в различных общностях и оценка возможности сохранения форм немецких языка.

© Байкова О. В.

© Бухаров В. М.

Раздел III

СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ

3.1. УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

1. Введение

Лексикография или наука о составлении словарей имеет особое значение для языкознания. Словари с давних времен выполняют ряд функций: регистрация лексем, их систематизация, накопление знаний о мире и передача этой информации следующим поколениям. Кроме того, справочники являются авторитетным средством отражения нормы языка. Следует отметить, что словари выполняют такую важную функцию как учебную. Несомненно, справочники могут иметь обучающую направленность и использоваться на занятиях. Обучающий характер словарного издания проявляется в нескольких параметрах: избирательности словника и толкований, подборе иллюстративных примеров, наличии информации о социокультурной составляющей лексем. В зарубежной и отечественной лексикографии существует общепризнанный термин для подобных изданий — это учебные справочники, а область лексикографии, занимающаяся разработкой и составлением подобных словарей, называется учебной.

Становление учебной лексикографии в Великобритании происходит в середине XX в. и традиционно связывается с именами трех преподавателей английского языка как иностранного. Это Майкл Вест, преподававший английский язык в Индии, а также Гарольд Палмер и Альберт Хорнби, работавшие в Японии.

Каждый из упомянутых преподавателей занимался теоретическими основами преподавания английского языка. Вест стал одним из идеологов движения «*vocabulary control*», целью которого было выбрать наиболее оптимальный объем входных единиц, которые необходимо знать изучающему английский язык. Совместно с Джеймсом Эндикоттом он составил *The New Method English Dictionary*, который часто называют первым одноязычным учебным справочником. Этот словарь включает 24 тысячи входных единиц. Следует отметить, что для составления дефиниций было использовано 1490 лексических единиц. Адресатом такого

справочника являются изучающие английский язык на среднем уровне (intermediate learners).

Палмер исследовал грамматическую сторону языковых единиц. В 1938 г. он опубликовал инновационный тип справочника *A Grammar of English Words*.

Хорнби занимался исследованием коллокаций и идиом. В 1942 г. вышел в свет его словарь *Idiomatic and Syntactic English Dictionary*. Впоследствии, после Второй мировой войны, этот словарь был переиздан в издательстве Oxford University Press под названием *A Learner's Dictionary of Current English* (1948) (HEUBERGER 2016: 26-27).

В отечественной науке становление учебной лексикографии связано с именами таких ученых как П. Н. Денисов (*Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии*, 1974), В. В. Морковкин (*Основы теории учебной лексикографии*, 1990), А. Н. Карташков (*Принципы построения учебно-толковых словарей английского языка для иностранцев: на материале серии словарей «Хорнби»*, 1992) и др.

Если речь идет об учебной лексикографии и подобных справочниках, лексикографы традиционно придают значение следующим составляющим учебных словарей: введение в микроструктуру несложных иллюстративных примеров и графических иллюстраций для более полного и точного понимания значения лексемы, добавление информации о произношении входной единицы, грамматической составляющей и др.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о дефинициях, иллюстрирующих значения лексических единиц. Прежде всего следует отметить, что метаязык дефиниций должен быть доступным для понимания. Еще во вступительном разделе словаря *Idiomatic and Syntactic English Dictionary* 1948 г. было указано, что определения должны быть написаны как можно более простым языком. Однако если дефиниций недостаточно для понимания значения слова, то в микроструктуру могут быть добавлены карточки и диаграммы.

Важным нововведением справочника *Longman Dictionary of Contemporary English* (1978) стало добавление так называемого списка

«Controlled defining vocabulary». Это список лексем, который может использоваться в словаре для составления дефиниций.

В настоящее время лексикографы также стремятся сделать учебный словарь доступным для пользователя с точки зрения понимания им включаемой информации. Чтобы сделать длинные и сложные словарные статьи понятнее, в современных словарях используются навигационные средства, например, списки индексов к значениям в начале микроструктуры или ключевые слова к каждому значению.

Следующим способом объяснения значений лексических единиц в учебном словаре становится использование парафразы, порой носящего неформальный и описательный характер, либо введение в структуру статьи так называемых неточных синонимов (MOON 2016: 125-128).

Таким образом, учебная лексикография формировалась постепенно и ее становление связано с преподаванием иностранных языков. Следует подчеркнуть, что с самого начала своего формирования в учебной лексикографии и, соответственно, учебных словарях особое внимание уделяется различным языковым аспектам и их отражению в данных изданиях: грамматике, лексике (например, устойчивым выражениям и идиомам) и др.

2. Тенденции развития английской лексикографии в XXI в.

Прежде чем перейти к рассмотрению современных учебных словарей и их особенностей рассмотрим общие тенденции и перспективы английской лексикографии в XXI в. Прежде всего одним из основных аспектов изучения становится пользователь словаря. Лингвистическое восприятие адресата справочника, в частности, характерные черты в процессе изучения словарного состава и влияние пользователя на составление словарей являются ключевым разделом когнитивной лексикографии.

Кроме того, электронные и информационные технологии, с одной стороны, и исследования в области составления словарей, с другой, имеют принципиальное значение для создания нового типа мультимедийных систем и платформ. Лексикографическая

информация становится доступнее, увеличивается значение корпусной лингвистики. По мнению Х. Янга и Дж. Пенга, словари будут так называемыми пособиями, носящими исчерпывающий характер (YONG & PENG 2021).

Еще одним перспективным направлением развития становится традиционная структура словарной статьи: информация о входной единице будет представлена в форме мультфильма, анимации, электронизированной иллюстрации и др., которые превзойдут существующие аудиовизуальные способы представления микроструктуры. Следующим нововведением станет открытие и изучение новых областей исследований, таких как механизмы взаимодействия культуры и языка, словарные парадигмы и когнитивные характеристики пользователей, кросс-языковые и культурные сравнения, рынок словарей, маркетинговые стратегии и др.

Более того, лексикография должна добиться высоких результатов в таких сферах как языковое познание, лексическое усвоение, культурное проникновение и вмешательство. Составление словарей XXI в. отвечает следующим характеристикам: более функциональное взаимодействие, формальная интеграция и технологическая информатизация.

Помимо этого, словари из справочных пособий превратились в издания, способствующие продвижению культурных ценностей той или иной культуры. Представляя собой лингвистическое средство, они также играют важную роль в социальной, культурной и политической жизни общества.

Следует также отметить такое явление в лексикографии как локализация и региональное развитие. Публикуются словари, посвященные отдельным вариантам английского языка, например, *The Macquarie Dictionary*, *The Australian National Dictionary*.

В настоящее время в связи с развитием информационных технологий и всеобщей цифровизацией справочники доступны на мобильных телефонах и планшетах. Среди прочего наблюдается следующее явление: ряд словарей интегрируются в единый сайт и та-

ким образом становится источником лексикографической информации с предоставлением доступа через медиа и различные интерфейсы. Например, *the FreeDictionary.com*¹ объединяет толковый словарь, тезаурусы, медицинские словари, словари по юриспруденции, справочники аббревиатур, идиом, энциклопедии. Этот сайт идет в ногу со временем и предоставляет пользователям возможность создавать собственные веб-страницы через добавление, удаление и использование существующего контента (*ibid.*).

Описанные тенденции, характерные для англоязычной лексикографии XXI в., также наблюдаются и в учебной лексикографии. Отдельно рассмотрим эти особенности на материале учебных словарей.

3. Тенденции развития английской учебной лексикографии в XXI в.

Английская учебная лексикография в XXI в. активно развивается. Английский язык фактически повсеместно признан языком международного общения. Кроме того, в его отношении применимы и такие эпитеты как мировой, глобальный, универсальный и полиэтнический язык. Эти определения свидетельствуют о широте распространения английского языка и одной из важнейших функций, выполняемых им в современном мире — служить средством общения между народами мира. Одним из критериев глобального характера языка становится то, что ему отдается приоритет в качестве иностранного языка в образовании (EFL) даже в том случае, если он не имеет статуса официального языка. Английский язык изучается как иностранный в более чем 100 странах, среди них Россия, Китай, Германия, Испания, Египет, Бразилия и т. д. На сегодняшний день предполагают, что число говорящих на английском языке колеблется между 1,2 и 1,5 млрд. чел. (ПРОШИНА 2020: 11, 13).

3.1. Детская и подростковая учебная лексикография

На фоне всеобщей популярности английского языка появляются учебные словари для детей и подростков из различных

¹ <https://www.thefreedictionary.com>.

стран, изучающих английский язык в качестве иностранного.

Это, как правило, широкий набор иллюстрированных словарей. В процессе их создания особое внимание уделяется красивому дизайну, красочному иллюстративному материалу, доступному для понимания детьми метаязыку словарных статей. Кроме того, мегаструктура включает интересные мультимедийные и новые цифровые характеристики (КАРПОВА 2021: 215).

Примерами подобных словарей являются *Scholastic Children's Dictionary*, 2019; Manse M. *Children's Dictionary. 3000 Words, Pictures and Definitions*, 2018; *English for Everyone Junior Dictionary*, 2021; *Primary Dictionary: Illustrated Dictionary for Ages 7+*, 2018.

Несомненный интерес представляют словарные издания для детей из разных стран, изучающих английский язык: *Kongo Learner's Dictionary: Kongo Pronunciations in Kongo-English and English-Kongo*, 2019; *French Children's Dictionary. Illustrated French-English and English-French*, 2020; *Gur Children's Dictionary: Illustrated Gur-English, English-Gur*, 2014; *Somali Children's Dictionary: Illustrated Somali-English and English-Somali*, 2019; Таҫер А. М. *Hebrew Learner's Dictionary Intermediate and Advanced Levels*, 2021.

Кроме того, публикуются справочные издания для детей с нарушениями развития: Grindle C. F., Hastings R. P. & Wright R. J. *Teaching Early Numeracy to Children with Developmental Disabilities*, 2020.

Отдельного внимания заслуживает публикация энциклопедий для детей на английском языке, например, *The Primary English Encyclopedia. The Heart of the Curriculum*, 2017. Появляются специальные учебные словари для детей: Fitzgerald Th. *Math Dictionary for Kids. The First Dictionary for Helping Kids with Math*, 2021.

Особую популярность приобретают словарные приложения для детей. Например, *Kids Picture Dictionary* представляет собой учебное приложение для детей для изучения новых слов. Такое приложение можно скачать на планшет. Нажав на слово, пользователь может услышать, как оно произносится профессиональным спикером. *Talking Picture Board* Скотта Янга представляет собой иллюстрированный словарь, который помогает учащимся в освоении правописания слов (MALLETT 2017: 132-133).

Другими примерами учебных словарей для детей и подростков становятся следующие издания: *Collins COBUILD Primary Learner's Dictionary: Age 7+* (Collins COBUILD Dictionaries for Learners), 2018; *Oxford English Dictionary for Schools*, 2021.

Итак, учебные словари для детей и подростков приобретают всеобщую популярность. Английский язык, имея статус международного языка на мировой арене, изучается представителями различных стран начиная с самого раннего возраста. Несомненно, учебные словари для детей и подростков имеют характерные особенности, делающие его отличным от справочников, адресатом которых становится взрослая аудитория. Поэтому эта область представляет особый научный и практический интерес для исследователей.

3.2. Специальные учебные словари различных предметных областей

Отдельную группу учебных словарей составляют специальные учебные справочники разных предметных областей. Такие словари бывают одноязычными и двуязычными.

При составлении специальных учебных одноязычных словарей необходимо учитывать уровень владения языком, нужды и потребности потенциальных пользователей. Кроме того, дефиниции в словарях такого типа должны быть полными и точными. Существует несколько категорий пользователей: *эксперты* (*experts*), обладающие высоким уровнем знаний в искомой области и достаточным уровнем владения специальным языком; *semi-experts*, т. е. пользователи, обладающие средним уровнем знаний рассматриваемой предметной области, высоким уровнем знаний языка в целом и высоким либо средним уровнем знаний специального языка; *lay persons*, имеющие низкий уровень знаний в искомой предметной области, высокий уровень владения языком и низкий либо средний уровень знаний в области специального языка. Для пользователей первых двух групп необходима краткая дефиниция с использованием терминов данной предметной области. Для пользователей третьей группы необходимы дефиниции, в которых будут отсутствовать термины специальной

предметной области, либо если такие термины присутствуют, то необходимо, чтобы пользователь имел достаточный уровень компетенции владения ими.

Еще одним важным аспектом становится включение информации культурного характера. По мнению Р. Гауса, определенные предметные области (физика, химия, генные технологии) имеют меньшее количество культурно-маркированных единиц. Однако многие сферы, такие как социология, торговля, юриспруденция, политика и др., имеют культурно-маркированные единицы. Одним из способов познакомить пользователя с такими лексемами становится включение подобной информации в структуру словарной статьи. Другим способом является введение подобной информации в приложение словаря (GOUWS 2010: 64-68).

В связи с возрастающей популярностью академического письма публикуются учебные справочники, содержащие лексику, которая используется в подобном стиле письма. Поскольку уровень владения лексикой для написания работ подобного плана выше среднего или продвинутый, то адресатом этих изданий становятся пользователи, обладающие подобным уровнем знаний языка. Примером такого справочника является *Oxford Learner's Dictionary of Academic English*. Этот словарь включает лексику, используемую в академическом письме. Он выступает отличным помощником в написании работ академического характера. В макроструктуру словаря включены лексемы, используемые в различных академических областях, таких как гуманитарные, социальные и др. науки. Макроструктура издания включает 22 тысячи слов, значений и контекстов с более чем 50000 примеров, информацию о локациях, синонимах и других языковых особенностях.

Интерес также представляют специальные учебные словари идиом, среди которых можно выделить Ayto J. *Oxford Dictionary of Idioms*, 2020; *The Farlex Idioms and Slang Dictionaries*, 2017; *The Great Book of American Idioms. A Dictionary of American Idioms, Sayings, Expressions and Phrases*, 2019; Bolen J. *The Big Book of American Idioms: A Comprehensive Dictionary of English Idioms, Expressions, Phrases and Sayings*, 2020, Conradi M. *The Idioms: Large Idioms Dictionary*, 2021, Cambridge

Idioms Dictionary, 2006.

Словарь Дж. Эйто *Oxford Dictionary of Idioms* содержит устойчивые выражения и идиомы, организованные в алфавитном порядке. Важным разделом словаря является приложение, в котором включенные в микроструктуру лексемы организованы по тематическим группам (например, Ambition — **fly** high, Change — **shuffle** the cards, Clothes — in full **fig**, Family — the **angel** of the home, Love — **eternal** triangle). Словарная статья организована следующим образом: входная единица, дефиниция, информация о происхождении лексемы, иллюстративный пример с указанием года издания работы, из которой взят этот пример. Кроме того, в отдельных случаях микроструктура предполагает наличие некоторых помет: стилистической, грамматической, региональной, отсылочной и др.

bus

like a bus of a bus (of a face) very ugly
informal

2004 *Waterford News and Star* What's so great about a guy that has rotting teeth, lungs of tar and bless the poor bloke but the back of a bus does him fair enough justice.

miss the bus; *see* **miss the boat** at *miss* (AYTO 2020: 50).

К отличительным особенностям словаря *Cambridge Idioms Dictionary* относится не только добавление в приложение тематических групп лексики (идиомы по следующим разделам: work and business, friends and family, telling stories), но также введение системы упражнений. Упражнения представлены следующим образом.

1) Тема *Numbers*.

Complete each of these idioms with a number:

Don't ask him to dance — he has got ... left feet!

2) Which of these people are old and which are young? Mark the sentences O or Y:

He's been around the block a few times (CAMBRIDGE IDIOMS DICTIONARY 2006: 490).

В конце словаря также приводятся ключи к заданиям, что позволяет пользователям проверить, насколько хорошо ими

усвоен лексический материал.

Знание идиом, несомненно, способствует обогащению словарного запаса студентов. Обращение студентов к учебным словарям идиом дает им прекрасную возможность познакомиться с лексикой, использование которой в речи свидетельствует о хорошем уровне владения иностранным языком.

Пословицы и поговорки того или иного языка представляют собой кладезь информации о культуре определенной страны. Среди словарей и пословиц, опубликованных за недавнее время, стоит выделить следующий ряд: Knowles E. *Little Oxford Dictionary of Proverbs*, 2016; *Dictionary of English Proverbs and Proverbial Phrases with a Copious Index of Principal Words*, 2016; Smith D. *English Proverbs and Saying Dictionary*, 2020; Preston Th. *A Dictionary of English Proverbs*, 2021.

Следующую группу специальных учебных словарей составляют справочники фразовых глаголов: Gairns R. & Redman S. *Oxford Learner's Pocket Phrasal Verbs and Idioms*, 2013; *Collins COBUILD Phrasal Verbs Dictionary*, 2020; Peterson K. *The Illustrated Phrasal Verbs Dictionary*, 2021.

Специальная учебная лексикография позволяет пользователю не просто познакомиться с основами стандартного, повседневного языка общения, но и получить более глубокие знания о различных слоях лексики (например, идиомы, пословицы и поговорки), освоить академическое письмо в теории и на практике.

3.3. Введение в микроструктуру учебных словарей графических иллюстраций

Прежде чем непосредственно перейти к использованию графических иллюстраций в учебных словарях, рассмотрим такие понятия как иллюстрация, иллюстративный и иллюстрированный словарь.

Согласно Р. Хартманну и Дж. Джеймсу, иллюстрация представляет собой рисунок, диаграмму или фотографию, целью введения которой становится пояснения значения лексемы. Иллюстрации могут представлять собой изображения отдельных предметов или групп взаимосвязанных предметов в форме диаграмм, таблиц, карт или схем (HARTMANN & JAMES 2002: 72).

Picture dictionary (иллюстративный словарь) — это справочник, в котором информация дана в иллюстрациях. В illustrated dictionary (иллюстрированный словарь) иллюстрационный материал необязателен. Организация в иллюстративном словарном издании обычно ономаσιологическая или тематическая. Иллюстрации представлены в форме чертежей, картинок, фотографий и т. д., а в электронных словарях — с помощью фильмов (ibid.: 109). Следует подчеркнуть, что графические иллюстрации используются как в общих, так и в специальных учебных изданиях.

Рассмотрим словарь К. Петерсона *The Illustrated Phrasal Verbs Dictionary*, изданный в 2021 г. Это учебный иллюстрированный словарь фразовых глаголов. Микроструктура в словаре организована достаточно просто: входная единица, дефиниция, иллюстративный пример, а также картинка. Пользователь, еще не видя дефиниции лексемы, по графической иллюстрации имеет возможность сделать предположение о том, какое значение имеет входная единица. Подобный словарь особенно полезен визуалам, которые лучше запоминают зрительные образы.

Merriam Webster Advanced Learner's Dictionary является важным лексикографическим продуктом американской лексикографии. В справочнике для объяснения значения лексем также вводятся графические иллюстрации. Например, к лексеме flower после дефиниции, иллюстративных примеров и помет приводится не просто изображение цветка, но и названия разных его частей (например, стебель, лепесток и др.).

Как видим, использование графических иллюстраций является частым явлением в учебных словарях, адресованных разной возрастной аудитории. Включение в микроструктуру графической иллюстрации, несомненно, способствует более быстрому пониманию значения лексемы и ускоряет процесс ее запоминания.

3.4. Учебные словари различных вариантов английского языка

Как было отмечено ранее, существуют различные типы учебных словарей вариантов английского языка. Рассмотрим особенно эти справочников на материале словаря *Collins New Zealand*

School Dictionary, посвященного новозеландскому варианту. В предисловии к словарю отмечается, в нем имеются все необходимые лексические единицы, которые нужны учащемуся для успешной сдачи экзамена по английскому языку и другим школьным предметам.

Микроструктура организована следующим образом: входная единица, дефиниция, пометы и иллюстративные примеры.

kiwi, kiwi or kiwis [*Said kee-wee*] **NOUN**. 1. A type of bird found in New Zealand. Kiwis cannot fly. 2. Someone who comes from New Zealand. The plural of this sense is 'kiwis' (COLLINS NEW ZEALAND SCHOOL DICTIONARY 2015: 478).

В словаре есть ряд приложений учебного характера, в том числе «Word Power and Fact File Supplement». Данный раздел начинается с категории «Parts of Speech», за которой следуют «Phrases, Clauses and Sentences; Punctuation; Spelling Rules». Отдельное внимание следует уделить разделу «Commonly Confused Words and Spellings». Он нацелен на оказание помощи учащимся в освоении правописания похожих по звучанию лексем, принадлежащих к разным частям речи и имеющих различные значения: *breath/breathe, dual/duel, guilt/gilt, loath/loathe*. Раздел «Commonly Misspelled Words» охватывает лексические единицы, в которых наиболее часто допускаются ошибки. Такой список полезен как начинающим, так и продолжающим. Сюда входят такие лексемы как *address, comparative, harass, pronunciation, xylophone*. Следующий раздел включает список стран с указанием столиц и валют. Кроме того, представлены списки штатов США и Австралии, а также территории и провинции Канады.

Следует отметить, что издательство Collins выпустило целую серию двуязычных переводных учебных словарей как в печатном, так и в онлайн-форматах. В онлайн-версиях словарей присутствует такой раздел как «Translator», который позволяет переводить с одного языка на другой. На сайте онлайн-словарей издательства Collins есть отдельная вкладка «Learn a Language with Paul Noble».² Эта

² <https://www.collinsdictionary.com/paul-noble-method>.

вкладка посвящена изучению английского языка на основе авторской методики, разработанной Полом Нобелем. Уникальность его методики состоит в том, что она не предполагает применения грамматических тестов и упражнений на запоминание.

В дополнение к сказанному можно в качестве примера привести учебные словари новозеландского варианта английского языка: *New Zealand Oxford Primary School Dictionary*, 2009; Bardsley D., Deverson T. *The New Zealand Primary School Dictionary and Thesaurus*, 2011; Bardsley D. *New Zealand School Oxford Dictionary*, 2013; Bardsley D. *The New Zealand Oxford Integrated School Dictionary and Thesaurus*, 2007; *Collins Gem New Zealand Dictionary*, 2018; *Collins New Zealand School Dictionary and Thesaurus*, 2016.

Постоянно публикуются учебные словари американского варианта английского языка, в числе которых *Cobuild Learner's Illustrated Dictionary of American English + Mobile App*", 2012; Lea D. *Oxford Advanced American Dictionary for Learners of English. A Dictionary for English Language Learners with CD-ROM that Develops Vocabulary and Writing Skills*, 2011; *Collins Cobuild Learner's Illustrated Dictionary of American English*, 2012.

Канадский вариант английского языка описывается в словарях Barber K. *Students' Oxford Canadian Dictionary*, 2004; Kauffman D., Apple G. *Oxford Picture Dictionary for the Canadian Content Areas*, 2010; *Collins Gage Canadian Word Sharp Student Writer's Dictionary*, 2008.

Среди учебных словарей австралийского варианта английского языка выделяется следующий ряд словарных изданий: Ogilvie S., Laugesen A., Gwynn M. *Australian Middle Primary Oxford Dictionary and Thesaurus Second Edition*, 2018; Gwynn M. *Australian School Dictionary*, 2012; Gwynn M. *Australian School Dictionary and Thesaurus*, 2017; *Australian Primary Integrated Dictionary and Thesaurus*, 2016.

3.5. Разделы «Новые слова» и «Слово дня» в мегатруктуре учебных словарей

В настоящее время импульс к развитию получила такая область лингвистики как неология. Неологизмы (новые слова) возникают в связи с появлением новых объектов, предметов, явлений в различных сферах жизни общества.

В словаре *Macmillan Dictionary Online*³ один из разделов называется «Buzzwords». Этот раздел включает два подраздела: «BuzzWords», слова, сгруппированные по дате, и «BuzzWords», слова, организованные в алфавитном порядке. Раскроем содержание понятия «buzzword». Это понятие предполагает новый способ использования существующей лексемы или сложения двух слов. Например, *Goldilocks* — это не только Златовласка, но и слово, которое в настоящее время используется для описания благоприятной ситуации. *Cobot* — сочетание прилагательного *collaborative* и существительного *robot*. Авторы словаря подчеркивают, что такие слова могут закрепиться в языке на постоянной основе или позднее выйти из употребления.

Раздел «Buzzwords by date» включает лексемы, сгруппированные в хронологическом порядке, в период с 2003 г. по 2020 г. К примеру, список лексем 2020 г. включает следующие слова: *zoom* (зум, проводить собрания в зуме), *ghost kitchen* (призрачная кухня), *smize* (улыбнуться глазами), *infodemic* (инфодемия) и др.

Словарь *Merriam Webster Dictionary Online* содержит раздел «Word of the Day», который представлен на главной странице. Нажав на лексему, пользователь имеет возможность прослушать произношение, увидеть дефиницию, примеры, квиз, а также подкаст. Например, словом дня 15 сентября 2022 г. стало *rancid*:

Rancid means “having an unpleasant smell or taste,” and is often used to describe food that is no longer fresh. It is also used to describe something (such as an encounter) that is offensive or distasteful.

Rancid in Context

Quiz

Podcast.⁴

Словарь *Cambridge Dictionary Online*⁵ включает разделы «Words of the Day» и «New Words». Раздел «New Words» содержит список неологизмов с дефинициями, транскрипцией, звуковой дорожкой,

³ <https://www.macmillandictionary.com>.

⁴ <https://www.merriam-webster.com/dictionary/rancid>.

⁵ <https://dictionary.cambridge.org>.

а также отдельные пометы: региональную, грамматическую, стилистическую.

Итак, включение в структуру учебных словарей разделов, посвященных новым словам, является одной из отличительных черт всей современной лексикографии. Ознакомление пользователей учебных изданий с подобной лексикой дает им возможность ориентироваться в терминологии, появление которой связано с новыми явлениями, происходящими в обществе. Постепенно такая лексика может перейти из разряда неологизмов в категорию общеупотребительных слов или выйти из употребления, поскольку предмет или явление, которые это слово называет, могут выйти из поля зрения членов социума.

3.6. Планы тематических уроков и обучающие ресурсы в структуре словаря

Одной из тенденций, наблюдаемой в современной английской учебной лексикографии, становится введение в структуру словарей разработанных учебных планов занятий для преподавателей, а также иных обучающих ресурсов. В онлайн-словаре издательства Macmillan представлены планы уроков по ряду лексических тем (свободное время, внешность, одежда, покупки, окружающая среда и др.). Планы уроков включают рабочие тетради для учащихся, поурочные методические разработки для преподавателей.

Отличительной чертой учебных словарей нового поколения является наличие раздела «Ресурсы», который может помочь пользователю в изучении иностранного языка. Справочник Макмиллан имеет в своей структуре соответствующий раздел, который, в свою очередь, делится на подразделы: «Infographics», «Collocations», «Emoji», «Shakespeare», «Pragmatics», «English humour», «Metaphor», «Get it right!» Кроме того, в помощь пользователю предназначен раздел «Videos». Видео носят учебный характер и посвящены фонетике, грамматике и лексике английского языка.

Раздел «Blog» включает несколько подразделов: «Learn English», «Language Tips», «Grammar», «Word of the Day», «Words in the News», «Play», «Video». Как видно из названий подразделов,

все они ориентированы на достижение обучающих целей, предоставляя информацию о различных аспектах английского языка. В подразделе «Learn English» пользователю предлагаются различные статьи, связанные с изучением языка, например, «Language Tip of the Week», «Being Bidialectal». В структуре «Language Tips» содержатся полезные статьи, посвященные правописанию английских слов. Подраздел «Grammar», как следует из названия, освещает грамматические правила английского языка. Подраздел «Play» позволяет пользователям проверить свои знания лексики английского языка на материале квизов. И, наконец, раздел «Video» предлагает познавательные видео, связанные с различными аспектами английского языка и культуры (например, «Shakespeare for Life», «The history of the Dictionary»).

Объектом исследования выступает также словарь *Oxford Learner's Dictionary*.⁶ В структуре словаря есть раздел «Resources», первой частью которого является «Text Checker». Он позволяет пользователю добавить текст в таблицу. Предусмотрена возможность анализа текста на предмет выявления в нем слов, включенных в словник оксфордского словаря, составления упражнений.

«Pronunciation Guide» вводится в структуру словаря с целью разъяснения произносительных символов, используемых в словаре. «Guide to Symbols and Labels» включает подробное руководство по использованию символов, принятых в словаре.

На сайте есть отдельный раздел, содержащий ссылки на «Oxford Teacher's Club», «English Language Teaching», «Oxford Learner», «Bookshelf».

Oxford Learner's Dictionary of Academic English предоставляет доступ к разделу «Oxford Academic iWriter». Это интерактивный инструмент, целью которого является оказание помощи в планировании, написании и проверке академической работы. Пользователь имеет возможность выбрать тип задания из представленного ряда: эссе (essays), тематические, целевые исследования (case stud-

⁶ <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

ies) и диссертации (dissertations). Пользователь видит как разделы, посвященные вышеперечисленным типам письма, так и отдельные подразделы. Например, часть «Эссе» делится на несколько подразделов: «What is an argument essay?», «What are the main features?», «How is it structured?», «Look at the Introduction», «Look at arguments against», «Look at arguments for», «Look at the Conclusion», «Show me useful language”.

Пользователь может выбрать один из типов задания из единого списка: эссе, тематические исследования и диссертации. Далее следует подробный план написания работы, например, эссе. В плане приводится подробная характеристика каждого раздела письменной работы с разбором лексики, которую советуют использовать в работах подобного рода. Кроме того, можно использовать специальный контрольный лист для проверки написания окончательного варианта работы.

Введение разделов «Ресурсы» и «Планы уроков» делает учебные справочники полезными не только для изучающего иностранный язык, но также для преподавателя, который может сэкономить время на подготовку к учебным занятиям, воспользовавшись разделами подобного характера в учебных словарях.

3.7. Привлечение пользователей к процессу создания словарей

В настоящее время одной из популярных тенденций становится вовлечение обычных пользователей в процесс создания словаря. Зарождение волонтерской лексикографии и привлечение адресата к созданию словарей начинается в конце XIX в. и связано с разработкой *Большого оксфордского словаря*. Благодаря волонтерам было собрано около 5 млн. цитат, которые впоследствии вошли в словник данного словаря (КАРПОВА 2010: 46).

Сегодня волонтеры участвуют в разработке словарей языка писателей, создают глоссарии к фильмам и сериалам. Особой популярностью пользуются *Urban Dictionary*,⁷ онлайн-словарь сленга. Обычные пользователи могут добавлять в макроструктуру словаря входные единицы, дефиниции и примеры. Однако при

⁷ <https://www.urbandictionary.com>.

этом, к сожалению, процесс ввода пользователями в словник тех или иных слов не контролируется профессиональными лексикографами, поэтому такой словарь не является надежным лексикографическим источником.

Аналогичным образом построен раздел «Open Dictionary» словаря *Macmillan Dictionary Online*. Пользователи получают возможность добавить в словарь то или иное слово. Раздел был создан в 2009 г., и с тех пор в макроструктуру словаря были добавлены тысячи слов. Пользователь может предложить добавить в макроструктуру входную единицу, которая должна соответствовать нескольким критериям: это новые слова и фразы, которые вошли в словарный состав языка; технические, региональные и сленговые лексические единицы; слова из других языков, заимствованные английским языком; слова, упущенные создателями словаря при его разработке.

Следует подчеркнуть, что в отличие от словника *Urban Dictionary* включение пользователями лексем в *Macmillan Dictionary Online* проходит тщательный контроль редакторов. Предоставление адресату возможности добавлять входные единицы в словарь является новой тенденцией, наблюдаемой в современной лексикографии, в том числе, учебной.

Если составители толковых словарей английского языка прошлого века в основном ориентировались на принцип нормативности словаря и его академический характер, то теперь бóльшая часть авторитетных британских издательств ставят на первое место нужды и потребности отдельных групп пользователей, которые привлекаются к процессу создания словарей различных типов для общих и специальных целей. Это усиливает антропоцентрический вектор современной лексикографии (КАРПОВА 2021: 214).

В структуре *Cambridge Dictionary Online* присутствует раздел «Голосование» (за включение неологизма в словник). Пользователь, познакомившись со словом, может отдать свой голос за то, следует ли включать слово в словарь: «Should “quiet quitting” be added to the dictionary?» Далее к вопросу приводится ряд вариантов ответов:

Yes! I've heard/read this term a lot.

Definitely not!

Let's wait and see. Maybe people will start using it.⁸

Новаторской чертой *Merriam Webster Online* является наличие раздела «Top Lookups Right Now» («Самые популярные поисковые запросы прямо сейчас»)⁹. Раздел обновляется каждые 30 секунд.

Таким образом, в настоящее время пользователь оказывается реальным «соавтором» лексикографов, разрабатывающих тот или иной словарь. Нужды и потребности адресата справочника выходят на первый план.

3.8. Языковые квизы и тесты в структуре словаря

Поскольку речь идет об учебных словарях, то исходя из самого наименования данной группы справочников, можно сделать логичный вывод о том, что их основная функция — учебная. Популярным и востребованным явлением в учебной лексикографии и учебных справочниках нового поколения становится введение в структуру словаря заданий на проверку усвоения лексического материала. Рассмотрим примеры подобных изданий.

Составители словаря *Macmillan Dictionary Online* добавили в структуру своего словаря раздел «Language Quizzes»¹⁰. Квизы представлены как по лексическим, так и по грамматическим темам: «Breeds of Dogs», «Vocabulary practice: Verbs, Trees, Figures of Speech» и др. Кроме того, предлагаются квизы на проверку общих знаний студента, знания культуры страны изучаемого языка, например: «Women Writers», «Word Flags» и т. д. Введение в структуру заданий на ознакомление с реалиями культуры страны изучаемого языка свидетельствует о том, что в настоящее время учебный словарь становится средством обучения не только языку, но культуре.

Отдельная часть квизов представлена заданиями на различные акценты и диалекты английского языка, например, Scouse

⁸ <https://dictionaryblog.cambridge.org/category/new-words>.

⁹ <https://www.merriam-webster.com>.

¹⁰ <https://www.macmillandictionary.com/learn/language-quizzes/index>.

ассент — акцент и диалект английского языка, распространенный на территории графства Мерсисайд. К тому же этот диалект очень часто ассоциируется с Ливерпулем, крупным городом данного графства. Включение в структуру словаря заданий на те или иные акценты позволяет пользователям познакомиться с лексикой и грамматическими особенностями, характерными для этих диалектов. В свою очередь, это способствует обогащению словарного запаса пользователя и в случае путешествия по различным частям Великобритании позволит ему понимать особенности местного произношения, которое может отличаться от британского произносительного стандарта.

Интерес у пользователей вызывает раздел «Language Games» («Языковые игры»): *irregular verbs*, *red words*, *phrasal verbs*. Раздел «Language Puzzles» полностью посвящен заданиям, связанным с культурными явлениями стран изучаемого языка, например, «British Culture Wordsearch», «Celebration Wordsearch», «American Culture Wordsearch», «Halloween Wordsearch» и др.

В заключение следует отметить, что ознакомление пользователей с микроструктурой справочника является важным аспектом, но не дает гарантий того, что пользователь с высокой долей вероятности выучит и запомнит данную входную единицу. Поэтому отдельным средством тренировки и запоминания лексических единиц становится введение дополнительных ресурсов и квизов.

3.9. Раздел «Word Lists»

Отдельное внимание в учебных справочниках нового поколения уделяется включению в мегаструктуру словарных изданий такой категории как списки лексем, которые должны входить в словарный запас изучающего иностранный язык.

Например, в *Oxford Learner's Dictionary* есть раздел «Word Lists»,¹¹ позволяющий усваивать наиболее значимые лексические единицы. Раздел опирается на корпусные данные, а его содержание соотносится с системой Общевропейских компетенций владения иностранным языком.

¹¹ <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlists>.

«Oxford 3000» представляет собой список 3000 входных единиц, которые должен знать каждый изучающий английский язык. Критерием отбора слов в этот список стал учет частотности употребления лексем в «Oxford English Corpus». Слова имеют обозначения от A1 до B2 в зависимости от уровня владения языком. «Oxford 5000» является расширенным вариантом списка «Oxford 3000» для более продвинутого пользователя. Здесь уже представлена лексика, соответствующая уровню C1.

В структуру *Oxford Learner's Dictionary* включены также разделы «The Oxford Phrase List» (список идиом, фразовых глаголов, коллокации и др.) и «Word Lists — Oxford Phrasal Academic Lexicon (OPAL)». Общее количество таких листов составляет 4. Они сгруппированы по следующим предметным областям: humanities, life science, physical science and social science. Это список входных единиц для изучающих английский для академических целей, сгруппированный следующим образом:

- 1) «written words»: 1200 слов, разделенных на 12 подкатегорий;
- 2) «spoken words»: 600 слов, разделенных на 10 подкатегорий;
- 3) «written phrases»: около 380 функционально сгруппированных фраз (in terms of, in relation to);
- 4) «spoken phrases»: около 360 функционально сгруппированных фраз (I was going to, I want to talk about).

Подобные списки слов могут быть использованы как обучающимися, так и преподавателями при подготовке к занятиям.

3.10. Частотность употребления лексических единиц

Такая добавочная семантико-функциональная характеристика словаря, как помета, указывающая на частоту употребления в учебном справочнике, позволяет пользователю понять, какими лексемами необходимо овладеть в целях пополнения активного и пассивного языкового запаса.

В *Macmillan Dictionary Online* для этого используется особая система под названием «Red Words and Star Pack».¹² Если входная единица выделена красным цветом, то это означает, что она является

¹² <https://www.macmillandictionary.com/learn/red-words.html>.

частотной. Одна звездочка рядом с входной единицей обозначает, что слово используется в речи часто, две звездочки сигнализируют пользователю о том, что лексема еще более частотна, три звездочки — лексема характеризуется максимальной частотностью. В случае, если лексема выделена черным цветом, это означает, что она редко используется в ежедневной речи и владение ею необходимо для того, чтобы узнать ее в тексте, в аудио или видео. Таким образом, она становится частью пассивного запаса пользователя. Как видим, наличие указания на частоту употребления — одна из отличительных черт учебных словарей нового поколения.

4. Современная российская учебная лексикография

Отечественная учебная лексикография также идет в ногу со временем и отвечает актуальным тенденциям, наблюдаемым в мировой лексикографии. Среди отечественных справочников, опубликованных за последнее время, следует выделить следующие издания, адресованные иностранным пользователям, изучающим русский язык: Аникина М. *Русский словарь. Учебный словарь русского языка для иностранцев*, 2022, Тарасов Е., Дронов В., Ощепкова Е. *Учебный ассоциативный словарь русского языка*, 2020.

Отдельную нишу занимают учебные словари, адресованные русским учащимся, изучающим русский язык в школе, колледже или вузе, к примеру, Лопатин В., Сафонова Ю., Иванова О. *Учебный орфографический словарь русского языка*, 2022.

В отечественных издательствах публикуются учебные справочники, адресованные русским студентам, изучающим английский, французский, немецкий и др. языки в качестве иностранного, например, Кауль М., Хидекель С. *Большой учебный словарь сочетаемости английского языка*, 2022, Ван Луся, Старостина С. *Китайско-русский учебный словарь иероглифов*, 2022, *Немецко-русский словарь: два в одном. Справочный и учебный словарь*, 2020.

Публикуются специальные учебные словари различных предметных областей: Журавлева Е., Рудавин Д., Сохин Д. *Учебный медицинский латинско-русский и русско-латинский словарь*, 2022, Романов Д. А., Савина Е. О., Шаракшанэ А. А. *Учебный англо-русский математический словарь*, 2019.

5. Заключение

Современная английская учебная лексикография переживает процесс бурного роста. Нельзя не отметить все возрастающую роль пользователя в процессе создания и разработки словарей. Адресат издания становится не просто читателем словаря, но активным действующим лицом, непосредственно принимающим участие в процессе подготовки справочника. Волонтерская учебная лексикография — популярное и востребованное явление в современной лингвистике, поскольку именно нужды и потребности пользователей становятся одними из ключевых факторов в процессе моделирования словарей.

На арену лексикографической практики выходят учебные словари, адресованные детям и подросткам, изучающим иностранный язык. Популярностью пользуются приложения к различным печатным словарям, к которым пользователи получают быстрый доступ, облегчающий и ускоряющий процесс поиска необходимой информации.

Важная роль в учебных английских словарях отводится организации микроструктуры. Дефиниции написаны лаконичным языком, вводится набор необходимых иллюстративных примеров. Популярность приобретают справочники, в которых одним из способов ознакомления со значением слова становится графическая иллюстрация. Введение наглядности в учебный справочник способствует быстрому и четкому пониманию значения слов и становится эффективным средством запоминания новых лексических единиц.

С учетом учебной функции справочников подобного рода введение в их мегаструктуру квизов и тестов на проверку усвоения словарного материала становится распространенной практикой. Интегрированный характер современного учебного словаря, непосредственное сочетание словника и упражнений делает такие справочники полезными и востребованными не только среди учащихся, но и у преподавателей, облегчая процесс подготовки к занятию. Включение поурочных планов в мегаструктуру также делает процесс подготовки к занятиям менее затратным по времени. Новаторской чертой учебных английских

словарей нового поколения становится введение готовых списков слов, изучение которых способствует расширению словарного запаса пользователя и углублению его знаний о языке.

Обретение английским языком статуса языка международного общения, а в ряде случаев и государственного (официального), стимулирует публикацию учебных словарей различных региональных вариантов английского языка. Существует широкий диапазон печатных и виртуальных учебных изданий американского, австралийского, канадского, новозеландского вариантов английского языка.

Аппарат добавочной семантико-функциональной характеристики слова в современном учебном словаре широк и детально проработан. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что одной из тенденций становится включение в словарную статью данных о частотности употребления входной единицы. Эта информация особенно актуальна для пользователей, изучающих английский язык на начальной ступени, поскольку помогает формировать список входных единиц, необходимый для общения на соответствующей ступени овладения языком.

Всеобщая цифровизация, характерная для современного общества, ярко проявляется и в рамках лексикографии, в том числе учебной. Публикуются не только печатные словари, но и словари в онлайн-формате.

Таким образом, учебный словарь становится для современного пользователя не просто словарным изданием, знакомящим его с определенным набором лексических единиц. Он выступает как средство ознакомления с той или иной предметной областью (химия, физика, биология, история), различными лексическими пластами (идиомами, фразовыми глаголами), культурой (ознакомление с учебными словарями пословиц и поговорок), новыми реалиями и событиями, наблюдаемыми в обществе (включение в учебные словари неологизмов).

3.2. МИЛИТАРНАЯ ДВУЯЗЫЧНАЯ «ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ» ЛЕКСИКОГРАФИЯ ДЛЯ ВЕРМАХТА

Уникальный материал для исследования предоставляют лексикографические источники периода ВОВ — двуязычные словари и разговорники для солдат вермахта, которые для нападения на СССР были определенным образом подготовлены к «общению» с русскоязычным населением и с пленными, располагая многообразными массовыми печатными малоформатными пособиями типа базовых словарей и разговорников разного качества. Некоторые из них появились до войны и опирались на издания для кайзеровской армии 1914—1918 гг. (SD). Наиболее значительными по хронологии являются: 1) переиздания словарей для кайзеровской армии времен Первой мировой войны; 2) массовый солдатский словарь *Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch* (Berlin, 1941—1944); 3) типовой разговорник для вермахта *Wehrmacht-Sprachführer. Deutsch-Russisch* (F. von Ledebur & G. Leyst. Berlin, 1942). При подготовке и в ходе войны против СССР появилось и большое количество вспомогательных словарей-разговорников, словников и других двуязычных источников, отразивших ситуацию на театре военных действий (РЕЗЯПКИН 2008), аналитика которых является целью исследования.

Военный словарь-разговорник — связный текст в совокупности с предметными (военные действия), а также идеологическими, жизненными, социокультурными, психологическими и другими факторами. Это особым образом прагматически ориентированный репрезентант речевого жанра в событийном аспекте военной ситуации и ее дискурса в целом. Анализ спектра разнотипных словарей-разговорников для вермахта и его вспомогательных подразделений позволяет дифференцировать эти источники в их соотносительности с разными трансформационными типами рассмотренного дискурса: военным — милитарным — милитаристским.

Краткие словники-разговорники в топографических документах командования вермахта

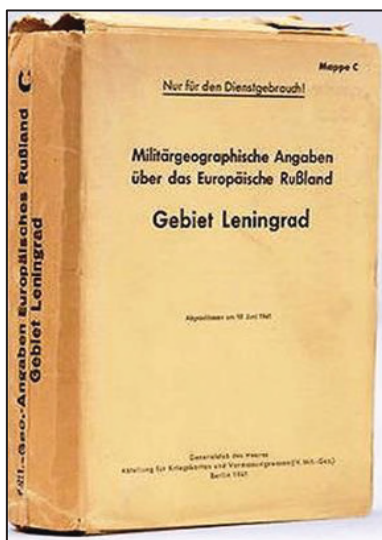
Верховное командование сухопутных сил Германии (Oberkommando des Heeres; сокр. ОКН) снабжало вермахт создаваемыми с

конца 1930-х гг. при подготовке и в ходе войны с СССР разнообразными двуязычными немецко-русскими словарями-разговорниками, словниками. Так, военно-географическое управление ОКН (4-е отделение) с опорой на русскоязычные источники готовило в контексте доктрины «на грани войны» и «плана Барбаросса» (утвержден 31.01.1941) специализированные оперативные разработки и мониторинги (театров военных действий, топографические, страноведческие и др.) для операций вермахта против СССР. Они оформлялись хронологически в папки для служебного пользования: «Militärgeographische Angaben über das Europäische Russland: A—L» (03-09.1941). Тиражирование папок (более 10), наличие проектных вариантов свидетельствует об их совершенствовании (см. Рис. 1).

Компонентом большинства из них были языковые справочники в виде кратких (3-5 стр.) прямых и обратных немецко-русских военно-географических словарей и разговорников (папки В, D, K), военно-политических разговорников (папка С), разговорников общего типа (папки Е, L), языковых указателей / перечней (папки F, J). Они близки к переводным словарям, но ЛЕ даны без грамматических показателей. Словари-разговорники помещались в разделе «Texthefte» (рубрика «С. Einzelangaben»), иногда предваряясь переводным перечнем советских реалий; ср.: «Verzeichnis der Dienststellen des Nachrichtenwesens» (С). Папки J, K, L появились после начала войны против СССР.

Материалы о национальных регионах европейской части СССР дополнительно имели языковые части: В («Die Baltischen Länder») — немецко-эстонско-латышско-литовскую; Е («Weißrußland») — немецко-белорусскую; F II («Ukraine mit Moldaurepublik und Krim») — немецко-украинскую; D («Karelien und Kola») — словники географических реалий по-фински и по-лапландски.¹

¹ Папки G («Zentral-Rußland») и H («Moskau») не имели языковой части. Раздел C VI папки J («Kaukasien mit Gebiet Rostow und ASSR Kalmükien») с описанием русского алфавита и список географических реалий (без разговорника и словаря) не сохранился.

Sätze für den praktischen Gebrauch:		
1. Zum Zurechtfinden in der Landschaft		
deutsch	russisch	weißrussisch
Wie heißt dieser Ort? Wo ist hier der Bahnhof? Zeigen Sie mir den Weg zu der Stadt B. Wieviel Werst (Kilometer) sind es bis zum Dorf A.? Kann man über diesen Sumpf gehen? Wo ist der See A.? Ist dieser Fluß tief?	Kak nasywajetsja éto mésto? Gde tut stánzija? Pokashite mne dorógu w gorod B. Skólkjo wjorst (kilométru) w seló A.? Móshno li choditj tschéres éto bolóto? Gde ósero A.? Glubóka li éta reká?	Jak nasywajetsja héto mésto? Gde tuty stázija? Pokasujé mne darógu do mjásta B. Kiljko wjorst (kilométru) do wjéski A? Móshno li choditj skrosj héto bolóto? Ajde wósera A? Jak glybóka héta raká?
2. Zum Ausfragen der Einwohner		
Spricht jemand von Euch deutsch? Antworten Sie auf meine Frage! Wo ist der Vorsitzende des Dorfrates? Wo ist hier der Dorfrat? Wer ist dort? Ist der Hausherr zu Hause? Ist hier ein Telefon? Was ist das? Komm hierher! Papiere vorzeigen!	Goworit li kto is was po nemézki? Otweschájite na moj woprós! Gde predssedátej sseljsowjéta? Gde nachódizta tut sseljsowjét? Kto tam? Chosjáiń dóma? Jestj li tut telefón? Tschto éto takóe? Prichodi sjjudá! Wáschi dokuménty!	Hamáin li kto is was panjamézku (na njamézkoj mówe). Adpawedájite na móje pytánje! Gde werczáwod (starschina), woj-skowého sowjéta? Gde snachódizta tuty wjóskowa rád (sseljsowjét)? Chóto tam? Gospádar w dómu? Jestj li tuty telefón? Tschto héto takéje? Chadsi ssjudy! Wáschi dakuménty (papéry)!
3. Zur Beschaffung von notwendigen Dingen		
Geben Sie mir Heu für die Pferde! Verkauf mir dies! Gebt uns Stroh! Gib mir dies! Bring mir einen Hammer! Bereiten Sie uns dieses Fleisch zu!	Dájte mne sséno dlja loschadéj! Prodáj mne éto! Dájte nam ssolómu! Dawáj mne éto! Prinessi mne mlotótk! Prigotówté nam éto mjásso!	Dáwajze mne sséna dlja koni! Prodáwaj mne héto! Dawájte nam ssolómu! Dawáj mne héto! Prinjassi mne malatók! Prygotájite nam héto mjásso!

Рис. 1. Инфо-папка ОКН (Марре С: 10.06.1941), лист папки Е

Структура словарей-разговорников (инвентари С, К, L почти идентичны) в основном едина: а) прямой и обратный алфавитный словники; б) набор фраз для ориентировки на местности, опроса жителей, приобретения необходимых вещей; в) комментированный русский алфавит, г) перечень названий денежных единиц, мер и весов. С небольшим сокращением в Е воспроизведен прямой и обратный словник из С, К, L и набор фраз с добавлением белорусской части. В папке D эти разделы повторены и приведены алфавитные списки географических реалий: финско-русско-немецкий и лапландско-немецкий (ок. 70 слов). Немецко-русский словник в папке В является сокращенным вариантом упомянутого выше, а части в) и г) отсутствуют. Наиболее краток (ок. 100 слов), инвентарно отличен, не содержит дополнительных частей трехязычный немецко-русско-украинский словник в папке F II, где тоже отсутствует часть г). С учетом хронологии создания папок (В — 01.03; Е — 27.03; F II и G — 15.05; С — 10.06; D — 15.06; К — 10.07, L — 30.09) словари-разговорники строились по принципу небольшого матричного расширения / сокращения и вариативного взаимодополнения.

Предисловия-указания (Vorwort) к словарикам содержат папки В, Е, К, L, С и D, а их жанры обозначены тройко: «Kurzes militärgeographisches Wörterbuch» (D, C), «Wörterverzeichnis» (B), «Kleiner (geographischer) Sprachführer» (K, L). Целеустановки и контент военно-географического словаря определены как

ausgewählte Wörter, die bei der Orientierung im Gelände und bei der Truppenbelegung bzw. Verwaltung auf dem Lande und in der Stadt gebraucht werden können. Ferner sind einige Sätze für den praktischen Gebrauch aufgenommen worden (M 1941 C: 155; M 1941 D: 136).

Прагматика и содержание географического разговорника отмечены сходно, но с упоминанием «оккупированных территорий»:

ausgewählte Wörter, die bei der Orientierung im Gelände, bei der Truppenbelegung und Verwaltung des besetzten Gebiets gebraucht werden können (M 1941 K: 74; M 1941 L: 102).

Детальнее с акцентом на целевую аудиторию это прописано в папке Е:

Dieser Sprachführer soll eine primitive erste Hilfe zum Aneignen besonders häufig gebrauchter russischer Wörter sein und kann nur den Benutzern nützlich sein, die zu einer auch nur halbwegs systematischen Beschäftigung mit der russischen Sprache keine Zeit haben und die kyrillischen Buchstaben nicht beherrschen. Es ist deshalb in das Verzeichnis eine sehr begrenzte Zahl von Wörtern aufgenommen, und zwar nur Hauptwörter und einige Ausrufe, die ein des Russischen Unkundiger unmöglich Zeit- und Eigenschaftswörter halbwegs richtig anwenden kann.

Указывается необходимость опоры на базовые словари, что соответствует реалиям штабной работы, но не военно-полевым условиям:

Zu jedem etwas weitergehenden Nachschlagen russischer Wörter muß man eins der im Buchhandel erhältlichen Wörterbücher benutzen (Langenscheidts Taschenwörterbuch der russischen und deutschen Sprache; Russisches Wehrwörterbuch von Bruno Gladkowski)² (M 1941 E: 162).

Иные акценты представлены в аннотации в папке В, где как контактеры упомянуты «пленные» и «жители местности»:

In dem Wörterverzeichnis sind nur eine sehr begrenzte Zahl von wichtigen Hauptwörtern und Ausfragen aufgenommen worden. Die „Sätze für den praktischen Gebrauch“ sollen eine primitive Hilfe zum Ausfragen von Gefangenen und Landeseinwohnern geben (M 1941 B: 178).

Тот факт, что словари, кроме В, наиболее близкого к формату разговорника (отмечено в предисловии) и F II, начинались с русско-немецкой части, показывает, что они во многом предназначались для конвертации топографических материалов (транслитерация, перевод источников) и помощи в топографической работе. Но целевая аудитория словарей-разговорников, т. е. военнослужащие сухопутных сил вермахта, топографы, не определена четко: «derjenige, dem die kyrillische Schrift und die russische Sprache vollkommen fremd sind» (в С, D), «jedermann; Benutzer» (в E),

² Gladkowski, Bruno. *Russisches Wehrwörterbuch. Russisch — Deutsch. Deutsch — Russisch*. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1940. 190 S. и учебный двуязычный словарь издательства «Langenscheidt» (Berlin).

«jedermann» (в К, L). Помощь в чтении указана как задача некоторых словарей-разговорников: «schnelles Lesen ermöglichen» (К, L, С, E). Установки на сегменты говорения для не владеющих русским языком (формулировка вопросов, орализация, элементарные высказывания) отмечены в В, С, D и E: «primitive Hilfe zum Ausfragen; annähernd richtige Aussprache; Wörter <...> halbwegs richtig anwenden kann».

Списки фраз-вопросов и команд (Ausrufe, Sätze für den praktischen Gebrauch) по составу отличаются между В и остальными папками незначительно (эта часть отсутствует в F II). Это касается фраз: «Zum Ausfragen der Einwohner»: Wie weit ist es bis zu eurer Stellung (Schützengraben)? (шаблоны опроса пленного) / Papiere vorzeigen! Приведенные в словниках команды идентичны: Halt! Macht nichts! Marsch! Vorwärts! Geh weg! Mach, daß du wegkommst!

Обозначенная тематическая доминанта В, С, D как «военно-географических» условна: эта группа словников-разговорников содержит минимум специальной лексики, лишена соответствующих терминов (в первую очередь военных). Обобщенный противник обозначен как Feind / wrag. В идентичных С и D представлен на четверть расширенный исходный словник ранней версии В, состоявший только из существительных и немногих наречий, появляются единичные глаголы, прилагательные, наречия. Это в первую очередь названия топографических объектов (Bach, Fels, Gipfel, Hafen, Höhe, Hügel, Kanal, Landenge, Landstraße, Moog, Park, Quelle, Strand, Stromschnellen, Teich, Wasserfall), советизмы или кальки (Rayon-, Gebiets-, Stadt-, Parteikomitee; Gebiets-, Rayon-, Stadt-, Dorfsowjet; Parteibuch; Staatsgut), административные реалии (Arbeitersiedlung, Gau, Hauptstadt, Verwaltungsbezirk, Verwaltungskreis, Gebiet), этнонимы (Finne, Este, Ingrer, Kareljer, Lette), при этом Jude дано как уничижительное shid, названия деревьев, растений, веществ, объектов инфраструктуры (Fabrik, Krankenhaus, Hotel, Laden, Landstraße, Schule, Telefon, Geschäft, Straßenbahn). Специальная лексика не добавлена, удалены отмеченные в В милитарные LE: Befehl, Deserteur, Gefangener. В финско-русско-немецком и лапландско-немецком приложениях географических

названий в D выборочно повторены отдельные единицы словника, добавлены детали топографии (Einöde, Rücken, Ausflußstelle, Heide, Tümpel, Landvorsprung, Rasen, Meerenge, Landrücken, Stillwasser, kahler Berg, Felsrücken).

Словарь в папке L самый поздний по времени создания (30.09.1941) назван «Kleiner geographischer Sprachführer», отличается от С и D незначительными сокращениями этнонимов (Jude также имеет уничижительную и нейтральную формы shid, jewrej), неточной транслитерацией мягких согласных (ср.: Stein = kamenj / kamen, Steppe = stepj / step, Tag = denj / den).

Трехязычный словник в Е и двуязычный в К обозначены как краткие разговорники, но особой расширенной colloquialной части не содержат, отличаясь инвентарно. Разговорник К повторяет словник L и недостатки его транслитерации. Разговорник Е инвентарно намного короче, повторяя почти полностью словник В, а военная лексика еще более сокращена (исключены Festung, Gefecht, Kampf, Soldat, Sattel). Самым кратким был рубрицированный («Sprachliche Hinweise») и обозначенный как «Geographische Bezeichnungen» трехязычный (с украинской частью) список существительных в F II (ударение в русских словах не дано).

Примечательно, что снабженные комментированным русским алфавитом словники-разговорники (mit Umschrift: E, F II, L, K), содержат скудные, местами некорректные комментарии произношения и позиционного варьирования звуков. Так, оглушение отмечено только для [в], а [э] приравнен к узкому [е] и единично передается с диакритикой как <ë>, [щ] интерпретируется как аффриката [schtsch], [ы] — как переднеязычный [y]. Есть случаи неправильного ударения (okrúg, rártkom) и опечатки. Для передачи мягкости согласного предложена транслитерация с <j> (E, K, L), что иногда использовано немотивировано (Landstraße = schosséj). Наличие букв старого русского алфавита доказывает, что составители/пользователи работали с текстами до 1918 г.

Фонетический комментарий повсеместно лапидарен. Отмечается ударение в русских словах, подчеркнута его подвижность,

пояснено произношение отдельных согласных: [с], [з], [ж]. В словниках детализовано произношение некоторых слов с [ë]: Flieger = léttschik (sprich: ljóttschik), Flugzeug = ssamolét (sprich: ssamoljót) и др. Транслитерация русских ЛЕ в словниках и разговорниках в основном ориентирована на письменную форму, но есть исключения в случае с безударными гласными, ср. stalíza (столица), искажения (слитное написание subnójwratsch). Мягкость гласных позиционно не везде обозначена: janwár (январь), róle (поле), reká (река), prigotówte (приготовьте).

Словник рассмотренных мини-словарей в основе топографический. Это было первично для потребностей корректировки оперативных карт, для перевода топонимов, на что указывает переводное употребление в урбанонимах Unter- = nishnij, Ober- = wyschnij. На необходимость уточнений военно-топографическому отделению ОКН с началом агрессии против СССР указывало командование. Топография входила и в «дискурсивный минимум» военнотружающего вермахта.

Бытовая и общеупотребительная лексика придает словникам эклектичность, не имея ясной тематической или количественной доминанты: названия сторон света, времен года, месяцев, дней недели, частей суток, предметов утвари, мебели, единиц измерения времени, продуктов питания и напитков, средств передвижения, частей тела и др. То, что в словниках отмечаются некоторые разговорные слова (ср.: Weib = bába, Mann = mushík), личные местоимения, принятое в советском социуме обращение towárischtsch = Kamerad, частицы и немногие прилагательные не позволяет сделать вывод, что они предназначались для построения элементарно связной речи в отличие, например, от специализированных армейских разговорников (ДУБИНИН 2016: 24). Эта лексика имеет в словниках папок ОКН фоновый характер.

Качество русской части словарей-разговорников в разных папках, как отмечалось, отличается. Так, не вполне корректны некоторые лексические корреляции; ср.: Burg = kreml, Landhaus = dátscha, Zigaretten = papiróssy, не соответствуют советским реалиям Polizei = polízija, Polizist = shandárm, Dorfschulze = ssélskij

stárosta, архаичны Flugzeug = aëroplan, утратило актуальность Verwaltungskreis = okrug (окружная система упразднена в СССР в 1930 г.). Полисемия и синонимия ЛЕ отражены фрагментарно и приблизительно (см. актуальные для боевых действий детализации болотистой местности: torj = Sumpf, Moor, sumpfige Stelle). Примечательно наличие тематической группы «конная тяга, коневодство, фураж» (ср.: Pferd, Stall, Schlitten, Wagen = teléga, Droschenkutscher, Sattel, Heu, Stroh, Hafer, Gras) — ориентация на реалии «войны на востоке», что характерно и для словника *Soldaten-Wörterbuch* (ДУБИНИН 2015: 30).

Краткий перечень завершающих словари-разговорники неизменных фраз состоит из вопросника и команд, не обнаруживающих тесной связи с основным словником. Он предназначен для опосредованного установления контакта военнослужащего с местными, вероятнее сельскими жителями через домохозяев и властные структуры (Spricht jemand von euch deutsch? Ist der Hausherr zu Hause? Wo ist hier der Vorsitzende des Dorfrates / der Dorfrat?), для ориентации на местности, обнаружения инфраструктуры, обеспечения постоя (Wie heißt dieser Ort? Wo ist hier der Bahnhof? Wieviel Werst (Kilometer) sind es bis zum Dorf A.? Ist dieser Fluß tief? Ist hier ein Telephon? Bereiten Sie uns dieses Fleisch zu!).

Примечательно, что большая часть матричных вопросов-обращений, команд и реакций сформулирована в вежливой форме; ср.: Zeigen Sie mir den Weg zu der Stadt B.! Antworten Sie auf meine Frage? Geben Sie mir...! Bereiten Sie uns...! Macht nichts! Но имеет место и грубо-приказное: Halt! Marsch! Komm hierher! Papiere vorzeigen! Verkauft / gebt / gib / bring mir dies / Stroh / einen Hammer! Наличие при этом ошибок в употреблении предлогов, искажение видовых форм, наличие русских соответствий-вопросов с частицей «ли» (форма косвенного вопроса типа «Есть ли тут телефон?», «Говорит ли кто из вас по-немецки?», «Глубока ли эта река?») нарушает стилистическую эквивалентность, свидетельствуя о невысокой языковой компетенции анонимных составителей.

Таким образом, словари-разговорники из так называемых закрытых папок ОКН предназначались в основном как «орудие перевода и корректуры» для штабных документоведов, но могли использоваться на фронте картографами, рекогносцировщиками, квартирмейстерами. Вероятно создание на их основе кратких вспомогательных «Sprachkarten», словников-приложений для оперативных документов и т. п. Они вписываются в реализацию дискурсивно-милитарных практик «стражей и защитников Рейха», как называл военнотружущих вермахта один из его основателей В. фон Бломберг (Энциклопедия Третьего Рейха 2000: 57).

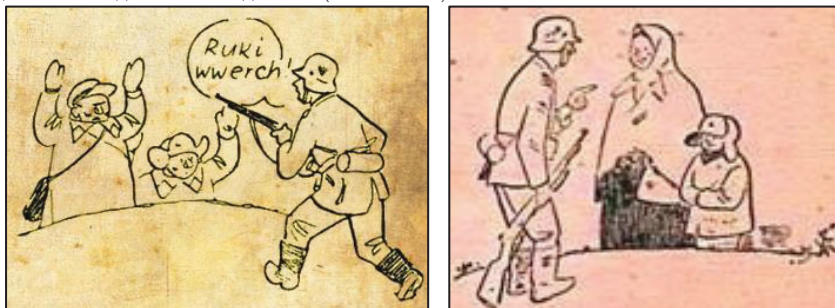
Краткие немецко-русские словари-разговорники

Среди солдатских словарей-разговорников для вермахта имелись и уникальные формы, чье место в корпусе текстов двуязычных пособий для солдат вермахта можно определить как промежуточное. Таков *Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten* («Карманный переводчик для фронтовика») с популярным в туризме форматом образного названия (Берлин, изд. Georg Siemens).

В военно-политическом дискурсе Германии концепт FRONT-SOLDAT появился в Первую мировую войну и затем использовался в пропаганде вермахта. На этом спекулировали с 1920-е гг. НСДАП и Гитлер в агиткомпаниях, на плакатах и в слоганах: «Einfacher Frontsoldat», в лозунге «Unser Reichspräsident. Frontsoldat Adolf Hitler!» на выборах 1932 г. С 1931 г. ежеквартально выходил журнал «Der Frontsoldat erzählt: die Zeitschrift für Tradition und Kameradschaft». В 1937 г. появилась пропагандистская брошюра *Der Frontsoldat* примкнувшего к нацистам и ставшего пресс-референтом ОКН первого руководителя DAAD д-ра Вернера Пихта.

Этот карманный разговорник — самый краткий вариант такого рода изданий, рассчитанный на мобильное использование, компактный (15 стр., размер почтовой открытки 14,5 x 10 см), напечатан мелким шрифтом, без твердой обложки. Непривычно для двуязычного словаря указан только выходной язык — русский. Анонимный разговорник вышел первоначально двумя репринтами с вариантами обложки без датировки (1942 г.?), его переиздание (1943 г.?) лишено титульного рисунка. Иллюстрация

выполнена в ироничной манере комикса (см. филактер «Ruki wwerch!»), придавая изданию несерьезность. Фигура солдата вермахта в летней форме контрастирует с карикатурными фигурами русских — сдающихся в плен военных в зимней форме и улыбающимися шаржированной женщиной в платке с мерзнущим ребенком в ушанке. Автор иллюстрации Б. В. Хиндерзин (Bob Waldemar Hinderzin) известен с конца 1930-х гг. оформлением популярных, молодежных и детских изданий (см. Рис. 2).

1. Halt!	Stoj!	Стой!
2. Hände hoch!	Ruki wwerch!	Руки вверх!
3. Ergib dich!	Sdawajssja	Сдавайся!
4. Wer da?	Kto idjott?	Кто идет?
5. Rauskommen!	Wyhadil	Выходи!
6. Die Waffen nieder!	Brassaj orushije!	Бросай оружие!
7. Hinlegen!	Lashissj!	Ложись!
8. Aufstehen!	Fstawaj!	Вставай!
9. Halt den Mund!	Maltschi!	Молчи!
10. Ruhe	Tische!	Тише!
11. Ich schieße!	Budu streljatj!	Буду стрелять!
12. Ich erschleße dich!	Sastrelju!	Застрели!
13. Antworte!	Atwetschaj!	Отвечай!
14. Antworte, ja oder nein!	Atwetschaj, da ili njet!	Отвечай, да или нет!
15. Antworte, schnell und klar!	Atwetschaj, bystro i jassno!	Отвечай, быстро и ясно!
16. Vorwärts!	Fperjott!	Вперед
17. Zurück!	Nasatt!	Назад!
18. Waffen her!	Dawaj arushije!	Давай оружие!
19. Papiere her!	Padaj dokumenty!	Падай документы
20. Wo liegt dein Truppenteil?	Gdje twaja tschastj?	Где твоя часть?

Рис. 2. Оформление обложки и страница первого издания *Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten*

Пространное для мини-издания предисловие акцентирует его вспомогательную роль в отсутствие переводчика:

Diese hundert Sätze oder Worte sollen dem Soldaten die einfachsten Zurufe und Begriffe nahebringen, die er in Rußland braucht, wenn

kein Dolmetscher zur Verfügung steht.

Заметны интенция вовлечения пользователя через орализацию фраз в элементарное речевое общение (*lerne sie auswendig*), привлечение контактных лиц: «*Es ist zweckmäßig, sich die Sätze bei Gelegenheit von einem russisch Sprechendem vorlesen zu lassen, um sich den genauen Klang einzuprägen*». Это согласуется с образной семантикой названия «Der Dolmetscher» (устный переводчик). На необходимость умения читать русские надписи (знание кириллицы), внимание к устной иноязычной речи указывают различие в комментариях русского алфавита прописной/печатной форм букв и указания: «*Die Umschrift kann die russische Aussprache nicht genau wiedergeben*»; «*Unbetontes o klingt beinah wie a*». Примечательно отсутствие искажений в русской части.

Владельцу разговорника предложено использовать письменные опоры в общении, например, числовые обозначения («*Die übrigen Zahlen können der Einfachheit halber geschrieben werden*»), язык жестов для наглядных команд, детализаций типа «*Komm her! Setz dich! groß/klein*». Отмечена важность блока из 40 фраз (пленение противника, установление личности, ориентация в населенном пункте) (TDF, 3-4; 14-15). Идеографический в основе словарь разговорника состоит из фраз с нумерацией в неалфавитном порядке тремя столбцами (нем. фраза / транскрипция устной русск. формы / русск. нормативный вариант), облегчая поиск соответствий при контакте: «*Sollten in besonderen Fällen doch Verständigungsschwierigkeiten auftreten, zeige man den betreffenden Text dem Russen zum Ablesen*». Этот прием использован в кратких словарях для военнослужащих вермахта (ДУБИНИН 2015: 29). Разговорник содержит преимущественно команды (названы в предисловии *Zugufe* «окики») в повелительном наклонении (почти исключительно в *Du-Form*) и имеющие указательный характер; ср.: «*Bring mir das! Koche / brate / backe mir das! Warte hier!*» Но грубые формы и их соответствия редки («*Halt den Mund! Idiot — Dummkopf! Ihr Teufel! Hau ab! Живо! Дурак! Проваливай! Катись!*»). Ряд вопросов ориентирован на быстрое получение информации, односложные ответы («*Antworte, ja oder nein / schnell*

und klar!)), общие вопросы единичны. Контактустанавливающих (ср.: «Spricht hier jemand deutsch?») и личностный компоненты скудного речевого репертуара минимальны (см. обобщенные или пассивные формы типа «Wir brauchen Benzin! Es wird geschossen!»). Отдельные ЛЕ приведены без грамматических комментариев для клишированных команд: профессии, прием пищи, вода, продукты питания.

Разговорник не имел универсального характера, в нем вычлняются немногие лапидарные тематические группы: ситуация пленения, ориентация на местности, перемещение (в боевых условиях), организация снабжения, топливо, техпомощь и подсобная сила, квартирование, питание. Отдельно даны количественные числительные 1—10, обозначения дней недели, временных отрезков. В завершающем разговорник как речевую опору списке существительных-интернационализмов «Worte, die der Russe versteht» (43 ЛЕ) доминируют наименования воинских званий, оружия, отмечены технические средства, профессии, учреждения, разговорное прилагательное kaputt (ГWB: 13). Фразы могли использоваться в предостерегающих надписях / объявлениях: «Halt! Vorsicht! Vorsehen! Es wird geschossen! Sofort zu räumen!»

Редкие реалии, советизмы переданы в разговорнике в основном точно: Samowar, Dorfsowjet (сельсовет), Motor- und Traktorenstation (МТС), Kolchos-Laden (Lager) / Kooperativ-Laden (колхозный / кооперативный магазин, склад). Но некорректны: Haus der Roten Armee / der GPU (дом Красной Армии / дом НКВД), Badstube (баня), Stadthaus (горком), имеющее в немецком значения 'ванная', 'ратуша, дом городского совета'. Особенности войны с СССР маркированы лишь ЛЕ Partisanen, russische Truppen и тематизацией использования на восточном фронте конной тяги.

Еще более «экзотичен» механический визуальный малоформатный (13 x 18 см) разговорник *Stummer Dolmetsch*, анонимная публикация которого (1941 или 1942 г.?) не локализована (см. Рис. 3). Этот не очень распространенный тип так называемого «stummer Dolmetscher» (Praktisches Sprachführer ohne Vorkenntnisse) известен в школьной практике, в туризме, для нужд иностранных рабочих.

«Немой переводчик» имел вид картонного футляра — двусторонней карты с прорезями и колесом внутри. Вращением диска можно было находить путем совмещения нанесенный на него русский аналог немецкой фразы (20 на каждой стороне) согласно установке: «Nummer des Wunsches (1 bis 20) hier einstellen». Титул и оборотная сторона планшета содержали тематический перечень нумерованных фраз, опорные рисунки. В инструкции отмечено:

Man zeige dem Russen die Übersetzung des Wunsches, Befehls usw., gegebenenfalls zur Ergänzung auch das passende Bild. Auf diese Art kann man nach kurzer Orientierung Hunderte von Wünschen und Befehlen ohne Sprachkenntnisse ausdrücken (SD: I).

Рис. 3. Титул и оборотная сторона планшета «Немого посредника»

Согласующееся с рассмотренным выше разговорником название «немого переводчика» закавычено, маркируя его как гибридное, «экспериментальное», а переиздания его не известны (пробное издание?). Похожие по формату (так называемые листовые издания) известны как популярные учебные таблицы-вертушки в самоучителях по грамматике, для запоминания иностранных слов, таблицы умножения и пр. В современном немецком языке полисемантическая LE Dolmetsch, *m.* (gehob., selten) — *j-d*, der stellvertretend für andere einer Sache Ausdruck gibt; der Fürsprecher

(z. B. ein Dolmetsch der Armen). Она обозначает также толкователя, комментатора, посредника, ходатая, заступника. Как образное выражение «stummer Dolmetsch» встречается в литературе, отмечено в богослужении, в языке печатников XVIII в. (*mutus interpretres, der nicht gebrauchte Buchstabe*).³

Лапидарные тематические рубрики (меню) даны последовательно: Befehle (8), Fragen (5), Verhör (12), Erkundung (5), Quartier (10). На обороте планшета списком без перевода даны «Deutsche Wörter, die der Russe versteht» из военной сферы (18). Отдельно приведены с русскими эквивалентами частицы ja/да, nein/нет (с транслитерацией) и наречия времени (без транслитерации), указывая на неориентированность технологичного «немого посредника» на адекватную коммуникацию по-русски. Алфавит и грамматический комментарий отсутствуют. На важность письменной/визуальной опоры указывают фразы «Schreiben Sie das auf! Haben Sie eine Landkarte?» Установка на контакт по-немецки повторяется: «Spricht hier jemand deutsch? Holen Sie jemand, der deutsch spricht? Sprechen Sie deutsch?»

Примечательна вежливая форма обращения (Sie-Form), но в упрощенном вопроснике как контактеры «пленный — местный житель» неразличимы. Тематически рисунки подразделяются по значимости на группы: продукты питания / напитки (доминирующая группа, частично с переводом, без транслитерации), вооружение, средства транспорта, домашние животные, орудия труда, посуда, мебель, утварь, освещение, предметы гигиены. Отображены компас и циферблат часов. Шаблонные приказы / вопросы предложено строить с опорой на рисунки: «Geben / bringen / besorgen / zeigen Sie mir...! Haben Sie...? Wo ist (sind)...?» и с указательным местоимением: «Waschen Sie dieses!»

Не вполне удовлетворительно качество русской части словника. Так, Ortsvorsteher обозначает сельского старосту, не существовавшего в советской системе, русская водка дана не как реалья, а обозначена эквивалентно: Branntwein. Стилистически неточны по

³ www.duden.de/rechtschreibung/Dolmetsch.

смыслу фразы: «Сведите меня в...! (Führen Sie mich nach...!), Дайте Ваши бумаги! (Geben Sie Ihre Papiere!), Вычистите постель! (Säubern Sie das Bett!), Достаньте мне...! (Besorgen Sie mir ...!)

Нестандартные «экзотические» мини-разговорники с ограниченным прагматическим диапазоном отразили вариативность коммуникативного потенциала «армейца Рейха», но и его неизменно позитивный имидж в «победоносной войне», которая еще не подвергалась сомнению в 1941—1943 гг. Они не были ориентированы на тесное общение, тем более на понимание иноязычной речи, отражая ограниченность коммуникативного потенциала их пользователя.

Краткие вспомогательные словники для солдата

В группе двуязычных лексикографических источников — словарей для солдат нацистского вермахта (Дубинин 2015: 28) выделяются факультативные издания немассового характера, появившиеся на втором этапе войны против СССР, когда неудавшийся «блицкриг» сменился затяжными боевыми действиями и проблемами в тылу. После неудач и потери стратегической инициативы концепция «превентивной акции на востоке» в 1941 г. для сухопутных сил была скорректирована.

Эти так называемые источники активного контактного типа в разной мере отразили динамику «дискурса завоевателя», отмеченную манипулятивной имиджелогией «армейцев нации», обнаруживая явные или латентные коммуникативные стратегии двуязычного общения, проявления агрессии / принуждения, необходимость элементарного общения с пленными и мирным населением на захваченных территориях, противоборства с противником и с партизанами в тылу. Они тематически отмечены ориентацией на минимальные утилитарные интересы пользователя — военнослужащего низшего звена. Содержание этих «сопроводительных» изданий актуализировано в связи с затягиванием «восточной кампании» и новыми коммуникативными потребностями (управление на захваченных территориях, партизанская борьба, оперативная работа, содержание военнопленных и др.), и со специфи-

кой войны с СССР в новых условиях (самообеспечение войск, суровый климат, зима, бездорожье и пр.).

Интересен декларативной установкой в отношении иноязычных компетенций солдата вермахта краткий словник с титульной формулой: «Tschto eto takóje. Deutsch: was ist das? Unsere Soldaten können alles, sie sprechen auch sofort etwas Russisch!» Впервые на титул таких изданий вынесена транслитерированная фраза-клише по-русски для получения простейшей предметной информации в традиции учебников иностранных языков элементарного уровня. Этот «словарик» (около 500 ЛЕ) — один из многих подобных источников с указанием авторства, вероятно имевший значительный тираж. Графическое оформление обложки явно рекламное (см. Рис. 4).

Рис. 4. Обложка словаря Г. Кнупфера (ок. 1942 г.)

Его составитель Георг Кнупфер (Georg Knupfer) обозначает себя титульно как «(устный) переводчик, переводчик для Верховного командования сухопутных сил» («Dolmetscher, Übersetzer für das Oberkommando des Heeres») и указывает свой берлинский адрес. В качестве соавтора и редактора-составителя отмечен некий А. Манн — бывший переводчик при Российском императорском посольстве в Штутгарте («früherer Dolmetscher an der Kaiserlichen

Russischen Gesandtschaft Stuttgart»). Поскольку дипломатические отношения России с Вюртембергом были прерваны в 1914 г., это мог быть почтенный по возрасту человек.

Примитивный оттиск словарика Кнупфера представляет собой репринт машинописного текста (опечатки, не типографское оформление, половинный формат от А 4) без датировки (конец 1941 г.?), но с указанием места и частной типографии: Druck von J. Mann, Stuttgart — Bad Cannstadt, а также, что удивительно для такого «издания», — авторских прав: «Nachdruck verboten». Небрежную поспешность составителей выдают опечатки в немецкой и русской частях, дважды набранные слова, например, Seife: мýло (стр. 3 и 4), Stunde: tschass (стр. 4 и 5), варианты в написании одного слова, ср.: das Ei: jaizzó и Ei: jaizó (К, S. 6, 8); njächaroscho/chárascho (К: 1).

Словарик Кнупфера саркастически характеризует в воспоминаниях военная переводчица О. И. Грабарь (Елифанова), которая получила экземпляр в типографском исполнении 1942 г. без обложки, с указанием цены (30 рейхспфеннингов) и обозначением составителя как «Autor der Wörterheftchens» (т. е. словарный буклет, тетрадка).

«Забавное впечатление оставлял и немецко-русский разговорник, который солдатам раздавали на переднем крае. Разговорник был озаглавлен “Что это такое?” и снабжен подзаголовком “Наши солдаты могут все, они сразу же начинают говорить по-русски”. Среди необходимых слов в нем значились такие: сволочь (sswolotsch), черт (tschort), ангел (angel), священник (sswjäschtschennik) или изба, которая называлась хижинкой. Сложнее всего обстояло дело со словами, содержащими непередаваемую букву “щ”. Капустный суп, сервированный со сметаной, — гласил разговорник — называется “штши”, а суп из свеклы, также сервированный со сметаной, называется “боршпи”. Гречневая каша употребляется как приправа к капустному супу. Завершается разговорник кратким перечнем первостепенно необходимых предложений, последним из которых было “я хочу в нужник”» (ГРАБАРЬ 2003: 176-177, 180).

Тематическая рубрикация и состав этого неалфавитного словарика, скудного по числу разговорных фраз и шаблонов для их

построения, чтобы можно было обозначить его как полноценный разговорник, бессистемны. Это заметно особенно в начальной и в основной части: *Notwendige Worte. Gegenstände und einige dazu gehörende Worte. Die Familie und der Mensch und einige dazu gehörende Worte. Tageszeiten, Wochentage und einige dazu gehörende Worte. Zahlen, Jahreszeiten und Monate. Tiere. Futtermittel* (всего 2 ЛЕ). *Lebensmittel, Speisen sowie Getränke. Noch einige kurze Sätze.* Так, в разделе «Необходимые слова» представлены одновременно ЛЕ религиозной сферы: Gott, Heilige, Pfarrer, Teufel, Engel и инвективы: Schuft, Dummkopf, schelten. В раздел «Предметы», где преобладают названия объектов на местности, жилища, транспортных средств, орудий труда, утвари и посуды, оружия, одежды, отнесены названия профессий: Arbeiter, Schmied, Schuster, Kutscher, а также ЛЕ Gefangener. Наличие группы оппозитивных пространственных наречий (weit / nah, dahin / wohin / woher, rechts / links) и «погодной лексики» (es ist kalt, es schneit, Eis, Frost, Schmutz, Sturm, undurchdringlich, staubig) маркирует потребность в ориентации на местности в неблагоприятных климатических условиях. Глагольная лексика представлена скудно и тематизируется в основном бытовую сферу: arbeiten, essen, trinken, schlafen, rufen, schreien, rasieren, lesen, waschen, schreiben, braten, kochen. Вербализация военной сферы отмечена единичным глаголом schiessen и ЛЕ Feind: njärijátelj. Грамматические комментарии и пометы отсутствуют, а маркирование русских реалий (единственные примеры Werst: 1.067 km, werstá; Kopeke: kleine Einheit) и межязыковой полисемии единично; ср.: Schnur: schnurók, oder bitschófká; ssarái: Heuschober, Scheune; Pferd: lóschadj, kónnj.

Немногие разговорные фразы в словнике Кнупфера — общие команды и обращения / вопросы типа: Halt! Hände hoch! Was ist das? Wer da? Wieviel kostet? Wieviel Uhr? и ориентированные на получение пищи и услуг (ср. императивы по модели: Ich will essen (trinken, schlafen и т. п.). Фиксация предикативной формы некоторых прилагательных указывает на возможность построения пользователем некоторых номинативных фраз типа: Das ist + Adj. (Adv.) / etó charascho (daljekó, blískko) и т. п. Но четких моделей

обращения по типу Du-/Sie-Form не представлено.

Детализации названий жилища и предметов быта (Decke, Bett, Stuhl, Topf, Teekessel, Tasse, Brennholz, Bank, Tisch, Wäsche), блюд (даны описания супов в русской традиции — щей и борща) и напитков, средств гигиены, прилагательные типа bitter, salzig, süß, sauer указывают на предназначение словарика для нужд квартирования и самообеспечения питанием военнослужащих, в частности в зимних условиях (Filzstiefel, Pelz, Schafpelz, warme Decke). Но такой лексический «минимум» в формате мини-словаря в военной ситуации не был достаточен и оптимален.

Нарекания вызывает русская часть словарика Кнупфера и в первую очередь транслитерация при в целом ее удовлетворительном качестве (минимум искажений в языке перевода). В качестве комментария автор указывает лишь маркированность ударения и произношение русского /ж/: «Wichtig! Die Betonung ist unbedingt auf die Silben mit dem Zeichen zu legen»; «gelésnaja doróga (**ge** wie **Gel**atine)». Но чаще в противоречии с установкой этот согласный позиционно передается как <sch>, ср.: **schír**, **dóschdj**, **úschin**, **chíschina**, **ruschjó**, **nóschik**, **poschár**, **lýschi**, **schená**, **schiwót**, «пиджак» транслитерируется как **pidják**. Есть нарушения в ударении в русских словах, или оно не обозначено: **wáritj**, **chárascho**, **zigarry**, **wersta**. Графический или фонетический принципы транслитерации слов смешаны в отношении и гласных и согласных, ср. пары ЛЕ: **owjössragóschka**; **brewnó/rísina**; **objäd/posjäff**, формы слова, ср.: **brítza** (бриться), **ssewódjne** (сегодня), но **rugátsja** (ругаться).

При передаче чуждых немецкому языку фонем иногда отмечается вариативность, в частности для вызывающих смягчение гласных: /ë/ = <je, jo, e, ö>; /e/ = <e, jä, je, ä>, а также для некоторых согласных: /ч/ = /tsch, ttsch/; /ц/ = /z, zz, tz/. В основном мягкость согласных передается адекватно при помощи <j>, включая ее обозначение на письме при помощи мягкого знака. Последовательно это представлено в отношении /я/ = <ja>, менее в случае с /е/ и /ë/, крайне редко передается смягчение с /и/, ср.: **wíschnji**, **kistj**, **nítka**. Избыточность (удвоение графем) наблюдается в отношении некоторых согласных, ср.: **onn**, **tamm**, **mollokó**,

ggjáka, brodd, schkaff, pereúlokk, schtykk, pergó, pírógg, gott. Ср. также вариантное обозначение согласных /к/ как <k, sk> и /с/ как <ss, ß>. Но важная для немецкого произношения альтернатива /з—с/ последовательно передана как <s—ss>.

Отметим в целом редкие ошибочные фонетико-грамматические формы (искажения) в русском: septjábgr (сентябрь), gubú (грибы), ssóljno (солёно), máljenki (маленький), daljóko, (долеко), schágenpaja kartófelj (жареный картофель), odná (в разделе «Числа» вместо — один). Это подтверждает, что составители словарика достаточно квалифицированно владели русским языком. Его прагматический фокус можно определить как дополнение к известным немецко-русским базовым словарям-разговорникам для вермахта (*Soldatenwörterbuch, Wehrmachtssprachführer*).

Другой тип вспомогательного разговорника представляет собой языковая карта для патрульно-постовых служб (анонимное авторство). Эта краткая планшетная форма (опросник, список фраз-приказов) для спецподразделений сухопутных сил (68 рубрик, 4 стр., карманный формат) содержит только список команд и вопросов (ок. 120) и их транслитерацию по-русски в основном в разговорной фонации (выделено курсивом), распределённых по ситуациям (более всего относительно партизан и их вооружений) и односложные ответные реплики. Нумерация, группировка реплик и их блоков формальная, произвольная, кириллического написания русских слов нет. Отдельный словник в карте кроме обозначений чисел 1—20 и наречий времени *gestern, heute, morgen* отсутствует (см. Рис. 5).

Появившись около 1942 г. (печать полевых типографий?) в дополнение к стандартным словарям-разговорникам (ДУБИНИН 2016: 19-21), подобные карты отразили ситуации в тылу германских войск, тематизируя в первую очередь противостояние активизации партизанской борьбы в сельской местности (см. упоминация: *im Dorf, in diesem Dorfe, сельского старшины, названного Búngermeister: starschina*). Метаязыковое оформление карты краткое и

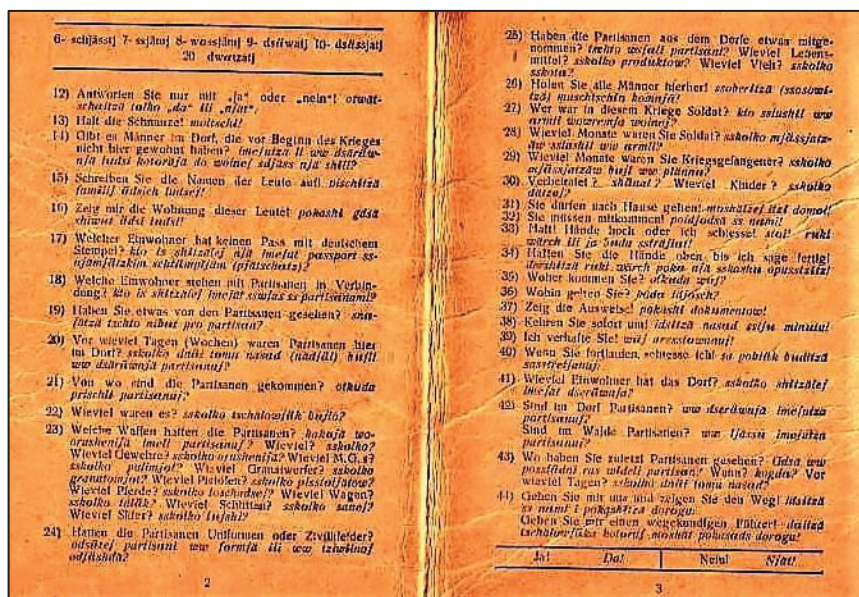
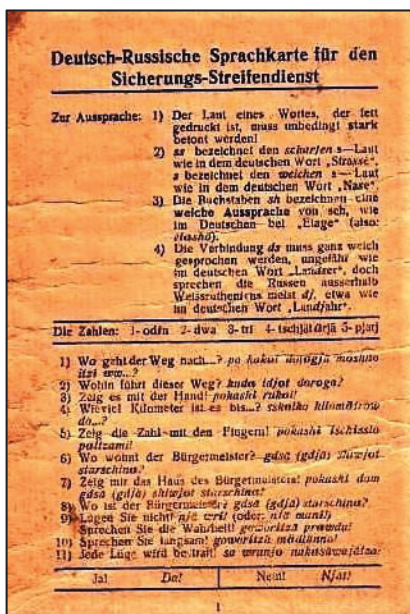

Рис. 5. Титул и разворот карты патрульно-постовой службы

касается только характеристики удара (маркируется обжирением) и частично произношения (вводное *Zur Aussprache*) с опорой на аналогии в немецком языке. Это только отражение альтернативы согласных /с—з/, произношения /ж/ и некоторых мягких взрывных (ср.: *im Deutschen, (ungefähr) wie in dem deutschen Wort*). Отмечены особенности так называемого великорусского произношения в отличие от белорусского: «*doch sprechen die Russen ausserhalb Weissrutheniens meist <...>*». В качестве синонима русск. врать употреблено также белорусск. маніць: *Lügen Sie nicht! Njã wri! (oder: njã mani!)*. Содержание и отмеченные особенности карты делают вероятным ее составление с учетом опыта оккупационных войск в эпицентре партизанского движения — Белоруссии, захваченной в конце лета 1941 г.

Формат двуязычной языковой карты (*Sprachkarte*) известен в преподавании иностранных языков (в частности, при обучении устной речи) для функционально-тематического изучения лексики и грамматических явлений. Разговорная карта патрулей вермахта была предназначена для краткого оперативного опроса, задержаний, ориентации на месте сухопутных дозоров и разведгрупп, полевой полиции и могла комбинироваться с армейскими разговорниками, дополняя их в зависимости от ситуации. Тематически ситуации речи здесь таковы: обнаружение партизан и их пособников, их вооружение; опрос местных жителей (староста, мужчины, подозрительные, проводники); регистрация; ориентация на местности (передвижение / определение расстояния); допрос захваченных военнослужащих / партизан (групп); снабжение (средства передвижения, инструменты / утварь, фураж, топливо, вода); осмотр и обыск жилища: установление контакта.

Модели коммуникации достаточно разнообразны: личное, реже коллективное обращение / просьба / приказ (*Geben Sie mir sofort ...! Führen Sie mich nach ...! Ich verhafte Sie! Gehen Sie mit uns!*); манипулирование группой (пленение). При этом вероятна трансляция ряда команд по громкой связи: *Ergebt Euch! Ihr seid umzingelt / gefangen! Werft die Waffen weg! Wieviel seid Ihr?* Но в альтернативе вежливой / грубой форм обращения (*Sie-/Du-Form*)

первая явно доминирует. Присутствует и форма благодарности: Vielen Dank, а инвективы единичны (Halt die Schnauze!). На отказ от агрессивной реквизиции указывает доверительная фраза: Ich bezahle alles! Обращают на себя внимание попытки прямой коммуникации / контактоустановки, понимания иноязычной речи: Sprechen Sie langsam! Wer spricht hier im Dorf deutsch? Ряд фраз опросника синтаксически достаточно развернут, чтобы артикулировать их без подготовки, ср.: «Gibt es Männer im Dorf, die vor Beginn des Krieges nicht hier gewohnt haben? Imejutza li ww dsäräwnjä ludsi kotoräjä do woinej sdjäss njä shili?»

В целом качество транслитерации в русском языке карты удовлетворительное для адекватного восприятия, хотя отмечаются определенные искажения и трудности. Так, вариативно обозначение некоторых гласных: /e/ = <jä, je, ä, e, äj, iä> и /ы/ = /ty <uj, u, ej, i>, непоследовательно (смягчение перед /и/ и часто перед /e/) и неполно (мягкий знак <ь> не передается) отражена мягкость согласных, например, как щелевое произношение для /т'/ = <tz, ts> и /д'/ = <ds, dz>. При транслитерации преобладает опора на графическую форму слова, хотя присутствуют и разговорные аналоги (pulimjot = пулемёт, täläk = телег, naprawa = направо). Роль графической опоры отмечена фразой: «Schreiben Sie die Namen der Leute!», хотя кириллица в отличие от стандартных базовых разговорников для вермахта здесь не использована.

При очевидной достаточно высокой иноязычной компетентности анонимных авторов карты следует отметить искажения (падежные несоответствия: Ausweise (вин. п., мн. ч.) = dokumentow, или словарные формы: ogushenijä = вооружения; видовые значения: buditzä sasstreljanuj / sasstrelju / budu ssträjljat) и синтаксические кальки с немецкого («Wieviel Einwohner hat das Dorf? sskolko shitzälej imejät dseräwnja?»), что в целом не нарушает понимание фразы.

В языковой карте с позиции теории речевых актов преобладают директивы, декларативы и императивы в следующих ситуациях: задержание (арест) / проверка документов; сопровождение; разоружение; угрозы наказания (казни). Оценивая содержание карты с позиций примерно одинакового выражения открытой /

латентной иноязычной речевой агрессии отправителями речи, отметим шкалу (по убыванию):

— намеренное унижение через манипулирование поведением / угрозы / оскорбительная (грубая) манера речи и конфликтотогенное речевое поведение / инвективы / выражение неприязни и враждебности;

— подчеркивание неравноправия коммуникантов / доминирующее речевое поведение / неаргументированное «давление», навязывание мнения / категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств / создание «кодового конфликта» (сознательное стремление к непониманию / недопониманию) высказываний.

Оба рассмотренных источника были призваны пополнить позитивный дискурсивный имидж немного говорящего по-русски, доброжелательного, но строгого «армейца Рейха» в новой ситуации затягивающейся военной кампании. Они свидетельствуют об инерции милитаристского дискурса и нацистской военной имиджологии, о манипулировании «победоносным духом» и позитивным образом вермахта несмотря на трагически меняющуюся для захватчиков реальность войны с СССР, трудности и перманентные катастрофы поражений, волну военных преступлений «оруженосцев германской нации».

В завершение отметим метаязык кратких немецко-русских словарей-разговорников для вермахта. В военной лексикографической традиции формируется особый метаязык словаря, в частности, двуязычного, как набор типичных формул при описании / толковании значений слов, грамматических, фонетико-графических, словообразовательных, стилистических и других показателей. Кроме формул метаязык словарей включает другие вербальные объяснения, пометы, сокращения, транслитерации, условные знаки. Используются в качестве метаязыка шрифты, рубрикаторы, рисунки и другие наглядные средства.

Рассмотренные источники обнаруживают, хотя и ограничено, эти параметры, а изучение их метаязыка позволяет уточнить их прагматику, стоящие за ними дискурсивные практики,

способы передачи иноязычной лексики, детали речевого репертуара военнослужащих. Метаязык немецко-русских разговорников для вермахта маркирует их в контексте милитарных дискурсивных практик «людей в зеленой форме», как почтительно называли себя военнослужащие сухопутных сил Третьего рейха, заботясь о позитивном имидже как «оруженосцев нации». В целом позиция «армейцев» отмечена определенной дистанцией в отношении иноязычных «контактеров» (фрактурка как шрифтовой маркер в противовес кириллице), лишена установки на овладение русским языком (это частично объясняет и искажения иноязычных ЛЕ и форм), маскировкой их «дискурса завоевателя». Очевидно, что краткие словари-разговорники также были частью имиджелогии нацистского вермахта.

Источники и принятые сокращения

- M 1941 B / L — Militärgeographische Angaben über das Europäische Russland. Mappen B (Die Baltischen Länder), C (Gebiet Leningrad), D (Karelien und Kola), E (Weißrussland), F II (Ukraine mit Moldau-republik und Krim), K (Die Wolgagebiete), L (Ural-Gebiete). Generalstab des Heeres. Abteilung für Kriegskarten und Vermessungswesen (IV Mil.-Geo.). Berlin, 1941. URL: <http://wwii.german-docs-in-russia.org/ru/nodes>.
- K — Knupfer, G., & Mann A. *Tschto eto takóje. Deutsch: was ist das?* Stuttgart; Bad Cannstatt: Druck bei J. Mann (б/г).
- Deutsch-russische Sprachkarte für den Sicherungs-Streifendienst (б/г, б/и).
- SD — Schneider, R. „*Stummer Dolmetsch*“, „*Wehrmacht-Sprachführer*“ und „*Bilder-Wörterbuch*“: *Hilfsmittel zur Verständigung mit dem Feind im II. Weltkrieg* (б/г, б/и). Retrieved from <http://www.uebersetzer-portal.de/nachrichten/n-archiv/2004/2004-06/2004-06-14.htm>.
- TWB — Hindersin, Bob W. *Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten. Russisch*. Berlin: G. Siemens Verlagsbuchhandlung (б/г).

© Дубинин С. И.

3.3. *DIPHTHONG*: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ТЕРМИНА

1. Введение

Статья посвящена изучению истории термина *Diphthong*, который входит в состав лингвотерминологической системы немецкого языка. Автор ставит целью описать историю вхождения термина в лингвистический обиход, выявить возможные параллельные названия данной терминологической единицы, проследить эволюцию фонетического статуса дифтонга в XV—XVIII вв.

Появление номинации *Diphthong* как слова, не имеющего терминологического статуса, датируется примерно 1400 годом. В качестве лингвистического термина, используемого для обозначения бивокалических звукосочетаний, *Diphthong* обнаруживается в 1524 г. в грамматике Ф. Меланхтона. Данный термин был частично ассимилирован немецким языком и практически использовался как прямое греко-латинское заимствование. В онемеченной форме термин встречается в 1534 г. в грамматике В. Икельзамера. Примерно в это же время в грамматических сочинениях начинают возникать первые исконно немецкие терминологические дублиеты.

На всем протяжении своей истории понятие, обозначаемое термином *Diphthong*, по-разному трактовалось немецкими лингвистами. В число дифтонгов включались не только истинные дифтонги, но и умлаутированные буквы, удвоенные гласные, квазидифтонгические сочетания, количество которых у разных авторов варьировало в пределах от трех до шестнадцати. Только к концу XVIII в. семантика термина стала отражать реальную сущность этого фонетического явления, а число его многочисленных терминологических обозначений было сведено к двум основным — *Diphthong* и *Doppellaut*.

2. Материал и методы исследования

Материалом исследования выступают литературные источники, грамматики немецкого языка, грамматические сочинения и словари, опубликованные в Германии в период с 1400 г. по 1799 г.

Научно-теоретические источники сгруппированы в соответствии с хронологическим принципом: (1) источники, опубликованные в XVI в. (грамматики Ф. Меланхтона, Ф. Франка, В. Икельзамера, И. Мейхснера, Й. Малера, Л. Альбертуса, А. Элингера), (2) источники, относящиеся к XVII в. (грамматики И. Заттлера, Стефануса, Т. Олеария, Ю. Шоттеля, Ф. Цезена, И. Гирберга, К. Пудора, И. Бёдикера), (3) источники, увидевшие свет в XVIII в. (грамматики и грамматические сочинения И. Готтшеда, М. Шванвица, И. Антесперга, Г. Брауна, И. Хейде, И. Аделунга, И. Гейнаца, И. Штуца, Й. Висмайра, Г. Рота). Лексикографические источники, помимо хронологического принципа, сгруппированы с учетом типологического критерия, отражающего различные типы словарей (переводные и толковые). Авторами обследованных словарей выступают П. Дасиподий, П. Холин, И. Фризиус, Б. Хойпольд, Н. Дюэ, А. Молнар, И. Беер, И. Эберс, И. Аделунг, К. Мориц.

В статье используются методы историографического, историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа. Перечисленные виды анализа позволяют детально осветить историю заимствования и последующей ассимиляции термина, эволюцию его семантики, уточнить некоторые факты, связанные с первичным и последующими употреблениями исследуемой терминологической единицы и ее многочисленных синонимов в том или ином значении.

3. *Diphthong* как термин и лингвистическое понятие: описание и эволюция

3.1. Описание дифтонгов в немецких грамматических источниках в XV—XVI вв.

Первое употребление термина *Diphthong* в форме *dyptonge* зафиксировано около 1400 г. в средневековой гейдельбергской рукописи Эгена фон Бамберга *Die Minneburg* (2387-2390), изданной Гансом Пюрицем: «*Bestrich mit mynnen honge! / So wurde die leydyptonge / 'Oi my' gar verdrucket / Und 'wol mich' her fur getzucket*» (PYRITZ 1950: 76). Поскольку цитируемый текст представляет собой поэтическое произведение, в нем естественным образом отсутствуют какие-либо авторские пояснения и комментарии к слову.

Вплоть до первой четверти XVI в. интересующее нас словоупотребление нигде не встречается. В 1524 г. в Виттенберге Филипп Меланхтон публикует небольшое сочинение *Handbüchlein, wie man die kinder zu der geschriff und lere halten sol...* (MELANCHTHON 1524). В его орфографической части, описывающей немецкий алфавит («Das Abs») и гласные («Die vocales»), исключая описание согласных, о которых Меланхтон вообще не упоминает, приводится список дифтонгов («Die diphthongi») и указание на их произнесение: «Ae thûn fo vil als e / Oe thûn fo vil als e / Au / Eu / Ei thûn fo vil als i». Орфография термина отсылает к греко-латинскому этимону (diphthongus, -i m), множественное число которого имеет ту же форму, что и у Меланхтона. Состав дифтонгов, как видим, включает два умлаута (*Ae, Oe*), которые автор приравнивает в произносительном аспекте к монофтонгу /e/, и три дифтонга *Au, Eu, Ei*. При этом *ei* Меланхтон тоже считает простым монофтонгическим звуком /i/. Анализ показывает следующее: 1) состав умлаутов, причисляемых к дифтонгам, не полон. В нем отсутствует *Ue*, хотя в текстах Меланхтона этот умлаут встречается в двух написаниях («gebürt, thûrs, freündtlich»); 2) автор не различает диграфы и дифтонги, включая в число последних монофтонгические умлаутные буквосочетания, а также *ei*. Очевидно, что орфографический принцип репрезентации этих сочетаний является для него основным, т. е. дифтонгом он считает то, что передается на письме двумя гласными буквами вне зависимости от того, как эти сочетания произносятся; 3) причисление умлаутов к дифтонгам исторически подерживается в дальнейшем целым рядом немецких лингвистов нового времени, которые в отличие от Меланхтона полагают умлауты дифтонгическими звукосочетаниями (см. ниже); 4) произнесение дифтонга *ei* как монофтонга /i/ было свойственно верхнесаксонскому диалекту, на котором говорили в Виттенберге. Дифтонгизация по типу /i/ > /ae/ (*ei*) в этом диалекте произошла в XV в. (МОСКАЛЬСКАЯ 1959: 87), но у Меланхтона своего отражения в произносительном аспекте она не нашла. На письме единичные случаи такой дифтонгизации, как отмечает Вильгельм Шмидт,

фиксируются уже около 1400 г., однако письменная фиксация скорее всего уже тогда не отражала специфику речевой реализации этого дифтонга, «так как в восточносреднемецких диалектах старые дифтонги монофтонгизировались» (SCHMIDT 1969: 295-296).

В 1531 г. в *Teutfcher Sprach Art vnd Eygenfchafft Orthographia* Фабиана Франка дифтонги получают терминологическое обозначение *Duplirte stimmer*.

Das etliche Stimmer odder felbs Lautende genant werdenn, Darumb das sie an jne felbs, einen volkommen laut vnnnd stimme von sich geben... Vnd die, fo aus difen [a. e. i. o.u. y.] zufamenn gefetzt fein, Als au. eu. ei. etc. die wir Duplirte stimmer nennen wollen (FRANCK 1531: III).

К этому ряду он добавляет, по его мнению, чуждый немецкому языку дифтонг *iu*. Из пояснений Франка следует, что речь идет о дифтонгах как бивокалических сочетаниях, т. е. двух последовательно произносимых гласных звуках.

Три года спустя Валентин Икельзамер публикует свою немецкую грамматику *Ain Teütsche Grammatica*, в которой использует термин *Diphthong* и его синоним *zwilautende filbe*. Наряду с этим обозначением у него встречается еще один вариант *zwen laut büchstabē*. Икельзамер указывает на некоторые особенности, свойственные количественному составу и произношению дифтонгов, которые он именуется то буквами, то слогами: 1) слоги, состоящие из двух гласных букв, в разных языках произносятся по-разному (к примеру, в латыни их пять, но говорящие на этом языке (?) два из них ни прочитать, ни назвать не могут); 2) не все немецкие дифтонги, которых насчитывается шесть (*au, eu, ai, ei, oi, ou*), одновременно употребляются во всех немецких провинциях; 3) элементы дифтонгов произносятся не каждый по отдельности (т. е. не так, как пишутся), а вместе как один слог, на одном дыхании, но при этом так, чтобы каждый из этих элементов был аудитивно распознаваем в речевом потоке.

Man sol die zwen laut büchstabē nit yeden in fonderhait, wie difes lesen außweiß, fonder vermifcht lesen, mit ainer filben, vnd in ainem athem, doch das man bede laut etwas höre (ICKELSAMER 1534).

Таким образом, Икельзамер фактически описывает дифтонг как

сложный гласный, не выделяя, правда, при этом в составе дифтонга ядерной части и глайда («Nachschlag», в терминологии Шмидта).

В 40-х гг. XVI в. публикуется еще одна заслуживающая внимания работа, автор которой употребляет обозначение *Diphthong*. В 1541 г. у Иоганна Мейхснера в *Handbüchlin grundtlichs berichts...* термин встречается в форме *diphthongon* (транслитерация греческого слова).

Vñ demnach fo ift vß obgefchriben exempeln abzünemmen das alle wörter fo mit zwiualtigen vocaln gefchriben oder punctiert, als zwey a, zwey e etc. mit langer vß gedõnter ftim̄, Aber alle duplierten *Consonanten* fchnelliglich vßgefprochen, wo aber ein *diphthongon* gemacht, als von zweyerley vocaln, als vatter vätter, mütter müttertn..., da follten die ftim̄en vff beide *uocales* gezogen werden (MEICHSSNER 1541).

Из приведенного отрывка понятно, что Мейхснер относит к разряду дифтонгов удвоенные гласные и умлауты.

В 1561 г. термин *Diphthong* в современном написании встречается в *Die Teütſch ſpraach* Йошуа Малера, но без комментариев относительно существования этого фонетического понятия (MAALER 1561: 471).

В грамматике Лаврентия Альбертуса *Teütſch Grammatick oder Sprach-Kunſt* (ALBERTUS 1573) перечисляются различные комбинации гласных, которые, по мнению автора следует считать дифтонгами. Эти комбинации автор делит на две группы: 1) удвоенные гласные («*diphthongi que conſtant ex ijſdem vocalibus, dupliciter immerdiate poſitis*») и 2) сочетания двух различных гласных («*diphthongi diuerſarum vocalium*»). К первой группе относятся *aa* («*Haar, Schaar, gaab*»), *ee* («*fchnee, wee, feel, meer*»), *ij* («*vrijcht, ijchten, Theologij*») и *oo* («*ſro[o]г*»). Некоторые из перечисленных сочетаний, по мнению Альбертуса, не всегда выступают в качестве дифтонгов. В частности, сочетание *ee* не является дифтонгом, если образуется на стыке морфем. Например, в двусложном слове «*geendert mutatum*» первый элемент этого сочетания относится к начальному слогу (*ge-*), а второй — к последующему (*-en-*).

Вторую группу образуют отдельные гласные и их различные сочетания: «*Sunt autem diphthongi â, ä, au, aw, ë, vel vsitator ei, ey,*

eu, ew, ie, ô, ow, ua, û, ü, û de quibus certo differemus ordine». Как видим, в составе этой группы встречаются истинные дифтонги в их различном написании и умлаутированные гласные. Их объединение в одну группу имеет своей причиной непоследовательность в определении того, что считать умлаутами, и в обозначении таковых. Что касается умлаутов, то в понимании Альбертуса они представляют собой сочетание «чистого» звука и *e* применительно к *â* и *ô*, или *i* применительно к *ÿ* и могут встречаться как в корневых словах (примитивах), так и в их производных. Альбертус, как отмечает Элиас Рейхард в *Verfuch einer Historie der deutschen Sprachkunst*, полагает, что дифтонги чужды природе немецкого языка и являются заимствованиями (REICHARD 1747: 43).

Онемеченный термин *Diphthong* в грамматике Альбертуса не встречается, поскольку его грамматический трактат в традициях своего времени написан на латыни.

Подход к оценке лингвистического статуса и определению состава дифтонгов у Альберта Элингера в *Underricht der Hoch Teutischen Sprach* мало чем отличается от позиции Альбертуса. Элингер предлагает две их классификации (ÖLINGER 1574: 2-3), разделяя дифтонги, с одной стороны, на собственные («*propriae*») и несобственные («*impropriae*»), с другой — на изменяемые («*mutabiles*») и неизменяемые («*immutabiles*»). Собственных дифтонгов у него восемь без учета орфографических вариантов (*ä* или *â*, *ö* или *ô*, *üe* или *ÿ* или *yo*, *ïe* или *ÿ*, *ai* или *ay*, *ei* или *ey*, *ay* или *aw*, *ey* или *ew*), несобственных — семь (*aa*, *ee*, *oo*, *ie* или *ye*, *oi* или *ou*, *oi* или *ow* или *ÿw*). К разряду изменяемых Элингер относит пять из перечисленных выше: *aa* (> *ä* или *â*), *ay* (> *ey* или *ÿy*), *üe* (> *ïe*), *ayw* (> *eyw* или *ÿyw*), *ÿew* (> *ïew*). Прочие дифтонги, судя по всему, неизменяемые.

Метаязыком описания грамматического строя немецкого языка у Элингера, так же как и у Альбертуса, выступает латынь.

3.2. Описание дифтонгов в немецких грамматических источниках XVII в.

В *Teutsche Orthographie Und Phrasfeologen* Иоганна Заттлера приводится определение понятия «*Diphthong*».

Durch zusammensetzung dieser Vocalen werden Diphthongi, das ift, zwifache fimm einer einigen Syblen, als der Diphthong â, find zwen Vocalen a und e, vnnd wirdt doch nur für ein Syblē gerechnet, wie zu fehen im Wort bāwriſch, gedächtniß, färben, gäch, etc. (SATTLER 1610: 10).

Термин *Diphthong* Заттлер использует в латинизированной форме во мн. ч. с окончанием, характерным для им. п. латинских существительных 2-го склонения. Вслед за Икельзамером, он отмечает такое качество дифтонгов, как способность образовывать один слог несмотря на возможность выявления в их составе двух элементов. Всего Заттлер насчитывает в немецком языке 13 дифтонгов, включая орфографические варианты, обусловленные диалектным членением немецкого языка, и умлауты: *ai, aw, eu, ew, ei, ey, ai, ie, â, ô, û, ui*. Дифтонги *ai, ay, ui*, по его мнению, встречаются редко. Это объясняется ограниченным географическим ареалом их распространения и, следовательно, нечастотным характером письменного употребления. К примеру, дифтонг *ai*, как отмечает Ольга Москальская, сохраняется в юго-восточной части Германии вплоть до XVIII в. и появляется в некоторых словах под влиянием латинской орфографии, в отдельных южнонемецких географических названиях и как средство различения омонимов (МОСКАЛЬСКАЯ 1959: 94).

Риттер Стефанус в *Grammatica germanica nova* к дифтонгам относит умлауты, употребляемые в отдельных формах множественного числа существительных («ftall — ftáll»), при образовании уменьшительных форм существительных («buch — büchlein»), степеней сравнения прилагательных («ftarck — ftårcker») и в формах imperfecti optativi сильных немецких глаголов («truge — trüge») (RITTER STEPHANUS 1616: 2).

Классификация дифтонгов у Стефануса не имеет четко выраженных принципов и критериев. Автор этой «новой» немецкой грамматики, соглашаясь с предшественниками в том, что дифтонг образует один слог («ex vocalibus confiantur diphthongi, quoties ſcilicet vim ſuam retinentes in unam ſyllabam coaleſcunt»), делит дифтонги, во-первых, на твердые и мягкие («duræ et molles»). Твердые, которые имеют более твердое и сильное звучание, включают *Au* или *Aw*

(fauer, Bawer), *Eu* или *Ew* (fewer, ewer), *Ei* или *Ey* (как в лат. «parteis, omneis»), *ai* или *ay*. Стефанус комментирует особенности произнесения этих дифтонгов: *ai* или *aw* произносятся как нечто среднее («fonus intermedius») между *a* и *u*, *ei* или *ew* представляют собой средний звук между *e* и *w*, *ei* и *ey* — средний звук между *e* и *i* или *y*, *ai* и *ay* — средний звук между *a* и *i* или *y*. Звуковая реализация дифтонгов *ei* и *ey* оказывается двойкой: не только /ei/, но и /ai/ (последний вариант встречается, к примеру, в числительных «einer, zwey, dreu»). К мягким дифтонгам, по мнению Стефануса, относятся умлауты, образуемые из простых гласных *a*, *o*, *u* с призвуком *e*, обозначаемым на письме соответствующей малой надписной буквой («e suprascriptum»).

Во-вторых, вслед за Элинггером, Стефанус классифицирует дифтонги на изменяемые («mutabiles») и неизменяемые («immutabiles»), однако иллюстрирует эту классификацию только на примере одного «изменяемого» дифтонга — *aw* (*au*), который в формах мн. ч. существительных трансформируется в *eu* («Hauß — Heufer») (ibid.: 6-7). Таким образом, как и у Элингера, изменяемыми считаются дифтонги, первый элемент которых, т. е. простая гласная, подвергается сужению в процессе создания форм слов.

Стефанус пользуется латинским эквивалентом термина *Diphthong*, допуская ошибку в написании — *diphthongus*.

Тилеман Олеарий в *Deutsche Sprachkunst* пользуется двумя терминами — латинизированной формой мн. ч. *Diphthongi* и немецким эквивалентом *zweifache Stimmen*. В тексте его трактата приводится определение понятия «Diphthong» и описываются особенности реализации дифтонгов в речи.

Aber das werden zwey lautende Buchstaben zusammen gezogen, vnd miteinander als einer ausgesprochen, vnd heissen Diphthongi als: ei, eu, au... Diefе follен nicht im Buchstaben genennet werden als zweene vnterfchiedene, e. i. e. u. a. u. fondern wie sie lauten, ei, eu vnd au (OLEARIUS 1630: 13).

В понимании Олеария дифтонг — это двугласный, воспринимаемый как один сложный неделимый звук; ср.: (REICHARD 1747: 80). Кроме того, набор дифтонгов несколько неожиданным для первой

половины XVII века образом сужается до трех двугласных (из него исключаются орфографические варианты) и таким образом качественно и количественно совпадает с набором современных немецких дифтонгов. Ни удвоенные гласные (Мейхснер, Малер, Альбертус, Эллингер), ни умлауты (Меланхтон, Мейхснер, Малер, Альбертус, Эллингер, Заттлер, Стефанус) в этот список не включаются.

Через 11 лет Юстус Георг Шоттель в *Teutsche Sprachkunst* возвращается к традиционному для своего времени описанию дифтонгов, которые он называет *Doppellaute*, в части включения в общий их перечень отдельных орфографических вариантов. Вместе с этими вариантами количество дифтонгов у Шоттеля доходит до десяти: *au, aw, âu, âw, eu, ew, ej, ei, aj, ai*. Дифтонг или, если дословно, «двоезвучие», по мнению Шоттеля, «...ift, wenn der Tohn einfilbiger weife verdoppelt wird: oder wenn man in einer Silben einen doppelten Tohn vernimt» (SCHOTTEL 1641: 198).

Автор вводит позиционные ограничения для базовых дифтонгических комбинаций *au, eu, ai*, отмечая, что они никогда не встречаются в конце слов, поскольку в этих позициях употребляются только *aw, ew, eu*, хотя вместо *u* иногда допустимо использовать *w*, если только это не приводит к изменению узуса в целом. Дифтонги *ai* и *aj* отличаются, по мнению Шоттеля, нечастотностью, встречаясь в немногих словах (ср. у Заттлера) (*ibid.*: 199).

Попутно заметим, что в 1663 г. в трактате *Aufführliche Arbeit von der Teutschen HauptSprache* Шоттель снова возвращается к описанию орфографических ограничений, касающихся дифтонгов *au, eu, ei* и *ej*. Первые два не могут и не должны писаться и произноситься как *aw* и *ew*, поскольку буква *w* не равнозначна обычной букве *u*. Употребление *w* в конце слова после дифтонгов *au* и *eu* еще менее соответствует нормам немецкой фонетики и грамматики и должно рассматриваться как ошибка. С Шоттелем согласен Иоганн Гюйнци, который также считает нежелательным употребление *w* в составе дифтонгов, поскольку в его понимании *w* — это согласный, который к тому же с фонетической точки зрения представляет собой «двоезвучие» («ein duppellautender») (GUEINZ 1666: 17).

Что касается употребления дифтонгов *ei* и *ej*, то первый, как

отмечает Шоттель, пишется в середине слова, а второй — в конце. Интересным представляет также его замечание относительно статуса буквосочетания *ie*, которое Альбертус, Элингер и Заттлер считают дифтонгом. Такая точка зрения, по утверждению Шоттеля, ошибочна, поскольку дифтонгическая реализация *ie* в речи противоречит правилам корректного верхненемецкого произношения. В качестве примера он приводит слова «*die, sie, wie*», в которых *ie* реализуется как монофтонг (SCHOTTEL 1663: 200).

Еще одной особенностью описания комбинаций гласных у Шоттеля следует назвать четкое различие дифтонгов и квазидифтонгических сочетаний, к каковым обычно относили удвоенные гласные и умлауты. Для первых Шоттель вводит термин *Langlaut*, под которым понимается звук, произносимый с некоторой протяжкой голоса с целью обозначить долготу такого звука и передаваемый на письме двумя гласными буквами (*aa, ee, oo*). При описании вторых он пользуется термином *Kleinlaut*, подразумевая под ним звуковую комбинацию, образуемую «самогласными» *a, o, u* и надписным *e*, которая произносится как один звук, но с меньшей степенью раствора («*mit einem geschöbelten Munde*») (ibid.: 201-202).

Филипп Цезен в *Hooch-Deutsche Sprach-übung* использует для описания дифтонгов термин *doppellautende* (ZESEN 1643: 63) и возвращается к практике включения в состав дифтонгов удвоенных гласных и умлаутов. Постулируемый им набор дифтонгических сочетаний включает *aa, á, au, ee, ei, eu, ey, ie, oo, ó, uu, ú*.

Иоганн Гирберт в *Die Deütsche Grammatica oder Sprachkunst* использует два термина для дифтонгов — «*Compositæ doppel lautende, Diphthongen genandt*» — и, подобно Элингеру, делит их на собственные («*Propriæ eigentliche*») и несобственные («*Impropriæ un-eigentliche, mit zweyen Püncklein obē gezeichnet*»). Из самих классификационных формулировок становится очевидно, что Гирберт считает дифтонгами умлауты *á, ó, ú*, которые, с его точки зрения, являются несобственными дифтонгами. В состав собственных дифтонгов он включает 12 дифтонгических сочетаний: *au, áu, aw, áw, eu, ew, ei, ey, ai, ay, ie, ui* (GIRBERT 1653: 3). Данный набор

практически полностью совпадает со списком дифтонгов, предложенных Заттлером, включая умлауты. Это отчасти объясняется тем обстоятельством, что оба автора описывают среди прочего южнонемецкий инвентарь дифтонгических звукосочетаний.

В грамматическом трактате Кристиана Пудора *Der Teutfchen Sprache Grundrichtigkeit, Und Zierlichkeit* упоминаются пять дифтонгов, которые автор именует *Doppellautende*. В их числе *au*, *äu*, *eu*, *ei*, *ai*. Никаких разъяснений по поводу их употребления не приводится. Отдельно Пудор упоминает удвоенные гласные (в терминологии автора — *Langlautende*), которые образуют обособленный класс буквосочетаний (PUDOR 1672: 1).

Последняя работа, относящаяся к XVII в., которая представляет интерес для исследования, принадлежит Иоганну Бёдикеру и носит название *Grund-Sätze der Deutfchen Sprachen im Reden und Schreiben*. В ней автор, подобно многим своим предшественникам, относит к дифтонгам (в терминологии автора — «*Diphthongos¹ aber/oder doppellautende*») умлауты, вместе с которыми весь список насчитывает 12 звуков и звукосочетаний: *ai* или *ay*, *ei* или *ey*, *oi* или *ou*, *ie*, *au*, *eu*, *ä*, *ö*, *ü* (BÖDIKER 1690: 6). Авторские комментарии касаются только некоторых из них. В частности, Бёдикер отмечает, что *eu* обычно ставится вместо *ei* в конце слова, а также настаивает на сохранении дифтонга *ie* в составе немецкого вокализма, полагая, что произнесение его как простого *i* свойственно только носителям диалекта, на котором говорят в Силезии и Мейсене (ibid.: 7).

3.3. Описание дифтонгов в немецких грамматических источниках XVIII в.

Иоганн Готтшед, рассуждая в *Beyträge zur critischen Historie der deutfchen Sprache, Poefie und Beredfamkeit* о буквенно-звуковом составе

¹ Склоняемые формы слова употребляются Бёдикером в соответствии с парадигмой второго склонения латинских существительных мужского рода, что свидетельствует о неполной грамматической ассимиляции этого греко-латинского заимствования. Ср.: им. п. ед. ч. ein Diphthongus, вин. п. ед. ч. einen Diphthongum, им. п. мн. ч. Diphthongos, дат. п. мн. ч. den Diphthongis.

немецкого языка, приводит следующую классификацию: 1) буквы, которые способны передавать как гласные, так и согласные звуки (имеется в виду буква *i*); 2) основные и дополнительные буквы (без конкретизации их звуковых значений) («Haupt- und Nebenbuchstaben»); 3) буквы, передающие на письме простые звуки и дифтонги («einfache oder Doppellaute») (GOTTSCHEID 1734, II: 480). Эта классификация интересна тем, что она проливает свет на позицию Готтшеда в отношении некоторых интересующих нас звуков и звукосочетаний, которые ранее с разной долей успеха пытались систематизировать его предшественники. В частности, Готтшед исключает из числа дифтонгов *ie*, считая конечный гласный письменным средством выражения долготы первого, которая обладает смыслоразличительной функцией. Вслед за *ie* Готтшед исключает умлауты, считая их дополнительными буквами, занимающими в силу своего звучания промежуточное положение между простыми гласными и дифтонгами. Не все стоящие рядом две гласные буквы, по его мнению, могут получать статус дифтонгов. Из этого следует, что причисление умлаутов к дифтонгам приводит к появлению трифтонгов («dreifachlautende Buchstaben») (например, *âu*, *eî*, *âi*), которых в немецком вокализме нет. Его определение дифтонга сводится к следующему: 1) это сочетание двух гласных букв (во всяком случае именно такое выражение дифтонг получает в письменной форме), 2) дифтонгическому буквосочетанию свойственно произнесение в быстром темпе, что обеспечивает слияние в речи звуков, передаваемых на письме соответствующими буквами.

Doppellaute find, wenn zweene felbftlautende Buchstaben zwar im Schreiben ausgedrûcket, aber in der Aussprache gefchwinder ausgeprochen, und gleichfam zufammen gefchmolzen werden (ibid.: 481).

Дифтонгами Готтшед считает буквосочетания *au*, *ai*, *ei* или *eu*, *oi*.

С учетом сказанного выше несколько неожиданной и, на первый взгляд, нелогичной, выглядит позиция Готтшеда по обсуждаемому вопросу, выраженная им спустя 15 лет в 1749 г. в *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*. Удвоение гласных или «уси-

ление» («Verftärkung») их за счет других гласных может приводить, по его мнению, к полному изменению их звучания, в силу чего возникают звуки, которые на слух воспринимаются как двойные («Doppellaute» или «doppelte Laute»). Скажем, ошибкой будет считаться несоблюдение долгого и протяжного произнесения /a/ в словах типа «Quaal, Maal», если при этом игнорировать удвоение корневого гласного. Кроме *aa* в перечень двойных звуков попадает, к примеру, умлаут *Ae*, произносимый наполовину как *a* и наполовину как *e*, дифтонги *ai* и *au* (GOTTSCHED 1749: 31). Объяснение этой «нелогичности», как представляется, заключается в том, что Готтшед применяет термин *Doppellaut* не только к собственно дифтонгам, но и к двойным гласным вообще, особенно, если иметь в виду один из способов отображения умлаутов на письме: *ae, oe, ue* вместо *á, ó, ú* или *ä, ö, ü*.

Несмотря на появление целого ряда грамматических трактатов, вышедших из-под пера авторитетных немецких лингвистов, выражающих точку зрения, близкую к современной трактовке понятия «*Diphthong*», традиция включать в число последних удвоенные гласные и умлауты демонстрирует в XVIII в. чрезвычайную устойчивость.

Так, Мартин Шванвиц в своей двуязычной немецко-русской *Teutsche Grammatica*, изданной в Санкт-Петербурге, к числу истинных дифтонгов, произносимых как один звук («in einem Tone»), добавляет их орфографические варианты, удвоенные гласные и умлауты, благодаря чему список дифтонгов расширяется у него до 16-ти: *aa, ee, oo, á, ó, ú, au, eu, ai, ei, ay, ey, oy, áu, áy, ie*. Для обозначения дифтонгов Шванвиц пользуется терминами *Zweyfach lautender* и *Diphthongus* (SCHWANWITZ 1745: 6).

У Иоганна Антесперга в *Die Kayserliche deutsche Grammatik* линейка терминологических наименований дифтонга включает четыре обозначения — *Diphthong, Diphthongus, gedoppelter Vocal, Doppellaut*, а количество тщательно пронумерованных звуков и звукосочетаний достигает 11-ти: *á, ó, ú, ai, au, ay, ei, eu, ey, ie, uy* (ANTESPERG 1747: 254, 256). Все они, по мнению автора, соответствуют приводимому им определению.

Ein Diphthong oder Doppellaut (Diphthongus) ist ein Buchstab, welcher aus zweien verschiedenen Vocalen zusammen gefetzt, und als eine Sylbe ausgesprochen wird (ibid.).

Первые три (умлауты) Антесперг называет полудифтонгами («Halbdoppellaute» или «Semidiphthongi»); они формируют группу «мягких» («weiche») дифтонгов, которые происходят от простых гласных *a*, *o*, *u*, встречаются в тех же позициях, что и эти гласные, выявляются в рамках словообразовательных и словоизменительных процессов и имеют не свойственное немецкому языку произнесение. Оставшиеся восемь относятся к «твердым» («harte») дифтонгам.

Дифтонг *ie* встречается во всех позициях в слове, но реализуется обычно как долгий монофтонг. В исходе некоторых слов, имеющих в формах множественного числа окончание *-ien*, он произносится как дифтонг. Дифтонги *ai*, *au*, *ei*, *eu*, *eu*, произносятся как латинское буквосочетание *ai*. Буквосочетания *oi* и *ou* Антесперг дифтонгами не считает, поскольку они соответствуют монофтонгу /o/ («Voigt / Vogt»), который в формах мн. ч. становится дифтонгом («Vögte»). При этом в том же абзаце автор все же называет их дифтонгами, которые встречаются в словах иностранного происхождения («Noim, Noya, Stoiker»). Так же обстоит дело с буквосочетанием *ou*, которое соответствует немецкому монофтонгу /u/ и является дифтонгом только в иностранных словах. Наконец, сочетание дифтонга *ä* и гласного *u* приводит к появлению трифтонга («Dreylaut / Triphthongus») (ibid.: 258, 262).

Генрих Браун в *Anleitung zur deutschen Sprachkunst* относит к дифтонгам («Diphthongen oder Doppellauter») 15 двухбуквенных сочетаний, которые при произнесении дают как бы («gleichfam») двойное звучание (BRAUN 1765: 14). Состав выделяемых им дифтонгов следующий: *ä* (*ae*), *ö* (*oe*), *ü* (*ue*), *ai*, *au*, *au*, *ei*, *eu*, *eu*, *ie*, *oi*, *ou*, *ou*, *ui*, *uy*. Из этого числа Браун исключает удвоенные гласные, называя такое удвоение столкновением двух гласных («wenn zweien Vocalen zusammenstoffen»), которые просто следует произносить с большей длительностью (ibid.: 16). Не совсем верно было, однако, применять термин *Zusammenstoß* (столкновение

гласных, хиатус) к удвоению гласных в односложных словах, поскольку они не распадаются на отдельные слоги, но именно такие слова Браун приводит в качестве примера («See, Meer, Haar»).

У Иоганна Хейде в *Regeln vom Schreiben, Reden und Verfemachen* в число дифтонгов («Doppellauter oder Diphthongen») входят *ai*, *au*, *ei*, *eu* и умлауты *â*, *ô*, *û*. Последние считаются дифтонгами при условии, если передаются на письме с помощью надписного *e*, поскольку раздельное написание *ae*, *oe* и *ue* дает совершенно иное звучание (HEYDE 1772: 3).

Исследование показывает, что Хейде был, пожалуй, последним известным немецким лингвистом XVIII в., который причислял умлауты к дифтонгам. Окончательную точку в этом вопросе поставил Иоганн Аделунг в своих сочинениях *Deutsche Sprachlehre* (1781) и *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache* (1782). Во второй из упомянутых работ автор приводит дефиницию термина, используя два традиционных синонимичных наименования.

Wenn zwey Hülfslaute mit einer und eben derselben Öffnung des Mundes ausgesprochen werden, oder vielmehr, wenn der Mund von einer Öffnung des Mundes unvermerkt und ohne Abfatz zur andern übergeht, fo entfeheth ein Diphthonge oder Doppellaut (ADELUNG 1782: 127).

Подробное описание движения артикуляционных органов при реализации дифтонгических звукосочетаний в речевом потоке свидетельствует о понимании дифтонга как сложного и разложимого на отдельные составные части звука, каковым, к примеру, не может являться умлаут, поскольку при изолированном произнесении последнего органы речи сразу становятся в положение, необходимое для произнесения простого, более узкого по сравнению с исходным гласным, звука, и не меняют его до конца артикуляции. Более узкая артикуляция умлаута, результатом которой является «средний звук» («Mittellaut»), как полагает Аделунг, сама по себе ничего не доказывает.

Впрочем, в отношении умлаутов и удвоенных гласных Аделунг высказывается вполне определенно.

Wenn man den oben gegebenen deutlichen Begriff eines Doppellautes nicht aus den Augen fetzt, fo wird man nicht in Gefahr geraten, aa, ee,

ie, und noch weniger ä, ö und ü für Doppellaute zu halten (ibid.).

Позднее в *Vollständige Anweisung zur Deutschen Orthographie* Аделунг называет причину, по которой умлауты ошибочно стали относить к дифтонгам — «нелепый» способ обозначения умлаутов на письме с помощью надписного *e*.

Die Sache ist keine Kleinigkeit, denn die obige alberne Bezeichnungsart hat zu dem Vorurtheile Gelegenheit gegeben, daß ä, ö und ü wahre Doppellaute sind, unter welchem Nahmen sie in den meisten Sprachlehren aufgeführt werden (ADELUNG 1788: 131).

К дифтонгам Аделунг относит *ai* или *ay*, *au*, *äu*, *ei* или *ey*, *eu*, *oi* или *ou*, а также редко встречающийся *ui* (здесь в качестве иллюстративного примера дается только слово «pfui»). Позиционные ограничения для дифтонгов, описываемые Аделунгом, не многочисленны и состоят в следующем: 1) дифтонги, оканчивающиеся на *-y*, пишутся только в исходе слов или слогов; 2) *oi* встречается только в именах собственных. Трифтонгов, возникновение которых некоторые лингвисты объясняли появлением умлаута в составе дифтонга, в немецком языке нет (ADELUNG 1782: 127).

Иоганн Гейнац в *Anweisung zur Deutschen Sprache* приводит лаконичное определение дифтонгов: «Zwei zusammengesprochene Selbstlauter heißen ein Doppellauter oder Diphthonge». Их, по мнению Гейнаца, всего шесть: *ai* (в произношении полностью совпадает с *ei*), *au*, *ei*, *eu*, *äu* (в произношении полностью совпадает с *eu*) и *oi* (HEYNATZ 1785: 114). Из числа дифтонгов Гейнац исключает: 1) *ie*, считая такое сочетание гласных письменным обозначением долготы гласного /i/; 2) *ow*, сочетание, встречающееся в некоторых именах собственных вместо *ou*, которое может иметь двоякое произнесение — /au/ или /o/; 3) *ay*, *ey*, *ou*, ненужность которых объясняется их фонетическим совпадением с дифтонгами *ai*, *ei*, *oi* (при этом еще более ненужными он считает искусственно изобретенные или выдуманные по невежеству («aus Unwissenheit») *äi*, *äu*, *öu*, *aü*, *eü*); 4) умлауты в различном их написании (например, *ü*, *ii* или *ue*), которые он называет простыми гласными, а также сочетание *ui*, которое он приравнивает к *ue* (ibid.: 115).

Иоганн Штуц, описывая в *Deutsche Sprachlehre* артикуляцию

дифтонгов, делает акцент на их слуховом восприятии.

Zwei Vocale können nie mit einer Oeffnung des Mundes ausgesprochen werden; der Mund kann aber von einer Oeffnung zur andern so schnell übergehen, daß zwei Vocale in der Aussprache, ohne einen Absatz zu machen, zusammen gezogen und doch beide gehört werden. Zwei solche Vocale heißen dann ein Doppellaut oder Diphthonge... (STUTZ 1790: 21).

Его список дифтонгов насчитывает семь основных обозначений и три орфографических варианта: *ai* (*ay*), *au*, *äu*, *ei* (*ey*), *eu*, *oi* (*oy*), *ui*. В отрицании дифтонгического статуса умлаутов Штуц полностью следует за Аделунгом (*ibid.*: 22-23).

В 1794 г. выходит в свет *Anweisung, die deutsche Sprache richtig zu sprechen, zu lesen und zu schreiben* (публикация не имеет авторства). В этом грамматическом сочинении дается определение дифтонгов, в целом отражающее точку зрения Аделунга и его последователей.

Ein Doppellaut find zwey Selbstlaute, bey deren Aussprache der Mund von einer Oeffnung ohne Absatz zur andern übergeheth, so daß man zugleich den Laut eines jeden höret. Doppellaute find: ai, ay, au, äu, ei, ey, eu (ANWEISUNG 1794: 10).

Тем же путем следует Йозеф Висмайр, который в *Grundsätze der deutschen Sprache* частично заимствует определение дифтонгов, сформулированное Аделунгом (WISMAYR 1796: 23). Висмайр говорит о пяти немецких дифтонгах («ein Doppellaut / Diphthong»): *ai*, *au*, *äu*, *ei*, *eu*. Трифтонги («Dreylaute / Triphthonge») он поэтично называет «грамматическими фантомами» («grammatische Gespenster»), которые «исчезли сразу после того, как занялась заря языковой критики» («...als die Morgenröthe der Sprachkritik anbrach») (*ibid.*: 24).

Георг Рот, поддерживая в *Systematische deutsche Sprachlehre* точку зрения Аделунга, приводит следующую номенклатуру дифтонгов («Diphthong oder Doppellaut»): *ai* (*ay*), *au*, *äu*, *ei* (*ey*), *eu*, *oi* (*oy*), *ui* (ROT 1799: 5). Заметим, что этот перечень полностью совпадает с набором дифтонгов, перечисляемых Штуцем, и в дополнительных комментариях не нуждается.

3.4. Описание дифтонгов в немецких лексикографических источниках XV—XVIII вв.

Анализ описаний дифтонга как лингвистического явления в лексикографических источниках представляет интерес с точки зрения номинационного разнообразия и эволюции семантики термина, отраженной лексикографическими средствами в словарях различных типов.

Вплоть до конца XVIII в. интересующая нас лексема встречается только в переводных словарях, основное различие между которыми заключается в количестве рабочих языков. По этой причине представляется целесообразным объединить все источники в две группы: 1) дву- и многоязычные переводные словари; 2) одноязычные толковые и грамматические словари.

1. Дву- и многоязычные переводные словари.

Первая лексикографическая фиксация термина отмечена в *Dictionarium latinogermanicum...* Петера Дасиподия (Хазенфраца). Термин в этом словаре в онемеченной форме встретился единожды как метаязыковое средство, использованное при описании диерезы: «Diærefis... Ein zerteylung, da ein Diphthong in zwo filbē getheylt wirt...» (DASYPODIUS 1537: 50 об.). Греко-латинский этимон *diphthongus* сопровождается немецким эквивалентом, который в словарной статье дается в составе дефиниции термина: «Diphthongus, Ein zweyfalter thon, so man zwen vocales zûfamē füget in ein fylbe» (ibid.: 53 об.). Дасиподий понимает дифтонг как двойной звук, образуемый при совместном произнесении двух гласных в составе одного слога.

В *Dictionarium Latino-Germanicum...* Петера Холина и Иоганна Фризиуса лексема *diphthongus* сопровождается определением «duæ uocales conglutinatae» и немецким переводом *Zweylutend* (HOLINVS & FRISIVS 1541: 281).

В *Teutsches Dictionariolum* Бернхарда Хойпольда встречается выражение *ein zweylautender Thon*, которое можно воспринимать двояко: и как определение лексемы *diphthongus*, и как ее немецкий эквивалент (HEUPOLD 1602: 118).

В словаре Натанаэля Дюэ *Dictionnaire François-Alemand-Latin* к

лексеме *diphthongue* обнаруживается немецкий перевод *Ein Doppellauter* (DÜEZ 1702: 351).

В *Dictionarium Quadrilingue* Альберта Молнара и Иоганна Беера дается следующее определение лексемы *diphthongus*: «Ein felblautender Buchftab, oder Zufamfügung zweyer Vocalium» (MOLNÁR & BEER 1708: 455).

Аналогичное определение встречается в пересмотренном и дополненном издании *Dictionarium Latino-Germanicum* Фризиуса: «Diphthongus, i f. zufamenfügung zweer Vocalium, oder felblautender Buchftaben» (FRISIUS 1750: 200).

В *The New and Complete Dictionary of the German and English Languages* Иоганна Эберса приведены два орфографических варианта термина: «Doppellaut, der Doppellauter. in Grammar, a Diphthong, as â, ô, û, ai, ay, au &c.» (EBERS 1796: I, 604).

Как видим, практически во всех приведенных примерах дифтонг, включая умлауты, рассматривается как сочетание (слияние) двух гласных букв в одном слоге.

2. Одноязычные толковые и грамматические словари.

В состав этой группы вошли три немецких словаря, увидевшие свет примерно в одно время.

В 1793 г. появился *Deutsches orthographifch-grammatifches Wörterbuch* Генриха Брауна, в котором в соответствии с типом словаря отсутствуют определения лексем, входящих в словник, но даются различные их написания: «Doppellaut der (Dyphtong)... vielf. die Doppellaute» (BRAUN 1793: 76); «Doppellaute, oder Doppellauter, Diphthongi» (ibid.: 322); «Diphthongi, die Doppellauter» (ibid.: 325). Очевидно, что в словарных статьях приводятся частично ассимилированная форма латинского слова *Dyphthong* и его немецкий эквивалент *Doppellaut* с двумя формами мн. ч. (*Doppellaute* / *Doppellauter*).

В *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart* Аделунга даются два варианта термина — *der Doppellaut* и *der Doppellauter*. Если в процитированном выше словаре Эберса оба этих варианта выступают в одном значении, то у Аделунга каждый из вариантов снабжен своей дефиницией. Сравнение со словарем Бра-

уна показывает также, что у Аделунга вариант *Doppellauter* не является формой мн. ч. Под первым (*Doppellaut*) понимается двойной звук или дифтонг, т. е. звук, состоящий из двух различных на слух гласных, которые произносятся одним произносительным усилием. На слух это сочетание двух гласных воспринимается как один звук. Аделунг излагает в словарной статье свою точку зрения на дифтонги, которая была высказана им ранее в *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache* (1782).

Второй вариант термина (*Doppellauter*) Аделунг трактует как буквенный знак (сочетание двух букв), передающий дифтонг на письме (ADELUNG 1793, I: 1520).

Карл Мориц в *Grammatisches Wörterbuch der deutschen Sprache* приводит три терминологических синонима — *Diphthonge*, *ein doppelter Laut*, *Doppellaut*, полностью солидаризируясь с Аделунгом в оценке лингвистического статуса дифтонга и отказывая в этом статусе умлаутам и удвоенным гласным (MORITZ 1794: II, 72-73). Всего Мориц выделяет шесть дифтонгов в составе немецкого вокализма: *ai* (*ay*), *au*, *äu*, *ei* (*ey*), *eu*, *oi*. Последнее дифтонгическое сочетание *oi*, по мнению автора, может быть исключено из списка, поскольку встречается в немецких словах так же редко, как и *ui* (*ibid.*: 74).

Полученные в ходе исследования данные для наглядности целесообразно обобщить в табличной форме. В целях экономии места все звукосочетания условно обозначены как дифтонги (см. Табл.).

Сопоставительный анализ данных таблицы свидетельствует о том, что, начиная с первой четверти XVI в., практически все лингвисты признавали наличие в составе немецкого вокализма дифтонгов *au*, *ei*, *eu*. Дифтонги *ai*, *ey*, выступая большей частью в качестве орфографических (диалектных) вариантов дифтонга *ei*, включались в состав дифтонгических звукосочетаний большинством лингвистов. Около половины лингвистов в период с середины XVI по третью четверть XVIII в. включительно полагали целесообразным приравнивать умлауты *â*, *ô*, *ï* к дифтонгам. Немногим более трети лингвистов причисляли к дифтонгам *oi* (с 1534 г.) и *äu* (с середины XVII в.) как орфографические варианты дифтонга *eu*.

Звукосочетание *ie* сохраняло свой дифтонгический статус в период с 1573 г. по 1765 г. Орфографические варианты *aw* и *ew* включались в число дифтонгов с 1573 г. по 1653 г. Звукосочетание *ui* получило статус дифтонга в 1610 г. и сохраняло его до конца XVIII в. Удвоенные сочетания гласных приравнивались к дифтонгам с 1541 г. по 1745 г. Прочие дифтонги, их орфографические варианты, а также квазидифтонгические звукосочетания обладают низкой частотностью.

3.5. Терминологические обозначения дифтонга

Немецкий вариант латинского термина *diphthongus*, который подвергся частичной ассимиляции, как было сказано выше, появляется в составе немецкого словарного фонда в форме женского рода (*dy*) *dyptonge* около 1400 г. в поэме *Die Minneburg*. Этот факт отмечен в *Frühneuhochdeutsches Wörterbuch* (Goebel & al. 1986: 5.2, Sp. 779). Родовая принадлежность термина, судя по всему, восходит к греческому этимону, который был двоякого рода ($\delta\acute{\iota}\phi\theta\omicron\upsilon\gamma\omicron\upsilon\varsigma\ \tau\acute{o}$ и $\delta\acute{\iota}\phi\theta\omicron\upsilon\gamma\omicron\upsilon\varsigma\ \eta$).

О частичном онемечивании греко-латинского термина можно говорить применительно к терминопотреблению, зафиксированному в грамматиках и грамматических трактатах Меланхтона (1524) — *die diphthongi* (им. п. мн. ч.), Мейхснера (1541) — *diphthongon* (им. п. ед. ч.), Заттлера (1610) — *Diphthongi* (им. п. мн. ч.), Олеария (1630) — *Diphthongi* (им. п. мн. ч.), Бёдикера (1690) — *Diphthongos* (им. п. ед. ч.), Шванвица (1745) — *Diphthongus* (им. п. ед. ч.), Антесперга (1747) — *Diphthongus* (им. п. ед. ч.). Начиная с середины XVIII в., неассимилированные греко-латинские обозначения термина практически не используются.

Наряду с этим полностью онемеченный термин *Diphthong* встречается в работах немецких лингвистов уже в 1534 г. (Икельзамер) и в дальнейшем постепенно утверждается в качестве полноправного элемента лингвистической терминосистемы. Им пользуются Дасиподий (1537), Малер (1561), Гирберт (1653), Антесперг (1747), Браун (1765), Хейде (1772), Браун (1793) в форме *Dyphotong*, Висмайр (1796), Рот (1799). Наиболее распространенная форма термина — *Diphthong*, которая пишется со строчной или

прописной буквы; иногда встречается параллельная форма *Diphthonge* мужского рода (Аделунг (1782), Гейнац (1785), Штуц (1790), Мориц (1794)).

Однако немцы не были бы немцами, если бы не стали тут же энергично изобретать собственные термины с аналогичной семантикой. Так, появились такие своеязычные терминологические дублиеты, как *duplirte stimmer* и *felbs Lautende* (Франк, 1531), *ain zwilautende silben*, *zwen laut büchstabē* и *ain zwifacher laut* (Икельзамер, 1534), *ein zweyfalter thon* (Дасиподий, 1537), *zweylutend* (Холин, Фризиус, 1541), *ein zweylautender Thon* (Хойпольд, 1602), *zwifache stimm*, *zweifache Stimmen* ((Заттлер, 1610; Олеарий, 1630), *Doppellaut* (Шоттель, 1641; Бёдикер, 1690; Дюэ, 1702; Готтшед, 1734; Антесперг, 1747; Аделунг, 1782; Штуц, 1790; Браун, 1793; *Anweisung...*, 1794; Мориц, 1794; Висмайр, 1796; Эберс, 1796; Рот, 1799), *Doppellauter* (Браун, 1765; Хейде, 1772; Аделунг, 1782; Гейнац, 1785; Эберс, 1796), *ein duppellautender*, *doppellautende* (*Doppellautende*) и *doppel lautende* (Цезен, 1643; Гирберт, 1653; Гюйнци, 1666; Пудор, 1772; Бёдикер, 1690), *Doppelthon* (Бёдикер, 1690), *ein doppelter Laut* (Мориц, 1794), *gedoppelter Vocal* (Антесперг, 1747), *ein felblautender Buchstab* (Молнар & Беер, 1708), *zweyfach lautender* (Шванвиц, 1745). Почти все эти дублиеты так или иначе отражали бивокалическую природу дифтонга как фонетического явления вне зависимости от того, что понималось под его составными частями — звук или буква.

4. Выводы

1. Первое употребление лексемы *Diphthong* в нетерминологизированной форме «*dyrtonge*» зафиксировано около 1400 г. в средневековой гейдельбергской рукописи *Die Minneburg*.

2. В грамматических сочинениях упоминание о дифтонге в статусе лингвистического термина зафиксировано в 1524 г. в грамматике Меланхтона.

3. Греко-латинское заимствование *diphthongus* с различной степенью ассимилированности немецким языком встречается в грамматиках и грамматических трактатах, начиная с первой четверти XVI в. вплоть до середины XVIII в.

4. Параллельно греко-латинскому термину с 1534 г. начинают употребляться полностью онемеченные терминологические варианты *Diphthong* или *Diphthonge*.

5. В первой половине XVI в. появляются немецкие терминологические дублеты, количество которых к концу XVIII в. доходит до двадцати, включая различные орфографические варианты. Наиболее распространенной и устойчивой дублетной формой является термин *Doppellaut*, представляющий собой структурно-семантическую кальку древнегреческого слова δίφθογγον (δίφθογγος) и входящий в современную терминологическую систему немецкой лингвистики (GLÜCK & al. 2000: 168). Подавляющая часть дублетных форм передавала бивокалическую природу дифтонга.

6. С первой четверти XVI в. и до конца XVIII в. количество дифтонгических и квазидифтонгических буквосочетаний, приравняемых к дифтонгам, в немецких грамматиках доходило до 46-ти. Практически все лингвисты в описываемый период времени признавали наличие дифтонгов *au*, *ei*, *eu* в составе немецкого вокализма. Около половины лингвистов в период с середины XVI по третью четверть XVIII в. включительно приравнивали к дифтонгам умлауты *á*, *ó*, *ú*. Удвоенные сочетания гласных ошибочно относились к дифтонгам вплоть до середины XVIII в.

7. Первый случай лексикографирования термина *Diphthong* зафиксирован в 1537 г. в двуязычном переводном словаре *Dictionarium latinogermanicum...* Дасиподия, который понимал дифтонг как двойной звук, образуемый при совместном произнесении двух гласных в составе одного слога. Такая трактовка в словарях этого типа сохранялась вплоть до конца XVIII в.

В грамматических и толковых словарях немецкого языка, появившихся в конце XVIII в., дифтонг описывался уже как сложный звук, состоящий из двух различных на слух гласных, которые произносятся одним произносительным усилием. Авторы словарей данного типа исключили из состава дифтонгов недифтонгические и квазидифтонгические буквосочетания, к кото-

рым ранее в числе прочего относились удвоенные гласные и умлауты. Теоретическим основанием для такого понимания дифтонгов, как представляется, послужили работы Аделунга.

© Иванов А. В.

3.4. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПАРОНИМОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИКИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ БЛИЗНЕЦОВ (английский и русский языки)

1. Введение

В начале XXI в. перевод как особая лингвистическая дисциплина пополнился рядом теоретических и практических работ, связанных с этимологическими и семантическими особенностями лексических единиц. Паронимы, как и антонимы, омонимы и синонимы являются частью лексической системы, где занимают особое место. Однако вопрос, касающийся перевода межъязыковых паронимов и их особенностей, до настоящего времени является открытым.

Главной причиной возникновения паронимов является изменчивость и сложность семантического значения слова: постоянное стремление конкретизировать, уточнять понятия, более полно отражать многообразие явлений. Причины появления паронимических явлений в лексической системе языка многообразны, однако многие лингвисты сходятся во мнении, что возникновение паронимов связано с внутриязыковыми процессами изменения значения слова.

Известный лингвист Г. А. Николаев отмечает, что в науке нет единого мнения по вопросу об определении понятия «паронимия». С его точки зрения, паронимия представляет собой своеобразный результат взаимодействия синонимии и омонимии (НИКОЛАЕВ 2009). Очень часто сходные по звучанию слова могут выступать в разных контекстах и как паронимы, и как омонимы, что свидетельствует о тесной взаимосвязи синонимии и паронимии в системе языка.

Межъязыковые паронимы — это слова двух или более языков, схожие по внешнему «облику», но различающиеся по семантике, небдуманное использование которых может привести к ошибкам в коммуникации между представителями разных культур.

В данной работе проводится исследование особенностей пе-

ревода межъязыковых паронимов с учетом их семантики и этимологии в современном русском и английском языках. В ходе исследования уточняется содержание таких понятий как «паронимия», «пароним», «межъязыковая пара», устанавливаются причины появления межъязыковых паронимов в английском и русском языках, а также уточняются особенности перевода данных единиц.

2. Материалы и методы исследования

Теоретическую основу исследования формируют работы известных лингвистов по проблематике формирования значений и смыслов, их особенностей и роли в построении смыслового пространства английского и русского дискурса О. В. Вишняковой, В. М. Лейчика, Г. А. Николаева, В. И. Красных, И. Б. Голуба, М. Liberman, W. V. Lockwood, G. Zuckerman и др.

Основными методами, использованными для решения поставленных задач, послужили методы системного лингвистического анализа, сравнительно-описательный метод, а также метод сплошной выборки, компонентный и семантический анализ.

Материалом исследования послужили словари паронимов русского и английского языков и корпусные исследования. Список словарей, используемых при написании данной работы, приведен в библиографическом списке.

3. Межъязыковые паронимы: определение, причины появления, классификация

3.1. Определение межъязыковых паронимов

Аристотель в своем труде *Категории* впервые предложил термин *пароним*, называя ими производные слова (АРИСТОТЕЛЬ 2015). Рассмотрение особенностей паронимов как особого явления, вопросы лексической паронимии становятся актуальными в эпоху активных языковых контактов и с бурным развитием сопоставительного изучения языков, т. е. в XX в. Однако до настоящего времени отсутствуют единый подход и единая методика изучения этого лингвистического явления.

Ученые предлагают различные определения паронимов. Так, О. В. Вишнякова в работе *Паронимы современного русского языка* предлагает следующее определение:

Близкие по звучанию однокорневые слова с ударением на одном и том же слоге, относимые к одному логико-грамматическому ряду — к одному роду (и виду, если это глаголы и их формы) — и выражающие различные смысловые понятия. Иначе говоря, слово паронимия может быть переведено как *возлеименность* или *возлесловие* (Вишнякова 1984: 38).

Исследователь утверждает, что особенностью паронимов является то, что это обязательно однокоренные слова с одинаковым ударением.

Схожий взгляд на проблему паронимов прослеживается в работе Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой, которые под паронимами понимают

слова, имеющие структурное (и, следовательно, звуковое) сходство, то есть паронимы — это однокоренные слова; при этом важно отметить, что паронимический ряд составляют родственные слова, принадлежащие к одной части речи, а также имеющие общие грамматические признаки (в частности, причастия и прилагательные) (Бельчиков & Панюшева 1994: 15).

А. Н. Гвоздев считает, что паронимы являются словами со сходным, хотя и не тождественным значением. Автор, как и многие другие ученые, подчеркивает важность паронимов для стилистического приема «игры слов» (ГВОЗДЕВ 1965: 48).

И. Б. Голуб и Д. Э. Розенталь отмечают, что ученые часто используют широкое понимание феномена паронимов, имея в виду все слова, которые звучат одинаково, независимо от того, имеют они один и тот же корень или нет (ГОЛУБ & РОЗЕНТАЛЬ 1993: 54).

Межъязыковая паронимия — это обозначение слова двух или более языков, которые ошибочно могут сопоставляться друг с другом только из-за внешнего сходства при условии различия в их значениях.

В. В. Акуленко определяет межъязыковую паронимию следующим образом:

К межъязыковым паронимам следует отнести слова сопоставляемых языков, не вполне сходные по форме, но могущие вызвать у

большого или меньшего числа лиц ложные ассоциации и отождествляются друг с другом, несмотря на фактическое расхождение их значений (АКУЛЕНКО 1969: 371).

Степень этимологического родства таких слов в языкознании обычно не определяется.

Э. А. Балалыкина пишет, что межъязыковые паронимы у родственных языков выражаются в первую очередь тем, что это деэтимологизированные слова, не усложненные дополнительной морфемой и легко модернизируемые до общего корня посредством исторических комментариев, которые чаще всего не имеют совпадающих ударений в словах. Однако большая часть внутриязыковых паронимов — слова производные от одной производящей основы (на основании общей морфемы) и с ударением на одинаковых слогах (БАЛАЛЫКИНА 1991: 55).

Ю. Н. Караулов использует термин *межъязыковые паронимы* для обозначения слов двух языков и более, которые могут неверно сопоставляться друг с другом по причине внешнего сходства при абсолютном различии в их значении (КАРАУЛОВ 1997: 327); при этом уровень «внешнего сходства» у межъязыковых паронимов не уточняется.

Обобщая, можно утверждать, что под *межъязыковыми паронами* или *межъязыковыми паронимами* понимаются этимологически однокоренные созвучные слова, принадлежащие в разных языках к одной и той же части речи и имеющие различия в употреблении и значении. Иначе говоря, межъязыковые паронимы — это формально и этимологически родственные слова, сходные по звучанию, но разные по смыслу и обладающие отличной друг от друга сочетаемостью в разных языках.

При всем своем сходстве паронимы имеют различия в семантической структуре, ярко наблюдаемые при межъязыковом сравнении. Семантическая структура помогает определить степень расхождения лексического значения и понять причины появления той или иной паронимической пары. Лексическое значение и семантическая структура слова тесно взаимосвязаны.

Н. И. Кондаков считает, что

значение — то, чем данный объект является для людей, находящихся в процессе житейской, эстетической, научной, производственной, общественно-политической и другой деятельности (Кондаков 19751: 56).

Следовательно, понятие «значение» имеет различные аспекты и по-разному определяется в зависимости от сферы деятельности человека.

Другое определение дает Л. А. Новиков:

лексическое значение — известное отображение предмета, явления или отношения в сознании..., входящие в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка... (Новиков 1982: 101).

Лексическое значение — более узкое понятие, потому что включает только главные признаки слова, предмета или явления, тогда как семантическая структура — более широкое. Семантика слова, возникшего в древнем языке, в родственных языках может развиваться по-разному. Следовательно, межъязыковые паронимы появляются в результате развития семантики однокоренных по происхождению слов, имеющих общий этимон, то есть из общего прототипа.

На протяжении исторического развития значения некоторых слов могут или сужаться, или расширяться. Иногда коннотативные значения слов могут меняться, а денотативные — оставаться неизменяемыми. Процесс исчезновения одного или нескольких значений является длительным и сложным. Результатом этого является изменение или утрата какого-либо толкования слова. Кроме того, в становлении нового значения слова играют роль социально-исторические условия развития данного коллектива (STEINMETZ 2008) и так называемая народная этимология (LOCKWOOD 1995), которая может быть и исторически необоснованной.

3.2. Причины возникновения межъязыковых паронимов

Появление межъязыковых паронимов, которые иногда называют «ложными друзьями переводчика», исторически является результатом развития первоначально однокоренных слов

параллельно в нескольких языках, а в отдельных случаях могут быть результатом произвольных совпадений. В родственных или близкородственных языках межъязыковые паронимы возникают на основе родственных слов, которые восходят к универсальным прототипам языков-основ.

Принято выделять четыре главные первопричины появления межъязыковых паронимов: первая причина — простое совпадение; независимое развитие двух или более языков является второй причиной; третьей причиной называют изменения значения слов, которые происходят при их заимствовании из языка-донора и приспособлении к особенностям языка-реципиента; четвертой причиной выступает параллельное заимствование.

Для нескольких разных языковых пар такие критерии как степень расхождения, количество и разделение «ложных друзей переводчиков» по частям речи сильно отличаются. Так или иначе, состав этих слов является примерно одинаковым для носителей в каждом сопоставляемом языке. Существуют только некоторые различия в отношении межъязыковой паронимии.

В русском и английском языках данные слова чаще всего являются прямыми или опосредствованными заимствованиями из какого-либо общего третьего языка. Намного меньше паронимов появилось как результат англо-русских языковых контактов: слова русского происхождения в английском языке или английские слова в русском.

3.3. Классификация межъязыковых паронимов

В российской лингвистике, как и в английской, существует несколько различных классификаций паронимов. Так, например, В. И. Красных выделяет:

...1) полные паронимы (имеющие разные значения); 2) неполные паронимы (являющиеся синонимами в отдельных значениях); 3) паронимы, являющиеся абсолютными синонимами (подобные пары рассматриваются нами как синонимы) (Красных 2010: 17).

Лексическое ядро паронимов составляют те из них, которые относятся к первой группе, а паронимы из второй и третьей групп — ее периферию.

О. В. Вишнякова в своей книге приводит структурно-семантическую классификацию паронимов, однако она не отличается последовательностью и базируется на разных основаниях.

Более надежный критерий для выделения всех типов паронимов предложил В. М. Лейчик. Он предлагает классифицировать все паронимы

по тому дифференцирующему лингвистическому признаку, который выдвигается на передний план на фоне главных признаков паронимии — различия семантики и сходства форм лексических единиц (ЛЕЙЧИК 2009: 139).

Важнейшим отличительным признаком является, по его мнению, словообразовательная структура слов-паронимов. В семантическом отношении среди паронимов обнаруживаются две группы: паронимы, различающиеся тонкими смысловыми оттенками и паронимы, резко различающиеся по смыслу: гнездо — гнездовье, дефектный — дефективный. Первые достаточно много, вторые представляют объективно малочисленную группу.

Особую группу паронимов составляют слова, которые отличаются функционально-стилевой закрепленностью или стилистической окраской, например, работать — сработать, жить — проживать (ГОЛУБ & РОЗЕНТАЛЬ 1993: 69).

В концепции Г. А. Николаева принципиальным отличием является распределение лексических паронимов на однокоренные и словообразовательные. Паронимы, образованные от разных однокоренных слов, являются однокоренными. К таким паронимам можно отнести следующие примеры: гневливый — гневный, яблоневый — яблочный. Созвучные слова, которые образованы от одной производящей основы, но с помощью разных словообразовательных средств, относятся к словообразовательным паронимам, например, гуманистический — гуманный, идеалистический — идеалистичный (НИКОЛАЕВ 2009: 50). Ранее ученые рассматривали лексические паронимы в целом, исследования Г. А. Николаева являются новым взглядом на проблемы паронимии.

Большинство исследователей различают паронимы только

по следующим параметрам: структурно-семантическим, морфологическим, словообразовательным. Все типологии паронимов не учитывают стилистические особенности единиц, причины возникновения и функционирования этого явления.

4. Особенности семантической структуры межъязыковых паронимов

В русском и английском языках насчитывается несколько сотен пар «межъязыковых паронимов». В большинстве случаев эти пары формируют слова следующих частей речи: имена существительные, глаголы, имена прилагательные и наречия. Чаще всего в роли паронимов выступают не единичные слова, а члены словообразовательных гнезд.

При использовании языковых паронимов говорящий или пишущий испытывает трудности, связанные с похожестью звучания и написания. Чтобы не сталкиваться с коммуникативным непониманием, нужно изучить семантику «межъязыковых близнецов».

Исходя из степени различия смысловой структуры, межъязыковые паронимы можно разделить на две группы:

а) полные межъязыковые паронимы, т. е. пары слов, значение которых полностью расходятся, например, *Antarctica* — *Антарктика*, *velvet* — *velvet* (анализ пар см. ниже);

б) неполные межъязыковые паронимы, т. е. пары слов, у которых совпадают несколько значений, но при этом присутствуют и отличительные элементы значений: *roman* — *romance*.

Наличие у слова нескольких общих значений при сходстве звучания является причиной автоматического переноса других значений иностранного слова на родной язык, у которого на самом деле это значение отсутствует. Разнообразие классификаций, явлений и свойств, которые характерны для каждого языка влияет на предметно-понятийное содержание ложно сопоставляемых русских и английских слов. Рассмотрим отдельные паронимические пары.

1. *Агония* — *agony*. В английском языке это слово означает широкое понятие, описывающее не только физические, но и ду-

шевные страдания. Если рассматривать значение этого слова точнее, то можно выделить следующие его определения: 1) 'предсмертные муки'; 2) 'душевная борьба, отчаяние'; 3) 'внезапное проявление чувств'; 4) 'физическая боль' (КРАСНОВ 2004: 8). *Агония* в русском языке означает только предсмертное состояние человека (ОЖЕГОВ & ШВЕДОВА 2004: 18).

2. *Роман* — *romance*. В русском языке слово *роман* имеет значение, сопоставляемое с такими словами как *новелла*, *повесть*, *фаскал*. Таким образом, это литературный жанр, отличающийся от других жанров степенью охвата отражаемых в произведении событий, происходящих в течении длительного отрезка времени. Однако слово *romance* используется в английском языке для того, чтобы обозначить женский или приключенческий роман, поэтическое или прозаическое повествование. Эквивалентом слова *роман* является слово *novel*. Это неполные межъязыковые паронимы, так как одно из значений английского слова совпадает с значением русского (КРАСНОВ 2004: 64).

3. *Госпиталь* — *hospital*. Слово *госпиталь* в русском языке означает 'военное лечебное учреждение, военный госпиталь, или ту больницу, которая в течении какого-то времени была закреплена за военным'; *hospital* — это 'любая больница: и военная, и гражданская'. От слова *hospital* образовался глагол *to hospitalize* 'госпитализировать', который приложим ко всем видам больниц (АКУЛЕНКО 1969: 155). Это неполные паронимы.

4. *Вельвет* — *velvet* являются полными межъязыковыми паронимами, потому что *вельвет* — это 'ткань с продольными рубчиками и густым ворсом', а *velvet* — это 'бархат, мягкая и гладкая ткань' (КРАСНОВ 2004: 75). Большое количество ошибок возникает из-за абсолютного созвучия данных слов и ассоциативности мышления.

5. *Медицина* — *medicine*. Слово *Medicine* имеет несколько значений: 1) 'лекарство, микстура (препарат, применяемый внутрь)'; 2) 'колдовство, магия'; 3) 'амулет или талисман'. Русское слово *медицина* имеет другое, более общее значение — оно включает совокупность всех наук для распознавания и лечения болезней. В

этой паронимической паре оба термина относятся к общей теме, медицине, и являются неполными межъязыковыми паронимами, их различие заключается в узком понимании одного слова и широком спектре другого (КРАСНОВ 2004: 47).

6. *Реплика* — *replica*. *Реплика* в русском языке имеет много значений: 1) ‘ответ, замечание собеседника на слова оппонента’; 2) (в театре) ‘последние слова актера, после которых должен начать говорить другой актер’; 3) ‘замечание или возражение с места касательно содержания речи рассказчика’; 4) ‘возражение на судебном процессе’; 5) ‘повторение в другой тональности музыкальной фразы’.¹ В английском языке *replica* обозначает ‘дубликат, копия’ (КРАСНОВ 2004: 62).

7. *Патрон* — *Patron* являются неполными паронимами. *Patron* имеет связь с экономическими и финансовыми отношениями и означает шефа или руководителя без присущей данному слову ранее официозности. Русский вариант слова ограничен исторической средой и обозначает ‘покровителя человека’ (КРАСНОВ 2004: 54).

Уровень семантических расхождений является неидентичным у разных частей речи, нестандартные примеры чаще всего можно встретить среди прилагательных и реже среди наречий. В словах таких словообразовательных гнезд, которые относятся к одной части речи, трудно выявить семантические расхождения.

Это можно проследить на примере пары прилагательных *абсолютный* — *absolute*, которые почти полностью совпадают в большинстве значений. Однако такие наречия как *абсолютно* и *absolutely* не всегда имеют одинаковое значение: *абсолютно* ‘законченный, неограниченный, безусловный, совершенный’; *absolutely* обозначает в разговорной речи ‘безусловно, несомненно, независимо и конечно’. Эта пара межъязыковых паронимов имеет значительные расхождения в семантической структуре.

Такое же расхождение можно заметить в паре *real* — *реальный*. *Real* чаще всего означает ‘подлинный, настоящий, каче-

¹ <https://lexicography.online/etymology>.

ственный’, а *реальный* — ‘существующий’; антонимом слова является слово ‘воображаемый’ (ОЖЕГОВ & ШВЕДОВА 2004).

Английское слово *to pretend* чаще всего переводится как *pretendовать* в зависимости от контекста, однако чаще всего оно означает ‘притворяться, делать вид, отговариваться, притязать, отваживаться на что-л., выдавать себя за кого-л.’ При переводе с русского языка для передачи слова *pretendовать* переводчики используют глаголы *to claim to, to aspire to* (КРАСНОВ 2004: 55).

Английское слово *solid* часто ложно ассоциируется с русским словом *солидный*, в то время как оно чаще всего используется для передачи таких слов как *стабильный, надежный, твердый, прочный* (ibid.: 68).

Realized в свою очередь ассоциируется со словом *реализовывать*, но чаще всего *realized* имеет значение ‘понимать, осознавать’ (ibid.: 60).

Следующие пары проанализированных межъязыковых близнецов при переводе имеют абсолютно разные значения: *лист* — *list*, *инсульт* — *insult*, *нервы* — *nervy*. Так, *лист* и *list* из-за полного сходства в написании и произношении этих слов часто считаются синонимичными, но многозначное русское слово *лист* может обозначать любую ‘тонкую, плоскую вещь, писчую бумагу или часть растения’, а *list* имеет значения ‘список, перечень, реестр’ (ibid.: 44). Английское *insult* нужно переводить как оскорбление и обида, в сфере медицины оно будет переводиться словами ‘повреждение, поражение, кровоизлияние’, следовательно, перевод слова *insult* как ‘инсульт’ будет неверным, так как *инсульт* в английском языке — это *cerebral crisis* (ibid.: 40). *Nervy* переводится как ‘самоуверенный, нервный, смелый, волевой, наглый’, и его часто путают со словом *нервы*, несмотря тот факт, что данные слова относятся к разным частям речи (ibid.: 50).

На основе анализа данных пар (*лист* — *list*, *инсульт* — *insults*, *нервы* — *nervy*) напрашивается вывод о сходстве звуковой формы и абсолютно разных значениях.

Периодически ошибки при переводе межъязыковых близнецов возникают при переводе терминов из сферы образования, к

примеру, при использовании пар *ассистент* — *assistant professor*, *аспирант* — *aspirant*, *факультет* — *faculty*, *студент* — *student*. Например, слово *aspirant* означает ‘претендент’ и ‘честолюбец’, в то время как *аспирант* — это ‘человек, с высшим образованием, который готовится к защите диссертации на соискание ученой степени’, что соответствует выражению *post-graduate* (*ibid.*).

Всего было проанализировано около 100 пар слов, которые были отобраны по словарям паронимов. Выбор пар для более подробного анализа (этимология и семантическая структура слова) осуществлялся произвольно. Из описанных в исследовании 10 пар межъязыковых паронимов только 2 пары являются полными. В остальных 8 парах паронимы являются неполными, значение их частично совпадает.

Общий анализ отобранных межъязыковых паронимов показывает, что 74% пар являются неполными паронимами (совпадает одно из значений); 26% паронимических пар являются полными паронимами. При этом с точки зрения частей речи в английском языке имена существительные составляют 78%, прилагательные — 3%, глаголы — 10%, словосочетания — 7%, наречия — 2%, что коррелирует с данными по русскому языку, где имена существительные составляют 66%, имена прилагательные — 7%, глаголы — 9%, словосочетания — 16%, наречия — 2%. Данный факт свидетельствует о превалировании среди межъязыковых пар наименований над процессами и характеристиками.

Подавляющее большинство паронимов обнаруживает общее происхождение — латинский язык, что подтверждается и словообразовательной структурой, к которой используются схожие суффиксы, к примеру -ор и -ог (*майор* — *major*, *лектор* — *lector*), -он и -оп (*патрон* — *patron*, *батон* — *baton*), а также -ант, -ент и -ant, -ent (*аспирант* — *aspirant*, *студент* — *student*), имеющие латинское происхождение по данным этимологических словарей. Слово было заимствовано напрямую или через язык-посредник, в роли которого выступают европейские языки (французский, немецкий, испанский, итальянский, польский), что сказывается и на

стилистической маркированности данных образований (тема отдельного исследования).

5. Особенности перевода межъязыковых паронимов

В практике перевода, лексикографии и в преподавании иностранных языков межъязыковые паронимические пары являются серьезной проблемой для понимания текстов. Трудности возникают из-за ложных ассоциаций при сопоставлении слов, которые обнаруживают сходство в написании и произношении. Во французском языке это явление называется термином *faux amis du traducteur* 'ложные друзья переводчика'. Для разных пар языков межъязыковые паронимы имеют разную степень расхождения по количеству и частеречной принадлежности, но в большинстве случаев состав этих групп является схожим.

В правильном восприятии паронимов помогают не только словари межъязыковых паронимов, но и классификации, направленные на разграничение «слов-близнецов». В. С. Слепович советует разделять межъязыковые паронимы на две группы: 1) лексемы, обладающие сходными написанием и произношением, но имеющие совершенно разное значение; 2) лексемы, которые совпадают лишь в одном или двух значениях с русскими словами, но расходятся в остальных (СЛЕПОВИЧ 2006: 38).

В. В. Акуленко в статье о «ложных друзьях переводчика» отмечает:

С первого взгляда может показаться, что «ложные друзья переводчика» <...> способны вводить, в заблуждение только людей, начинающих изучение языка и плохо владеющих им. В действительности, как отмечают исследователи, дело обстоит наоборот: основная масса «ложных друзей» оказывается опасной именно для лиц, уверенно и практически удовлетворительно пользующихся языком (АКУЛЕНКО 1969: 373).

По словам ученого, при использовании межъязыковых паронимов может ошибиться каждый: и опытный пользователь, и начинающий. При переводе межъязыковых паронимов необходимо обращаться к специальным словарям и учитывать ряд обязательных факторов, индивидуальную и национальную картину мира.

Искусное использование паронимов помогает автору верно и точно выражать свои мысли, потому что паронимы раскрывают основные возможности языка и помогают в передаче тонких смысловых оттенков: они усиливают двойственность речи, подчеркивают основные понятия, конкретизируют мысли. Часто писатели используют сходные по звучанию слова в каламбурах. Паронимы также периодически выступают яркими стилистическими средствами и помогают авторам выделять смыслы в контексте.

Они вызывают различные трудности при переводе как одного высказывания, так и целого текста. К таким трудностям можно отнести нарушение стилистического согласования слов или нарушения лексической сочетаемости. Частое смешение паронимов в речи, незнание лексического значения приводит к грубым речевым ошибкам. Результатом этого является искажение смысла и непонимание. Например, словосочетание «красивая и практическая обувь», где нужно употребить слово *практичная*.

Межъязыковые паронимы являются причиной ошибок в переводе текстов или в устной речи, что приводит к неправильному пониманию.

Трудность для говорящих или пишущих представляют лексические единицы, которые являются абсолютной противоположностью паронимам и обладают похожим значением и звучанием в разных языках. Здесь можно говорить о лингвокультурологических «словах-обманках», которые приобретают уникальное значение только в пределах одной культуры и одного языка, поэтому при похожем звучании и сходстве смысловых оттенков эти слова имеют значение, не сопоставимое или не соответствующее языковой системе.

6. Заключение

Паронимы — это большая группа слов, сходных по написанию и звучанию, но отличающихся по значению. Они подразделяются на три группы: 1) полные паронимы; 2) неполные паронимы; 3) паронимы, являющиеся абсолютными синонимами.

Межъязыковыми паронимами являются слова, сходные по

написанию и звучанию, но различные по значению в паре языков. Межъязыковые паронимы или межъязыковые близнецы представляют огромный интерес для ученых-лингвистов. Паронимия является причиной многих ошибок в устной и письменной речи. Поэты и писатели преднамеренно используют паронимы для создания комических ситуаций, что позволяет на любом языке добиться соответствующего эффекта.

Точные причины появления паронимов не известны, однако ученые выделяют четыре основные причины возникновения межъязыковых близнецов: совпадение, параллельное развитие нескольких языков, изменение значения слов при заимствовании, параллельное заимствование.

В русском и английском языке межъязыковые паронимы являются заимствованиями из общего третьего языка, например, множество русских и английских паронимов произошло от латинских слов. В ходе исследования было выявлено, что межъязыковые русско-английские пары, имеющие латинское происхождение, обнаруживают и параллелизм в словообразовательных элементах с учетом процессов уподобления.

Большая часть паронимов являются неполными паронимами. С морфологической точки зрения, основную часть русско-английских паронимов составляют имена существительные. Это объясняется тем, что значительная доля слов, относящихся к этой части речи, реализует функцию номинации. Именно поэтому субстантивные паронимические пары встречаются наиболее часто.

© Иванова Т. К.

3.5. ЦИФРОВАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА (на материале новых словарей английского языка)

1. Введение

В английской лексикографии за многовековую путь развития сложилась своя научная парадигма, которая включает основные вопросы теории и практики составления словарей. Это в первую очередь *лексикографическая форма словаря*, которая в Великобритании начиналась с глоссариев и конкордансов. Первые глоссарии включали минимум слов и давали грамматическую и этимологическую пометы входным единицам. Конкордансы к английскому переводу Библии также являлись дифференциальными по словнику и содержали выборочные цитаты из Священного писания.

Первым толковым словарем английского языка по праву считается словарь С. Джонсона. В его микроструктуру вошли все типы маркеров, а также многочисленные цитаты из произведений Чосера, Шекспира, Библии, призывавшие соотечественников следовать норме литературного авторитета известных английских поэтов и писателей. Так, в научную парадигму английской лексикографии вошли *предписывающие* и *регистрирующие* словари. Если первые рекомендовали соотечественникам норму употребления Чосера и Шекспира, то словари регистрирующего типа стремились отразить все слои лексики английского языка в толковом словаре английского языка.

Одновременно с толковыми словарями в английской словарной практике развивались и формировались сотни *специальных* словарей, фиксирующих и обрабатывающих отдельные группы слов: синонимы, фразеологизмы, термины, ономастическую лексику и другие, которые постоянно совершенствовались и составили золотой фонд национальной английской лексикографии (КАРПОВА 2010). Таким образом, в Англии сформировалась лексикография культурного наследия (*heritage lexicography*), объединившая толковые словари и специальные справочники, которые образовали новый раздел английской лексикографии — *лингвистические* и *эцик-*

лопедические словари различных типов, составляющих лингвистическую и культурную компетенцию нации.

Позднее, в XIX—XX вв. английские лексикографы стали разрабатывать свою систему подбора различного рода *источников* для общих и специальных словарей, создавать принципы составления словника (включая знаменательные слова в канонической, словоизменительной и словообразовательной формах, словосочетания и т. п.) и словарных статей, предлагая удобную для пользователя структуру справочников с рядом приложений, содержащих различные языковые и экстралингвистические материалы (имена собственные, сокращения, меры длины, тематические иллюстрации и т. д.).

Важными составляющими научной парадигмы английской лексикографии стала разработка удобной мега-, макро- и микро-структуры толковых и специальных словарей, которая включала богатый репертуар добавочной семантико-функциональной характеристики заглавных слов: все типы помет (грамматическую, стилистическую, экспрессивную, региональную, территориальную, статистическую и т. п.), делая толковый словарь все более информативным; удобный и лаконичный метаязык словарной статьи; доступные дефиниции (описательные, синонимические, отсылочные); новые способы подачи иллюстративных вербальных и графических иллюстраций.

В практике составления словарей английского языка всегда большое внимание уделялось *формату* и *объему* справочника. Вплоть до середины XX в. большинство словарей английского языка было представлено в печатной форме и различных объемах: многотомных (multivolume), сокращенных (concise) и карманных (pocket, gem) для удобства пользователей. Однако в условиях постоянно возрастающей конкуренции на рынке британских лексикографических услуг издатели и составители словарей английского языка разработали принципы *полиграфической семиотики*, т. е. новый дизайн обложки и приложений, различные способы расположения материала в словнике, цветовую гамму, подбор шрифтов и

определенных типов графических иллюстраций (картинок, фотографий, гравюр, диаграмм, таблиц и т. п.), которые привлекали к их справочникам все больше пользователей.

Если на первом этапе развития английской лексикографии пользователям предлагали готовые словари, постепенно составители словарей и издатели стали учитывать *запросы и нужды пользователя* при выборе словарей, что существенно изменило лексикографическую парадигму в сторону усиления роли читателей. Более того, изменился и сам профиль пользователя, который стал многонациональным в связи с интенсивной миграцией населения в Великобританию из Азии, Африки и других стран. Так постепенно менялась научная лексикографическая парадигма английской лексикографии, впитывая новые черты и веяния в языке, культуре и обществе.

Поскольку английский язык все больше завоевывал интересы многих народов, являясь языком межнационального общения, ученые из многих стран мира обратились не только к изучению опыта английской национальной лексикографии, но и внесли свой значительный вклад в исследование и создание лексикографических справочников различных типов для национальных групп пользователей. В этой группе исследователей ведущее место, безусловно, занимают и российские ученые, которые предложили модели новых словарей, а также новые способы регистрации и обработки различных слоев лексики, главным образом, в англо-русских и русско-английских словарях нового поколения (ШИЛОВА 2022: 174-180).

Новые находки в теории и практике привели современных лексикографов к многочисленным инновациям, которые сводятся не только к принципам построения словарей, но и качеству предлагаемых средств, связанных с интенсивным развитием новых технологий в обществе и, безусловно, нашедших отражение и в современной лексикографии (ДЕВЕЛЬ 2022: 188-191).

Задача настоящей статьи показать изменения, которые произошли и продолжают наблюдаться в английской лексикографической научной парадигме в эпоху цифровизации.

2. Изменения лексикографической парадигмы в цифровую эпоху

2.1. Терминологический аппарат современной английской лексикографии

Изменения в современной лексикографической парадигме отразились прежде всего в появлении новой терминологии, которая в XXI в. используется в статьях ученых и в словарных изданиях. С появлением новых направлений в английской лексикографии и интенсивной цифровизацией словарного дела, возникает необходимость в создании нового словаря лексикографических терминов, регистрирующих и обрабатывающих термины в англоязычной и западноевропейской лексикографии последнего времени. Так возник солидный четырехтомный труд, составленный международным коллективом известных лексикографов под названием *Wörterbuch zur Lexikographie und Wörterbuchforschung / Dictionary of Lexicography and Dictionary Research*, последний том которого опубликован в 2022 г. (WIEGAND, WEIßWENGER & al. 2022). Словарь является двуязычным и фиксирует немецкие и английские термины новой эпохи, а также представляет эквиваленты заглавных слов из других европейских языков.

В состав словника входит 13 тысяч заглавных слов. Первый том словаря посвящен описанию правил работы со справочником, в нем разъясняются принципы построения его мега-, макро- и микроструктуры, а также приводятся словарные статьи от А до С. Второй том включает словарные статьи под буквами D — K. Третий том наряду с входными единицами под буквами L — Z содержит различного рода приложения. Последний четвертый том для удобства пользователя предлагает набор индексов всех английских и немецких заглавных слов, зафиксированных в словаре, а также их эквивалентов из других языков.

Обращают на себя внимание новые термины, обозначающие изменения в цифровой лексикографической парадигме, например, современные направления в лексикографии:

- die kritische Wörterbuchforschung (Critical Dictionary re-

search), обозначающий не столько алгоритм лексикографического анализа принципов построения справочника, но скорее правила рецензирования словарей (dictionary reviewing) с точки зрения современного пользователя;

- die Internetlexikographie (Internet lexicography) — отрасль лексикографии, занятая составлением онлайн-словарей;

- die Musiklexikographie (Music lexicography), фиксирующая и обрабатывающая музыкальные термины;

- die Pädagogische Lexikographie (Pedagogical lexicography), которая заменила и расширила общепринятое понятие Learner's lexicography (учебная лексикография);

- die Sachgruppenlexikographie (LSP lexicography), называемая лексикографией для специальных целей (терминографией или терминологической лексикографией), фиксирующей термины из определенных предметных областей (страховой медицины, климата, охраны окружающей среды, электротехники, информатики, огнеборства и т. п.);

- die Sprachkontaklexikographie (Language contact lexicography), описывающая лингвистические контакты между представителями различных национальностей и многие другие.

Среди новых направлений в англоязычной лексикографии также обозначены партнерская (collaborative), междисциплинарная (interdisciplinary), волонтерская (volunteer), коммерческая (commercial) и др. С усилением междисциплинарных связей, современная лексикография активно сотрудничает с другими науками: информатикой, программированием, культурой, историей, терминоведением и т. д.

В словаре регистрируются и объясняются новые типы словарей, претерпевшие модификации структур в связи с изменением лексикографической парадигмы: das Sachwörterbuch (LSP dictionary), терминологический словарь; das Online-Wörterbuch (online dictionary), das polyfunktionales Wörterbuch (poly-functional dictionary), выполняющий различные функции; das poliakzessives Wörterbuch (poly-accessible dictionary), предлагающий различную маршрутизацию в словаре; новые типы сленговых словарей: das

Szenewörterbuch (dictionary of hip terms), das Sondersprachwörterbuch (jargon dictionary) и многие другие.

В словник также вошли технические термины из корпусной и онлайн-лексикографии: das Konkordanz (concordance), основная форма представления единицы корпуса; der Kotext (cotext) — словосочетания с заглавным словом; die lexikalsche Datenbank (lexical Database), лексический банк данных; der Textblock (Text Block) блок текста (отрывок), die Tokenisierung, разметка текста и тому подобная терминология.

Принятая в словаре новая поисковая система включает четыре поисковых маршрута (access routes), каждый из которых отвечает определенным запросам читателя. Маршруты А и В типичны для любого толкового словаря и направлены на получение любой справки по алфавиту. Наиболее оптимальным представляется поисковый путь С, который начинается с изучения библиографического раздела, где представлены ссылки на основные теоретические труды по определенной теме, привязанные к входной единице. Маршрут D делает ссылку к эквивалентам термина в других иностранных языках, что значительно повышает информационную ценность справочника.

Необходимо отметить, что словарь снабжен компакт-диском, который содержит все словарные статьи, а недавно начата работа над созданием его полного цифрового двойника, что сделает словарь легко доступным специалистам, усовершенствует и ускорит информационный поиск в словаре, позволит создать открытый словник, в который сами пользователи будут добавлять новые лексикографические термины. Более того, в последнее время в международных лексикографических кругах ведутся дискуссии о создании многоязычного терминологического лексикографического корпуса на восьми европейских языках, которые бы отражали изменения в современной лексикографии.

2.2. Задачи цифровой лексикографии

В последнее время вопросам цифровизации посвящается все большее теоретических исследований и научных мероприятий (ЛЕКСИКОГРАФИЯ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ 2021), *English Lexicography in the*

Internet Era (JACKSON 2018), *Electronic Lexicography* (GRANGER & RAQUOT 2012). Новые реалии цифровой лексикографии требуют глубокого осмысления и описания. В связи с этим возникает ряд новых проблем, которые необходимо решить в период перехода к новой лексикографической парадигме. Среди них отметим наиболее важные:

- инновационные лексикографические проекты, созданные на базе цифровых технологий;
- методологические принципы и авторские методики составления цифровых лингвистических, энциклопедических словарей и автоматизированных лингвистических баз данных;
- приемы и методы словарного описания различных языковых единиц;
- традиционные и инновационные форматы лексикографирования языковых фактов;
- проблемы создания территориальных (или диалектных словарей) и атласов, их научное и историко-культурное значение;
- практики и технологии конструирования общих и специальных электронных корпусов различных типов;
- технологии создания машинных корпусов языка писателей, политиков, философов и общественных деятелей;
- разработка учебных словарей нового поколения на различных носителях, ориентированных на обучение английскому языку (как родному, неродному и иностранному);
- использование цифровых и печатных словарей в качестве инструмента перевода с английского на иностранные языки;
- лингводидактический потенциал двуязычных справочников для представителей различных национальностей, изучающих английский язык как иностранный;
- отражение в словарях языковой картины мира носителей языка, лингвокультурных и социокультурных особенностей.

Как показывает практика, активные процессы в новой области английской лексикографии успешно осуществляются профессиональными лексикографами при непосредственном участии

программистов и профессионалов из других специальностей (ВОРОНЦОВА 2022: 187-193).

2.3. Англоязычные электронные корпуса

В условиях цифровизации важное значение приобретает *корпусная лексикография*, которая в новом веке достигла значительных результатов и успешно используется в практике создания толковых и специальных словарей, обеспечивая пользователю доступ к современному английскому языку в его живом функционировании. Использование языковых корпусов при составлении новых словарей английского языка значительно изменило и ускорило, а также сделало более объективным подход к регистрации и обработке материала (МАНИК 2022: 47-57).

Интересно отметить, что электронные корпуса строятся по принципу конкорданса, который, как указывалось выше, стал первой лексикографической формой в английской лексикографии (конкордансы к английскому переводу Библии), когда ключевое слово представляется центральной входной единицей, а его окружение включает контекст, окружающий заглавное слово. Все корпуса авторитетных толковых словарей английского языка: *British National Corpus* (для оксфордских словарей), *Bank of English* (для справочников серии Collins), *Longman Concordance* (для лексикографических продуктов издательства Longman) имеют многомиллионный состав слов. Языковые цифровые базы постоянно пополняются терминами, неологизмами, широко используются не только при составлении словарей, но и в научных исследованиях. Эти корпуса имеют открытый словник, позволяющий постоянно пополнять базы данных, что делает его особенно ценным источником языкового материала.

Необходимо отметить, что цифровая англоязычная лексикография успешно использует многовековой опыт печатной национальной лексикографии, обеспечивая надежность и авторитетность новых технологий создания словарей. Языковые корпуса постоянно совершенствуются, а на их основе создается широкий репертуар *специальных электронных корпусов*. Последние в большинстве своем являются тематическими и посвящены, главным

образом, терминам определенных предметных областей: медицины, экологии, кинематографа и т. п. (ШАМОВА 2022).

Английская терминологическая лексикография, включает огромное количество специальных словарей, регистрирующих и обрабатывающих термины из различных предметных областей (химии, физики, биологии, математики и т. д.), к которым в новом веке прибавились новые отрасли знания (логистика, климат с глобальным потеплением, страховая медицина и экономика и др.). За последние годы англоязычная терминография пополнилась одноязычными и двуязычными словарями различных форматов, многие из которых созданы профессиональными лексикографами совместно со специалистами из этих предметных областей. Такое разнообразие привело к развитию самостоятельных разделов специальной англоязычной лексикографии: политической, юридической, медицинской, туристической лексикографии, которые имеют представительный репертуар справочников разных типов.

Однако в эпоху цифровизации традиционный набор терминологических справочников оказался недостаточным, что привело ученых (специалистов) и пользователей (волонтеров) к созданию специальных терминологических корпусов (МНИК 2021: 75-105), где собраны термины определенной отрасли знания. Примером такого корпуса может служить весьма востребованный специалистами и переводчиками *Open Biomedical Corpora*.¹ Эти корпусы существенно дополняют печатные и электронные специальные словари, главным образом, терминологические. Таким образом, корпус и словарь становятся объективными и надежными источниками терминологического материала.

Наряду с терминологическими социальными корпусами развиваются и формируются базы данных по языку английских писателей, особенно Шекспиру, которые имеют удобную структуру и расположение языкового материала по определенным рубрикам и разделам. Как показывают запросы пользователей, наиболее попу-

¹ <https://github.com/openbiocorpora>.

лярным у исследователей творчества Шекспира являются электронные корпуса *Enhanced Shakespearean Corpus*² и *Shakespeare Drama Corpus*,³ где представлены переведенные в цифровую форму все шекспировские печатные энциклопедии и толково-энциклопедические словари ко всему творчеству и отдельным произведениям великого драматурга. Эти цифровые проекты имеют удобную маршрутизацию и значительно дополнили репертуар более чем ста шекспировских словарей, которые ведут свою историю с XVIII в. Как показывает практика, шекспировские электронные корпуса являются эффективным инструментом для различных новых исследований и широко востребованы различными целевыми группами пользователей во многих странах мира.

2.4. Антропоцентрический характер цифровой лексикографии

Необходимо отметить, что лексикографическая парадигма цифровой лексикографии сегодня во многом ориентирована на *запросы пользователей*, которые в настоящее время являются определяющим звеном англоязычного лексикографического дискурса, определяя ярко выраженный антропоцентрический характер современной лексикографии (КАРПОВА 2019: 178-193).

Во-первых, пользователи инициировали создание своих пользовательских онлайн-словарей, каким стал известный *Urban Dictionary*⁴ с открытым словником сленгового направления, который чрезвычайно популярен у международных читателей, изучающих английский язык как иностранный. Отметим, что если составители авторитетных толковых словарей английского языка прошлого века ориентировались прежде всего на принцип нормативности (т. е. академичность словаря), то в наше время читатели все более интересуются ненормативной лексикой и сленгом. Вот почему *Urban Dictionary* приобрел такую популярность у аудитории. Он постоянно пополняется примерами, собранными самими пользователями, что объективно отражает современные

² <http://corpora.lancs.ac.uk/esc-user-service>.

³ <https://dracor.org/shake>.

⁴ <https://www.urbandictionary.com>.

языковые изменения в английском языке.

Как известно, с целью совершенствования и удовлетворения запросов читателей по выбору словаря для конкретных целей авторитетные издательства Великобритании регулярно проводят опросы различных целевых групп пользователей через анкетирование: переводчиков, студентов, преподавателей и т. д. В последнее время на смену таким опросам пришла программа окулографии (*eye tracking*), позволяющая проследить количество обращений пользователей к конкретным словарям английского языка. Эти запросы внимательно анализируются издательствами и составителями словарей, что позволяет лексикографам обратить внимание на актуальные требования и нужды различных групп в зависимости от возраста, национальности, интересов и уровня знания английского языка.

Такие опросы показали живой интерес современных читателей к вопросам английской культуры, литературы и искусства, что привело к необходимости создания многочисленных специальных энциклопедий по литературе, культуре и истории Великобритании. Во многом это связано с *изменением профиля пользователя*, когда миллионы беженцев и иммигрантов наводнили Великобританию, и понятие носителя языка (*native speaker*) значительно изменилось. Новые англичане плохо знакомы не только с английским языком, но и с культурой страны. В связи с этим наблюдается запрос новых членов британского общества и на создание новых, культурно-ориентированных учебных словарей с усиленным культурологическим компонентом с понятным пользователю метаязыком. Чаще всего такие словари включают целые культурологические разделы (*cultural boxes*), что особенно привлекает новых пользователей, которых интересует лексикографическое описание культурно значимой лексики, а также заимствования из языков тех стран, откуда приехали иммигранты, что способствует сохранению их национальной идентичности.

Необходимо отметить еще одну новую черту цифровизации: наряду со старшеклассниками интерес к онлайн-словарям англий-

ского языка активно проявляют младшие школьники (и даже воспитанники детских садов!), начиная с самого раннего возраста. Так, в наше время активно создаются *словари английского языка для детей*, включающие большой набор, главным образом, иллюстрированных и иллюстративных справочников, где представлены богатые, профессионально выполненные графические иллюстрации, а также цитаты из сказок, баллад, шарад, пословиц и поговорок, стихотворений, песен и т. п. Таким образом, в цифровую эпоху формируется новый раздел английской лексикографии — *детская лексикография (children's lexicography)*, ориентированная на электронные и цифровые словари, которая привлекает всё больше специалистов — преподавателей, психологов, лексикографов.

3. Мирное сосуществование печатных и онлайн словарей в цифровую эпоху

3.1. Миграция в Интернет

Несмотря на продолжающееся активное составление англоязычных печатных справочников, в цифровую эру необычайно популярным стало перемещение авторитетных общих и специальных словарей в Интернет (HEUBERGER 2020: 404-416). Эту традицию начало известное английское издательство Macmillan, выпускающее популярный (особенно у иностранцев, изучающих английский язык как иностранный) учебный словарь *Macmillan Dictionary*.⁵ Его доступность, быстрое получение запрашиваемой информации, уникальные возможности онлайн-словаря привели к мысли о перемещении в Интернет и лексикографических продуктов других авторитетных издательских домов Великобритании, а за ними и издательств Франции, Германии, Нидерландов.

В Интернете появились серии цифровых аналогов общих и специальных словарей других авторитетных британских издательств: *Cambridge Dictionaries Online*⁶ и *Collins English Dictionary*,⁷ а

⁵ <https://www.macmillandictionary.com>.

⁶ <http://dictionary.cambridge.org>.

⁷ <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>.

также словари из серии *Oxford English Dictionaries*,⁸ включая учебные словари из ряда *Oxford Learner's Dictionaries*,⁹ завоевавшие еще более широкую международную читательскую аудиторию.

Интернет-словари стали называть *электронными, компьютерными, онлайн-* и *Интернет-справочниками*, а раздел, занимающийся их созданием, получил название *онлайн-лексикографии*, открыв новую страницу в современной английской и мировой лексикографии.

Результаты социологических опросов пользователей из разных стран, а также недавно сформировавшееся в современной англоязычной лексикографии направление *рецензирование словарей* (*dictionary reviewing*) подтверждают постоянно возрастающий интерес читателей к использованию онлайн-словарей английского языка различных типов. Эти вопросы регулярно обсуждаются на конгрессах Европейской ассоциации лексикографов (ЕВРАЛЕКСа), озабоченной смещением интереса к онлайн-справочникам, которые, к сожалению, не всегда являются надежными ресурсами, а чаще всего — ненормативными.

Проблемы создания и использования онлайн словарей вызвали оживленную дискуссию на последних конгрессах ЕВРАЛЕКСа в 2020 г. (GAVRILIDOU & al. 2020), а особенно в 2022 г. в Германии (KLOZA-KÜKELHAUS & al. 2022). Здесь было предложено ежегодно проводить международные лексикографические семинары по использованию печатных и цифровых словарей (по темам: *Dictionaries and Society* и *Dictionary Use*), на которых обсуждаются вопросы выбора и использования словарей для конкретных практических и исследовательских целей в различных странах мира.

Наличие большого количества печатных словарей для общих и специальных целей, которые английская лексикография накопила за время своего многовекового существования, а также появление словарей на компакт-дисках, в Интернете и цифровых

⁸ <https://en.oxforddictionaries.com/english>.

⁹ <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

двойников (dictionaries counterparts) создали новые возможности для существования и использования печатных и электронных словарей в различных ситуациях. Причем новые типы справочников отличаются модификацией их мега-, макро- и микроструктуры. Их составители стали включать в корпус культурологические и экстралингвистические материалы, повысившие информационный потенциал словарей нового поколения.

В поисках получения быстрой и оптимальной справки, лексикографы пришли к необходимости совершенствования не только принципов построения справочников и изменения традиционных словарных жанров, расширению лексикографического пространства, но и оптимизации информационного поиска, т. е. совершенствования маршрутизации в каждом типе словаря. Решению этих вопросов посвящены многие новые теоретические труды по электронной и цифровой лексикографии, которые опубликованы в последнее время. Среди них *Electronic Lexicography* (GRANGER & RAQUOT 2012), *Electronic Lexicography in the 21st century* (KOZEM & KUHN 2019), *Is Digital Always Better? Comparing Two English Print Dictionaries with Their Digital Counterparts* (FERRET & DOLLINGER 2021: 66-91) и другие, которые широко обсуждаются в настоящее время лексикографами во многих странах (HARGRAVES 2020: 207-218).

Совместно с Европейской ассоциацией лексикографов создаются цифровые профессиональные организации, такие как, например, союз специалистов по электронной лексикографии (E-lexicography), которые на своих симпозиумах обсуждают исследования и новые цифровые лексикографические проекты в сфере Интернет-лексикографии с использованием крупного сегмента компьютерных технологий, что определяет ее приоритеты в проектировании инновационных типов общих и специальных словарей английского языка XXI в. Интересно отметить, что несмотря на различную национальность все авторы указанных трудов едины во мнении: и печатные и электронные словари английского языка имеют право на существование. Они широко используются многомиллионной аудиторией как носителей языка, так и иностранцев, изуча-

ющих английский язык. При этом следует признать, что предпочтение молодые пользователи все же отдают онлайн-справочникам на различных электронных носителях.

3.2. Словари культурного наследия

В эпоху цифровизации изменяется и лексикографическая парадигма словарей культурного наследия (*heritage lexicography*), которые являются трансляторами культурного кода нации. Совершенствуются принципы составления словарей, расположение языкового материала в мега, макро- и микроструктуре, а нередко меняется и сама тематика словарей пословиц, цитат, языка политиков и писателей для определенных групп пользователей (ДЕВЕЛЬ 2022а: 206-213). Примером может служить новая серия словарей Шекспира, посвященных отражению лингвокультурного мира великого писателя, оказавшего огромное влияние на формирование английского литературного языка.

Среди словарей такого рода, изданных в последнее время, можно назвать *Dance Lexicon in Shakespeare and His Contemporaries* (СНИАМБЕЛЛА 2021) и *The Cambridge Companion to Shakespeare and War* (ЛОЕВЕНШТЕЙН 2021). В этих толково-энциклопедических справочниках описываются определенные группы лексики, которые символизируют различные явления и процессы Елизаветинской эпохи. С течением времени многие аспекты шекспировского творчества отдаляются хронологически от современных читателей, поэтому современные лексикографы и лингвисты все чаще обращаются к созданию словарей названий растений, птиц, животных, оружия, пищи, праздников, произведений искусства, танцев и других лексических групп, позволяющих проанализировать символизм и значение этих слов, сыгравших значительную роль в шекспировском словотворчестве.

Сформировавшаяся в новом веке тенденция привлечения к составлению различного рода словарей специалистов из других смежных наук, внесла свой весомый вклад в изменение современной лексикографической парадигмы, придав писательским и другим специальным справочникам дополнительные междисципли-

нарные черты. Примером служит интересная новая серия терминологических словарей Шекспира: военной, морской, религиозной, музыкальной, юридической, медицинской и иной лексики, автором которых стали театральные деятели, которые стремятся к аутентичности при постановке пьес драматурга (АЛХАСТОВА & КАРПОВА 2020). Такие словари надежны, содержат важную информацию и, безусловно, являются эффективным инструментом анализа языка и стиля художников слова для современных исследователей.

Появление новых типов шекспировских словарей в цифровую эпоху способствовало модификации ранее изданных печатных справочников и применению новых лексикографических характеристик при создании комбинированных цифровых словарных трудов, объединяющих лучшие черты печатных и онлайн словарей языка писателей, значительно укрепивших статус писательских справочников нового поколения.

3.3. Специальные словари и цифровые проекты

Подобная ситуация складывается и в терминографическом пространстве английской лексикографии (КАРПОВА 2019: 179-180). Следует подчеркнуть, что в последнее время специальная лексикография существенно обновила технологии и методики лексикографирования терминологических единиц, объектом которых становятся термины разных предметных областей. С течением времени многие терминологические словари сформировали самостоятельные направления, как, например, медицинская с авторитетными толковыми терминологическими словарями и самым известным в медицинских кругах специальным словарем *Meriam-Webster Medical Dictionary*,¹⁰ предназначенным для врачей и пациентов.

В цифровую эпоху значительное внимание получает описание терминов не только из фундаментальных областей, но и особо актуальных для современного общества отраслей знания (BUENDIA-CASTRO 2020: 40-72). Особенно выделяются в этом отношении термины окружающей среды (bilingual and multilingual

¹⁰ <https://www.merriam-webster.com/medical>.

online environmental knowledge resources). Обращение ученых-экологов и профессиональных лексикографов к составлению словарей, фиксирующих и описывающих эти термины, способствуют развитию отдельной отрасли английской терминографии — *лексикографии окружающей среды (environmental lexicography)*.

Наряду с этой областью знания большое внимание уделяется сегодня лексикографическому описанию англоязычных терминов климата в условиях глобального потепления (global warming terms), которые фиксируются, главным образом, в разнообразных по объему и лексикографической обработке входных единиц онлайн-глоссариях и толковых словарях. Среди них наиболее часто используются *The Climate Dictionary*,¹¹ а также *Global Change Glossary*.¹² Эти глоссарии составляются как специалистами из области климатических исследований, так и волонтерами, которые интересуются данной темой.

Несмотря на мнение противников постоянного использования онлайн-словарей в практике обучения английскому языку продолжается создание различного рода *цифровых лексикографических проектов*. Особенно активно они составлялись во время пандемии, когда появились пользовательские проекты, посвященные описанию терминов. Среди них наиболее известный и включающий лексику не только из английского языка, но и многих других иностранных языков — цифровой проект COVID-19,¹³ содержащий глоссарий терминов. Его материалы широко используются на лингвистических конференциях, в том числе, в многочисленных онлайн-форумах как источник языкового материала (КАРПОВА 2022: 289-290).

Этот международный проект, безусловно, является междисциплинарным, поскольку его составители — это медицинские работники, пациенты, ученые и другие группы участников-волонтеров. Глоссарий имеет открытый словник и регулярно пополняется но-

¹¹ <https://www.climatedictionary.com>.

¹² <https://www.globalchange.gov/climate-change/glossary>.

¹³ <https://languages.oup.com/covid-19-language-resources>.

выми терминами из медицины, биохимии, биологии, эпидемиологии, психологии и т. д. Важно и то, что проект предлагает языковой материал из других иностранных языков, формируя ряд двуязычных глоссариев: англо-немецкого, англо-русского и др. На сегодняшний день этот цифровой проект является, пожалуй, самым надежным источником терминов из области пандемии (КАРПОВА 2022: 291-293).

Не менее актуальным стал цифровой англоязычный проект по терминам дистанционного обучения *Distant Learning Terminology Project*,¹⁴ которое пришлось ввести во многих странах мира в связи с пандемией. Начинаясь с небольшого количества терминов, он благодаря стараниям международных пользователей значительно обогатился английской терминологической лексикой и стал источником знаний как для преподавателей, так и студентов, для которых удаленное обучение постепенно стало привычным. Проект включает терминологический глоссарий базовой лексики *Glossary of Online Learning Terms*¹⁵ со словником, который открыт для новых терминов.

Глоссарий регистрирует и обрабатывает наиболее частотные англоязычные термины: *distance education, interactive multimedia, online learning, video conference, virtual classroom* и многие другие, которые постепенно вошли в профессиональный обиход преподавателей и студентов (КАРПОВА 2022: 290-295). Микроструктура глоссария предлагает пользователю широкую экстралингвистическую информацию, которая сейчас все чаще появляется в специальных, главным образом, терминологических и учебных словарях.

Цифровые англоязычные лексикографические проекты создаются и специалистами из различных предметных областей. Это, например, тематический проект, посвященный экологической тематике: *EcoLexicon*,¹⁶ а также проект, включающий психологическую английскую лексику позитивного направления: *The*

¹⁴ <https://www.elearners.com/education-resources/what-is-distance-education>.

¹⁵ <https://thelearningcoach.com/resources/online-learning-glossary-of-terms>.

¹⁶ <http://ecolexicon.ugr.es/en/index.htm>.

Positive Lexicography.¹⁷

Таким образом, современная английская лексикография во времена цифровизации обогатилась большим количеством волонтерских лексикографических проектов, существенно расширив рамки традиционной лексикографии до *reference science*, т. е. науки о составлении справочных изданий. Стали создаваться не только привычные специальные и общие справочники, но и новые географические атласы для путешественников, указатели улиц, отелей, достопримечательностей, связанных с именами известных личностей, в основе которых лежат принципы, традиционно использовавшиеся при создании лингвистических и энциклопедических словарей английского и других языков. Эта тенденция особенно ярко проявилась во время пандемии, когда миллионы людей оказались в закрытых пространствах и вынуждены были искать для себя занятия, занимаясь разработкой разных проектов. Так сформировалась еще одно новое направление в английской лексикографии — *лексикография для удовольствия (lexicography for fun)*, включающая составление словарей анаграмм и кроссвордов.

Среди современных цифровых лексикографических проектов, безусловно лидирует весьма актуальное направление: создание *словарей для мобильных телефонов (apps-dictionaries)*, завоевавшее в первую очередь молодую аудиторию. В связи с этим необходимо заметить, что эпоха новых Интернет-словарей на мобильных телефонах оказала влияние непосредственно на саму тематику новых цифровых лексикографических проектов, которые отличаются широким жанровым разнообразием и предназначены для детей.

Среди справочников английского языка на этом носителе выделяются авторитетные толковые словари английского языка, переведенные в цифровую форму, как например, *Apps Oxford Dictionaries*,¹⁸ которые содержат все толковые и специальные окс-

¹⁷ <https://hifisamurai.github.io/lexicography>.

¹⁸ <https://www.mobisystems.com/ru-ru/dictionaries/?from=&to=Select&brand=Oxford&sort=asc>.

фордские словари. Причем запрашиваемую справку можно получить из любого лексикографического продукта этого издательства. Большой выбор предоставляется пользователям среди учебных словарей для изучающих английский язык как иностранный для разных целевых групп с различным уровнем владения английским языком (*beginners, intermediates, advanced learners*), например, *Apps dictionaries for young learners*.¹⁹

Следует отметить, что составлением словарей на английском цифровом рынке заняты не только междисциплинарные коллективы специалистов, но и сами пользователи, что дает возможность быстро и квалифицированно создавать новые типы справочников. Словари для мобильных телефонов, несомненно, внесли свой неопределимый вклад в изменение лексикографической парадигмы цифровой эпохи и значительно обогатили способы и методы лексикографической разработки входных единиц, дополнив их инновационными мультимедийными характеристиками.

4. Заключение

Английская национальная лексикография накопила богатый исторический опыт создания печатных лингвистических и энциклопедических справочников различных типов и объемов. Толковые словари для общих целей, представленные авторитетными издательствами Cambridge и Oxford заложили надежную основу для составления специальных словарей: лингвокультурных, языка писателей, терминов различных предметных областей и т. д.

В эпоху цифровизации общества, которая сказалась и на создании современных словарей английского языка, изменился сам вектор развития словарной науки. На передний план вышли ее междисциплинарный характер, который объединил в процессе создания словарей нового поколения профессионалов из других наук: информатики, психологии, педагогики, терминоведения, истории, культуры и т. д. Наряду с профессиональной лексикографией стре-

¹⁹ <https://kids.wordsmyth.net/we>.

нительно развиваются новые направления в цифровой англоязычной лексикографии: онлайн-, волонтерская, коммерческая, партнерская, лексикография для удовольствия. Разрабатываются принципы рецензирования словарей, которые активно используются для изучения запросов и нужд разных целевых групп пользователей словарей английского языка.

Наряду с созданием новых печатных словарей наблюдается активное перемещение авторитетных справочников английского языка в Интернет, что приводит к изменению традиционной и созданию цифровой лексикографической парадигмы:

- видоизменяются и интегрируются лексикографические формы, в которых представлены англоязычные словари;
- многие справочники снабжаются компакт-дисками;
- появляются цифровые аналоги известных толковых и специальных словарей английского языка;
- предлагаются новые способы маршрутизации и оптимизации информационного поиска;
- вводятся новые мультимедийные характеристики и другие инновационные способы лексикографической обработки входных единиц;
- основой толковых и специальных словарей становятся общие и специальные электронные корпуса, которые имеют открытый словник, постоянно пополняются и совершенствуются;
- наряду с терминологическими корпусами формируются самостоятельные направления в специальной англоязычной лексикографии: туристическая, медицинская, политическая, юридическая, климатическая, охраны окружающей среды и др.

Основополагающим моментом современной парадигмы лексикографии является ее ярко выраженный антропоцентрический характер, когда с помощью социологических исследований и окулографии постоянно изучаются нужды и требования современных целевых групп читателей к новым словарям английского языка с учетом уровня образования и знания английского языка, национальности, возраста, социального статуса, что позволяет

выявить предпочтения читателей при выборе словаря для конкретных практических и исследовательских целей.

Значительно изменили подход к созданию словарей авторы справочников английского языка для мобильных телефонов, завоевывающие рынок лексикографических услуг в последнее время. Их аудитория быстро расширяется, привлекая самых молодых пользователей, школьников и студентов. Их доступность, быстрое получение справки, мультимедийные достоинства, удобный интерфейс и информативная мегаструктура ставят эту группу справочников на лидирующие позиции как среди носителей английского языка, так и людей, изучающих английский язык как иностранный.

В эпоху развития новых информационных технологий в английской лексикографии растет интерес к составлению словарей культурного наследия, которые являются хранителями культурного кода нации. Появляются новые типы печатных и электронных писательских словарей, среди которых терминологические и толково-энциклопедические справочники, в особенности востребованные читателями и исследователями, поскольку отдельные лексические пласты лексики ранее не изучались так глубоко, как в этих словарях, включая писательские.

Можно предположить, что в ближайшем будущем английская лексикография будет развиваться и совершенствоваться, впитывая новые веяния в языке и культуре. Будут создаваться новые печатные и онлайн-словари различных типов, среди которых электронные справочники, безусловно, окажутся наиболее востребованными благодаря своим инновационным характеристикам. В лексикографическую деятельность сегодня вовлечены лексикографы и пользователи не только Великобритании, но и многих стран мира, в том числе России, где традиция лексикографических исследований имеет глубокие исторические корни.

© Карпова О. М.

3.6. СЕМАНТИКА ЦВЕТА В КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ¹

1. Введение

Среди основных направлений лингвистики начала XXI в. выделяются исследования, ориентированные на изучение единиц, вербально эксплицирующих национальное мышление, обусловленное историко-культурными и природно-климатическими особенностями жизни народа. Такие научные поиски нацелены на решение актуальных вопросов взаимосвязи языка и мышления, а также смежных с ними — языка и общества, языка и культуры, основанных на антропоцентрической природе процесса общения, которая позволяет распознать в знаках языка национально-культурную специфику вербализации информации (ВЕЖБИЦКАЯ 1996; КУБЛЯКОВА 2004; ЛЕВИЦКИЙ 2016; ТЕР-МИНАСОВА 2008а; ТЕР-МИНАСОВА 2008б). Именно язык выступает основным носителем культурных кодов как ценностей и регулятором общественных отношений в сознании представителей разных этнических сообществ.

Познание национально-культурных особенностей культурных кодов посредством цветообозначений является важным условием для успешного взаимопонимания в рамках межкультурной коммуникации. Цвет, являясь одной из характеристик мира, в котором мы живем, воспринимается как осознанное зрительное ощущение, неразрывно связанное с мышлением. Человек пытается понять смысл цвета и декодировать скрытую с его помощью информацию. Поскольку восприятие человеком цвета и окружающего мира взаимосвязаны, система цветообозначений представляет собой важный фрагмент в языковой картине мира любого этносообщества.

¹ Работа выполнена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Мы пользуемся термином *лингвоцветовая картина мира* (АЛЫМОВА 2007; ДЖАЛИЛОВА 2016; ПЕРФИЛОВА 2022; ТИМОФЕЕВА 2003) для представления этически маркированной системы цветообозначений, которая реализуется с помощью отдельных лексем и эксплицируется в рамках языковой картины мира. Колористическая лексика — одна из важнейших составляющих национальной языковой картины мира, которая характеризуется символической насыщенностью и образностью, выступая неким эмоциональным фоном речевого высказывания.

Американские ученые Б. Берлин и П. Кей (BERLIN 1969: 22), изучая этимологию цветообозначающей лексики в различных языках мира, определили универсальный инвентарь системы базовых цветономинаций, состоящий из одиннадцати основных названий цветов — *белого, черного, красного, зеленого, желтого, синего, коричневого, фиолетового, розового, оранжевого и серого*. Проанализировав языки местных жителей и эмигрантов, американские исследователи предложили идею о поступательном разворачивании системы цветových категорий, которая выглядит следующим образом. Существует семь уровней развития, отражающих последовательность закрепления каждого цвета в ментальной и языковой системах членов этносоциума. Более поздние уровни включают все предыдущие. На низшем, первом уровне, члены этносоциума выделяют только два базовых цветообозначения: *белый* и *черный*. Первичность бинарной оппозиции *белого* и *черного* не вызывает сомнений: изначально человеческая жизнь регулировалась двумя факторами — дневным светом и ночной тьмой. На втором уровне появляется третий цвет — *красный*. На третьем — пятом уровнях добавляется *зеленый, желтый* и *синий* соответственно. Седьмым цветом, который распознаётся обществом и фиксируется в национальной языковой картине мира является *коричневый*, а следующий уровень, седьмой, характеризуется появлением сразу четырех цветов — *розового, оранжевого, фиолетового* и *серого*. Все современные индоевропейские языки, по мнению Б. Берлина и П. Кей, находятся на именно этом уровне.

Б. Берлин и П. Кей (ibid.: 6) формулируют четыре критерия,

необходимые для включения цветообозначения в группу «основных цветоименований»: 1) моноксемность (непроизводность слова); 2) сигнификация (семантика цветоименования не должна совпадать с уже существующей); 3) функционирование (отсутствие ограничений, связанных с модификацией узкого класса объектов); 4) конвенционализация (опознаваемость или «психологическая выделяемость» информантами).

Выявление особенностей вербализации базовых компонентов цветовой гаммы в нашем исследовании реализуется на материале 200 английских народных сказок (BRIGGS 1991; JACOBS 1890; BRIGGS & TONGUE 1964; RIORDAN 1987), которые маркируют наивную картину мира носителей языка и занимают особую нишу в лексической системе. Народные сказки как элемент фольклора начали складываться в эпоху синкретичного мышления человека, то есть мышления, отличающегося неразделенностью, единством восприятия разных по своей сути предметов действительности. Следовательно, сказки сохраняют следы древнего, наивного взгляда человека на мир, являясь надежным источником синкрет, в данном случае — цветовых.

Ввиду отсутствия единства в терминологическом обозначении цветовой лексики в лингвистике и во избежание стилистического единообразия в исследовании в качестве синонимов используем термины *цветообозначения*, *цветоименования*, *цветонаименования* и *колоронимы*.

2. Результаты и обсуждение

Цветообозначение *pink* ‘розовый’, находясь на последнем уровне иерархии развития цветообозначений, согласно теории Б. Берлина и П. Кэя, относится к базовому, но мы рассматриваем его как оттеночное, поскольку цветовое значение *pink* ‘розовый’ не является первичным и определяется исключительно относительно других базовых цветов: *pink* — the colour between red and white (Collins Online Dictionary)² ‘розовый — цвет между красным

² <https://www.collinsdictionary.com>.

и белым'. Кроме семантических особенностей данного цветообозначения, отмечаем единичный фрагмент его употребления (*some were dressed in white, and some in blue, and some in pink* 'одни были одеты в белое, другие — в синее, а некоторые — в розовое') в английской сказочной картине мира на фоне обширного эмпирического материала. Случаи использования цветообозначений *purple* 'фиолетовый' и *orange* 'оранжевый' в языке английских сказок не зафиксированы. Таким образом, в нашем исследовании анализируются особенности вербализации восьми базовых цветов (*white* 'белый', *black* 'черный', *red* 'красный', *yellow* 'желтый', *green* 'зеленый', *blue* 'синий', *brown* 'коричневый' и *grey* 'серый'). Анализ количественных данных позволяет сделать вывод о доминантности красного цвета (30 цветообозначений — 25%). Области черного (22 цветообозначения — 18.33%) и белого (19 цветообозначений — 15.83%) также значимы. Практически равное соотношение имеют зоны зеленого (12 цветообозначений — 10%), желтого (11 цветообозначений — 9.17%) и коричневого (11 цветообозначений — 9.17%). Последнюю ступень занимают наименее важные участки — серый (8 цветообозначений — 6.67%) и синий (7 цветообозначений — 5.83%) цвета.

Для англичан в давнюю эпоху естественной точкой референции базовых цветов являются следующие природные феномены: *red* → *blood* 'кровь'; *black* → *coal* 'уголь' и *night* 'ночь'; *white* → *milk* 'молоко'; *green* → *grass* 'трава'; *yellow* → *sun* 'солнце' и *gold* 'золото'; *brown* → *ground in spring* 'земля весной'; *blue* → *ocean* 'океан' и *sea* 'море'; *grey* → не зарегистрирован прототипический объект. Серый цвет интересен тем, что в отличие от других базовых цветов, которые А. Вежбицкая (ВЕЖБИЦКАЯ 1996: 231-291) связывает через зрительные категории с определенными универсальными доступными человеку образцами-моделями (*красный* — *кровь*, *желтый* — *солнце*, *зеленый* — *растительный мир*, *синий* — *небо*, *белый* — *день* и *черный* — *ночь*), он, по данным нашего исследования, лишен модели, составляющей его основную точку референции. Этот цвет занимает скорее промежуточное положение между черным и белым.

Лексические единицы *white, black, red, yellow, green, blue, brown* и *grey*, характеризующиеся семантической независимостью, обобщающим значением и эмоционально-оценочной нейтральностью, имеют статус универсальных наименований соответственно *белого, черного, красного, желтого, зеленого, синего, коричневого* и *серого* цветов в языке английских народных сказок.

Номинации базовых цветов в картине мира английских народных сказок отличаются: 1) высокой / низкой частотностью; 2) эксплицитно / имплицитно выраженной семантикой цвета; 3) наличием прямого / переносного значения; 4) аксиологической маркированностью; 5) наличием оттенков и 6) тематической представленностью.

2.1. Частотность цветообозначений

Важность определенного цвета детерминирована не только номинативной плотностью цветообозначений, но и их востребованностью для его экспликации. Проведенный анализ позволил выявить частотность, т. е. количество словоупотреблений (СУ) каждого базового цвета в формировании лингвоцветовой картины мира англичан в давние времена. Ядро лингвоцветовой картины английских народных сказок составляют номинации *черного* (131 СУ — 25.14%) и *белого* (101 СУ — 19.39%). Околоядерную зону формируют наименования *красного* цвета (81 СУ — 15.55%). Ближняя периферия цветового пространства английских народных сказок конституируется наименованиями *зеленого* (59 СУ — 11.32%) и *коричневого* (57 СУ — 10.94%). Наименее частотными являются номинации *желтого* (38 СУ — 7.29%), *серого* (36 СУ — 6.917%) и *синего* (18 СУ — 3.46%), формирующие дальнюю периферию лингвоцветовой картины английских народных сказок.

Самыми востребованными цветообозначениями являются *black* — 92 СУ (17.66%) и *white* — 72 СУ (13.82%). Доля цветономинаций, которые были упомянуты единожды, составляет 11.95% (62 номинации). Цветообозначения, упомянутые дважды и трижды, насчитывают 42 лексические единицы (8.1%). Таким образом, суммарное количество 1-3 СУ составляет 20.05%, что позво-

ляет констатировать однообразие цветономинаций для характеристики мировосприятия англичанами в давние времена.

2.2. Эксплицитно / имплицитно выраженная семантика цвета

Базовые цвета выражаются эксплицитно, путем прямого называния (*white fur* 'белый мех', *a black dog* 'черная собака', *red apples* 'красные яблоки', *yellow wild roses* 'дикие желтые розы', *green grass* 'зеленая трава', *bluebottles* 'васильки', *a brown pitcher* 'коричневый кувшин', *grey stone* 'серый камень') или имплицитно, посредством вербальной экспликации предмета, имеющего характерный цветовой признак, закрепленный в культурном коде этноса на уровне традиции (*milk* 'молоко', *snow* 'снег', *soot* 'сажа', *blood* 'кровь', *gold* 'золото', *fir-trees* 'ели', *sky* 'небо', *rust* 'ржавчина', *silver* 'серебро').

В английских сказках белый цвет является единственным, который, кроме номинаций с эксплицитно и имплицитно выраженной семантикой цвета, актуализируется также посредством лексем-ассоциаций: *Christmas* 'Рождество' → *winter* 'зима' → *snow* 'снег' → *white* 'белый'.

2.3. Прямое / переносное значение

В английских народных сказках базовые цвета *white*, *black*, *red*, *yellow*, *blue*, *brown* и *grey* реализуются в прямом (*a dress of white satin* 'платье из белого атласа', *a thimbleful of black ashes* 'кучка черного пепла', *red cap* 'красный колпак', *yellow wild roses* 'дикие желтые розы', *blue ocean* 'синий океан', *brown calves* 'телята коричневого окраса', *a grey cloak* 'серый плащ') и переносном (*white face* 'бледное лицо', *to be black in face* 'быть смуглым', *his wife as red as a turkey-cook* 'его жена покраснела, как индюк', *yellow silken hair* 'светлые шелковистые волосы', *a bowl of blue* 'миска обезжиренного молока', *brown face* 'смуглое лицо', *pale grey* 'бледный') значениях.

Проведенный анализ не зафиксировал употребление зеленого цвета в переносном значении в английской сказочной картине мира.

2.4. Аксиологическая маркированность

Цвет является важной аксиологической характеристикой жизненного пространства человека и содержит дополнительную информационную нагрузку, закодированную в содержательной

структуре того или иного цветоименования.

В английских народных сказках цветообозначение *red*, в отличие от оттенков, маркируется аксиологически отрицательно: *a red nose* 'красный нос' (нос стал красным из-за непослушания), *a red glare* 'красный блеск' (из-за ярости).

Цветообозначение *black* — это цвет-знак, который чаще всего ассоциируется с негативом: тьмой, смертью, трауром, болезнью или потусторонним миром. Для носителей английского языка аксиологическая нагрузка цветообозначения *black* связана преимущественно с отрицательными эмоциями: *a black mark* 'черная метка', *a black fiend* 'злодей', *a black and grim rider* 'мрачный наездник, одетый в черное'. Негативная перцепция *черного* цвета может усиливаться с помощью прилагательных-интенсификаторов *fierce* 'свирепый, злобный' и *wicked* 'злой': *a large, black fierce looking dog* 'большая черная собака со свирепым взглядом', *wicked glinting black eyes* 'злой блеск в черных глазах', *black looks and fierce words* 'косые взгляды и злобные слова'. Усиливают негативную коннотацию цветообозначения *black*, подчеркивая его деструктивизм. Речь идет в первую очередь о номинациях с нецветовой семантикой, связанных со смертью и потусторонним миром: *black coffin* 'черный гроб', *black enchantment* 'колдовство', *black impet* 'чертенок', *black magic* 'черная магия', *black venom* 'яд, злоба'.

Положительная перцепция *черного* цвета в английских народных сказках обусловлена внешними данными объекта, проявляясь посредством единичных примеров: *the strangest hunter's horse was a splendid creature, black as night and its eyes gleamed like the brightest stars, with unnatural luster* 'конь странного охотника был великолепным существом, черным как ночь, с глазами, блестящими как самые яркие звезды, горящими неестественным блеском'.

В английских народных сказках *белый* цвет олицетворяет красоту (*smooth white skin* 'гладкая белая кожа'), роскошь и богатство (*dressed in white silk* 'одетая в белый шелк', *golden fringe of her white dress* 'золотая бахрома ее белого платья', *white horse with gold and silk* 'белый конь, украшенный золотом и шелком'). Цветообозначение *white* в случае маркера положительной оценки объекта,

как правило, специфицирует прилагательные *fine* 'красивый' и *beautiful* 'прекрасный': *a fine white marble monument* 'красивый памятник из белого мрамора', *a beautiful young lady, all in white* 'прекрасная молодая леди, одетая в белое с головы до ног'. Однако в ряде контекстов *белый* цвет является маркером отрицательности. Семы 'бледность' и 'потусторонность' актуализируют его негативную перцепцию: *white face amazed with fear* 'белое от ужаса лицо', *white skin (ghost)* 'бледная кожа (у привидения)'.

В английской сказочной картине мира *зеленый* цвет имеет неоднозначную аксиологическую маркированность: как положительную (*a beautiful green robe* 'красивое зеленое платье'), так и отрицательную, подчеркивая внешность сверхъестественных существ (*the mermaid's sea-green eyes* 'у русалки глаза были цвета морской волны').

Желтый, как и большинство других базовых цветов, вместе с положительной (*yellow silken hair* 'светлые шелковистые волосы') имеет и отрицательную коннотацию, символизируя неэстетичность (*the smoke has changed the colour [of the wall] to a dirty yellow* 'дым превратил цвет [стены] в грязно-желтый', *a yellow dowdy* 'неряшливо одетый в желтое').

Синий цвет характеризуется неоднозначной аксиологической маркированностью: положительной (*a beautiful damsel in a blue and gold robe* 'красивая девушка в сине-золотом платье', *if everything round about you turns blue I have beaten the Old One* 'если все вокруг станет синим, я победил старика' (злой дух)) и отрицательной (*a bowl of blue* 'миска обезжиренного молока'), обозначая недостаточно хорошее качество продукта.

Коричневый является одним из маркеров темной цветовой гаммы. Именно эта «темнота» обуславливает в языке английских народных сказок отрицательный характер номинаций *коричневого* цвета, связанный с результатами процессов интенсивной жарки и окисления: пережаренные продукты (*overbaked* 'пережаренный'); коррозия, разрушающая металл (*sword all brown with rust* 'оружие, полностью порытое ржавчиной'). Темный, не загорелый, цвет кожи также имеет отрицательно-оценочный характер,

обозначая в народных сказках части тела сверхъестественных существ: *brown skin* ‘коричневая кожа’, *brown face* ‘коричневое лицо’, *brown hands* ‘коричневые руки’.

Для англичан цветообозначение *grey* номинирует непопулярный, эмоционально ненасыщенный цвет, в семантике которого выявлен негатив: семы ‘чужой’, ‘непохожий’ о дүхах — *a grey man (a miserable looking little man [...] of elfish origin)* ‘человек с сероватым цветом кожи (маленький, жалкий человек [...], эльф)’; сема ‘болезненный’ — *pale grey* ‘бледный’; сема ‘старый’ — *grey hair* ‘седые волосы’, хотя зарегистрированы и нейтрально-оценочные номинации (*grey herons* ‘серые цапли’, *grey stone* ‘серый камень’) для обозначения объектов природы.

2.5. Наличие оттенков

Колоронимы ярко и образно передают особенности цвета как культурно-языкового кода определенного этноса, который формируется в разных исторических и географических условиях. Оттеночные цветообозначения отражают национальное своеобразие мировоззрения, заложенного в языке и вытекающего из ментальных и культурных особенностей этноса, его создавшего; детализируют и уточняют систему базовых цветообозначений, вызывая особый интерес в связи с их широкой лексической валентностью, т. е. способностью модифицировать значительное количество предметов, явлений, состояний и свойств, выраженной интенсивностью окраски, многоцветием, многочисленными возможностями их метафорического осмысления. Репрезентативность оттеночных цветообозначений в лингвоцветовой картине английских народных сказок представлена в таблице.

Таблица. Номинативная плотность оттеночных цветообозначений в английской сказочной картине мира

№	Базовый цвет	Оттеночные цветообозначения	
		Абсолютное количество (ед.)	Относительное количество (%)
1	<i>red</i> ‘красный’	26	32.1
2	<i>white</i> ‘белый’	12	14.81
3	<i>black</i> ‘черный’	11	13.58

3.6. Семантика цвета в картине мира английской народной сказки

4	<i>yellow</i> 'желтый'	10	12.35
5	<i>brown</i> 'коричневый'	9	11.11
6	<i>grey</i> 'серый'	5	6.17
7	<i>green</i> 'зеленый'	4	4.94
8	<i>blue</i> 'синий'	4	4.94
	Итого	81	100.0

Оттенки характеризуются либо наличием в своей структуре базового компонента (*dark red* 'темно-красный', *red rosy* 'насыщенно-розовый', *milk-white* 'молочно-белый', *as white as snow* 'белоснежный', *as white as marble* 'белый как мрамор', *black-coal* 'угольно-черный', *as black as soot* 'черный как сажа', *the blackest black* 'самый черный', *dirty yellow* 'грязно-желтый', *silvery grey* 'серебристо-седой (про волосы)', *pale grey* 'светло-серый', *sea-green* 'цвета морской волны', *as green as grass* 'цвета травы' *light blue* 'голубой', *deep blue* 'насыщенно-синий', *as blue as two forget-me-nots* 'синие как незабудки') либо его отсутствием (*scarlet* 'алый', *cherry* 'пунцовый', *deep mourning* 'насыщенно черного цвета', *amber-coloured* 'янтарный цвет', *sandy-coloured* 'цвет песка', *like gold* 'подобно золоту', *blond* 'белокурый', *hazel* 'цвет лесного ореха', *rusty* 'ржавый', *bronzed* 'загорелый', *silvery* 'серебристый').

Оттеночные цветообозначения некоторых базовых цветов имеют определенные конституентные особенности. Так, оттеночные цветообозначения *коричневого* цвета не имеют в своем составе базовый цвет (*bronzed, hazel, red*² 'рыжевато-коричневый', *rust, rusty, dark oak, slightly baked, well-toasted, hard-baked*), тогда как оттеночные цветообозначения зеленого (*sea-green, so green, as green as grass, of green like*) и синего (*light blue, deep blue, as blue as two forget-me-nots*), наоборот, образуют оттенки только при наличии базового компонента.

Детальная вербальная экспликация оттеночных цветообозначений в сказочной картине мира англичан отражена в работе А. Э. Левицкого и Т. Н. Никульшиной *Оттеночные цветообразования в колористике английской сказки: лингвокультурный аспект* (Левицкий 2021).

2.6. Тематическая представленность

Для создания более полной картины особенностей базовых цветообозначений в английских народных сказках проследим их тематическую организацию. Номинации базовых цветов группируем в три тематических блока: 1) природа как среда обитания, 2) человек как ее непосредственный участник и 3) сфера сверхъестественного.

Блок ПРИРОДА репрезентирован цветономинациями, актуализирующими: 1) атмосферное явление: *black cloud* ‘черное облако’, *white mist* ‘белый туман’, *yellow moon* ‘желтая луна’, *the first red beams of the sun* ‘первые красные лучи солнца’; 2) биологическое время: *grey evening* ‘пасмурный вечер’, *to be black* ‘темно’; 3) флору: *white flowers* ‘белые цветы’, *bluebuttons* ‘васильки’, *green grass* ‘зеленая трава’, *yellow wild roses* ‘дикие желтые розы’; 4) фауну: *Redbreast* ‘малиновка’, *blackbird* ‘дрозд’, *black cat* ‘черный кот’, *white horse* ‘белый конь’, *white hind* ‘белая лань’; *grey ox* ‘серый бык’, *daft yellow cow* ‘глупая рыжая корова’, *brown calves* ‘телята коричневого окраса’; 5) водоем: *the Red Sea* ‘Красное море’, *black waters* ‘темная вода’, *blue ocean* ‘синий океан’, *green waters of the lake* ‘зеленые воды озера’; 6) результат физико-химического процесса: *red fire on the hearth* ‘красный огонь в камине’, *black ashes* ‘черный пепел’, *black pudding* ‘сгоревший пудинг’, *white wood ashes* ‘белый пепел’, *the smoke has changed the colour [of the wall] to a dirty yellow* ‘из-за дыма стена стала грязно-желтой’, *sword all brown with rust* ‘оружие, полностью порытое ржавчиной’; 7) геологическую породу: *the black soft bog lands* ‘черные болотистые земли’, *grey stone* ‘серый камень’, *yellow gold* ‘желтое золото’.

Блок ЧЕЛОВЕК конституируется цветообозначениями, характеризующими: 1) внешность: а) лицо — *to be black in face* ‘быть смуглым’, *old white face* ‘бледное старческое лицо’; б) волосы — *black-haired* ‘черноволосый’, *grey-headed* ‘седовласый’ *white-haired old man* ‘седовласый старик’; в) глаза — *brown eyes* ‘карие глаза’; 2) моральные качества: *black-hearted* ‘злой, злобный’, *all the black dyes of the sins done in flesh* ‘все чёрные оттенки грехов, совершенные во плоти’; 3) профессиональную деятельность: *blacksmith* ‘кузнец’; 4) головной убор, одежду: *Little Red Riding Hood* ‘Красная Шапочка’,

a beauteous damsel in a blue and gold robe ‘красивая девушка в сине-золотом платье’; 5) продукты питания: а) питье — *a bowl of blue* ‘миска обезжиренного молока’; б) еда — *brown bread* ‘ржаной хлеб’, *flitches of bacon, dry and brown* ‘куски засушенного бекона’; 6) артефакты: *black book* ‘черная книга’, *white cloth* ‘белая скатерть’, *brown pitcher* ‘коричневый кувшин’, *red and white spotted handkerchief* ‘носовой платок в красные и белые крапинки’; 7) сооружение: *black house* ‘черный дом’, *old grey church* ‘старая серая церковь’, *brown castle* ‘коричневый замок’, *little white farm-house* ‘небольшая ферма, выкрашенная в белый цвет’; 8) материал: *a black velvet pall* ‘черный бархат’, *whitewash* ‘побелка’.

Блок СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ моделируется номинациями, эксплицирующими: 1) явление: *the sky was all the colours in the world, blue and red and green* ‘небо было всех цветов в мире: и синее и красное и зеленое’; *a faint green glimmer* ‘слабое зеленое мерцание’; *red, blue and white rings on the grass* ‘красные, синие и белые круги на траве’; 2) фауну: *black dog* ‘злой дух, принимающий вид черной собаки’, *Black snag* ‘черное привидение’; 3) жидкость: *green dew* ‘зеленая роса; жидкость, обладающая способностью сделать все видимым’; 4) физиологические особенности вымышленного существа: а) кожа — *a small little thing [impet] with a long tail and black hands* ‘чертенок с длинным хвостом и темными руками’; *a grey man (a miserable looking little man [...] of elfish origin)* ‘человек с сероватым цветом кожи (жалкий, невысокого роста человек [...], эльф), *brown skin* ‘кожа коричневого цвета’; б) волосы — *silvery grey hair* ‘серебристо-седые волосы’; в) лицо — *brown face* ‘лицо коричневого цвета’, *white face* ‘бледное лицо’; г) глаза — *grey eyes which seemed starting from her head* ‘серые глаза, которые, казалось, начинались с ее головы’, *green eyes* ‘зеленоглазые; зеленые глаза у духов — *hyter sprites*’, *two bright black eyes* ‘блестящие черные глаза’; д) ноги — *be black and blue his leg would* ‘нога у него будет сине-черной’; 5) деятельность: *black enchantment* ‘колдовство с помощью дьявола или злых духов’, *white witch* ‘белая магия’; 6) одежду: *black-jacks* ‘одетые в черное’, *grey cloak* ‘серый плащ’, *the old elves in the blue petticoat* ‘старички-эльфы в синих нижних юбках’, *some were dressed in white, and some in blue, and some in pink* ‘одни

были одеты в белое, другие — в синее, а некоторые — в розовое’, *a long blue coat* ‘длинное синее пальто’.

3. Выводы

Среди перцептивных признаков, зафиксированных человеком в ходе концептуализации и категоризации мира, важное место по своей актуальности занимают зрительные основания, среди которых доминируют цветовые признаки. Человек воспринимает природу и окружающий мир в цветовом наполнении и, создавая новые объекты, придает им не только форму, но и надевает их колоративностью. Каждый языковой коллектив по-своему отражает мир, что непосредственно находит отражение и в способах его визуализации с помощью базовых цветообозначений, которые занимают особое место в общей колоративной системе в английской сказочной картине мира, в частности, выполняя организующую роль фокусных точек в спектральном восприятии, вокруг которых создается денотативное пространство цвета с особой оттеночной зоной.

Статус каждого базового цвета различен, так же как и его роль в организации системы цветообозначений. В английских сказках лингвоцветовая картина мира актуализируется с помощью 120 номинаций, из них 81 — оттеночные, что свидетельствует о желании англичан детальнее дифференцировать окружающий мир. Денотативное пространство цвета в английских сказках членится на восемь зон, представленных неравномерно. В давние времена для носителей английского языка основной номинативно репрезентативной зоной является область *красного* цвета; высокой номинативной плотностью характеризуются также зоны *черного* и *белого*. Неприоритетными являются *зеленый*, *желтый* и *коричневый* цвета. Области *синего* и *серого* относятся к наименее значимым. Изоморфной характеристикой базовых цветов, за исключением *серого*, выступает связь зрительного образа с определенным универсальным образом.

С точки зрения частотности, для носителей английского языка *черный* цвет является базовым. Востребованными являются

также зоны *белого* и *красного*. Менее актуальны сферы *зеленого* и *коричневого*. Наименее частотны зоны *желтого*, *серого* и *синего*. Большое количество повторяющихся цветономинаций объясняется тем фактом, что язык в давние времена еще не накопил в достаточном объеме лексических ресурсов, из которых в дальнейшем происходит отбор лексем, наиболее точно отражающих восприятие человеком информации, передаваемой визуальным каналом и относящейся к цветовому спектру на основе кода культуры.

Белый и *черный* концептуализируются на начальном этапе эволюции цветовой картины мира, в связи с чем номинативная плотность многозначности и частотность каждого из них выше номинативной плотности многозначности и востребованности других колоронимов. Группа слов, обозначающих *красный* цвет, многогранна по структурной организации, оттенкам, разветвленной системе номинаций и является самой многочисленной в английских народных сказках. Его приоритетность объясняется тем, что *красный* для человека — это прежде всего цвет крови, которая в первую очередь символизирует жизнь. В английских народных сказках *красный*, *черный* и *белый* характеризуются разнообразными возможностями эксплицитного или имплицитного выражения, аксиологической маркированностью, социальной значимостью, наличием прямого / переносного значения, оттеночной семантической зоны и широкой сочетаемостью.

В лингвоцветовой картине мира, отраженной в английских народных сказках *желтый*, *зеленый*, *синий*, *серый* и *коричневый* не локализованы в ядерном составе основных цветов, демонстрируя номинативную непродуктивность, формируя незначительное в количественном отношении словообразовательное гнездо, и принадлежат к цветообозначениям, которые в английских народных сказках номинируют диапазон цветового пространства, имеющих недостаточно широкий спектр для обозначения объектов природы и артефактов. Эти наименования характеризуются низкой частотностью и скудностью семантических наполнений, а также ограниченным информационным потенциалом; сложная

многоуровневая и разнообразная цветовая символика для данных цветов неактуальна.

Базовые цвета, обладающие сетью смысловых значений, ассоциаций и толкований, в английских народных сказках номинируют объекты природы, материального мира и область сверхъестественного как свойства сказочного мира.

Цвет — один из основных перцептивных признаков сказочного в англоязычном социуме, одна из ведущих, онтологически обусловленных зрительных характеристик сказочных персонажей и объектов. Природно-климатические, культурно-исторические и социальные факторы влияют на особенности членения различными этносами лингвоцветовой картины мира.

© Левицкий А. Э.

© Никульшина Т. Н.

3.7. АВСТРИЙСКИЙ ЮМОР КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Юмор как показатель культуры и когнитивной деятельности человека всегда был интересен для ученых самых разных направлений. Далекое не в последнюю очередь им интересовались и лингвисты в поисках ответов на вопросы о влиянии языка на культуру общества, а также на вопросы об особенностях отражения культуры в языке. Будучи уникальным качеством человека, юмор помогает человеку выполнять некоторые общественные функции.

Юмор является средством передачи мыслей и чувств, выражения критики или враждебности в социально приемлемой манере. Юмор также защищает социальные отношения при передаче негативной информации, создавая и усиливая чувства взаимопонимания (САФАРЯН 2009: URL).

Понятие юмора связано с понятиями смешного, комического, шуточного, радостного. Универсальными маркерами юмора и выражения радости коммуникантов являются улыбка и смех.

Смешно то, что выходит за рамки ожидаемого эффекта и противоречит разумному мироощущению в простой жизненной ситуации, в процессе обычной жизненной коммуникации, но воспринимается под неожиданным углом зрения и содержит своеобразную оценку конкретного речевого контекста.

Будучи одним из важнейших компонентов национального менталитета, австрийский юмор обладает рядом специфических особенностей.

Важнейшая особенность австрийского юмора находит отражение в его самоиронии. Ярким ее примером может служить приписываемая одному австрийскому политику оригинальная фраза: «Австриец любит разглядывать свой пуп. Я имею в виду, что он видит в себе весь мир» (ДЖЕЙМС 2005: 10).

Эта особенность австрийского характера нашла отражение во многих анекдотах.

- Почему австрийский флаг красно-бело-красный?
- Чтобы никто не мог случайно вывесить его вверх ногами!

Об изоляции Австрии в связи с приходом к власти ультраправых: Сначала изоляция не отразится на нашей жизни, но к лету ожидается резкое подорожание изолянты!

Еще один яркий образчик умения австрийцев посмеяться над собой. Внутри салона венского трамвая нацарапано граффити: «Знания преследуют меня, но я быстрее» (ibid.: 15).

Способность австрийцев смеяться над собой — прекрасное средство для облечения восприятия жизненных невзгод и их преодоления. Во многих источниках описывается эпизод, когда один австрийский генерал при очередной катастрофе сказал: «Die Lage ist hoffnungslos, aber nicht ernst» («Положение безнадежно, но не серьезно!»). Эта ставшая крылатой фраза часто цитируется как девиз австрийцев при столкновении со сложными жизненными ситуациями. Ее нередко приписывают К. Краузу. Однако автором фразы скорее всего является австрийский писатель, критик, переводчик и автор множества афоризмов А. Польгар. В 20-е гг. прошлого века эта фраза появилась в английском журнале «Венская речь», затем она была употреблена в *Адском путешествии Касперля* и позже распространилась в Австрии и Германии в анонимных шуточных вариантах: «Für den Preußen ist die Lage ernst, aber nicht hoffnungslos, für den Österreicher, hoffnungslos, aber nicht ernst» («Для пруссака положение серьезное, но не безнадежное, для австрийца-безнадежное, но несерьезное»); «In Berlin ernst, aber nicht hoffnungslos — in Wien hoffnungslos, aber nicht ernst» («В Берлине серьезно, но не безнадежно — в Вене безнадежно, но несерьезно») (BAUMGARTNER 2018: 91).

Самоирония австрийцев находит свое отражение в таких лексических единицах как *Austriake* (scherzh., meist abwertend: *Österreicher*), *Austriakin*, *austriakisch* / *Die Geometrie der Austriaken ist wie ihre Mathematik, Physik, Literatur, ja wie überhaupt alles eine mäandrierende, verstrudelte* (EBNER 2009: 49). Здесь зерно иронии кроется в прилагательном *mäandrierend*, восходящем к названию греческой извилистой реки Меандерес. Для австрияка (*Austriake*) геометрия, как и математика, физика, литература и вообще всё, представляется запутанным и неясным.

Другая шутка также передает ироничную характеристику того же *Austriake* как человека, который, если уж выехал на перекресток, то не будет давить на тормоза, поскольку не видит уже в этом смысла: «Ein Austriake, der erst einmal in die Kreuzung eingefahren ist, steigt nicht so schnell auf die Bremse» (ibid.).

Как реакция на случившиеся в истории Австрии некоторые политические скандалы родился австрийский термин для обозначения своего государства: «Die Insel der Seligen ist kaum mehr zu sehen, stattdessen ist der Begriff Skandalrepublik oft zu hören» (ibid.). А в связи с бытующим у австрийцев мнением, что чувство зависти к другим государствам является мощной движущей силой многих поступков, у них появилось, видимо, по аналогии с официальным названием Швейцарии *Schweizerische Eidgenossenschaft* (Швейцарская Конфедерация) шутовское название Австрии *Neidgenossenschaft* (Конфедерация зависти).

Случаи выражения очевидной самоиронии австрийцев многочисленны. Приведем еще несколько примеров.

1. «Die Mentalität der Österreicher ist wie ein Punschkräpferl: außen rot, innen braun und immer ein bisschen betrunken». *Punschkräpferl* ‘пончик для пунша’ — австрийское сладкое блюдо. Это кубик, резе цилиндр, из бисквитного теста, наполненный массой варенья, рома или пунша и шоколада и покрытый розовой глазурью. Таким образом, в основе метафоры лежит сравнение менталитета австрийцев с таким пончиком. В качестве политической метафоры пунш-пончик использовался с 1970-х гг. из-за его характерных цветов. Так в Каринтии высмеивали менталитет населения, которое в 1944 г. имело наибольшую долю членов НСДАП, но в 1970-х гг. большинство голосовало за социал-демократов. Красная оболочка и коричневая полнота пунш-пончика метафорически переносились на человека: снаружи красный (политический цвет социал-демократии), внутри коричневый (цвет национал-социализма). Глубинный психолог Эрвин Рингель в 1985 г. на лекции «Душа Каринтии» процитировал шутку: «Что такое Каринтия? Ответ: пунш-креп, снаружи розовый, внутри коричневый и всегда

под алкогелем». Название распространилось на социал-демократических политиков с нацистским прошлым. Позже Томас Бернхард ошибочно цитировал аналогичную шутку: «Менталитет австрийцев подобен пуншовому пончику: снаружи красный, внутри коричневый и всегда немного пьяный» (ibid.).

2. «Der Österreicher ist so deutsch wie seine Donau blau ist. Dies ist bekanntlich, obschon das Walzerlied es obstinat behauptet». Ироничность этого утверждения базируется на том, что австриец такой же немец, как Дунай голубой, поскольку австриец явно не немец, так же как Дунай явно не голубой, хотя это упрямо утверждается в известном вальсе И. Штрауса «An der schönen blauen Donau» (ДЖЕЙМС 2005: 16).

3) «Österreich ist ein Labyrinth, in dem sich jeder auskennt» (QUALTINGER 1997: 201). Подтекстовый смысл этой фразы состоит в том, что Австрия — сложная страна (запутанный лабиринт), но каждый способен в ней разобраться.

Отличительная черта австрийского юмора — любовь к сарказму и красному словцу. В австрийской литературе есть много примеров, когда сарказм герои используют для обличения других людей в грехах. Яркий пример — творчество выдающегося австрийского писателя-комедиографа И. Нестройа. Именно ему принадлежит замечательная фраза, ярко иллюстрирующая австрийскую склонность к самокритике: «Ich glaube von jedem Menschen das Schlechteste, selbst von mir, und ich hab' mich noch selten getäuscht» («Я не жду ничего хорошего от людей в том числе и от себя, и я редко обманываюсь») (САФАРИАН 2009).

И. Нестрой был потрясающим мастером давать своим героям говорящие имена. Одним из ярких примеров такого рода может служить его персонаж Lumpasivagabundus (Lump 'негодяй, подлец'; Vagabund 'бродяга'). Подобными говорящими именами и выражениями особенно богат Венский диалект. Чего стоит только хотя бы один пример с Грабенскими нимфами (Grabenymphen). Так называли девушек легкого поведения с самой популярной и «дорогой» венской улицы Graben.

Тот факт, что чиновники частенько пренебрежительно относятся к посетителям, находит свое выражение в использовании таких заранее приготовленных фраз: 1) «Das hamma noch nie gemacht» («Мы никогда этого не делали (и не собираемся)»); 2) «Das hamma immer schon so gemacht» («Мы всегда так делали (и не намерены что-либо менять)»); 3) «Da konnt ein jeder kommen» («Тогда каждый сможет являться к нам и требовать»). Эта фраза употребляется тогда, когда хотят отказать в просьбе) (JAMES 1997: 76).

Эти фразы известны и в общенемецком языке как «Beamten-Dreisatz» (QUALTINGER 1997: 180).

Многие австрийские анекдоты ярко иллюстрируют очевидные австрийско-немецкие различия в оценках жизненных ситуаций:

1) австриец сделает пистолет и продаст его с улыбкой. Немец переупакует оружие, напишет инструкции по уходу и использованию оружия и добавит разметку;

2) американец купит оружие и застрелит из него кого-нибудь, отстаивая свое индивидуальное право на защиту. Немец напишет медицинскую процедуру по удалению пули, продав хирургическое оборудование австрийскому врачу. Австриец выполнит операцию, возьмет плату за удаление пули и снова сделает это с заботливой улыбкой.

Помимо искрометного юмора венцев отличает еще особая метафоричность и образность мышления: если дела идут из рук вон плохо, житель австрийской столицы, заламывая руки, воскликнет: «Schiach wie da Zins!» («Это даже хуже, чем уплата аренды!»), а пьяного в хлам человека охарактеризует ярким сравнением: «Agschitt wie a Hydrant!» («Напился словно водопроводная колонка!»).

Если турист решится спросить в Вене местного жителя о том, как пройти куда-либо, а это всего в пяти минутах ходьбы, то может услышать такой витиеватый пассаж: «Do brauchst ned ewig und drei Tag umahatschn, do foist dreimal um und bist scho duat!» («Туда не надо идти целую вечность, да еще три дня, поскольку расстояние составляет длину не более трех туловищ»).

Жители Вены любят свой город. Любимые выражения в

Вене: «Золотое венское сердце» и «Венская застенчивость». Венцам кажется, что в этих двух выражениях сформулирована суть австрийского национального характера. Вежливые, учтивые, общительные, дипломатичные, открытые, веселые австрийцы любят здоровый образ жизни, комфорт, удобную инфраструктуру, хорошо поесть, выпить, поболтать и пошутить. Это ярко проявляется в их формах приветствия и прощания: «Hab die Ehre! Küß die Hände! Grüß Gott! Griaß Ihna! (Ich grüße Sie!)». За праздничным столом они, поднимая вверх бокалы, любят прокричать: «Zamm, zamm, zamm!», что означает «zusammen!» («Вместе!»)

В австрийском языковом сознании отсутствие чувства юмора рассматривается как порок. Человек, не обладающий чувством юмора, подвергается осмеянию. О таком человеке говорят: «Er geht in Keller lachen!» («Ему место в коридоре!»).

Юмор пронизывает все стороны и сферы жизни австрийцев. С юмором австрийцы относятся к различным человеческим недостаткам и высмеивают пороки.

Улыбку вызывают многие словечки, которыми австрийцы именуют женщин легкого поведения: Beidlfriedhof (Beidl = männliches Glied 'мужской член'; Frau, die schon sehr viele Männer hatte 'женщина, имевшая уже много мужчин'), Dorfmped (Hure auf dem Lande) 'деревенская проститутка, доступная всем, как мопед'), Fräulein Zizipeh (betuliches, gespreizt agierendes Mädchen 'расторопная, вызывающе реагирующая девица').

Человек, повсюду сующий свой нос, называется остроумно Häferlgucker (Person, die beim Kochen neugierig zusieht; Häferl = größere Tasse; ср. по-русски: каждой бочке затычка).

Австрийские Kerzlschlucker, Kerzerlschlucker употребляются в значении 'ханжа, святоша' и соответствуют в общенемецком слову Frömmler.

Важничающий человек подобен маленькому пуделю, который твякает, но никем не воспринимается всерьез: Aufpudler (sich aufpudeln = sich als Intellektuelle aufpudeln) (ЕВNER 2009: 40).

Скучную личность, умеющую лишь поддакивать, венцы называют ausgeschwabter Donaufetzn (JAMES 1997: 76).

Широко распространены в австрийском узусе шуточные названия различных специальностей и видов деятельности: Asphaltkosmetiker (Straßenkehrer ‘уборщик улицы’), Beschwichtigungshofrat (jmd., bes. Beamter, der nur beschwichtigt und Beschwerden nicht ernst nimmt und abwimmelt ‘чиновник, который только успокаивает, а жалобы не принимает всерьез и увиливает от них’), Dunsthund (Koch oder Köchin ‘повар или повариха’), Friedhofselektriker (Elektriker, der wenig sorgfältig arbeitet ‘недобросовестно работающий электрик’), Funkenschuasta (Elektriker ‘электрик’), Gebisschlosser (Zahnarzt ‘зубной врач’), Karottenbalett (Mitarbeiter der Wiener Straßenreinigung, weil ihre Uniform orange ist ‘одетый в оранжевую униформу венский сотрудник службы по чистке дорог’), Kuchltraktor (schnaufende, schwitzende Köchin ‘пыхтящая и потная повариха’), Kuchelgrazie (Köchin ‘повариха’), Schwarzkappler (Kontrolleur in den öffentlichen Verkehrsmitteln ‘контролер в общественном транспорте’).

Для австрийцев характерно особое отношение к смерти. Для них смерть — это часть жизни, не ее конец. Похороны для австрийца — не просто погребение (Begräbnis), а со времен пышных похорон императоров eine schöne Leich (ein prächtiges, ehrenvolles Begräbnis) ‘красивый труп’. И это воспринимается как мягкая ирония.

Автор австрийского словаря серии Duden Якоб Эбнер приводит следующую цитату: «Wie schätzen Sie die Situation der Kirche in Europa ein... Weihnachten, eine schöne Leich, Taufen, vielleicht noch Hochzeiten». Из этого следует, что для церкви по степени важности понятий eine schöne Leich занимает в Австрии второе место после Рождества, и уже потом следуют крещение и свадьба.

Писатель и драматург Х. Бар отмечает: «Wer verstehen will, wie der Wiener lebt, muß wissen, wie man ihn begräbt, denn sein Dasein ist innigst — mit jenem Nimmersein verwoben, von dem er in unzähligen fröhlich traurigen Liedern zu singen weiß» (ibid.).

Мысль Бара проста: если хотите знать, как живет венец, вы должны знать, как его хоронят, ибо его бытие тесно связано с его небытием, о котором он со знанием дела поет многочисленные

печально-веселые песни.

Яркие метафорические выражения для описания ухода человека из жизни (sterben) находим у Роланда Нойвирца в *Подлинно Венской песне* («Ein echtes Wienerlied»): Ins Holzpyjama haun (in den Sarg kommen 'попасть в гроб'), an Abgang mochn (Abgang 'отход, уход'; Fehlbetrag 'недочет'; abgängig = vermisst 'недостающий'), d Erdäpfel von unt anschun (die Kartoffeln von unten anschauen 'глядеть на картофель снизу'), die Bock aufstellen (Bock schwerer Schuh 'выставить ботинки'). При этом следует заметить, что некоторые из употребляемых в песне выражений не находят своего подтверждения в австрийских словарях: die Stufn packen, an Wuaf ansagen, die Schleifen gebn.

В разных лексикографических источниках находим также другие примеры образных выражений для передачи значения 'умереть' с разными стилистическими коннотациями, в том числе и шутивными: ein Bankerl reißen (ugs., salopp sterben 'сдохнуть'), die Patschen strecken / aufstellen / beuteln (derb. sterben 'протянуть ноги') (Ebner), a Bangl reißen (sterben 'умереть'), die Wiama fiadan (die Würmer füttern 'кормить червей') (JAMES 1997: 78).

То обстоятельство, что венский трамвай № 71 проезжает до Центрального венского кладбища, послужило основанием для рождения образного выражения «умереть», отправиться в последний путь: mid n 71er foahn / mitn Anasiebzga fahrn (mit der Straßenbahn Nummer 71 Richtung Wiener Zentralfriedhof fahren 'отправиться по направлению к Центральному кладбищу на трамвае № 71').

Остановимся особо на ключевом слове австрийской лингвокультуры Schmäh. Венский фельетонист Эдвин Баумгартнер написал книгу с образным названием: *Schmäh: Die Antwort auf die Dummheiten der Welt* («Schmäh: Ответ на глупости мира»).

Многое объясняет аннотация к книге:

Wien gilt als Stadt mit der höchsten Lebensqualität weltweit. Ein Grund dafür dürfte die mentale Infrastruktur ihrer (Ur-)Bevölkerung sein. Diese pflegt einen Humor, der als "Schmäh" berühmt-berüchtigt ist. Aber Vorsicht: Schmäh ist nicht nur eine lokale Spielart des Witzes,

sondern gelebte Philosophie. Der grantelnde Wiener, der die Todessehnsucht in den Genen hat, braucht den Schmä, um in einer schmälosen, kalten Welt überleben zu können. Der Schmä erleichtert das Leben, indem er dessen latenten Irrsinn herauschält und pointiert (BAUMGARTNER 2018: 4).

В русском переводе это звучит следующим образом: Вена слывет городом с наивысшим качеством жизни во всем мире. Одной из причин этого, пожалуй, является ментальная инфраструктура ее исконного населения. Этому населению присущ пресловутый, известный как «Schmä» (читай: шмэ) юмор. Но — внимание: Schmä — это не только местный игровой вариант прикола, а пережитая философия.

Брюзжащему Венцу, у которого тяга к смерти заложена в гены, необходим Schmä, чтобы выжить в холодном нешуточном мире. Schmä облегчает жизнь, вытаскивая на свет скрытую в ней бредятину и остроумно представляя ее.

Австрийское Schmä восходит к jidd. schema = Erzählung (Gehörtes) и означает Gag, Pointe, Aufschneiderei, Unterhaltung, т. е. то, что вызывает эффект неожиданности, главный смысл, соль, вранье, беседа, развлечение, хвастовство (WENLE 1980: 251).

В другом авторитетном источнике (в словаре Я. Эбнера *Wie sagt man in Österreich?*) приводятся следующие дефиниции значений этого слова: salopp 1. a) Trick, Kniff b) Schwindel, Unwahrheit, Vorgetäushtes 2. verbindliche Freundlichkeit; Sprüche und Scherze, originelle [zynische] Bemerkung (EBNER 2009: 282).

В электронном австрийском словаре читаем: Schmä: 1. Finte 2. kleine Lüge, Flunkerei 3. Witz, Scherz, Spruch.

Суммируя все перечисленные выше толкования этого слова, приведем его русские эквиваленты: уловка, трюк, хитрость, проделка, надувательство, обман, ложь, неправда, нечто симулированное.

В Австрии и за ее пределами широко известно венское выражение Wiener Schmä (eigentlicher, humoristischer Gemütszustand der Bewohner Wiens), которое описывает характерный аспект

венского юмора, отличающегося и язвительными остротами порой на грани черного юмора, и двусмысленными намеками, а также отражающими общую легкость бытия австрийцев. В Австрии это выражение ассоциируется прежде всего с австрийскими кабаре, где правит веселье, царят шутки и музыка.

В австрийском узусе *Schmäh*, иногда переводимое как венские небылицы, имеет широкое хождение: *einen Schmäh haben/führen* (*Witze machen, andere mit witzigen Bemerkungen unterhalten* 'шутить, делать другим остроумные замечания'), *den Schmäh rennen lassen* (*eine gute Pointe nach der anderen hervorbringen* 'выдавать одну удачную остроту за другой'), *der Schmäh rennt/ läuft* (*eine gute Stimmung herrscht* 'царит хорошее настроение'), *jmdn am Schmäh halten* (*jmdn zum Narren halten* 'держат кого-нибудь за дурака'), *Schmäh ohne* (*tatsächlich, ehrlich, kein Witz* 'действительно, честно, без шуток'), *schmähstad* (*erstaunt, verblüfft, eingeschüchtert* 'удивленный, сбитый с толку, озадаченный'), *schmähhalber* (*als Ausrede, aus Spaß, nur scheinbar* 'в шутку'), *schmähstandeln* (*Sprüche machen, andere mit witzigen Äußerungen unterhalten* 'болтать, хвастаться, развлекать, занимать других шуточками'), *schmähführn* (*plaudern* 'болтать, шутить'), *Schmähführe / Schmähbruder* (*Person, die für seine billigen, leicht durchschaubaren Tricks oder Witze bekannt ist* 'шутник, весельчак'), *Schmähstandler* (*Aufschneider, Lügner* 'лгун, шут, балагур'), *Häuslschmäh* (*schlechter Witz* 'неудачная, плохая шутка'), *Lavendelschmäh* (*Schmäh einer Lavendelverkäuferin, allzu leicht durchschaubarer Verkaufstrick* 'уловка торговли цветами, слишком очевидный обманный трюк при торговле'), *Überschmäh* (*besonders gelungener Schmäh* 'особенно удачный прикол'), *Überdrüberschmäh* (*ultimativer Geistesblitz* 'несомненно остроумная мысль') (WENLE 1980: 279).

Это богатое коннотациями слово становится основой для образования неологизмов, активно употребляющихся в разных сферах жизни австрийцев, например, *Ökoschmäh* (*nur scheinbar ökologisch wirksame Maßnahme* 'только кажущаяся экологически эффективной мера'), *Politschmäh* (*politischer Schachzug, Taktik* 'политическая тактика'). В аннотации к уже упомянутой книги Баумгартнера нам

встретилось еще одно остроумное слово Schmähibiotopen, которым автор обозначил Beisl и Würstelstand 'кабачок и сосисочная'. И действительно, где, как не в кабаке или у ларька с сосисками и пивом, рождаются и транслируются шутки и анекдоты?!

Юмор австрийцев обладает рядом отличительных характеристик в силу их языка и ментальных особенностей. Перспективы исследования австрийского юмора видятся в изучении ценностной картины мира, отражаемой в стереотипах поведения австрийцев и в рассмотрении юмористической коммуникации с точки зрения семантики, прагматики, синтактики и синтагматики.

Юмор отражает своеобразие исторического пути страны, ее политических, культурных, экономических, географических особенностей. Национальный язык, международные контакты, межкультурная коммуникация, процессы глобализации расширяют общую палитру смеховой культуры австрийцев и не стирают при этом ее национального своеобычия. Образ жизни, склад ума, характер, привычки, самобытная система ценностей — все это способствует развитию остроумия как выражения эмоционального состояния радости граждан этой комфортной для жизни страны.

© Малыгин В. Т.

3.8. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КОРПУС И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Введение

Использование новых информационных технологий в лингвистике и, в частности, в автоматизации переводческой деятельности и в анализе перевода художественных произведений привлекает большой интерес у научного сообщества и переводчиков-практиков. Применение параллельных корпусов как электронных лингвистических депоитариев больших данных на разных языках позволяет автоматизировать и ускорить процесс аналитической работы с текстами оригинала и перевода, раскрыть и рассмотреть некоторые лингвистические явления в произведениях и варианты их передачи на язык перевода, собрать необходимый объем статистических и лингвистических данных для дальнейшего анализа, обработки и обобщения, а также дает возможность более детально проанализировать перевод конкретного художественного произведения — знаменитой сказки американского писателя Нортон Джастера *Мило и волшебная будка*. В связи с этим актуальность работы не вызывает сомнений.

Следует отметить, что существует направление автоматизации перевода, которое является востребованным и динамично развивается в настоящий момент, меняя роль человека в процессе перевода с непосредственного исполнителя на пост-редактора. В настоящее время компьютеризация перевода связана с непосредственным созданием новых переводов различных текстов с помощью специального программного обеспечения, генерированием памяти переводов (Translation memory), неких терминологических баз данных, которые в дальнейшем могут быть использованы в новом автоматизированном переводе. В свою очередь, инструменты корпусной лингвистики, корпусный менеджер, конкорданс, параллельный конкорданс, тезаурус, представляют собой важный инструмент для подробного сравнительно-сопоставительного анализа уже существующего перевода.

Таким образом, целесообразно подчеркнуть, что автоматизированный перевод и параллельный корпус являются технологиями новой эпохи цифровизации, которые ускоряют и удешевляют процесс перевода, однако их функционал существенно различается. Автоматизированный перевод основывается и осуществляется на готовой базе переводов (памяти переводов) и заключается в последующем создании новых переводов при помощи данного программного обеспечения; в то время как параллельный корпус компилируется и используется для анализа конкретного перевода художественного произведения благодаря инструментам, способным сделать анализ более глубоким и быстрым, однако сам корпус напрямую не используется для генерирования новых автоматических переводов.

Целесообразно уточнить, что полученные эмпирические и статистические данные (при работе с параллельными корпусами) в будущем могут пригодиться в непосредственно переводческом процессе как часть памяти переводов, однако в качестве вспомогательных теоретических или практических данных, положений или советов.

Данное исследование нацелено на рассмотрение специфики художественного перевода, описание принципов работы с параллельным корпусом в переводческой деятельности, а также на составление и изучение параллельного корпуса для анализа перевода художественной литературы. Настоящая работа была выполнена совместно с Е. А. Морозовой, магистранткой направления подготовки «Зарубежная филология» в Ивановском государственном университете.

В последнее время в связи с распространением автоматизации и использованием различных компьютерных технологий в области теории и практики перевода особенно интересным представляется рассмотреть и описать возможности использования параллельного корпуса как вспомогательного инструмента при переводе художественной литературы. Помимо уже известных нам программ и технологий в переводе параллельный корпус может с успехом применяться как для анализа уже существующего

перевода, так и для более быстрого осуществления передачи исходного текста на переводной язык. Работа посвящена одному из основных понятий корпусной лингвистики — параллельному корпусу и его роли в осуществлении художественного перевода.

Объектом исследования является произведение Джастера Мило и волшебная будка и его перевод на русский язык, а также созданный на их основе электронный двуязычный корпус.

Предметом исследования являются англоязычный и русскоязычный корпуса (текст оригинала и перевода), а также конкретные переводческие трансформации и решения, стилистические приемы и грамматические конструкции, отобранные для анализа.

Новизна настоящей работы связана с тем, что подобный подход для анализа перевода упомянутого художественного произведения используется впервые. Более того, роль применения параллельного корпуса как инструмента переводчика в целом не рассматривалась широко как в работах отечественных, так и зарубежных ученых и лингвистов. Известны труды В. П. Захарова, Д. О. Добровольского, Р. Беннета, С. Конрада и др., в которых поднимаются общие вопросы, связанные с параллельным корпусом и корпусной лингвистикой.

Полученные результаты вносят вклад в систематизацию подходов к применению параллельного корпуса при переводе художественной литературы, анализ эмпирических данных и последующее применение основных принципов на практике.

Ключевые особенности художественного перевода

Представляется необходимым отметить, что термины *эквивалентность* и *адекватность* являются ключевыми в теории перевода, они имеют непосредственное отношение к проблеме точности перевода. Данный аспект становится особенно важным, когда специалисты имеют дело с переводами произведений художественной литературы. Нельзя не согласиться, что в процессе достижения адекватности переводчик сталкивается с рядом различных трудностей, которые необходимо учитывать. Помимо грамматических, морфологических, синтаксических и лексических сложностей перевод художественной литературы также

предполагает решение стилистических проблем, связанных с частым употреблением художественных приемов — метафор, аллюзий, фразеологизмов, каламбуров и т. д. Целесообразно подчеркнуть, что это также осложняет процесс перевода и достижение главной задачи для переводчика художественной литературы, состоящей в сохранении и передаче художественного замысла, полноты смыслов и эмоциональной выразительности оригинала. В отличие от других типов текстов художественный перевод, на наш взгляд, имеет свои особенности и специфические черты, которые нуждаются в описании.

Рассматривая художественный перевод и его основные особенности, зачастую лингвисты сопоставляют его другому виду перевода — техническому, которому свойственны высокая степень повторяемости слов, клишированность высказываний, лаконичность и автоматизированность. При переводе технического текста совершенно не важна личность автора или же переводчика, так как текст зачастую лишен какой-либо эмоциональности. Полной противоположностью выступает здесь художественный перевод.

Т. А. Казакова справедливо полагает, что художественный перевод представляет собой творческое преобразование оригинала с использованием всех необходимых выразительных средств и возможностей переводящего языка, сопровождаемого возможно более полной передачей литературных особенностей оригинала (КАЗАКОВА 2006: 6). По ее мнению, художественный перевод — это инокультурное подобие исходного художественного текста, отвечающее литературно-коммуникативным требованиям и представлениям общества на определенном историческом этапе (*ibid.*: 7).

Для реализации исходной коммуникативной функции художественного текста в цепочке «автор — переводчик — реципиент» необходимо четко выделять тот смысл, который автор непосредственно хочет донести до самого читателя. Следовательно, переводчик, являясь посредником, должен в первую очередь уловить авторский смысл, а затем наиболее в полном объеме передать его реципиенту. Цель переводчика в данном случае — интерпретировать текст оригинала для последующей работы с ним.

Однако недостаточно лишь правильно интерпретировать художественный текст, важно воспроизвести его уже на языке перевода. Поскольку основная функция художественного текста — это воздействие на читателя, следовательно, переводчик должен в полной мере передать текст оригинала, не потеряв ни интеллектуальной, ни эмоциональной, ни эстетической информации, содержащейся в исходном тексте.

Для того, чтобы распознать, оценить и воспроизвести на другом языке художественную функцию исходного знака, переводчик должен всесторонне интерпретировать смысл переводимого текста в его связи с литературным процессом и выразительными возможностями языка оригинала и на основе этой интерпретации восстановить образную систему в ее единстве со способами выражения (КАЗАКОВА 2002: 14). Тогда процесс интерпретации как процесс понимания и осознания оригинального художественного текста будет являться безусловно творческим процессом.

Несомненно, при работе с художественным текстом роль личности переводчика важна и может оцениваться как с объективной, так и с субъективной точки зрения. Объективные сведения представляют собой информацию, которая не зависит от индивидуального толкования и является основой для субъективной информации, которая, в свою очередь, психологически обусловлена и возникает в процессе конкретного контакта «текст — читатель». Субъективная информация формируется в процессе прочтения и является изменяющейся.

Важно подчеркнуть, что извлечение информации из исходного текста в процессе работы переводчика является сложной задачей, поскольку чем сложнее структура художественного текста, тем более непростые процессы воздействуют на формирование субъективной информации и, как следствие, на воссоздание художественного текста на языке перевода.

Представляется целесообразным рассмотреть особенности параллельного корпуса и варианты его применения в работе переводчика.

Параллельный корпус в художественном переводе: характерные черты и перспективы применения

Параллельный корпус рассматривается как один из видов корпусов и представляет собой двуязычный корпус текстов на языке оригинала и перевода. Известны два вида параллельных корпусов: (1) корпус, который включает тексты одного и того же типа и охватывает одно и то же содержание, например, сборник статей о футболе, взятых из разноязычных газетных источников, или юридические контракты, составленные на двух языках; (2) корпус переводов, который содержит тексты на одном языке (L1), являющиеся переводами текстов на другом языке (L2) (KRUGER & al. 2011).

М. В. Умерова отмечает, что параллельный корпус оказывает первостепенное влияние на исследование стиля перевода и переводчика (УМЕРОВА 2011).

За последнее время появилось довольно много переводческих корпусов, большинство из которых находятся в онлайн-доступе.¹ Чтобы использовать корпус переводов, необходима специальная часть программного обеспечения, называемая параллельным выравниванием. С помощью этого программного обеспечения можно найти все примеры слова или фразы в L1, а также все соответствующие переведенные предложения (KRUGER & al. 2011).

Необходимо также помнить, что тексты в параллельном корпусе должны быть выровнены: отдельные фрагменты ИЯ совпадают с соответствующими фрагментами ПЯ. Подобное выравнивание может осуществляться на разных уровнях. Выравнивание может производиться по главам, по абзацам, но лучше всего выравнивать по предложениям. В действительности, это очень непростая и трудоемкая работа, поскольку данный процесс невозможно довести до автоматизма. Компьютерная программа часто не соблюдает границы предложения в отличие от человека, который сможет аккуратно, осознанно подойти к выполнению этой задачи. Не следует также забывать, что одно предложение ориги-

¹ См., например, проект CLARIN (<https://www.clarin.eu/portal>).

нала может быть переведено двумя или даже тремя предложениями, и наоборот. По этой причине невозможно выравнять исключительно с помощью компьютерных технологий, это нужно делать с участием человека.

Кроме выравнивания в параллельном корпусе должна быть разметка. Есть разные виды *разметки*: метатекстовая, грамматическая и семантическая. Это разные теги, которые приписываются отдельным словам или всему тексту в целом. В основном такие разметки необходимы для осуществления поиска (например, они нужны для того, чтобы найти какую-то грамматическую форму, лемму и т. п.). С помощью правильной разметки можно осуществить поиск по корпусу, вычленив переводы фрагментов, проанализировать переводы грамматических форм на другой язык. Семантическая разметка, например, нужна для работы с контекстами. Особенно интересной в данном случае является работа с какими-либо реалиями и теми контекстами, в которых они употребляются (и, соответственно, как такие языковые единицы передаются на другой язык) (ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2015).

Параллельный корпус является незаменимым инструментом в работе переводчика, так как он не только предоставляет возможность параллельно изучать лексические и синтаксические соответствия двух языков, анализировать способы и методы перевода, находить определенные закономерности работы с некоторыми языковыми явлениями и принципами их передачи на другой язык, но и подходит для более удобной работы с произведениями. Автоматизированный подход, заключающийся в использовании параллельного корпуса, нацелен на быстрый поиск подходящего контекста и на работу с синонимами. Он является незаменимым помощником при работе со словами, у которых нет эквивалентов в языке перевода (МАНИК 2019).

Как отмечалось выше, художественные произведения, в которых присутствуют сложные лингвистические обороты и конструкции или используются стилистические приемы (например, такие как каламбур), представляют определенную трудность для

переводчиков, а также для лингвистов, занимающихся изучением тех или иных языковых явлений. Использование параллельных корпусов облегчает решение этой задачи, ускоряет работу с текстом, автоматизирует процесс поиска каламбуров и других лингвистических явлений в параллельном конкордансе.

По словам М. В. Умеровой, корпус переводов (параллельный корпус) выступает в качестве инструмента для изучения перевода, расширяет сферу переводческих исследований, предоставляет данные количественного анализа и пр. (УМЕРОВА 2011).

Важно отметить, что метатекстовая информация и примеры употребления тех или иных языковых элементов и конструкций в корпусе представляют наибольшую ценность для исследователей. Первые лингвистические исследования, проводившиеся с помощью корпусов, сводились в основном к подсчету частотности употребления различных языковых единиц. Статистические методики используются в решении сложных лингвистических задач, таких как машинный перевод, распознавание и синтез речи, средства проверки орфографии и грамматики и т. д. Так, устойчивые словосочетания с семантической точки зрения выступают в качестве неделимых смысловых единиц, что очень важно учитывать в лексикографии, системах автоматической обработки текста. На материале корпуса статистическими методами можно определить, какие слова встречаются вместе регулярно и на этом основании могут быть отнесены к устойчивым словосочетаниям.

Непосредственно перед созданием параллельного корпуса на платформе Sketch Engine² целесообразно кратко описать его ключевой инструмент Parallel Concordance. В переводе слово concordance обозначает согласованность, что буквально передает сущность данной опции: два текста, оригинал и его перевод, параллельно согласуются между собой и выступают в виде двух, соотнесенных и выровненных столбцов. На самом деле эта функция фактически обеспечивает параллельный перевод.

² <https://app.sketchengine.eu/#dashboard>.

Описываемый инструмент выполняет поиск слов, фраз, текстов, документов, типов текста или структур корпуса на одном языке и отображает результаты вместе с выровненными переведенными сегментами на другом языке. Эти сегменты обычно содержат перевод поискового слова или фразы, но переводчик, по желанию, может и не использовать опцию перевода, если решает другую задачу. Соответствие может быть отсортировано, отфильтровано, подсчитано и обработано далее для получения желаемого результата. Параметры просмотра позволяют отображать дополнительную информацию, такую как леммы, теги и другие атрибуты, типы текста (метаданные) или структуры корпуса. Sketch Engine также попытается найти перевод и выделить его цветом. Поиск SQL на вкладке дополнительно используется для сложных поисков с неопределенными или необязательными критериями / фильтрами.

Параллельный корпус и его основные инструменты (на материале произведения Джастера Мило и волшебная будка)

Для создания параллельного корпуса была выбрана детская сказка *Мило и волшебная будка* и ее русский перевод, выполненный В. Г. Тихомировым. Произведение отличается лексическим разнообразием и широким набором стилистических средств (каламбуры, игра слов, фразеологизмы, имена собственные и т. д.).

Создание параллельного корпуса предполагает предварительный этап: подготовку текстов оригинала и перевода для будущего корпуса в программе Excel. Каждая глава должна загружаться в отдельно созданный файл с выравниванием текстов оригинала и перевода по абзацам, поскольку для перевода и анализа, к примеру, такого явления как каламбур особенно важно наличие широкого контекста, чаще всего целого абзаца. Этот этап характеризуется некоторыми трудностями: перевод и оригинал не всегда совпадают по объему и абзацному членению. Некоторые фрагменты перевода В. Г. Тихомирова отличаются излишней вольностью, добавлением некоторых слов или даже предложений, отсутствующих в переводе. Такое решение можно объяснить

тем, что зачастую для создания переводчиком своего собственного каламбура (один из основных способов перевода авторского каламбура в этом произведении) необходимо видоизменять контекст путем добавления или опущения некоторых фрагментов. Несомненно, это осложняет выравнивание текста в таблицах Excel, поскольку особенно важным при создании параллельного корпуса является смысловое соответствие абзацев друг другу. Было подготовлено 20 таблиц (20 глав) с параллельным содержанием оригинала и перевода.

После загрузки таблиц на платформу получаем два рабочих одноязычных корпуса текстов оригинала и перевода, а также параллельный конкорданс (см. Рис. 1).

docID	<S> "Do you know where we are?" <S> asked Milo . <S> "Certainly," he replied, "we're right here on this very spot. <S> Besides, being lost is never a matter of not knowing where you are, it's a matter of not knowing where you aren't—and I don't care at all about where I'm not." <S>	<S> – Ты знаешь, где мы? – спросил Мило. – Разумеется. <S> Мы находимся на том самом месте, на котором находимся. <S> Кроме того, потеряться не означает не знать, где ты находишься, это значит знать, где ты не находишься, а места, где меня нет, меня совершенно не интересуют. <S>
docID	<S> This was much too complicated for the bug to figure out, and Milo had just begun repeating it to himself when Alec said, "If you don't believe me, ask the giant," and he pointed to a small house tucked neatly between two of the largest trees. <S>	<S> Даже для Ляпсуса это было слишком сложно, а что до Мило, то он только оторопело повторял про себя услышанное, когда Алле добавил: – Если не верите мне, спросите у великана, – и указал на домик-невеличку, приоткрытый между двумя большими деревьями. <S>
docID	<S> Milo and Tock walked up to the door, whose brass name plate read simply "THE GIANT," and knocked. <S> "Good afternoon," said the perfectly ordinary-sized man who answered the door. <S>	<S> Мило с Тактиком подошли к двери с медной табличкой, на которой значилось – "ВЕЛИКАН" – и постучали. – Добрый день. – На стук вышел человек самого что ни есть среднего роста. <S>
docID	<S> "Are you the giant?" <S> asked Tock doubtfully. <S> "To be sure," he replied proudly. <S> "I'm the smallest giant in the world. <S> What can I do for you?" <S> "Are we lost?" <S> said Milo . <S> "That's a difficult question," said the giant. <S> "Why don't you go around back and ask the messenger?" <S> And he closed the door. <S>	<S> – Так это вы и есть великан? – недоверчиво спросил Тактик. – Именно! – ответил тот гордо. – Я самый низкорослый великан на свете. <S> Чем могу служить? – Скажите, мы потерялись? – спросил Мило. – Это очень трудный вопрос, – отвечал великан. – Лучше спросите у лиллипута – за углом направо. – И дверь захлопнулась. <S>
docID	<S> "Do you think we're lost?" <S> repeated Milo . <S> "That's a very complicated problem," he said. <S> "Why don't you go around to the side and ask the fat man?" <S> And he, too, quickly disappeared. <S> The side of the house looked very like the front and back, and the door flew open the very instant they knocked. <S>	<S> – Как вы думаете, мы – потерялись? – опять спросил Мило. – Даже не знаю, что вам сказать. <S> Ступайте за угол направо – спросите у толстяка. – И эта дверь захлопнулась. <S> А дверь за углом направо распахнулась в тот самый момент, как они к ней подошли. <S>

Рис. 1. Фрагмент параллельного конкорданса

С помощью параллельного конкорданса переводчик имеет возможность быстро проанализировать определенные слова или словосочетания и найти варианты их перевода в контексте. Это, в свою очередь, позволяет определить способы перевода, выявить переводческие трансформации и т. д. В итоге можно получить следующую справку по способам перевода имен собственных:

Milo — Мило (*транслитерация*);

Tock — Тактик (*калькирование + неологизм*);

Humbug — Ляпсус (*неологизм + калькирование*)

- Dictionopolis — Словаренция (*полукалькирование*)
Spelling Bee — Пчела-Наборщица (*калькирование*);
King Azaz — Азбукин (*неологизм*);
Conclusions — Домысел (*калькирование*);
Trivium — Примитив (*калькирование*);
Mathemagician — Матемагик (*калькирование + неологизм*);
Dodecahedron — Додэкаэдр (*калькирование*).

Как видно из примеров, самым частотным способом перевода имен собственных в данном случае является калькирование или создание неологизма, поскольку жанр детской сказки подразумевает использование огромного количества различных стилистических приемов, способных обогатить язык, сделать его более живым и ярким, чтобы увлечь читателя повествованием. С помощью полученных данных возможно составить аналитические таблицы или диаграммы, которые наглядно продемонстрируют частотность способов перевода имен собственных. Такая статистика может быть полезной для последующих переводов произведений художественной литературы, для анализа существующего перевода или для создания более современного варианта перевода сказки. Важно также подчеркнуть, что все анализируемые слова представлены в контексте, что позволяет более детально проанализировать выбор автором тех или иных стилистических приемов и решения переводчика, связанные со способом их передачи, что, несомненно, раскрывает индивидуальный стиль автора.

Рассматриваемое произведение практически полностью строится на каламбурах (нами выделено 45 случаев). В этой связи целесообразно проследить, систематизировать в таблицы способы перевода каламбуров и проанализировать данные параллельного корпуса.

Способ замены образа:

Whether Man / Weather Man. Либотак / Либозтак

Wait / Thirty-four pounds. Куда ты? / Кудлатый!

But I didn't mean / Of course you're mean. Я сейчас заплачу / Ах, заплатишь?

Perhaps we should wait until morning / They'll be mourning for you soon

enough. Может быть, утра *подождет*? / *Под дождем, не под дождем* — все равно вам каюк.

If you had *high hopes*, how would you know how *high* they were? Если ты *птица высокого полета*, как ты можешь узнать, насколько *высоко* залетел?

And did you know that *narrow escapes* come in all different *widths*? Если попал в *полосу неудач*, как узнаешь, какой она *ширины*?

Буквальный перевод:

Context / out of it. Родом я из Контекста / С корнем выфвалась из Контекста.

We're looking for a place *to spend* the night / It's not yours *to spend*. Мы хотим *провести* где-нибудь ночь / Этим вы никого не *проведете*
Infinity is a dreadfully poor place. They can never manage *to take ends meet*. *Бесконечность* — убогое местечко. У них там никогда *не сходятся концы с концами*.

Would you travel *the whole wide* world without knowing how *wide* it was? Если отправился странствовать *по необъятному миру*, как узнаешь, насколько он *необъятен*?

Опущение каламбура:

That doesn't seem *right* / neither it is *left*.

«Whose *mine* is it?» / *IT'S MINE, OF COURSE!*

synonym bun.

Полученные данные позволяют судить о том, какой способ перевода применялся переводчиком чаще, а какой — реже, а также о том, какой из способов оказался эффективнее. Мы видим, что наиболее частым способом перевода является замена образа в переводящем языке. Таблицы могут использоваться для теоретического и практического курса переводов в качестве наглядных примеров. Имея эти таблицы, переводчик может проанализировать каламбуры и способы их передачи и в последующей работе использовать эти знания в целях совершенствования перевода.

Автоматизированный поиск и параллельный корпус делают процесс работы с каламбурами и их анализ (а также анализ их переводов) более упрощенным и быстрым. Подобный анализ позволяет переводчику делать перевод более точным и выразитель-

ным, близким по стилю и языку к авторскому замыслу. Лингвистам такие исследования на эмпирическом материале дают возможность изучить индивидуальный стиль автора, его язык, используемые им синтаксические и грамматические конструкции. Конкорданс позволяет быстро найти и ознакомиться с контекстом: переводчик имеет все необходимое для быстрого принятия решения о необходимом в каждом конкретном случае способе перевода, об употреблении нужной лексико-грамматической трансформации и т. д. Информация о частотности употребления лексической единицы позволяет прибегнуть к переводу устойчивого выражения один раз и сравнивать лишь контексты, в которых оно будет использоваться: таким образом, можно ускорить работу с переводом этого словосочетания, имея «правильный» вариант перевода и не прибегая многократно к помощи словарей.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть важность работы с одноязычным корпусом для вычленения информации с целью дальнейшего сравнения в параллельном конкордансе. Например, попробуем найти в одной из глав все коллокации с глаголом *go* (или причастие *going*) при помощи инструмента Word Sketch для того, чтобы определить фразовые глаголы и в последствии проанализировать их перевод в конкретных контекстах. В корпусе зарегистрированы фразовые глаголы: *go about*, *go on*, *go away*, *go off*, *go back* и т. д. Найдём некоторые контексты:

- (1) “Now why don’t you *go away*? I was just advising the lad of the importance of proper spelling.”
- (2) Milo jumped back in fright and quickly grabbed Tock to make sure that his alarm *didn’t go off* — for he knew how much witches hate loud noises.
- (3) “Nothing can possibly *go wrong* now,” cried the Humbug happily and as soon as he’d said it he leaped from the car, as if stuck by a pin, and sailed all the way to the little island.

В параллельном корпусе можно найти эти контексты, их перевод и проанализировать, были ли употреблены переводчиком лексико-грамматические трансформации, насколько адекватен

перевод и т. д.

- (1) Давайте считать это вашей прощальной речью. Мы с молодым человеком должны продолжить разговор о правилах правописания.
- (2) Удивленный Мило огляделся и только тут заметил в полумраке симпатичную старушку, которая, тихонько покачиваясь в кресле-качалке, что-то вязала на спицах.
- (3) — Ну, теперь-то у нас все пойдет как по маслу! — радостно воскликнул Ляпус. И едва он произнес эти слова, как вдруг подскочил, будто в него воткнули булавку, вылетел из автомобильчика и отправился неведомо куда.

В первом примере перевод в буквальном смысле очень далек от текста оригинала. По сравнению с оригиналом здесь используются более яркие речевые конструкции. Во-первых, опущен перевод фразового глагола: вместо этого переводчик полностью перестраивает предложение, перефразируя его. Он использует выражение «давайте считать это прощальной речью». Можно заметить, что в данном случае переводчик применяет очень яркую лексико-грамматическую трансформацию — прием модуляции. По смыслу возникает логическое развитие: когда один персонаж предлагает другому уйти (go away), он намекает, что они уже прощаются, называя их разговор «прощальной речью». Кроме того, в русском переводе мы замечаем орфографическую особенность в выражении «должны продолжить». Очевидно, что удвоением буквы «ж» как средством передачи на письме жужжания, переводчик хотел охарактеризовать личность персонажа — Пчелу. Выбор переводчика мы считаем оправданным, так как это придает некий колорит персонажу и его речи. Во-вторых, это приносит в текст элементы разговорного стиля (в оригинале речь героя стилистически нейтральна). Таким образом, несмотря на все изменения, сделанные переводчиком, мы считаем перевод адекватным, поскольку они не нарушили исходной коммуникативной цели высказывания и позволили передать основную мысль на языке перевода. К тому же, жанр сказки предполагает

яркость и выразительность изложения, и переводчику удается это сохранить.

Во втором примере мы видим, что переводчик практически полностью отходит от оригинала, опуская некоторые слова (в том числе и фразовый глагол) и словосочетания, и использует иную лексику в целях достижения бóльшей выразительности. Однако, с точки зрения языкового соответствия решение представляется не совсем удачным: переводчик применил вольный перевод, причем в отличие от предыдущего примера излишние добавления исказили стиль автора.

В третьем примере возникает достаточно близкий к оригиналу и адекватный перевод. При этом переводчик применяет лексико-грамматические трансформации: например, антонимический перевод (при котором меняется направленность действия) и стилистически интересную передачу средствами русского языка фразового глагола *go wrong*. В антонимичном переводе Тихомиров использует фразеологизм «как по маслу». В русском переводе это выражение звучит вполне естественно, поскольку это жанр детской сказки, и речь героев отличается выразительностью. Перевод представляется адекватным.

Следует обратить внимание не только на особенности перевода фразовых глаголов, но и на перевод предложения в целом, поскольку использование переводчиком дополнительных средств выразительности, стилистических приемов или лексико-грамматических трансформаций позволяет расширить границы анализа.

В корпусе также есть функция *Word Sketch Difference*, которая предполагает сравнение двух близких по значению слов или словосочетаний, вариантов перевода. Полученные данные позволяют нам проанализировать частотность используемых лексических единиц, а также установить, какие из синонимов (в работе с близкими по значению словами) используются в тексте чаще всего. Это позволяет сформировать данные, которые полезны для осуществления более детального анализа текста перевода: инвентарь слов, отдельных устойчивых словосочетаний или фразовых

глаголов, частотность их использования в тексте. Проанализировав перевод какого-либо выражения или словосочетания один раз в этом произведении (в особенности это касается трудных для перевода слов или словосочетаний), мы сможем с большей легкостью воспроизвести этот перевод в иных контекстах, взятых из произведений художественной литературы. Таким образом, на наш взгляд, эта функция облегчает, автоматизирует и ускоряет процесс анализа перевода, а также обеспечивает переводчика необходимыми данными, облегчающими дальнейший перевод как этого, так и других художественных произведений.

Целесообразно упомянуть еще один инструмент корпуса — *thesaurus*, который позволяет находить в тексте синонимы к заданному в поиске слову. Это также дает возможность проанализировать словарный состав языка и конкретные синонимы (их количество в тексте). При этом есть возможность проанализировать, как переводчик переводит эти слова на русский язык, какими переводческими эквивалентами он пользуется. Кроме того, если мы применяем лишь один из наших корпусов, не прибегая к функции параллельного конкорданса (например, только англоязычный корпус), это позволяет избегать лексических повторов в переводном языке и улучшить качество перевода художественного произведения. В качестве примера рассмотрим прилагательное *terrible*. Корпус предлагает нам следующие синонимы в исследуемом произведении: *awful, sad, dreadful, horrible, bad*. Рядом с каждым синонимом мы увидим количество словоупотреблений. Стоит также отметить, что расположение полученных данных осуществляется от наиболее популярного к наименее часто используемому слову. При необходимости из функции *thesaurus* мы можем выйти на *concordance* или *word sketch*. Перевод искомого слова — «ужасный», такой же перевод мы можем соотнести и с синонимами *dreadful, awful, horrible*. Эти слова встречаются в тексте несколько раз, иногда они могут находиться недалеко друг от друга в одном и том же контексте, поэтому в переводе это дает возможность избегать повторений. Поиск синонимов и получен-

ные данные позволяют заранее подобрать необходимые эквиваленты на русском языке, что способствует большему языковому разнообразию и выразительности перевода. Например, на этом этапе можно составить список подходящих прилагательных — страшный, безнадежный, жуткий, кошмарный и т. д.

Инструмент Concordance позволяет найти расширенный контекст для определенного слова и проанализировать, как оно используется в соответствующем контексте. Например, мы можем найти контекст, в котором используется какой-либо англоязычный каламбур, для адекватного перевода которого зачастую требуется не одно, а несколько предложений, постараться воссоздать его буквально или же придумать новый образ, опираясь на существующий контекст и придерживаясь сюжета.

Инструмент Wordlist показывает нам частотность использования какого-либо слова в тексте оригинала или перевода в зависимости от выбранного корпуса (список может быть составлен от наименьшего числа к наибольшему и наоборот). Стоит добавить, что мы можем задать всего лишь одну букву для поиска (в том числе используя опцию выбора по частеречному параметру), например, «g», и выбрать все слова, содержащие (либо начинающиеся или заканчивающиеся) на эту букву. Вместо буквы для поиска можно взять слово, в этом случае корпус покажет все однокоренные слова и количество использования этих слов в тексте.

Некоторые функции Sketch Engine не применимы при анализе перевода (в особенности произведений художественной литературы), а некоторые позволяют осуществлять ускоренный, детализированный поиск данных, необходимых для проведения глубокого анализа перевода произведения.

Заключение

Параллельный корпус выступает незаменимым помощником и инструментом переводчика. Он позволяет не только автоматизировать и ускорить процесс аналитической работы с текстами оригинала и перевода, раскрыть и проанализировать те или иные лингвистические явления в произведениях и способы их передачи на язык перевода, собрать необходимый объем статистических и

лингвистических данных для дальнейшего анализа, обработки и обобщения, но и детально проанализировать любое художественное произведение. Автоматизированный подход, заключающийся в использовании параллельного корпуса, нацелен на быстрый поиск подходящего контекста, на работу с синонимами, фразеологизмами, стилистическими приемами, анализом перевода и использованием в переводе трансформаций.

Использование параллельного корпуса в анализе единственного перевода детской сказки Джастера Мило *и волшебная будка* позволило обратиться к расширенному контексту, проанализировать перевод как отдельных лингвистических явлений (например, каламбура) и получить информацию о способах и приемах их перевода, так и оценить качество и степень адекватности перевода отдельных частей текста и текста перевода в целом.

Полученные данные позволяют считать параллельный корпус мощным вспомогательным инструментом анализа переводного текста. Корпусный анализ дает возможность убедиться, что на переводном языке это произведение звучит ярче, выразительнее и в большей мере соответствует жанру детской сказки, чем оригинал. Корпус позволил также оценить степень адекватности выполненного перевода.

Данные, полученные в ходе исследования, как представляется, будут полезны для переводчиков, лингвистов, работающих в области теории и практики перевода, корпусной лингвистики, информационных технологий.

© Маник С. А.

Раздел IV
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

4.1. ПРОЗРЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПАДЕНИЕ: КОНЦЕПТ «УСПЕХ» В ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА

1. Введение

В работе рассматриваются две важнейшие антропологические проблемы: стремление человека к успеху, легко ускользающему от победителя, и прозрение через потери, падение и страдание. Данная тема онтологически заряжена, имеет библейские и общемифологические основания. Достаточно вспомнить ветхозаветное представление о суете сует и томлении духа: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё — суета и томление духа!» (Эккл. 1: 14), образ многострадального Иова, имевшего всё, потерявшего всё и обретшего всё благодаря вере, образ «ярмарки тщеславия», сквозной в европейской литературе (КЕЛЛЕРМАН 1984; МАНН 1969; ТЕККЕРЕЙ 2008).

Каждая эпоха по-своему интерпретирует этот концепт, и каждый яркий автор репрезентирует свое понимание этого феномена. Средневековое видение успеха, установки версальских правителей, остроумный взгляд Вольтера на предмет успеха и славы, позиция успешного фабриканта 20-х гг. XX столетия или современного бизнесмена разительно отличаются. Поэтому мир отдельной эпохи со всеми его противоречиями представляет интерес для исследователя.

В фокусе исследования оказывается Веймарская республика в первой фазе ее развития, когда после унижительного поражения в Первой мировой войне Германия не просто встает с колен, а переживает стремительный подъем, перерождается, страстно стремясь к успеху. Но этот подъем заканчивается падением собственно и для самой Германии, попавшей в ловушку национал-социализма. Одурманенные успехом обыватели и дельцы так и не заметили, как это произошло. Лишь немногие мыслители — политики, философы, писатели, деятели искусства забили тревогу уже в начале этого периода. Автор романа *Успех* Л. Фейхтвангер был одним из таких провидцев. Значение этого произведения, его многогранность и глубину отмечают многие исследователи

4.1. Прозрение через падение: концепт «успех» в романе Лиона Фейхтвангера

(Gysi 1960; JESKE & ZAHN 1984; STERNBURG 2014; WAGENER 1996]. Сегодня, спустя ровно сто лет с момента описываемых событий, случившееся представляется невероятно узнаваемым, что и обуславливает актуальность исследования.

Панорамный взгляд на эпоху и природу людей позволяет вписать роман в дантовскую традицию (ДАНТЕ 1982). Современники называли роман «маленькой» «Человеческой комедией» в духе О. де Бальзака (БАЛЬЗАК 1993). Роман также вызывает ассоциации с жанровыми картинами Питера Брейгеля Старшего и Иеронима Босха, в малое пространство которых вмещается целый мир образов, персонажей, построек, предметов.

Работа с таким многослойным, нелинейным, полижанровым романом требует обращения к самым разным методам: методу сравнительного анализа, культурно-историческому и психологическому методам, методу пристального чтения, структурному и мотивному анализу (АЛЕКСЕЕВ 1983; ДЮРИШИН 1979; ЖИРМУНСКИЙ 1979; ИЗЕР 1999).

2. Роман Фейхтвангера *Успех* в исторической перспективе

Лион Фейхтвангер (1884, Германия — 1958, Америка) — один из наиболее читаемых в мире немецкоязычных авторов. В области исторической (уточним: максимально приближенной к исторической) литературы он наряду со своим современником из Австрии Стефаном Цвейгом (1881—1942), является безусловным эталоном. Примечательно, что и в России именно эти авторы знакомы каждому читающему человеку. Во многом это связано с тем, что Фейхтвангер посетил СССР в 1937 г. и написал панегирик Советской России, за что был практически изгнан из интеллектуальных кругов Европы, зато в СССР его произведения издавались практически сразу после их публикации в Германии (FEUCHTWANGER 1937). Роман *Успех* перевели на русский язык через 5 лет после его написания в 1935 г.; издавались и другие книги; позже в 1963—1969 гг. вышло двенадцатитомное собрание сочинений автора, которое встречается на книжных полках в доме каждого интеллигентного человека (ФЕЙХТВАНГЕР 1963—1969).

Другая причина известности Фейхтвангера и Цвейга заключается в ясности писательского стиля, в невероятной увлекательности сюжетов, приближенных к жизни, в умении создать острый конфликт и привлечь читателя, в многоадресности их текстов, интересных как обычному человеку, так и специалисту-филологу. Кроме того, оба автора сумели передать атмосферу эпохи, выразить настроения и чувства самых разных людей. Если их великие современники Томас Манн и Герман Гессе настаивали на своей элитарности, Фейхтвангер и Цвейг смогли найти подход к любому типу читателя. Поэтому роман воспринимается и сегодня не как архаический текст (сложность составляют только диалектизмы), а как текст вполне современный. К тому же сюжет романа не кажется далеким от сегодняшней жизни.

2.1. Сюжет романа и его связь с реальностью

Фейхтвангер работал над романом *Успех* в период с 1927 г. по 1930 г. Вполне прослеживается его связь с реальностью, хотя автор намеренно уходит от точных совпадений. Перед читателем открывается картина жизни большого города — южной столицы Германии Мюнхена до и после событий Пивного путча, случившегося в Баварии в 1923 г. Роман напоминает полотна Питера Брейгеля, на которых в малом пространстве умещаются десятки персонажей, строений, предметов. Вместе с тем важно понять, что роман *Успех* — только первая часть триптиха-трилогии «Зал ожидания» («Wartesaal», 1930—1939), в который входят еще два романа *Семья Опперманн* («Die Geschwister Oppermann», 1933), где описываются события, предсказанные писателем в *Успехе*, и трагический роман *Изгнание* («Exil», 1939) как своего рода логическое завершение событий 1923 г. (ИЗОТОВ 2010).

Общим для трилогии является мотив зарождения страха уничтожения, не только морального, но и физического, что впервые писатель ощутил, находясь в Тунисской тюрьме. Он провел там некоторое время в качестве германского подданного, подлежащего высылке. Он испытал ужас перед возможностью оказаться в заточении, стать жертвой судебной ошибки.

Среди исследователей есть разночтения в понимании жанровой природы романа *Успех*. Большинство сходятся во мнении, что это не классический исторический роман, как, например, *Безобразная герцогиня*, где традиционно «через прошлое дается оценка настоящему» (МОТОВИЛОВ 2013). В *Успехе* Фейхтвангер уверенно поворачивается к современности. Весь текст пронизан документальными вставками: фрагментами рекламы, сводками со статистическими данными о положении рынка, финансовом состоянии страны, сведениями о доходах населения, о бойкотах, о восстаниях в Рурской области, что дает основание утверждать, что перед читателями «исторический роман, загримированный под хронику» (ibid.). И. Т. Изотов уточняет жанровую принадлежность романа: «исторический по технике создания», но «философский по уровню писательских амбиций, имеющий, однако фантастическую модальность, особый двойственный хронотоп» (ИЗОТОВ: 26). Изотов отмечает, что

«часть событий описывается на основе собирательного опыта жизни автора в послеверсальской Германии, современной автору, события же после 23 года, еще не наступившего дают сослагательную перспективу развитию истории» (ibid.: 27).

Для современного читателя именно этот аспект может показаться особенно интригующим, так как последние 30 лет жанр альтернативной истории вытесняет многие классические жанры. Роман *Успех* представляет собой мозаику жизни мюнхенцев 20-х гг.; это арабески, собранные воедино. Автор как бы сверху смотрит на людей. Учитывая этот очевидный факт, книгу можно назвать «романом наблюдений» (ibid.).

Некоторые критики также подчеркивают сатирический характер всей трилогии, где автор, как впоследствии и Гюнтер Грасс, раскрывает в движении национал-социалистов «бунт глупости против разума» (ibid.).

В 30-е гг. Фейхтвангер не мог знать, чем обернется путч национал-социалистов, в то время пока еще нелепой и непопулярной партии, поддерживаемой многими дельцами и элитой

для собственных целей. Но в масштабе трилогии именно это незнание кажется самым парадоксальным и сильным моментом. Даже спустя годы именно *Успех* критики в один голос называли самым сильным. Фейхтвангер был незаслуженно забыт, но на рубеже XXI в. интерес к писателю значительно возрос.

Сюжет романа развивается вокруг образа Мартина Крёгера. В 1921 г. после выставки, организованной Мартином — блестящим знатоком искусства, бонвиваном, ведущим красивую жизнь в красивых домах с красивыми женщинами, ненавидящие его и завидующие ему вышестоящие чиновники обвиняют его в лжесвидетельстве. Истинной же причиной стали две картины, возмущившие публику, о чем речь пойдет ниже. Кажущийся вначале нелепый суд в духе «много шума из ничего» привел к тому, что обвиненного по решению суда присяжных Крёгера отправляют в тюрьму. Постепенно он осознаёт ужас своего положения. Борьба его сторонников, пытающихся исправить судебную ошибку, добиться пересмотра дела, сфабрикованного лишь для того, чтобы отвлечь широкие массы от истинных проблем общества, заканчивается полным поражением. Крёгер, наконец, понимает, что страдания великого Франсиско Гойи, о котором он так много говорил и писал, — это реальность. Потерявший физические силы, но обретший силы духовные, он, тем не менее умирает, задохнувшись в маленькой грязной камере. Врачи, считавшие его симулянтом, не пришли на помощь. После смерти его друзья и сторонники написали книгу о нем, увековечив память прожигателя жизни, в тюрьме осознавшего ее трагизм.

Многие герои романа имеют реальных прототипов, некоторые представляют собирательный образ. Очевидно, что Руперт Кутцнер воплощает Гитлера, инженер-бард Каспар Прекль схож с Бертольдом Брехтом, в фигуре Жака Тюверлена автор изобразил себя и Томаса Манна, в генерале Феземане угадывается Эрих Людендорф, министр Флаухер — помешавший Пивному путчу Густав фон Кар (MÜLLER-FUNK 1981). Однако целью исследования является не изучение соотношения исторических событий и

реальности романа, а непосредственно концептосфера произведения. И начать целесообразно с описания системы героев, выходцев из разных миров: финансовая олигархия, рурские магнаты, ост-эльбские юнкеры, люди искусства, марксисты, националисты, в разнообразии судеб которых сфокусированы их успехи, падения и прозрения.

2.2. Система героев в романе Л. Фейхтвангера «Успех»

Как отмечено выше, все события в романе выстраиваются вокруг Мартина Крёгера и его дела, напоминающего дело Дрейфуса, ставшее прецедентным на рубеже XIX-XX вв., когда европейская общественность оказалась по разные стороны баррикад. При этом само «дело» имело меньшее значение, чем дискуссия, вызванная им. В романе *Успех* похожая дискуссия касается поначалу лишь общественной жизни Баварии, обрастая сложными смыслами, переходя, наконец, в диспуты о судьбе всей Германии, перебрасываясь, подобно пожару, на Берлин, Рур, а позже на Париж и Америку.

Среди «сильных актеров» в этой сложной игре необходимо назвать министра юстиции Клёнка, который по-баварски ненавидит прогресс (здесь чувствуется личное отношение Фейхтвангера, который, будучи евреем, пережил унижения, находясь некоторое время в консервативной патриархальной южной Германии). Клёнк подсознательно мечтал о наказании свободолюбивого Крёгера, и за это Фейхтвангер «наказывает» министра в конце романа, заставив его усомниться в своей непогрешимости и правоте. Победив бунтаря, он сам попал в ловушку неопределенности, что выражено в знаменитом эпизоде посещения кинотеатра в Берлине, где шел фильм «Броненосец Орлов» (аллюзия на фильм «Броненосец Потемкин»). Клёнк с ужасом он признает, что, поддавшись власти искусства, он сочувствует бунтующим морякам.

Роковую роль в судьбе Крёгера играет министр просвещения Флаухер. О его личности, мыслях сказано мало, но именно он заводит маховик уничтожения Крёгера. Его кредо — независимость от берлинских властей, установка на самобытность Бава-

рии. Но и он переживает фиаско, осознав, что на деле он проводит ту же политику.

Героями-кукловодами, всегда остающимися в тени, ставящими на министерские посты марионеток, но фактически управляющими страной и капиталом, являются граф Ротенкамп, барон Рейндль, тайный советник Бихлер. Это псевдодемократы, которые в случае опасности немедленно отправляются на воды или в Париж, чтобы переждать волнения и снова в роли дирижеров вернуться на Родину. Примечательно, что именно такие герои вместе с представителями крупного капитала легко пережили и времена фашизма, оставшись на плаву. Один из таких людей — Антон фон Мессершмидт, имевший огромные полномочия, попытался вырваться из системы, начав безнадежную борьбу за правду, но это привело его к неизбежной отставке.

Трагически звучит история о судьбе чемпионки мира по теннису Фанси де Лукка, которая блистала в обществе, наслаждаясь восхищением поклонников, желанием всей элиты видеть ее в своих салонах, быть поближе к ее успеху, поскольку успех — это знак времени, подменивший и общественную и частную нравственность. Потеряв форму, она кончает собой. Сильная личность в спорте оказалась слабой при встрече с реальностью.

Особую группу составляют половинчатые герои. Например, господин Гесрейтер — известный в Мюнхене собиратель древностей, антикварных изысканных вещиц. Безусловно, как образованный человек он испытывает брезгливость к шовинистам. Но фактически для него важнее сохранить уют и покой. Потеряв после Пивного путча дом и большую часть коллекции, он покорно переезжает в небольшое поместье и принимает требование когда-то брошенной им любовницы официально оформить отношения. Именно такие герои впоследствии тихо примут нацистский режим. То же можно сказать о некогда страстном коммунисте Бено Лехнере, который женился на практичной официантке Ценци и успокоился.

Неприятнь Фейхтвангера к консервативной части населения Баварии, проживающей в основном в деревнях и небольших уют-

ных городках, выражена в образе Рахуза Дайзенбергера, создателя незамысловатого полотна «Деревенский апостол Павел». Он воплощает темную силу баварского крестьянства, нажившегося на инфляции. Данный мотив характерен для всей прозы писателя.

В романе есть три любимых Фейхтвангером героя. Им он позволяет пройти путь от падения до прозрения. Это Каспар Прекль, инженер на автомобильных заводах барона Рейндля. Автор дает ему возможность осознать, что популярность его песен в народе не является последней правдой. Горделивый поэт демонстративно покидает завод Рейндля, однако, приняв аргументы своей невесты Анни Рехлер, разумной и честной девушки, он возвращается к миллионеру. Он требует, чтобы Анни вступила в компартию Баварии. Критиковавшая романтическую несостоятельность действий жениха, она принимает решение стать коммунисткой, но отказывается выйти замуж за Прекля. Потрясенный неожиданным известием, инженер принимает решение покинуть Германию и по поручению Рейндля отправиться в далекую Россию строить автозавод в Нижнем Новгороде. Символичным кажется эпизод, когда заводоладелец просит Прекля поменять его старую кожаную куртку на новую, ведь ему предстоит долгий путь на автомобиле, через всю Европу до далекой Волги. Прекль принимает условия, становится мудрее. Перед читателем уже не гордец и бунтарь, а человек, прошедший путь осознания реальности.

Двойник автора Жак Тюверлин — интеллигент-скептик, писатель, критик, которого интересует подвижная и изменчивая жизнь. Способность ярко жить дает ему независимость. Кульминационным моментом его карьеры должна была стать пьеса *Касперль в классовой борьбе*, написанная в аристофановском духе — смелая сатира, острая шутка. Он хотел противопоставить здравый смысл мышинной возне. Баварцам такая пьеса оказалась не нужна. Писатель терпит фиаско. А его компаньон делец Пфаундлер превращает шедевр Тюверлина в водевиль, ведь баварцы любят праздники и карнавал. К Рождеству он даже запланировал показать пьеску в Берлине, так как народ любит праздники. Не-

удача не сломила Тюверлина, который, следуя зову разума, всегда способен встать на ноги и продолжать жить.

Особое место в романе занимает Иогана Крайн, в которой Фейхтвангер обнаруживает целостность характера, подлинность. Обыватель может осудить ее. Будучи сначала любовницей, а позже во время заключения женой Крёгера, борясь за его освобождение, она вступает в отношения с Тюверлином. А после смерти главного героя остается с ним и пишет книгу об умершем муже. Она проходит путь от кабинета министров, модных курортов, где можно встретиться с нужными для решения вопроса людьми, до кельи, и не разрушиться при этом. Соединив любимых героев вместе, Фейхтвангер выражает важную для него мысль, что жизнь имеет главную ценность.

Последняя группа персонажей связана с деятельностью «истинных германцев». Руперт Куцнер предстает символом непобедимого зла, разрастающегося с каждым днем, готового уничтожить не только режим, но и своих ближайших соратников. Таков и Эрих Борнхаак, герой Первой мировой войны, разочарованный, обозленный, лихой. Он незаконнорожденный сын блестящего адвоката доктора Гейера, отчаянно боровшегося за спасение Крёгера. Карьера Гейера кажется блестящей. Он честен, его цели благородны. По вечерам адвокат пишет свой главный труд *История беззаконий в Баварии*, который так и не будет закончен. Он получает желаемый высокий пост депутата Рейхстага. Однако у него есть одна слабость — ненавидящий его сын, член партии «истинных германцев», ради него отец готов на все. Гейер даже соглашается спасти одного из его дружков, участвовавшего в бессмысленном убийстве девушки (служанки в доме министра, где обсуждались политические дела, связанные с деятельностью Рупрехта). Это ритуальное убийство напоминает сцены из *Бесов* в романе Ф. М. Достоевского; кровь объединит преступников навсегда, вырваться уже невозможно. Смерть сына доводит некогда успешного адвоката до безумия. Фейхтвангер четко показывает, какова истинная, антигуманная, извращенная природа фашизма с его туманной, мистической псевдофилософией (Сучков 1973).

3. Идеи́нный пласт в романе Л. Фейхтвангера

Лион Фейхтвангер относится к числу авторов, жизненный и творческий путь которых полон сложных перипетий. Во многом это связано с историческим контекстом: писатель пережил эпоху декаданса, Первую мировую войну. Он — свидетель бурных событий периода существования и разрушения Веймарской республики, свидетель зарождения национал-социализма. Долгие годы Фейхтвангер симпатизировал коммунистам. После прихода к власти Гитлера Фейхтвангер познал судьбу эмигранта, сбежав в условиях страшной опасности из Германии и найдя покровительство в лице Э. Рузвельт и Т. Манна в Америке (FEUCHTWANGER 1984; RUMPLER 2016). Наконец, он пережил послерузвельтовскую деградацию политической и нравственной системы страны, принявшей его и давшей ему возможность выжить. Отсюда и разнообразие сюжетов, тем, способов подачи материала. Но в одном он оставался непоколебимым: в стремлении к сохранению гуманизма и разумного взгляда на действительность. Даже оставаясь в рамках одного жанра — исторического романа — писатель всегда был разным. Каждый период его творчества связан с определенным комплексом идей. В романе *Успех* идейное поле выстраивается вокруг векторов, найденных автором еще в ранних произведениях. Некоторые из них хотелось бы наметить ниже.

Фейхтвангер прекрасно разбирался в античной философии и литературе. Однако в романе *Успех* выделяется отдельная сюжетная линия, посвященная театру и его функции в обществе, находящемуся в состоянии глубокого кризиса. Фейхтвангер, не отрицая значимости трагедии, настаивает, что в эпоху перемен на смену софокловскому театру приходит театр Аристофана, чья сатирическая едкость импонировала ему. Великого комедиографа он называет «духовным наставником», вкладывая в уста своего любимого героя Тюверлина собственные идеи. Для стиля Фейхтвангера характерна та же философическая неоднозначность при постоянном обращении к вполне приземленным, даже физиологическим явлениям. Именно эта способность работать в двух регистрах привлекает автора, по сути, трагического романа *Успех*, в котором вместе

с тем есть место юмору, быту, человеческому.

В советском литературоведении Фейхтвангера критиковали, отмечая, что он «не дорастает до гневного пафоса, предпочитая иронию и открытый финал» (Сучков 1973: 23). И, действительно, как следует из текста, лишь Прекль делает окончательный выбор. Тюверлин и Иоганна покидают Баварию, не разочаровавшись окончательно в возможностях нормализации политического устройства Германии: «общество больно, но излечимо» (ibid.: 24).

Источником неиссякаемого вдохновения были для Фейхтвангера и идеи Просвещения. Его интересует феномен превращения основного капитала эпохи великих мыслителей — разума — в капитал буквальный, «действительный, ставший целью, заместителем, мерилом всего» (ibid.: 18).

Эта полифония идей делает текст герменевтически сложным. Последнего ответа писатель не дает, он упростил бы мир романа. Ведь для Фейхтвангера интересен не разум сам по себе, а холодная рассудочность. Ему ближе не витальная действительность Просвещения с его решительными ответами на вызовы реальности, а углубленная созерцательность Платона. В политическом смысле Фейхтвангер никогда не мог бы быть либералом. На протяжении всей своей жизни он до конца не понимал народа, боялся его темной силы, считая, что утрата гуманизма ведет обратно в Средневековье, где человека можно запугать. Эта мысль проиллюстрирована в сцене Пивного путча. Если отвлечься непосредственно от беснующихся «истинных германцев», а посмотреть на гигантское полотно, изображающее поведение других людей, из разных слоев, с разными устремлениями, можно отчетливо понять его мысль: страх убивает человеческое. Ярким примером тому может послужить антиквар Каэтан Лехнер, когда-то из-за стесненных обстоятельств продавший старинный изысканный комодик (глава «Самый черный день в жизни Каэтана Лехнера», книга пятая с одноименным роману названием «Успех»). Но вот его дела пошли в гору: иностранцы в период инфляции покупали антиквариат за валюту. Он уже присматривал

новый дом и мечтал найти голландца, купившего «прелестную вещицу», и вернуть ее (FEUCHTWANGER 1998: 669-677). Но Путч показал ему на его собственном примере животную метаморфозу человека под влиянием страха: испуганный, грязный, испачкавшийся в собственных экскрементах, ранним утром он все-таки дополз до дома и надолго затих.

В этом эпизоде показан путь реального уничтожения. То же и с Крёгером. В начале романа он велеречиво рассуждал о муках героев на полотнах великих художников. Но живые муки буквально убивают его.

Не случайно параллельным героем романа становится Гойя, о котором Крёгер написал книгу. Снова Фейхтвангер обращается к излюбленному приему: вкладывать в уста героя свои идеи (впоследствии они будут выражены в романе *Гойя, 1943—1950*) (FEUCHTWANGER 1984). Только в камере, лишенный источников информации, общения, когда-то известный искусствовед вспоминает каждую строчку из написанного и осознает смысл творчества художника.

Его по-новому понятый Гойя «сострадал людям и наслаждался жизнью», но от портретов аристократов, фантасмагоричных офортов «Капричос» сознательно перешел к реалистическим рисункам «Бедствия войны». Размышляя о главном послании Гойи, Крёгер вместе со своим героем-художником выступает против мертвящей косности жизни. А главная мысль Крёгера: широта человеческой природы всегда отрицает узость революции. Широта Гойи выступает против насилия. Лишь искусство дает человеку освобождение, указывает путь к справедливости, и этот мотив композиционно завершает структуру текста.

Одна из картин, показанных Крёгером на вернисаже, так и называется — «Справедливость». Она возмутила баварцев своей откровенностью, как и автопортрет обнаженной художницы-самоубийцы, вероятно, влюбленной в Крёгера и покончившей с собой сразу после разговора с ним по душам.

Картина написана по мотивам легенды об Иосифе Прекрасном и его братьях. Изображен момент, когда уже в Египте Иосиф

подкидывает золотую чашу своим «благочестивым братьям», когда-то желавшим его смерти, а они цинично заявляют о своей невиновности.

Примечательно, что автор картины Ландхольцер оказывается в доме умалишенных, где его посещают многие герои романа. Он выражается в притчевом стиле, предрекая конец времен. Картина появляется и в конце романа, когда Каспар Прекль, находясь в небольшом городке Поволжья, заходит в местный музей и видит, как экскурсовод, объясняет пионерам смысл картины «Справедливость», видимо проданной в СССР за ненадобностью, при этом полностью искажая смысл изображенного в марксистко-ленинском плоском измерении, стирая память, связанную с этим полотном.

Идея справедливости выражена и в другой притче о двух покорителях Арктики — Северянине (его прототип — норвежец Роальд Амундсен) и Южанине (прототип — итальянец Умберто Нобиле), которой открывается последняя книга романа. Ее название совпадает с названием романа. Северянин — суровый, последовательный, сдержанный, Южанин — обворожительный, легкий, самонадеянный. Северянин первым покорил ледяные пределы, но не был любим публикой. Южанин завоевал любовь всего мира. Его успех был очевиден. Однако, отправившись на дирижабле в очередное путешествие, он не рассчитал, как будет возвращаться. Произошло крушение, большая часть команды погибла. На помощь пришел Северянин. Спасая других, он погиб и навсегда вошел в историю. Успех пришел к нему после смерти. Автор ставит главный вопрос: нужна ли такая слава?

Следует обратить внимание и на то, что в тексте практически нет упоминаний священников, нет религиозного пласта, кроме одного эпизода, когда адвокат Гейер после смерти сына-бунтаря неожиданно для себя, возвращаясь в памяти в раннее детство, из глубин подсознания вызывает спасительную еврейскую молитву.

4. Заключение

Роман Лиона Фейхтвангера *Успех* — величайшее свидетельство истории Германии и человечества, эпос о страхе и уничтожении, обличение идеи успеха и успешности как самоцели, гневный

4.1. Прозрение через падение: концепт «успех» в романе Лиона Фейхтвангера

памфлет на постгуманистическую, средневековую по сути систему общественных отношений. Немногие герои романа обретают покой или просветление. Лишь некоторые любимые автором герои через падение достигают прозрения, а дельцы и нацисты выживают в любых условиях, что трагически звучит в контексте произведения.

© Аверкина С. Н.

© Родина Г. И.

4.2. L'UNIVERS PROUSTIEN: ENTRE LA RÉALITÉ ET LA FICTION

Nous sentons dans un monde,
nous pensons, nous nommons dans un autre,
nous pouvons entre les deux établir une concordance
mais non combler l'intervalle
M. Proust. *Le Côté de Guermantes*

En critique littéraire, de Todorov à Genette, la notion de fiction reste définitoire de la littérature. Elaborée en principe de pertinence, elle permet d'opposer les textes présumés littéraires aux textes factuels pour peu que les premiers ne renvoient, croit-on, à rien qui leur soit extérieur. Sans entrer dans le débat si la séparation entre fiction et non fiction facilite ou entrave l'analyse des œuvres littéraires, notons seulement que les textes de fiction reposent autant que les textes factuels sur le concept de référence. Car les mots dont ils se composent se définissent en tant que signes linguistiques par rapport à des référents, généralement traités sous forme d'images mentales en termes de l'illusion ou de l'impression référentielle. Certes, la référence médiatisée par diverses formes de représentation devient souvent ambiguë dès lors que les textes littéraires renoncent à de tels principes réalistes de la mimésis, comme la transparence du langage de représentation, l'unité du point de vue ou la stabilité ontologique de l'objet représenté.¹ Ces conditions remises en cause, la question est bien de savoir si l'univers de représentation littéraire devient quasiment autonome à l'égard de la réalité, sans d'autre référence au sens précis du mot que l'imaginaire.

Le langage de représentation dans *A la Recherche du Temps Perdu* est d'autant plus significatif à ce propos que le monde supposé réel y cède, malgré ce que nous suggère le réalisme empirique, à biens des transpositions sans précédent. Car percevoir pour Proust, c'est voir autre chose que ce qu'on croit voir: une cathédrale derrière le livre,

¹ C'est ce que reproche à Proust le poéticien pro-nazi Kurt Wais (cité par RASTIER 1992: 106).

l'océan derrière les champs de blé, une phrase musicale derrière les clochers de Martinville, une ouverture d'opéra derrière les livres de Bergotte, la dentelle derrière un clocher, un tableau derrière un visage, une vague espérance d'un beau temps derrière l'odeur du café au lait, un beau Turner derrière le ciel brumeux, un épi de blé derrière le clocher de Combray, une toile de Monet derrière les nymphéas de la Vivonne, un magnifique rouge Tiepolo derrière le superbe manteau de la duchesse de Guermantes, le cloisonné japonais derrière les ombres d'arbres, une brioche bénie derrière le clocher, un paysage maritime derrière le corps féminin étendu, une plante locale derrière une paysanne, des poissons derrière les clochers antiques, le motif d'une tapisserie derrière les fleurs champêtres, un prêtre derrière le bourdon, le tabernacle derrière une fleur d'églatine, une œuvre d'art derrière une fille inconnue, une fleur derrière une femme, les lèvres derrière les pétales d'aubépines, les cerises derrière les pommettes, des fruits appétissants derrière deux petits seins haut remontés, l'acte de la possession sexuelle derrière la fécondation d'une fleur, une femme derrière un homme, les dalles du baptistère de Saint-Marc derrière les pavés mal équarris de l'hôtel de Guermantes, le marbre de Venise derrière l'ardoise de la maison d'en face.

Çà et là, il s'agit d'une transformation que les dénotés subissent dans la vision intérieure (cf. МАМАРДАШВИЛИ 1995: 295-297). Loin de se laisser définir en tant que tels, ils se font convertir selon le mode entièrement différent en quelque chose d'autre, comme si le sens qui leur revenait dans la pensée n'était rien d'autre que la possibilité même de transposition d'un système de signification en un autre.² De

² G. Deleuze parle à cet effet des «boîtes entrouvertes» et des «vases clos» comme des figures fondamentales de l'œuvre proustienne (DELEUZE 1986). Et J.-P. Richard reprend, quant à lui: «Voilé, le sens se retire derrière un écran d'opacité: mais ce retrait en accroît encore, selon la fascination propre à tout caché, le caractère excitant et désirable. [...] Sous le signifiant-obstacle le sens désormais s'indique en s'enfonçant; sa fuite implique tout à la fois creusement et clôture [...] A partir de cette triple disposition — voile, couvercle, ou enveloppe — du signifiant-obstacle s'imaginent aisément les gestes corrélatifs d'un effort de déchiffrement» (RICHARD 1990: 175, 176,

part et d'autre, la relation d'afférence procède selon les deux grands modes de transposition possibles: selon les mots et selon les choses. D'une part, elle est orientée par les ressources de l'homophonie partielle ou complète entre certains termes connectés; d'autre part, elle est gouvernée par la ressemblance factice des dénotés.

Premièrement, de différents dénotés se rapprochent selon le célèbre principe d'étymologie médiévale: autant les mots se ressemblent, autant les choses communiquent. En l'occurrence, Florence apparaît comme *une ville miraculeusement embaumée et semblable à une corolle* (PROUST 1987/1989: IV, 381); le bois de Roussainville renvoie au désir d'une fillette d'un blond roux, ou au visage parsemé de taches de rousseur (ibid.: I, 139); l'odeur persistante des lilas de Perse s'associe au nom du pays d'origine (ibid.: I, 183; II, 258); le calice de fleur fait penser au vase sacré de l'eucharistie, dit calice (ibid.: I, 854); l'étamine de fleur évoque le tissu dit étamine (ibid.: I, 854).³ Comme si le Narrateur croyait à l'étymologie

comme à un moyen rationnel de pénétrer le sens caché des noms et par suite de se renseigner sur l'essence des choses (VENDRYES 1940: 126; cité par GENETTE 1969: 244).

Autant que les signes linguistiques, le réel participe à la sémiosis. En effet, comme la transposition procède par les sens de la perception, il n'y rien d'étonnant si elle puise les traits de ressemblance dans les formes, les odeurs et les couleurs analogues, ou passant pour telles,

178). De même, pour G. Genette: «Cette perception indirecte est nécessairement une perception mutilée [...]. Ce palimpseste du temps et de l'espace, ces vues discordantes sans cesse contariées et sans cesse rapprochées par un inlassable mouvement de dissociation douloureuse et de synthèse impossible, c'est sans doute cela, la vision proustienne» (GENETTE 1966: 50, 51). Et pour G. Poulet: «L'univers proustien est un univers en morceaux, dont les morceaux contiennent d'autres univers, eux aussi, à leur tour, en morceaux» (POULET 1982: 54).

³ Le terme botanique doit effectivement son nom au terme vestimentaire. Dérivé du lat. *stamina*, 'étamine' est francisé sous l'influence de l'étamine, 'tissu léger de laine ou de coton', emprunté au latin médiéval *staminea*, 'chemise en laine portée par les moines' (REY 1992: 735).

que la situation référentielle met pour ainsi dire sous les yeux. C'est ainsi que le feuillage se transforme en dôme des arbres pour peu que le regard atteste la similitude des formes sphériques (SANTEUIL 1971: 335); la blancheur des pommiers en fleurs évoque les robes de mariage ou de première communion (PROUST 1987/1989: III, 453-454); les pétales d'aubépines semblent d'un rose plus vif presque rouge comme des lèvres (ibid.: I, 864); le lisse éclatant des pétales s'apparente au satin, à la soie et à la mousseline (ibid.: I, 144, 145, 218); la tige de fleur s'égale en élan vertical au petit clocher (SANTEUIL 1971: 461); les feuilles de l'arbuste filtrent les rayons de soleil à peu près de la même façon que le vitrail cloisonné (PROUST 1987/1989: I, 136); le clocher de Combray pousse comme un épi de blé (ibid.: III, 401); la configuration d'une haie d'aubépines ressemble à une suite de chapelles (ibid.: I, 858); la façade d'église de Carqueville devient végétale, son porche mobile, ses piliers onduleux et fuyants, à l'instar des feuillages animés par le vent (ibid.: II, 75).

Que la similitude soit peu convaincante, les disparates énormes, rien n'empêche la relation d'afférence tant qu'elle relève des associations-croyances que le Narrateur tient pour indéniablement vraies. Ce qui entre alors en jeu, ce n'est pas tellement la réalité en soi, mais certains de ses traits-sillons auxquels s'accrochent les sens de la perception. Aussi signalétiques que révélateurs, ils ne sont en fait nécessaires que pour relancer l'analogie au-delà des formes phénoménales. Tout en signalant les propriétés référentielles, telles la forme, la couleur, l'odeur ou la substance, ils renvoient à une réalité autre que l'apparaître sensible, comme si les sens de la perception se conformaient ainsi à l'eidos antique qui côtoie l'idée de la chose jusque dans la substance physique. Selon M. Merleau-Ponty,

on touche ici au point le plus difficile, c'est-à-dire au lien de la chair et de l'idée, du visible et de l'armature intérieure qu'il manifeste et qu'il cache. Personne n'a été plus loin que Proust dans la fixation des rapports du visible et de l'invisible (MERLEAU-PONTY 1964: 195; cité par KRISTEVA 1994: 303).

Autant dire que les traits-sillons remplissent leur fonction cognitive quand ils servent de relais à bien des opérations transférentielles que

les dénotés subissent dans la vision intérieure. Toujours est-il que la valeur de ce qui les explique est ailleurs.⁴ De toute façon, elle n'est ni dans l'apparaître sensible, ni même dans les traits-sillons en tant que tels, mais dans ce que ces traits-sillons cachent et dévoilent à l'instar des hiéroglyphes.⁵ Sinon, pourquoi s'attacher si scrupuleusement à tel ou tel «petit trait que l'image, l'impression d'une chose avait marqué en relief sur nous», si ce n'est pas pour «en faire sortir la signification» (PROUST 1987/1989: IV, 822) et retrouver ainsi l'essence particulière des choses? Est exemplaire à cet effet la description de l'aubépine du mois de Marie (ibid.: I, 110-111, 112, 136-138; II, 49, 660) qui s'avère «l'arbuste catholique et délicieux» grâce notamment à plusieurs transferts de sens que permettent certaines de ses parties: les branches, le feuillage, les fleurs, les pétales, les boutons, les étamines, le pistil, l'épine rose. Comme si l'essence des choses ne se dévoilait effectivement que dans les rapprochements suivis, si étranges qu'ils puissent paraître dans le raisonnement positiviste, la haie d'aubépines apparaît comme une suite de petites chapelles; la disposition des branches évoque une petite chapelle; les étamines et les pétales passent pour le vitrail cloisonné et les nervures gothiques; le blanc floral

⁴ Certes, l'ailleurs est l'une des particularités du mode symbolique. Proust n'a-t-il pas écrit, lui-même: «Cette apparence avec laquelle ils <les pays peints par les artistes> nous charment et nous déçoivent et au-delà de laquelle nous voudrions aller, c'est l'essence de cette chose en quelque sorte sans épaisseur — mirage arrêté sur une toile — qu'est une vision» (Contre Sainte-Beuve, 177-178); «Il reste devant cet arbre, mais ce qu'il cherche est sans doute au-delà de l'arbre» (Contre Sainte-Beuve, 417); «je fixais avec attention devant mon esprit quelque image qui m'avait fait impression, un nuage, un triangle, une tour, une fleur, un caillou, en sentant qu'il y avait dessous quelque chose de tout autre que je devais tâcher de trouver, une pensée qu'ils signifiaient à la façon de ces caractères hiéroglyphiques qui semblent représenter seulement des objets matériels» (PROUST 1987/1989: IV, 817).

⁵ Cf. à cet effet les images du voile, du rideau, de l'enveloppe, du couvercle et des vases clos, plusieurs fois remaniées dans *A la Recherche du Temps Perdu* (PROUST 1987/1989: I, 133, 208, 597, 852, 870; IV, 448-449).

s'associe aux robes de mariage, de baptême et de première communion; les pétales de fleur font penser à la mousseline, au velours et à la soie; le feuillage se présente comme analogue à une traîne de robe; le calice de fleur évoque une frangipane ou un gâteau; tandis que l'épine rose est conjointe, de son côté, au luxe et à la festivité des parures de fête, aux biscuits roses et au fromage à la crème rose, à la dame en rose et aux taches de rousseur d'une femme désirée, à une peinture à l'huile et à une pièce musicale jouée à l'orchestre.

Décidément, c'est un saut ailleurs d'autant plus facile à effectuer quand le comparé et le comparant sont en contiguïté spatiale attestée. Comme le souligne Gérard Genette, les rapports de contiguïté tendent à se transformer, tout au long du texte, en rapports de similitude. Pour cette raison, l'aubépine, posée sur l'autel d'église au mois de Marie, se transforme facilement en autel, ses diverses parties, en tabernacle, châsse, rosace, nervures ou vitrail; le coquelicot est décrit dans les termes de construction navale grâce aux rapports de voisinage avec la mer; l'église de Saint-Mars-le Vêtu a tout d'un poisson de mer à cause de la proximité d'un port de mer; le clocher de Combray ressemble à un épi de blé, et non à un poisson, parce que le pré est très proche. Et le critique de conclure:

Dans tous ces cas, la proximité commande ou cautionne la ressemblance, dans tous ces exemples, la métaphore trouve son appui et sa motivation dans une métonymie (GENETTE 1972: 43-44, 45, 60).

Les rapprochements analogiques sont d'ailleurs motivés par le fait qu'il n'existe pas dans l'esprit du Narrateur d'autres classes d'objets auxiliaires qui puissent exprimer le sens que ces dénotés impliquent dans la contemplation intérieure: les fêtes du mois de Marie pour exprimer la catholicité de l'aubépine, une fiancée de village pour exprimer la pureté virginale des fleurs blanches, le marbre rose veiné de rouges sanguines pour exprimer le côté artistique des petits boutons, les biscuits roses et le fromage à la crème rose pour exprimer le caractère délicieux de l'épine rose, les toiles de Monet pour exprimer le caractère changeant des nénuphars de la Vivonne, une toile de Turner pour exprimer la beauté du ciel brumeux, le satin et la soie pour exprimer la douceur de la peau

féminine, le beau physique féminin pour exprimer la sensualité des fleurs, les ruches et les festons d'une robe de bal pour exprimer le caractère ornemental des arbres en fleurs, une fleur pour exprimer le caractère docile et compatissant des filles qui se laissent chiffonner comme une fleur, une pâte précieuse qui travaille encore pour exprimer les impressions qui parcourent ces jeunes visages sans cesse en train de changer, un paysage nocturne sur la grève pour exprimer le beau corps féminin allongé, les termes alpestres pour décrire la mer reflétée dans les vitrines des bibliothèques, au Grand-Hôtel de Balbec. Et si le pommier de Normandie est par ailleurs comparé au paravent japonais, cela ne tient ni au contenu de 'pommier' ni à celui de 'paravent', mais au fait que les objets d'Extrême Orient que l'on trouve dans la boutique de Bing à Paris conviennent on ne peut pas mieux pour exprimer l'exotisme d'un pommier en floraison.

Autant dire que les rapprochements s'alignent sur les modèles d'exemplification, pris en analogon de ce que représentent dans la vision intérieure les objets contemplés. Directement appliqués à des situations particulières, ils s'interposent, çà et là, entre l'objet de contemplation et le sujet contemplant. De sorte nous prenons pour l'essence particulière des choses ce que nous retrouvons comme sous un rideau tantôt dans une tasse de thé pour le jardin de Combray, tantôt dans une toile de Monet pour les plantes de la Vivonne, tantôt dans une chevelure blonde répandue pour le feuillage du maronnier, tantôt dans les boucles étoilées pour les lilas de Perse, tantôt dans les lèvres roses pour les pétales, tantôt dans les fruits appétissants pour les deux petits seins haut remontés, tantôt dans un cloisonné pour le paysage normand, tantôt dans un paravent japonais pour le pommier de Normandie, tantôt dans une étoffe précieuse de Fortuny pour les pétales de fleur, tantôt dans les instruments de la Passion pour le calice de fleur, tantôt dans les biscuits roses, le fromage à la crème rose ou une sonate pour l'épine rose. Pour le narrateur, ce n'est alors rien d'autre qu'une formule révélatrice, seule garante d'une vérité esthétique enfin conquise (PROUST 1987/1989: I, 721).

Pour répondre au critère d'acceptabilité, l'analogie établie doit respecter, à tout le moins, certaines normes socialisées. Et là, il s'agit

moins de la ressemblance factice, encore moins de la distance qui sépare les objets comparés,⁶ que de l'affinité et de la convenance, seules garantes en définitive du langage de représentation. Effectivement, du moment que la sémiotique du trope passe par une sémiotique de la culture (cf. ECO 1988: 143), le choix du comparant s'avère acceptable quand la culture le rend plausible. De toute façon, il en est ainsi pour *fleur* prise en analogon de 'femme', ou de 'jeune fille', en parfait accord avec la tradition déjà fort ancienne, dans les relations figurées suivies: une jeune fille → 'belle rose mousseuse', les joues → 'rose', 'cyclamen', les cils → 'pétales', les cheveux → 'variété végétale', les yeux → 'violette', 'myosotis' ou 'pervenche impossible à cueillir', le regard d'une jeune fille rencontrée au bal → 'myosotis', la bouche entrouverte → 'fleur éclosée', les seins → 'fruits appétissants', etc.

Quoique d'une simplicité si manifestement déconcertante, la transposition opérée ne se limite pas aux traits spécifiques communs, parfaitement identiques pour un bon nombre de métaphores d'usage courant, mais change de contenu avec peut-être la seule intention de prouver autre chose qu'une simple reminiscence culturelle. Non qu'elle renonce ainsi au vraisemblable socialisé, il n'en est pas question, mais parce qu'elle résulte d'une évaluation orientée, où la sélection des traits spécifiques à prendre ou à laisser varie chaque fois qu'il s'agit de faire valoir tel ou tel aspect d'une femme-*fleur*. D'abord, elle répond aux tendances naturalistes de l'époque avec cet engouement de l'Art Nouveau pour les thèmes du répertoire floral, et plus particulièrement pour ce type de femme florale dont les lignes courbes s'inspirent d'une plante du jardin et répondent aux rythmes innés de la croissance végétale. Puis, elle s'inspire de ce parallèle qui s'établit, dans l'esprit du

⁶ Autant que la notion, le degré de l'éloignement prête à des confusions. Pour les théoriciens, dits classiques, la ressemblance ne doit pas être «trop éloignée». Inversement, André Breton recommande, dans *Les Vases communicants*, de «comparer deux objets aussi éloignés que possible l'un de l'autre». Et Gérard Genette de conclure: «ni les premiers ni le second ne disent [...] si l'«éloignement» dont ils parlent mesure la distance qui sépare les objets ou leur degré de ressemblance» (GENETTE 1972: 45).

Narrateur, entre le premier amour pour une fille et la passion pour une fleur, douées, toutes les deux, d'un charme et d'un prestige particulier qu'aucune autre ne peut avoir (PROUST 1987/1989: I, 852). Plus encore, la métaphore de femme-*fleur*, si évidemment chère à Proust, contribue à la création d'une femme-*fleur* objet,⁷ sous réserve que toutes ces jeunes femmes issues du feuillage, élégantes, paysannes ou midinettes, empruntent à l'univers floral tout ce qu'il a de caractère passif, docile et ornemental. De toute façon, il en est ainsi dans le fameux épisode du désir d'inconnues, maintes fois remanié dans les brouillons, quand le Narrateur est en train d'observer de sa fenêtre jeunes blanchisseuses, petites employées, midinettes, ou d'autres filles encore, passer dans la rue (ibid.: III, 645-650, 1104-1108, 1137-1138). La conversion du sujet en objet est d'autant plus facile à manipuler qu'elle s'appuie, dans le texte définitif, sur le parallélisme des relations qui s'instaurent entre Marcel et les jeunes filles d'une part, le peintre Elstir et les fleurs des champs de l'autre. D'où la proportion d'analogie, selon laquelle les jeunes filles sont pour le Narrateur ce que les violettes sont pour l'artiste. Posées en petit modèle végétal, elles s'identifient aux fleurs d'une nature-morte parce qu'elles sont placées devant en véritable objet d'études, pareilles à tous ces objets d'art vénérés et idolâtrés en objets fétichistes.

L'effet d'incongruité croît toutefois quand la transposition opère dans le sens inverse, en ralliant les plantes aux univers traditionnellement situés dans un espace évaluatif distinct et opposé: aussi bien féminin que gastronomique, artistique et catholique. Car dans ce va-et-vient entre le corporel, le vestimentaire, le gastronomique, l'artistique et

⁷ A cet effet, il est curieux de rappeler le singulier cheminement sémantique du mot 'objet', au sens d'objet du désir, qui finit au XVIIe siècle par ajouter à sa signification primitive le sens de sujet pour s'appliquer en même temps à des choses et à des êtres suscitant un intérêt d'ordre affectif. Ainsi, le XVIIe et le XVIIIe siècles l'ont employé à propos de la femme, de l'amant ou de l'amante. Cf. O trop aimable objet qui m'avez trop charmé (Corneille); Henriette, Madame, est l'objet qui nous charme (Molière); Femmes! objets chers et funestes! (Rousseau). D'après POIRIER 1990: 930-93; cf. REY 1992: 1344-1345.

le sacré, les formes et les couleurs botaniques se voient connectées, en dépit des normes socialement codifiées, tantôt aux formes féminines enveloppées d'une aura nettement emphatique, comme les lèvres rouges, les joues fraîches d'une teinte d'un rose sensuel ou la chevelure blonde répandue, tantôt aux effets de toilette, comme une robe de mariée, une tenue pour le bal, le corsage ou une traîne de satin embrumée d'une fine ruche, tantôt aux œuvres d'art, comme une miniature de Perse ou les toiles de Monet, tantôt à l'ave Maria et aux attributs du culte catholique, comme l'autel, le tabernacle ou le vase sacré de l'eucharistie. Comme si le féminin, le gastronomique, l'artistique et le catholique communiquaient et s'impliquaient réciproquement à travers les formes botaniques.⁸

Et quand bien même les relations figurées ne se conforment au vraisemblable socialisé, la connexion des éléments d'univers disparates est facilitée par

a) les contextes équatifs:

— N_1 de N_2 : cf. sa luxueuse chair de fleur (PROUST 1987/1989: III, 999);

— N_1 est N_2 : cf. les filles sont [...] la flore particulière de Balbec (ibid.: III, 1077);

b) les expressions en fonction d'enclosure:

— *comme*: cf. ces jeunes filles posées toutes en fleurs pour un soir sur ces parquets [...] comme des roses qu'on a mises sur un reposoir (ibid.: III, 978);

— *apparaître*: cf. par les jours clairs Paris m'apparaissait innombrablement fleuri de toutes les fillettes (ibid.: IV, 135);

— *faire penser à*: cf. la fleur ouverte d'avance [...] c'est à de telles fleurs que m'avaient toujours fait penser Albertine et ses amies (ibid.: III, 1267);

— *ressembler*: cf. le profil irrégulier, creusé, puis proéminent, puis creusé à nouveau, ressemblait tout à fait à certaines grappes de fleurs

⁸ En reprenant le mot de J.-P. Richard, il serait plus juste de nommer athématique ce qui est étudié comme une série thématique (RICHARD 1990: 287).

roses (ibid.: III, 696) ;

— *pareille*: cf. une teinte d'un rose sensuel et vif des joues, pareille à l'incarnat au cœur des nymphéas blancs de la Vivonne (ibid.: II, 49).

Conformes au vraisemblable socialisé, ou non, ces transpositons modifient considérablement notre vision du monde de sorte que les choses supposées réelles nous apparaissent, à moins que l'exigence de rationalité ne se satisfasse dans le sens figuré, entièrement différentes: moins réelles que fictives. La transparence du langage de représentation remise en cause, la question est donc de savoir ce que devient la réalité à laquelle se réfère le texte littéraire. Car il semble renvoyer à des référents présumés réels, comme l'aubépine, l'église, le champ de blé ou le Bois de Boulogne par exemple, mais en même temps y investit, dans un jeu de rappels allusifs, des contenus subjectifs que le bon sens ne pourrait jamais accepter comme littéralement vrais. Toujours est-il que l'aubépine n'est pas une église, mais une plante de la famille des rosacées; le réséda n'est pas un clocher de couleur, mais une plante à fleurs blanchâtres, ou jaunâtres, qui pousse dans le bassin méditerranéen; les jeunes filles en fleurs n'appartiennent pas à l'univers végétal, mais restent jeunes filles; l'arbre du Bois de Boulogne n'est pas dryade, comme une élégante parisienne n'est pas non plus déesse de la protection des plantes. Malgré la présomption d'analogie, l'énoncé métaphorique n'est jamais conforme à ce qu'on connaît du monde réel quand bien même il est autorisé par les doxa et les pratiques scripturales socialement codifiées.

Le lecteur est alors confronté à une alternative: ou bien considérer les tropes, sous le régime du réalisme empirique, comme entrave à la mimésis; ou bien prendre la représentation métaphorique, sous le régime du réalisme transcendant, pour une nouvelle pertinence permettant d'accéder à la réalité inaccessible à la description directe (RICŒUR 1975: 146-155).⁹ De part et d'autre, la représentation de la

⁹ De ce fait, la vraie valeur d'un trope est plus qu'ornementale. Ambigu, transgressif et menteur, il est aussi de portée épistémologique parce qu'il contribue à connaître ce qui ne peut être connu autrement. Cependant, contrairement à ce qu'on pense assez souvent, le sens littéral ne disparaît

réalité est définie en fonction du parti pris à son égard, car il y a autant de types de représentation qu'il existe de types d'ontologies. La première réduit la représentation à l'univers de référence et prend le texte pour un miroir d'un monde supposé empirique. La seconde présuppose que le texte littéraire est constitué à l'instar des mondes possibles sans d'autre référence au sens précis du mot que son propre univers.

De toute façon, Proust est net quand il affirme que la littérature digne de ce nom a pour but de découvrir la réalité secrète des choses, plus profonde et plus spirituelle que la réalité physique, et non «cette espèce de déchet de l'expérience, à peu près identique pour chacun» (PROUST 1987/1989: IV, 468, 861). La représentation n'est alors pas réduite à la référence, si importante soit-elle dans le rapport du signe à la réalité, mais relève plutôt de l'impression que les choses produisent et laissent découvrir, au bon gré des circonstances, par le biais des rapprochements des éléments d'univers différents, enfermés «dans les anneaux d'un beau style». En définitive, elle n'est ni vraie ni fautive mais pertinente, ou non, par rapport au parti pris à son égard: «découvrir la Réalité en énonçant des choses contraires aux vérités usuelles» (Marcel Proust à Paul Morand; cité par RASTIER 1992: 81).

© Бочкарев А. Е.

jamais derrière le sens figuré. Il persiste ne serait-ce que pour maintenir la relation de différence aussi importante que celle d'équivalence. Sinon, la métaphore ne serait guère ressentie en tant que telle.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абакумова О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. [Abakumova, Olga B. (2012) *Poslovitsy v yazyke, soznanii i kommunikatsii* (Proverbs in Language, Consciousness and Communication). Saint Petersburg: Alef-Press. (In Russian)].
- Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Л.: Наука, 1973. [Admoni, Vladimir G. (1973) *Sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka. Sistema otnosheniy i sistema postroeniya* (Syntax of Modern German. The System of Relations and the System of Construction). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Аксаков К. С. Сочинения филологические. М.: Университетская типография. [Aksakov, Konstantin S. (1880) *Sochineniya philologicheskije* (Philological Works). Moscow: University Printing House. (In Russian)].
- Акуленко В. В. О «Ложных друзьях переводчика» // Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / под общ. ред. В. В. Акуленко. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 371—384. [Akulenko, Valeriy V. (1969) О “Lozhnykh друз’yakh perevodchika”. In Akulenko, Valeriy V., & al. *Anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar’ “lozhnykh druzey perevodchika”* (English-Russian and Russian-English Dictionary of “False Translator’s Friends”). Moscow: Sovyetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia), 371—384. (In Russian)].
- Акулов В. Л. Основы философии. Минск: МГЛУ, 2002. [Akulov, Valentin L. (2002) *Osnovy filosofii* (Fundamentals of philosophy). Minsk: Minsk State Linguistic University. (In Russian)].
- Александров Д. Н. Риторика. М.: Флинта, 2004. [Aleksandrov, Dmitriy N. (2004) *Ritorika* (Rhetoric). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Александров Н. А. О «склонении» прилагательных в немецком языке // Иностранные языки в школе. 1978. № 2. С. 88—89. [Aleksandrov, N. A. (1978) О “sklonenii” prilagatel’nykh v nemetskom yazyke (On the Declension of Adjectives in German). *Inostrannyye yazyki v shkole* (Foreign Languages in School), 2, 88—89. (In Russian)].
- Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. М.: Наука, 1983. [Alekseyev, Mikhail P. (1983) *Sravnitel’noye literaturovedeniye* (Comparative Literary Studies). Moscow: Nauka. (In Russian)].

- Алефиренко Н. Ф. и др. Текст и дискурс. М.: Флинта, 2012. [Alefirenko, Nikolay F., et al. (2012) *Text i diskurs* (Text and Discourse). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Алхастова З. Р., Карпова О. М. Словари культурного наследия (на материале словарей языка английских писателей, цитат и пословиц). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2020. [Alkhastova, Zalina R., & Karpova, Olga M. (2020) *Slovari kulturnogo naslediya (na materiale slovarey yazyka angliyskikh pisateley, tsitat i poslovits* (Dictionaries of Cultural Heritage with Special Reference to Dictionaries of English Writers, Quotations and Proverbs). Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Алымова Е. Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2007. [Alymova, Yekaterina N. (2007) *Tsvet kak lingvokognitivnaya kategoriya v russkoy yazykovoy kartine mira* (Color as a Linguocognitive Category in the Russian Language Picture of the World). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Аль-Рубай А. М. Фиксация взаимоотношения синтаксического концепта и структурной схемы предложения: лингвокогнитивный подход // Преподаватель XXI века. 2018. № 4. С. 383—395. [Al-Rubai, Abguljabbar Muhsen. (2018) *Fiksatsiya vzaimootnosheniya sintaksicheskogo kontsepta i strukturnoy skhemy predlozheniya: lingvokognitivnyy podkhod* (Fixing the Relation between Syntactic Concept and Sentence Pattern: A Cognitive Linguistics Approach). *The Teacher of the 21st Century*, 4, 383—395. (In Russian)].
- Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / сост. В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Погорелова, В. Л. Юхт. М.: Советская энциклопедия, 1969. [Akulenko, Valeriy V., & al. (eds) (1969) *Anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar' "lozhnykh druzey perevodchika"* (English-Russian and Russian-English Dictionary of "False Translator's Friends"). Moscow: Sovyetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia). (In Russian)].
- Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003. [Ankersmit, Frank. (2003) *Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov*

- (Narrative Logic. Semantic Analyses of the Historians' Language). Moscow: Ideya-Press. (In Russian)].
- Аристотель. Категории. М.; Л.: Гос. словарно-энциклопедическое изд-во, 1939. [Aristotle. (1939) *Kategorii* (Categories). Moscow; Leningrad: State Dictionary and Encyclopedic Publishing House. (In Russian)].
- Аристотель. Об искусстве и поэзии. М.: Художественная литература, 1951. [Aristotle. (1951) *Ob iskusstve i poezzii* (On Art and Poetry). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (Fiction literature). (In Russian)].
- Аристотель. Категории. М.: URSS, 2015. [Aristotle. (2015) *Kategorii* (Categories). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: АСТ, 2018. [Aristotel'. (2018) *Ritortika. Poetika* (Aristotle. Rhetoric. Poetics). Moscow: AST. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебrenников. М.: Наука, 1977. С. 304—357. [Arutyunova, Nina D. (1977) *Nominatsiya i tekst* (Nomination and Text). In Serebrennikov, Boris A., et al. (eds) *Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovanii* (Language Nomination. Types of Names). Moscow: Nauka, 304—357. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 412—413. [Arutyunova, Nina D. (1990) *Rechevoy akt* (Speech Act). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia), 412—413. (In Russian)].
- Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Наука, 2004. [Babenko, Lydmila G. (2004) *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta* (Linguistic Analysis of a Literary Text). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Багиров Э. Г. Основы телевизионной журналистики. М.: Изд-во МГУ, 1987. [Bagirov, Enver G. (1987) *Osnovy televizionnoy zhurnalistiki* (Fundamentals of TV Journalism). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Байкова О. В. Немецкие островные диалекты в условиях языковой интерференции: монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. [Baykova, Olga V. (2009) *Nemetskiye ostrovnyye dialekty v usloviyakh yazykovoy interferentsii* (German Island Dialects under Conditions of Linguistic Interference). Kirov: Vyatka State University. (In Russian)].

- Байкова О. В. Русские заимствования в языке этнических немцев Кировской области как результат лингвокультурного контактирования // *Russian Linguistics*. 2017. № 41, вып. 1. С. 43—60. [Baykova, Olga V. (2017) *Russkiye zaimstvovaniya v yazyke etnicheskikh nemtsev Kirovskoy oblasti kak rezul'tat lingvokul'turnogo kontaktirovaniya* (Russian Borrowings in the Language of the Ethnic Germans in the Kirov Region as a Result of Linguistic and Cultural Contact). *Russian Linguistics*, 41, issue 1, 43—60. (In Russian)].
- Байкова О. В., Оношко В. Н. Речь российских немцев Кировской области // Бюллетень Фonetического Фонда русского языка. 2013. Т. 15. München: Verlag Otto Sagner. [Baykova, Olga V., & Onoshko, Vyacheslav N. (2013) *Rech' rossiyskikh nemtsev Kirovskoy oblasti* (Speech of Russian Germans in the Kirov Region). In Krause, Marion. (ed.) *Bulletin des Phonetischen Fonds der russischen Sprache*, 15. München: Verlag Otto Sagner. (In Russian)].
- Балалыкина Э. А. Роль межъязыковой паронимии в сопоставительном описании и изучении русского языка (на материале русского и польского языков) // *Русский язык за рубежом*. 1991. № 3. С. 54—58. [Balalykina, Emiliya A. (1991) *Rol' mezhyazykovoy paronimii v sopostavitel'nom opisanii i izuchenii russkogo yazyka (na materiale russkogo i pol'skogo yazykov)* (The Role of Interlanguage Paronymy in the Comparative Description and Study of the Russian Language). *Russian Language Abroad*, 3, 54—58. (In Russian)].
- Бальзак О. Человеческая комедия. М.: Интербук, 1993. [Balzac, Honoré. (1993) *Chelovecheskaya komediya* (A Human Comedy). Moscow: Interbook. (In Russian)].
- Баракина И. В. Семантика и прагматические характеристики эгоцентрических высказываний // Семантика и прагматика языка в диалоге культур / ред. А. А. Харьковская. Самара: Самарский гос. ун-т, 1998. С. 14—26. [Barakina, Inna V. (1998) *Semantika i pragmaticheskiye kharakteristiki egotsentricheskikh vyskazyvaniy* (Semantics and Pragmatic Characteristics of Egocentric Statements). In Khar'kovskaya, Antonina A. (ed.) *Semantika i pragmatika yazyka v dialoge kul'tur* (Semantics and Pragmatics of Language in the Dialogue of Cultures). Samara: Samara State University, 14—26. (In Russian)].
- Барлас Л. Г. Русский язык: стилистика. М.: Просвещение, 1978. [Barlas, Lev G. (1978) *Russkiy yazyk: Stilistika* (Russian Language: Stylistics). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].

- Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234—407. [Bakhtin, Mikhail M. (1975) *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* (The Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics). In Bakhtin, Mikhail M. *Voprosy literatury i estetiki* (Issues of Literature and Aesthetics). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (Fiction literature), 234—407. (In Russian)].
- Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Словарь паронимов современного русского языка. М.: Русский язык, 1994. [Bel'chikov, Yuriy A., & Panyusheva, Mariya S. (1994) *Slovar' paronimov sovremennogo russkogo yazyka* (Dictionary of Paronyms of the Modern Russian Language). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. [Benveniste, Émile. (1974) *Obshchaya lingvistika* (General Linguistics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Бердышев С. Н. Рекламный текст. Методика составления и оформления. М.: Дашков и К°, 2008. [Berdyshev, Sergey N. (2008) *Reklamnyy tekst. Metodika sostavleniya i oformleniya* (Advertising text. Methods of Compilation and Design). Moscow: Dashkov & Co. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Многоаспектность как особый формат знания и лингвистические методы его исследования // Сб. мат-лов межд. конгресса по когнитивной лингвистике, Тамбов, 8—10 окт. 2008 / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2008. С. 50—55. [Boldyrev, Nikolay N. (2008) *Mnogoaspektnost' kak osobyy format znaniya i lingvisticheskiye metody yego issledovaniya* (Multidimensionality as a Special Format of Knowledge and Linguistic Methods of its Research). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Papers of the International Congress on Cognitive Linguistics, Tambov, 8—10 Oct. 2008*. Tambov: Tambov State University, 50—55. (In Russian)].
- Бондарева Л. М. Лингвокогнитивные и текстотипологические параметры ретроспективного дискурса (на материале немецкого языка). Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова, 2020. [Bondareva, Lyudmila M. (2020) *Lingvokognitivnyye i textotipologicheskiye parametry retrospektivnogo diskursa*

- (*na materiale nemetskogo yasyka*). Advanced PhD thesis in Philology (Linguo-cognitive Options and Text Typological Structures of the Retrospective Discourse (Exemplified the German Language). Arkhangel'sk: M. V. Lomonosov North (Arctic) Federal University). (In Russian)].
- Бондарко А. В. Категоризация в системе функциональной грамматики // Вопросы филологии. № 1 (22). 2006. С. 22—32. [Bondarko, Aleksandr V. (2006) Kategorizatsiya v sisteme funktsional'noy grammatiki (Categorization in the Functional Grammar System). *Journal of Philology*, 1 (22), 22—32. (In Russian)].
- Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань: Казанский гос. ун-т, 2002. [Bochina, Tatyana G. (2002) *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovits* (Stylistics of Contrast: Essays on the Language of Russian Proverbs). Kazan: Kazan State University. (In Russian)].
- Бухаров В. М., Байкова О. В. Язык немецкого национального меньшинства Вятского региона: статус и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 75—89. [Bukharov, Valeriy, & Baykova, Olga V. (2016) Yazyk nemetskogo natsional'nogo men'shinstva Vyatskogo regiona: status i perspektivy razvitiya (The Language of German National Minority in Vyatka Region: Status and Perspectives). *Topics in the Study of Language*, 2, 75—89. (In Russian)].
- Бушувев А. Б. Риторизация образования и гражданское общество. М: Наука, 2003. [Bushuyev, Aleksandr B. (2003) *Ritorizatsiya obrazovaniya i grazhdanskoye obshchestvo* (Rhetorization of Socium and Civil Society). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Ваганова Е. Ю. Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2002. [Vaganova, Yekaterina Yu. (2002) *Aforizm kak tip teksta v aspekte intertekstual'nosti* (Aphorism as a Text Type in the Aspect of Intertextuality). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russian)].
- Вакуров В. Н., Коктев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров. М.: Высшая школа, 1978. [Vakurov, Vladimir N.; Kokhtev, Nikolay N., & Solganik, Grigoriy Ya. (1978) *Stilistika gazetnikh zhanrov* (Style of Newspaper Genera). Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russian)].
- Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб:

- Нева, 2005. [Walter, Harry, & Mokiyenko, Valeriy M. (2005) *Antiposloviy russkogo naroda* (Antiproverbs of the Russian People). Saint Petersburg: Neva. (In Russian)].
- Валяйбоб А. В. Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград: Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т, 2013. [Valyaibob, Anastasiya V. (2013) *Lingvokul'turnyy tipazh "amerikanskiy pervoprokhodets": simvolicheskiye kharakteristiki* (Linguistic and Cultural Type "American Pioneer": Symbolic Characteristics). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (In Russian)].
- Васильева А. Н. Газетно-публицистический стиль речи. М.: Русский язык, 1982. [Vasilyeva, Anna N. (1982) *Gazetno-publitsisticheskiy stil' rechii* (Style of Journalism). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание / ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. С. 231—291. [Wierzbicka, Anna. (1996) *Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya* (Color Designations and Universals of Visual Perception). In Krongaus, Maxim A. (ed.) *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye* (Language. Culture. Cognition). Moscow: Russkiye slovari (Russian Dictionaries), 231—291. (In Russian)].
- Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / ред. Е. В. Падучева. М.: Прогресс, 1985. С. 251—275. [Wierzbicka, Anna. (1985) *Rechevyue акты* (Speech Acts). In Paducheva, Yelena V. (ed.) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, 16. *Lingvisticheskaya pragmatika* (New in Foreign Linguistics. Vol. 16. Linguistic Pragmatics). Moscow: Progress, 251—275. (In Russian)].
- Вернер К. А. Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь: Типография газеты «Крым», 1889. [Verner, K. A. (1889) *Pamyatnaya knizhka Tavricheskoy gubernii* (Memorable Book of the Taurida Province). Simferopol: Printing House of the newspaper "Crimea". (In Russian)].
- Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60—87. [Vinogradov, Viktor V. (1955) *Itogi obsuzhdeniya voprosov stilistiki* (Outcome of Stylistic Issues Discussion). *Topics in the Study of Language*, 1, 60—87. (In Russian)].
- Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.:

- АН СССР, 1963. [Vinogradov, Viktor V. (1963) *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika*. (Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics). Moscow: AN SSSR. (In Russian)].
- Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. [Vinogradov, Viktor V. (1972) *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* (Russian Language: (Grammatical Doctrine of the Word)). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Виноградов С. Н., Кузьмин А. Ф. Логика. М.: Учпедгиз, 1954. [Vinogradov, Sergey N., & Kuz'min, Aleksandr F. (1954) *Logika* (Logic). Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)].
- Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. М.: Русский язык, 1984. [Vishnyakova, Olga V. (1984) *Slovar' paronimov russkogo yazyka* (Dictionary of Paronyms of the Russian Language). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Воркачев С. Г. Что есть человек и что польза его: идея смысла жизни в лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2011. [Vorkachev, Sergey G. (2011) *Chto yest' chelovek i chto pol'za yego: ideya smysla zhizni v lingvokul'ture* (What is a Person and What is His Use: The Idea of the Meaning of Life in Linguistic Culture). Volgograd: Paradigma. (In Russian)].
- Воронцова И. А. Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 187—193. [Vorontsova, Inna A. (2022) *Sovremennyye praktiki angloyazychnoy online-leksikografii* (Modern Practices of Online English Lexicography). *Verkhnevolzskiy Philological Journal*, 1 (28), 187—193. (In Russian)]. doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-186-194
- Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. № 1. С. 75—80. [Voroshilova, Mariya V. (2007) *Kreolizovannyy tekst: aspekty izucheniya* (Creolized Text: Aspects of Study). *Political Linguistics*, 1, 75—80. (In Russian)].
- Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб.: И. Глазунов, 1831. [Vostokov, Aleksandr Kh. (1831) *Russkaya grammatika* (Russian Grammar). Saint Petersburg: I. Glazunov. (In Russian)].
- Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы / отв. ред. А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 230—293. [Gak, Vladimir G. (1977) *K tipologii lingvisticheskikh nominatsiy* (On the Typology of Linguistic Nominations). In

- Ufimtseva, Anna A. (ed.) *Language Nomination: General Questions*. Moscow: Nauka, 230—293. (In Russian)].
- Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 1982. № 5. С. 7—11. [Gak, Vladimir G. (1982) *Pragmatika, uzus i grammatika rechi* (Pragmatics, Usage and Grammar of Speech). *Inostrannyye jazyki v shkole* (Foreign Languages in School), 5, 7—11. (In Russian)].
- Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Прогресс, 1981. [Gal'perin, Ilya R. (1981) *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* (Text as an Object of Linguistic Research). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. [Gvozdev, Aleksandr N. (1965) *Ocherki po stilistike russkogo yazyka* (Essays on the Stylistics of the Russian Language). M.: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Герман А. А. и др. История немцев России. М.: МСНК-пресс, 2005. [German, Arkadiy A., & al. (2005) *Istoriya nemtsev Rossii* (History of the Germans in Russia.). Moscow: MSNK-press. (In Russian)].
- Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Секреты хорошей речи. М.: Международные отношения, 1993. [Golub, Irina B., & Rozental', Ditmar E. (1993) *Sekrety khoroshey rechi* (Secrets of Good Speech). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Вербализация прецедентного мышления в ракурсе межкультурной коммуникации // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2020. № 3 (51). С. 26—48. [Golubeva, Nadezhda A. (2020) *Verbalizatsiya pretsedentnogo myshleniya v rakurse mezhkul'turnoy kommunikatsii* (Verbalization of Precedent Thinking in the Perspective of Intercultural Communication). *LUNN Bulletin*, 3 (51), 26—48. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Вторичная или повторная номинация? Прецедентная номинация // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 10 (66). С. 16—23. [Golubeva, Nadezhda A. (2008) *Vtorichnaya ili povtornaya nominatsiya? Pretsedentnaya nominatsiya* (Secondary or Repeated Nomination? Precedent Nomination). *Bulletin of the Tambov University*, 10 (66), 16—23. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы // Язык, коммуникация и социальная среда. № 5. С. 152—168. [Golubeva, Nadezhda A. *Tekst. Diskurs. Pretsedentniye edinitsi* (Text. Discourse.

- Precedent Units). *Language, Communication and Social Medium*, 5, 152—168. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы. Нижний Новгород: НГЛУ, 2009. [Golubeva, Nadezhda A. (2009) *Slovo. Tekst. Diskurs. Precedentnyye edinicy* (Word. Text. Discourse. Case Units). Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Гольдберг В. Б. Динамичность концептуальной сети как основа функциональной систематизации словаря // Сб. мат-лов Межд. конгресса по когнитивной лингвистике, Тамбов, 8—10 окт. 2008 / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 444—447. [Goldberg, Vera B. (2008) *Dinamichnost' kontseptual'noy seti kak osnova funktsional'noy sistemativatsii slovarya* (Dynamism of the Conceptual Network as the Basis of the Functional Systematization of the Dictionary). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Papers of the International Congress on Cognitive Linguistics, Tambov, 8—10 Oct. 2008*. Tambov: TSU Publishing House, 444—447. (In Russian)].
- Гончарова Е. А. Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном тексте // Лингвистические исследования художественного текста / ред. И. П. Шишкина. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1983. С. 85—98. [Goncharova, Yevgeniya A. (1983) *Lingvisticheskiye sredstva sozdaniya obraza personazha v khudozhestvennom tekste* (Linguistic Means of Creating an Image of a Character in a Literary Text). In Shishkina, Inna P. (ed.) *Lingvisticheskiye issledovaniya khudozhestvennogo teksta* (Linguistic Studies of a Literary Text). Leningrad: Herzen State Pedagogical Institute, 85—98. (In Russian)].
- Горшков А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. М.: Астрель, 2006. [Gorshkov, Aleksandr I. (2006) *Russkaya stilistika. Stilistika teksta i funktsional'naya stilistika* (Russian Stylistics. Stylistics of Text and Functional Stylistics). Moscow: Astrel'. (In Russian)].
- Грaбарь О. И. Глазами военного переводчика. Рассказы // Человек. М.: РАН, 2003, № 1. С. 168—188. [Grabar', Olga I. (2003) *Glazami voyennogo perevodchika. Rasskazy* (Through the eyes of a military translator. Stories). *Chelovek* (Human Being), 1, 168—188. (In Russian)].
- Грицанов А. А. Новейший философский словарь: Минск: Изд. В. М. Скакун, 1999. [Gritsanov, Aleksandr A. (1999) *Noveyshiy filosofskiy slovar'*

- (New Philosophy Dictionary). Minsk: V. M. Skakun Publ. (In Russian)].
- Грусман В. М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 8 (35): Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология): Научный журнал. 2007. С. 92—99. [Grusman, Vladimir M. (2012) Muzey kak institut formirovaniya istoricheskoy mysli (Museum as a Historical Memory Institution). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 8 (35), 92—99. (In Russian)].
- Гухман М. М., Семенюк Н. Н. История немецкого литературного языка IX—XV вв. М.: Наука, 1983. [Gukhman, Mira M., & Semenyuk, Natalya N. (1983) *Istoriya nemetskogo literaturnogo yazyka IX—XV vv.* (History of the German literary language of the 9th—15th centuries). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Данте А. Божественная комедия. М.: Правда, 1982. [Dante, Alighieri. (1982) *Bozhestvennaya komediya* (Divine Comedy). Moscow: Pravda. (In Russian)].
- Девель Л. А. Рец. на кн.: Алхастова З. Р., Карпова О. М. Лексикография культурного наследия (на материале словарей языка английских писателей, цитат и пословиц) // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 4А. С. 206—213. [Devel, Lyudmila A. (2022a) Rets. na kn.: Alkhastova, Z. R., Karpova, O. M. *Leksikografiya kul'turnogo naslediya (na materiale slovarey yazyka angliyskikh pisateley, tsitat i poslovits)*. (Review on the Book: Alkhastova Z. R., & Karpova O. M. *Lexicography of Cultural Heritage (Based on Dictionaries of English Writers' Language, Quotations and Proverbs)*. *Culture and Civilization*, 12 (4A), 206—213. (In Russian)]. doi: 10.34670/AR.2022.37.14.024
- Девель Л. А. Систематизация направлений развития научной деятельности лексикографической школы О. М. Карповой // Современное педагогическое образование. 2022. № 2. С. 188—191. [Devel, Lyudmila A. (2022b) *Sistematizatsiya napravleniy razvitiya nauchnoy deyatel'nosti leksikograficheskoy shkoly O. M. Karpovoy* (Systematisation of the Directions of Olga Karpova's Scientific Lexicographic School). *Modern Pedagogical Education*, 2, 188—191. (In Russian)].
- Дементьев В. В. Речежанровые коммуникативные ценности в новых и

- новейших сферах русской речи: монография. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2016. [Dement'yev, Vadim V. (2016) *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* (Speech-genre Communicative Values in New and Latest Spheres of Russian Speech). Saratov: Saratov State University. (In Russian)].
- Десяева Н. Д., Арефьева С. А. Стилистика современного русского языка. М.: Академия, 2008. [Desyaeva, Natalya D., & Arefyeva, Svetlana A. (2008) *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka* (Stylistics of Modern Russian Language). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Джалилова М. Т. Структурно-семантический анализ цветообозначения в таджикском, английском и русском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2016. [Dzhililova, Mas'uda T. (2016) *Strukturno-semanticheskiy analiz tsvetoobo-znacheniya v tadzhikskom, angliyskom i russkom yazykakh* (Structural-Semantic Analysis of Color Designations in Tajik, English and Russian Languages). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Dushanbe: Russian-Tajik (Slavonic) University. (In Russian)].
- Джеймс Л. Эти странные австрийцы. М.: Эгмонт Россия, 2005. [James, Louis. (2005) *Eti strannyye avstriytsy* (Those Strange Austrians). Moscow: Egmont Russia. (In Russian)].
- Дмитриева О. А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 1997. [Dmitriyeva, Olga A. (1997) *Kul'turno-yazykovyye kharakteristiki poslovits i aforizmov (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)* (Cultural and Linguistic Characteristics of Proverbs and Aphorisms (Based on the French and Russian Languages)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (In Russian)].
- Дмитровский А. Л. Эссе как жанр публицистики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. [Dmitrovskiy, Andrey L. (2002) *Esse kak zhanr publitsistiki* (Essay as a Genre of Publicism). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов и сопоставительная лексикология // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 3. С. 413—448. [Dobvol'skiy, Dmitriy O. (2015)

- Korpus parallel'nykh tekstov i sopostavitel'naya leksikologiya (Corpus of Parallel Texts and Comparative Lexicology). *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 3, 413—448. (In Russian)].
- Домашнев А. И. Интерпретация художественного текста. М.: Просвещение, 1989. [Domashnev, Anatoliy I. (1989) *Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta* (Interpretation of a Literary Text). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. М.: Наука, 1983. [Domashnev, Anatoliy I. (1983) *Sovremennuyu nemetskiy yazyk v yego natsional'nykh variantakh* (Modern German Language in its National Variants). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Дружинин А. С. Эволюция теории прототипов в языкознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. 1. С. 84—86. [Druzhinin, Andrey S. (2017) *Evolyutsiya teorii prototipov v yazykoznanii* (Evolution of the Prototype Theory). *Philology. Theory and Practice*, 4 (70), part 1, 84—86. (In Russian)].
- Дубинин С. И. Дискурс завоевателя (на материале «Немецко-русского словаря для солдата» 1941 г.) // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты / отв. ред. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко. Самара: Самарский университет, 2015. С. 28—33. Dubinin, Sergey I. (2015) *Diskurs zavoyevatelya (na materiale «Nemetsko-russkogo slovarya dlya soldata» 1941 g.)* (The Discourse of the Conqueror (On the Material of the “German-Russian Dictionary for a Soldier”, 1941)). In Dubinin, Sergey I., & Shevchenko, Vyacheslav D. (eds) *Evolyutsiya i transformatsiya diskursov: yazykovyye i sotsiokul'turnyye aspekty* (Evolution and Transformation of Discourses: Linguistic and Socio-cultural Aspects). Samara: Samara State University, 28—33. (In Russian)].
- Дубинин С. И. Коммуникативные тактики «оруженосца нации» (на материале кратких немецко-русских разговорников для вермахта) // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода и методики преподавания иностранных языков. Вып. 3 / ред. Н. В. Бутылов. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 19—25. [Dubinin, Sergey I. (2016) *Kommunikativnyye taktiki “oruzhenostsa natsii”* (na materiale kratkikh nemetsko-russkikh razgovornikov dlya vermakhta) (Communicative Tactics of the “Squire of the Nation” (Based on Short German-Russian Phrasebooks for the Wehrmacht)). In Butylov, Nikolay V. (ed.) *Aktual'nyye problemy obshchey teorii yazyka*,

- perevoda i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* (Actual Problems of the General Theory of Language, Translation and Methods of Teaching Foreign Languages). Issue 3. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 19—25. (In Russian)].
- Дурова О. И. Норвежское эссе 1960—90-х годов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1996. [Durova, Olga I. (1996) *Norvezhskoye esse 1960-90-kh godov* (Norwegian Essay from the 1960s to the 1990s). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М.: Прогресс, 1986. [Dubois, Jean, & al. (1986) *Obshchaya ritorika* (General Rhetoric). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Дюришин Д. Сравнительное изучение литератур. М.: Прогресс, 1979. [Ďurišin, Dionýz. (1979) *Sravnitel'noye izucheniye literatur* (Comparative study of literature). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Енукидзе Р. И. Художественный хронотоп и его лингвистическая организация на материале англо-американского рассказа. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тбилиси: Тбилисский ун-т, 1984. [Enukidze, Rusudan I. (1984) *Khudozhestvennyy khronotop i ego lingvisticheskaya organizatsiya na materiale anglo-amerikanskogo rasskaza* (Fiction Chronotope and Its Linguistic Organization on the Material of the Anglo-American Story). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Tbilisi: Tbilisi University. (In Russian)].
- Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. [Jespersen, Otto. (1958) *Filosofiya grammatiki* (Philosophy of Grammar). Moscow: Publishing House of Foreign Literature. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. 1929. Т. III. С. 179—220. [Zhirmunskiy, Viktor M. (1929) *Problemy kolonial'noy dialektologii* (Problems of Colonial Dialectology). *Yazyk i literatura* (Language and Literature), 3, 179—220. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. Процессы языкового смешения в франкско-швабских говорах южной Украины // Язык и литература. 1931. Т. VII. С. 93—109. [Zhirmunskiy, Viktor M. (1931) *Protsessy yazykovogo smesheniya v franksko-shvabskikh govorakh yuzhnoy Ukrainy* (Processes of Linguistic Mixing in the Frankish-Swabian Dialects of Southern Ukraine). *Yazyk i literatura* (Language and Literature), 7, 93—109. (In Russian)].

- Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. М.: Наука, 1979. [Zhirmunskiy, Viktor M. (1979) *Sravnitel'noye literaturovedeniye* (Comparative literary studies). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Задерейчук И. А. Специализированные начальные учебные заведения в немецких поселениях Таврической губернии в конце XIX — начале XX вв. // II Таврические чтения, посвященные 80-летию Центрального музея Тавриды. Симферополь, 2002. С. 97—99. [Zadereychuk, Ivan A. (2002) *Spetsializirovannyye nachal'nyye uchebnyye zavedeniya v nemetskiikh poseleniyakh Tavricheskoj gubernii v kontse XIX—nachale XX vv.* (Specialized Primary Educational Institutions in the German Settlements of the Tauride Province in the late 19th — early 20th Centuries.) In *II Tavricheskiye chteniya, posvyashchonnnyye 80-letiyu Tsentral'nogo muzeya Tavridy* (2nd Taurida Readings dedicated to the 80th anniversary of the Central Museum of Taurida). Simferopol', 97—99. (In Russian)].
- Задерейчук И. А. Создание и функционирование профессиональных учебных заведений в немецкоязычных колониях юга Украины в начале XX в. // История немецкой колонизации в Крыму и на юге Украины в XIX—XX вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию переселения немцев в Крым, 6—10 июня 2004 г. / сост. Ю. Н. Лаптев. Симферополь: Антиква, 2007. С. 374—386. [Zadereychuk, Ivan A. (2007) *Sozdaniye i funktsionirovaniye professio-nal'nykh uchebnykh zavedeniy v nemetskoyazychnykh koloniyakh yuga Ukrainy v nachale XX v.* (Establishment and Functioning of Vocational Educational Institutions in the German-speaking Colonies of Southern Ukraine at the Beginning of the 20th Century). In Laptev, Yu. N. (ed.) *Istoriya nemetskoj kolonizatsii v Krymu i na yuge Ukrainy v XIX-XX vv.* (The History of German Colonization in the Crimea and in the South of Ukraine in the 19th—20th Centuries). Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the resettlement of Germans in the Crimea, June 6—10, 2004. Simferopol': Antikva, 374—386. (In Russian)].
- Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 1999. [Zaretskaya, Yelena N. (1999) *Ritorika: Teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii* (Rhetoric: Theory and Practice of Speech Communication). Moscow: Delo. (In Russian)].
- Зевахина Н. А. Лингвистическая прагматика [Электронный ресурс].

- URL: <https://www.llsh.ru/2009/papers/presentations/2009%20-%20zevakhina-1.pdf>. [Zevakhina, Natalya A. *Lingvisticheskaya pragmatika* (Linguistic Pragmatics). Retrieved from <https://www.llsh.ru/2009/papers/presentations/2009%20-%20zevakhina-1.pdf>. (In Russian)].
- Зиндер А. Р., Строева Т. В. В. М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики / отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: Наука, 1978. С. 57—162. [Zinder, Lew R., & Stroyeva, Tatyana V. (1978) V. M. Zhirmunskiy kak polevoy dialektolog (V. M. Zhirmunsky as a Field Dialectologist). In Desnitskaya, Agniya V. (ed.) *Problemy areal'nykh kontaktov i sotsiolingvistiki* (Problems of Areal Contacts and Sociolinguistics). Leningrad: Nauka, 57—162. (In Russian)].
- Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб.: СПбГУ, 2002. [Ivanova, Yelizaveta V. (2002) *Poslovichnyye kartiny mira (na materiale angliyskikh i russkikh poslovits)* (Proverbial Pictures of the World (Based on English and Russian Proverbs)). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М.: Владос, 1997. [Ivin, Aleksandr A., & Nikiforov, Aleksandr L. (1997) *Slovar' po logike* (Dictionary of Logic). Moscow: Vlados. (In Russian)].
- Изер В. Рецептивная эстетика. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание // Академические тетради. 1999. Вып. 6. С. 59—96 [Iser, Wolfgang. (1999) *Retseptivnaya estetika. Problema perevodimosti: germenevtika i sovremennoye gumanitarnoye znaniye* (Receptive Aesthetics. The Problem of Translatability: Hermeneutics and Modern Humanitarian Knowledge). *Akademicheskiye tetradi* (Academic Notebooks), 6, 59—96. (In Russian)].
- Изотов И. Т. Ранние исторические романы Лиона Фейхтвангера. М.: МАКС-Пресс, 2010. [Izotov, Ivan T. (2010) *Ranniye istoricheskiye romany Liona Feikhtvangera* (The Early Historical Novels of Lion Feuchtwanger). Moscow: MAKS-Press. (In Russian)].
- Ильин В. В. Онтологические и гносеологические функции категорий качества и количества. М.: Высшая школа, 1972. [Ilyin, Viktor V. (1972) *Ontologicheskiye i gnoseologicheskiye funktsii kategorii kachestva i kolichestva* (Ontological and Epistemological Functions of the Categories of Quality and Quantity). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].

- Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2004. [Iriskhanova, Olga K. (2004) *Linguokreativnyye osnovaniya teorii nominalizatsii* (Linguocreative Foundations of the Nominalization Theory). Advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)].
- Каган М. С. Пространство и время в искусстве как проблема эстетической науки // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / ред. Б. Ф. Егоров. Л.: Наука, 1974. С. 26—38. [Kagan, Moisey S. (1974) *Prostranstvo i vremya v iskusstve kak problema esteticheskoy nauki* (Space and Time in Art as a Problem of Aesthetic Science). In Yegorov, Boris F. (ed.) *Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve* (Rhythm, Space and Time in Literature and Art). Leningrad: Nauka, 26—38. (In Russian)].
- Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: ИнЪязиздат, 2006. [Kazakova, Tamara A. (2006) *Khudozhestvennyy perevod. Teoriya i praktika* (Literary Translation. Theory and Practice). Saint Petersburg: Inyazizdat. (In Russian)].
- Казанцева Л. В. Категория хронотопа в структуре художественного произведения (лингвопрагматический и жанровый аспекты). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: Московский пед. ун-т, 1991. [Kazantseva, Lyudmila V. (1991) *Kategoriya khronotopa v strukture khudozhestvennogo proizvedeniya (lingvopragmaticheskiy i zhanrovyy aspekt)* (The Chronotope Category in the Structure of the Fiction Story (Linguo-pragmatic and Genre Aspects)). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow Pedagogical University. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковые мосты понимания: монография. М.: Дискурс, 2019. [Karasik, Vladimir I. (2019) *Yazykovyye mosty ponimaniya* (Language Bridges of Understanding). Moscow: Diskurs. (In Russian)].
- Карлик Н. А. Теоретические основы выявления суггестивного потенциала малоформатных афористических текстов. Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. СПб.: Санкт-Петербургский гос. экон. ун-т, 2013. [Karlik, Nadezhda A. (2013) *Teoreticheskiye osnovy vyavleniya suggestivnogo potentsiala maloformatnykh aforisticheskikh tekstov* (Theoretical Foundations for Identifying the Suggestive Potential of Small-Format Aphoristic Texts). Extended abstract of advanced PhD

- thesis in Philology. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. (In Russian)].
- Карпова О. М. Английская лексикография. М.: Академия, 2010. [Karpova, Olga M. (2010) *Angliyskaya leksikografiya* (English Lexicography). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Карпова О. М. Английская лексикография: уч. пособие для студ. выс. учеб. заведений. М.: Академия, 2010. [Karpova, Olga M. (2010) *Angliyskaya leksikografiya* (English Lexicography). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Карпова О. М. Современные тенденции в английской лексикографии // Современная германистика и западноевропейская литература. Монография / под ред. А. В. Иванова, В. М. Бухарова. М.: Флинта, 2019. С. 178—193. [Karpova, Olga M. (2019) *Sovremennyye tendentsii v angliyskoy leksikografii* (Modern Tendencies in English Lexicography) In Ivanov, Andrey V., & Bukharov, Valeriy M. (eds) *Modern Germanic Philology and West-European Literature*. Moscow: Flinta, 178—193. (In Russian)].
- Карпова О. М. Английская лексикография в цифровую эпоху // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 3 / отв. ред. А. В. Иванов. М.: Флинта, 2021. С. 208—229. [Karpova, Olga M. (2021) *Angliyskaya leksikografiya v tsifrovuyu epokhu* (English Lexicography in Digital Epoch). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Sovremennaya germanistika i zapadnoevropeyskaya literatura* (Modern Germanic Philology and West-European Literature). Moscow: Flinta, 3, 208—229. (In Russian)].
- Карпова О. М. Англоязычные цифровые лексикографические проекты. «ПАНДЕМИЯ-22: преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков». М.: Т. 2: монография / под ред. И. И. Климовой, М. Э. Конурбаевой. М.: РУСАЙНС, 2022. С. 289—295. [Karpova, Olga M. (2022) *Angloyazichnyye tsifrovyye leksikograficheskiye proekty* (English Digital Lexicographic Projects). In Klimova, Irina I., & Konurbayeva, Mariya E. (eds) *Pandemia-22: Teaching, Analysis, Discourse in the Authentic Diversity of Foreign Languages*. Moscow: RUSAINS, 289—295. (In Russian)].
- Каценова С. Г. Система образования и религиозные верования немецкого населения Крыма (к. XIX – н. XX в.) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (ИКРКМ). 1994. № 5. С.

- 3—9. [Kashchenko, Sergey G. (1994) Sistema obrazovaniya i religioznyye verovaniya nemetskogo naseleniya Kryma (k. XIX — n. XX v.) (Educational System and Religious Beliefs of the German Population of the Crimea (late 19th — early 20th Century)). *Izvestiya Krymskogo respublikanskogo krayevedcheskogo muzeya* (Proceedings of the Crimean Republican Museum of Local Lore), 5, 3—9. (In Russian)].
- Келлерман Б. Туннель. Донецк: Домбас, 1984. [Kellerman, Bernhard. (1984) *Tunnel'* (Tunnel). Donetsk: DombaS. (In Russian)].
- Кизилов М. Б. Крымская готия. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2015. [Kizilov, Mikhail B. (2015) *Krymskaya Gotiya* (Crimean Gothia). Simferopol': Naslediye tysyacheletiy. (In Russian)].
- Клепикова Т. А. Лингвистические метарепрезентации и ментальное моделирование интеракциональных аспектов дискурса // Сб. материалов Межд. конгресса по когнитивной лингвистике, Тамбов, 8—10 окт. 2008 / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 561—563. [Klepikova, Tatyana A. (2008) Lingvisticheskiye metareprezentatsii i mental'noye modelirovaniye interaktsional'nykh aspektov diskursa (Linguistic Metarepresentations and Mental Modeling of Interactive Aspects of Discourse). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Papers of the International Congress on Cognitive Linguistics, Tambov, 8—10 Oct. 2008*. Tambov: Tambov State University, 561—563. (In Russian)].
- Князева Е. А. Переводческий анализ текста и качество перевода // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2012. № 1. С. 171—178. [Knyazheva, Yelena A. (2012) Perevodcheskiy analiz teksta i kachestvo perevoda (Translation Analysis of the Text and the Quality of Translation). *Proceedings of Voronezh State University*, 1, 171—178. (In Russian)].
- Кобенко Ю. В. От гендиадиса до гендиатетракиса: опыт демаркации симптоматических явлений (на материале современного немецкого языка) // Германистика сегодня: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 16—17 октября 2018 г.) / под ред. М. А. Кульковой. Казань: Изд-во КФУ, 2019. С. 98—102. [Kobenko, Yuriy V. (2019) Ot gendiadisa do gendiatetrakisa: opyt demarkatsii simptomaticheskikh yavleniy (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) (From Hendiadis to Hendiatetrakis: An Experience of Demarcating Symptomatic Phenomena (Based on the Material of Modern German)). In Kul'kova, Mariya A. (ed.)

- Germanistika segodnya* (Germanic Studies Today). Proceedings of the International scientific conference. Kazan: Kazan Federal University, 98—102. (In Russian)].
- Кобенко Ю. В. Стилистическая фигура «верум»: место и роль в инвентаре выразительных средств (на материале современного немецкого языка) // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика (VII Международные Бодуэновские чтения) (28—31 октября 2019 года) / под общ. ред. К. Р. Галиуллина и др. Казань: Изд-во КФУ, 2019. С. 140—142. [Kobenko, Yuriy V. (2019) Stilisticheskaya figura “verum”: mesto i rol’ v inventare vyrazitel’nykh sredstv (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) (The Stylistic Figure “Verum”: Place and Role in the Inventory of Expressive Means (On the Material of the Modern German Language). In Galiullin, Kamil’ R., & al. (eds) *I. A. Baudouin de Courtenay i mirovaya lingvistika* (I. A. Baudouin de Courtenay and World Linguistics). Proceedings of the VII International Baudouin Readings. Kazan: Kazan Federal University, 140—142. (In Russian)].
- Ковалева Л. М. Сентенциальное поле как объект когнитивного исследования // Когнитивные категории в синтаксисе / отв. ред. Л. М. Ковалева. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 105—125. [Kovaleva, Liya M. (2009) Sententsional’noye pole kak obyekt kognitivnogo issledovaniya (Sentence Field as an Object of Cognitive Study). In Kovaleva, Liya M. (ed.) *Kognitivnyye kategorii v sintaksise* (Cognitive Categories in Syntax). Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University, 105—125. (In Russian)].
- Кожина М. Н. Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи. Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1970. [Kozhina, Mariya N. (1970) *Problemy spetsifiki i sistemnosti funktsional’nykh stiley rechi* (Problems of Specifics and System of Functional Speech Styles). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Колесников Н. П. Словарь паронимов и антонимов. Ростов/Д.: Феникс, 1995. [Kolesnikov, Nikolay P. (1995) *Slovar’ paronimov i antonimov* (Dictionary of Paronyms and Antonyms). Rostov on Don: Feniks. (In Russian)].
- Комарова А. И. Теория и практика изучения языка для специальных целей. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1995. [Komarova, Anna I. (1995) *Teoriya i praktika*

- izucheniya yazyka dlya spetsial'nykh tseley* (Theory and Practice of Language for Special Purposes Research). Advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Кондаков Н. И. Логический словарь. М.: Наука, 1975. [Kondakov, Nikolay I. (1975) *Logicheskiy slovar'* (Dictionary of Logic). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Конурбаев М. Э. Теория и практика тембрального анализа текста. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. [Konurbayev, Marklen E. (1999) *Teoriya i praktika tembral'nogo analiza teksta* (Theory and Practice of Timber Text Analysis). Advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Корпов В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж: О. Ю. Алейников, 2010. [Korпов, Viktor Yu. (2010) *Semantiko-funktional'nyy sintaksis russkogo yazyka v sopostavlenii s angliyskim i vengerskim* (Semantic and Functional Syntax of Russian as Compared to English and Hungarian). Voronezh: O. Yu. Aleynikov. (In Russian)].
- Костикова О. Ф. Лингвостилистическая специфика русской публицистики начала XXI века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: Московский гос. областной ун-т, 2008. [Kostikova, Olga F. (2008) *Linguostilisticheskaya spetsifika russkoy publitsistiki nachala XXI veka* (Linguostylistic Specifics of Russian Publicism of the Beginning of the 21st Century). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow Region State University. (In Russian)].
- Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во МГУ, 1971. [Kostomarov, Vitaliy G. (1971) *Russkiy yazyk na gazetnoy polose. Nekotoryye osobennosti yazyka sovremennoy gazetnoy publitsistiki* (Russian Language on Newspaper Page. Specifics of Modern Media Language). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Краснов К. В. Англо-русский словарь «ложных друзей переводчика». М.: Издательское содружество А. Богатых и Э. Р. Акинской, 2004. [Krasnov, Konstantin V. (2004) *Anglo-russkiy slovar' "lozhnykh druzey perevodchika"* (English-Russian Dictionary of "False Translator's Friends"). М.: A. Bogatykh & E. R Akitskaya. (In Russian)].
- Красных В. И. Современный словарь русского языка. М.: Астрель, 2010. [Krasnykh, Vladislav I. (2010) *Sovremennyy slovar' russkogo yazyka*

- (A Modern Dictionary of the Russian Language). Moscow: Astrel'. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. [Kubryakova, Elena S. (2008) *Nominativnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti* (Nominative Aspect of Speech Activity). Moscow: LKI Publishing House. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. [Kubryakova, Yelena S. (1981) *Tipy yazykovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova* (Types of Language Values. Semantics of the Derived Word). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kubryakova, Yelena S. (2004) *Yazyk i znaniye. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* (Language and Knowledge. On the Path of Acquiring Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Кузьмина С. Е. Проблема выделения структурных схем простого предложения (на материале английского языка) // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия «Филология. Искусствоведение». 2009. № 10 (148). С. 53—58. [Kuzmina, Svetlana Ye. (2009) Problema vydeleniya strukturnykh skhem prostogo predlozheniya (na materiale angliyskogo yazyka) (The Problem of Defining Structural Patterns of the Simple Sentence (as seen in English). *Chelyabinsk University Bulletin*, 10 (148), 53—58. (In Russian)].
- Кузьмина С. Е. Простое предложение современного английского языка как средство репрезентации синтаксического концепта: Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2015. [Kuz'mina, Svetlana Ye. (2015) *Prostoye predlozheniye sovremennogo angliyskogo yazyka kak sredstvo reprezentatsii sintaksicheskogo kontseptu* (The English Simple Sentence as a Sign of Syntactic Concept). Advanced PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Курс перевода (английский — русский язык). Мн.: ТетраСистемс, 2004. [Kurs perevoda (angliyskiy — russkiy yazyk) (Translation Course (English — Russian)). (2004) Minsk: TetraSistems. (In Russian)].

- Лазарева Э. А. К вопросу о специфике рекламного текста // Человек — коммуникация — текст. Вып. 3 / ред. А. А. Чувакин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2000. С. 186—196. [Lazareva, Ella A. (2000) K voprosu o spetsifike reklamnogo teksta (To the Specifics of the Advertising Text). In Chuvakin, A. A. (ed.) *Chelovek — kommunikatsiya — tekst* (Man — Communication — Text). Issue 3. Barnaul: Altai State University, 189—196. (In Russian)].
- Ларро М. А. Самоидентификация и самопрезентация в разных типах дискурса // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия «Психология». 2012. Т. 6. С. 72—76 [Lappo, Marina A. (2012) Samoidentifikatsiya i samoprezentatsya v raznykh tipakh diskursa (Self-identification and Self-presentation in Different Types of Discourse). *Novosibirsk State University Journal: Psychology*, 6, 72—76. (In Russian)].
- Левин Ю. И. Провербальное пространство // Паремнологические исследования. Сб. статей. М.: Наука, 1984. С. 108—126. [Levin, Yuriy I. (1984) Proverbial'noye prostranstvo (Proverbial Space). In Permyakov, Grigoriy L. (ed.) *Paremiologicheskiye issledovaniya* (Paremiological Research). Moscow: Nauka, 108—126. (In Russian)].
- Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с франц. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1985. [Levi-Strauss, Claude. (1985) *Strukturnaya antropologiya* (Anthropologie structurale). Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russian)].
- Левитский А. Э. Антропоцентризм как основа когнитивно-дискурсивного анализа единиц языка // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2016. С. 184—191. [Levitskiy, Andrey E. (2016) Antropotsentrizm kak osnova kognitivno-diskursivnogo analiza yedinitz yazyka (Anthropocentrism as the Basis of Cognitive-discourse Analysis of Language Units). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language), 27. Tambov: Tambov State University, 184—191. (In Russian)].
- Левитский А. Э., Никольшина Т. Н. Оттеночные цветообразования в колористике английской сказки: лингвокультурный аспект // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. Вып. 3. С. 54—70. М.: Флинта, 2021. [Levitsky, Andrey E., & Nikulshina, Tatyana N. (2021) Ottenochnyye tsvetoobrazovaniya v koloristike angliyskoy

- skazki: lingvokul'turnyy aspekt (Colour Shades in English Fairy-tales from Linguocultural Perspective). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Sovremennaya germanistika i zapadnoevropeyskaya literatura* (Modern Germanic Philology and West-European Literature), 3. Moscow: Flinta, 54—70. (In Russian)].
- Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Libroком, 2009. [Leychik, Vladimir M. (2009) *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura* (Terminology: Subject, Methods, Structure). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Лексикография цифровой эпохи: сборник материалов Международного симпозиума / под. ред. Е. А. Юриной, С. С. Земичевой. Томск: Томский гос. ун-т, 2021. [Yurina, Elena, A., & Zemicheva, Svetlana S. (eds) (2021) *Leksikografiya tsifrovoy epokhi* (Lexicography of the Digital Era) Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Леонтович О. А. Понятие позитивной коммуникации: конститутивные признаки и дихотомии // Позитивная коммуникация: коллективная монография. М.: Гнозис, 2020. С. 8—34. [Leontovich, Olga A. (2020) *Ponyatiye pozitivnoy kommunikatsii: konstitutivnyye priznaki i dikhotomii* (The Concept of Positive Communication: Constitutive Features and Dichotomies). In Leontovich, Olga A. (ed.) *Positivnaya kommunikatsiya* (Positive Communication). Moscow: Gnozis, 8—34. (In Russian)].
- Лихачев Д. С. Художественная среда литературного произведения // Проблемы ритма, художественного времени и пространства в литературе и искусстве. Материалы симпозиума. Л.: Советский писатель, 1970. С. 7—9. [Likhachev, Dmitriy S. (1970) *Khudozhestvennaya sreda literaturnogo proizvedeniya* (The Artistic Environment of a Literary Work). In *Problemy ritma, khudozhestvennogo vremeni i prostranstva v literature i iskusstve* (Problems of Rhythm, Artistic Time and Space in Literature and Art). Leningrad: Sovyetskiy pisatel', 7—9. (In Russian)].
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001 [Losev, Aleksey F. (2001) *Dialektika mifa* (Dialectics of Myth). Moscow: Mysl'. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме: Искусство в ряду моделирующих систем // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 198. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1967. С. 143—146. [Lotman, Yuriy M. (1967) *Tezisy k probleme: Iskusstvo v ryadu modeliruyushchikh sistem*

- (Abstracts to the problem: Art in a Number of Modeling Systems). *Scientific Notes of the University of Tartu*, 198, 143—146. (In Russian)].
- Лукьянов И. Ф. Сущность категории «свойство». М.: Мысль, 1982. [Luk'yanov, Ivan F. (1982) *Sushchnost' kategorii "svoystvo"* (The Essence of the Category "Attribute"). Moscow: Mysl'. (In Russian)].
- Львов М. Р. Риторика. Культура речи. М.: Академия, 2003. [L'vov, Mikhail R. (2003) *Ritorika. Kultura rechi* (Rhetoric. Speech Culture). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995 [Mamardashvili, Merab. (1995) *Lektsii o Pruste (psikhologicheskaya topologiya puti)* (Lectures on Proust (Psychological Topology of the Path)). Moscow: Ad Marginem. (In Russian)].
- Маник С. А. Параллельный корпус в практике перевода общественно-политических текстов (с английского на русский) // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11, № 4. С. 225—245. [Manik, Svetlana A. (2019) *Parallel'nyy korpus v praktike perevoda obshchestvenno-politicheskikh tekstov (s angliyskogo na russkiy)* (Parallel Corpus in the Practice of Translating Socio-Political Texts (from English into Russian)). *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* (Modern Studies of Social Problems), vol. 11, 4, 225—245. (In Russian)].
- Маник С. А. Насущный вопрос современной лексикографии: словарь или корпус? // Теория и практика иностранного языка в высшей школе: сб. науч. ст. / отв. ред. Р. И. Бабаева. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2021. С. 95—105. [Manik, Svetlana A. (2021) *Nasushchnyy vopros sovremennoy leksikografii: slovar' ili korpus?* (The Main Question of Modern Lexicography: a Dictionary or Corpus?) In Babayeva, Raisa I. (ed.) *Theory and Practice of Foreign Languages in Higher Education*. Ivanovo: Ivanovo State University, 95—105. (In Russian)].
- Маник С. А. Англоязычная лексикография в эпоху цифровых трансформаций: от картотеки к корпусу // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 1 (37). С. 47—57. [Manik, Svetlana A. (2022) *Angloyazychnaya leksikografiya v epokhu tsifrovyykh transformatsiy* (English Lexicography in the Era of Digital Transformations). *Scientific Notes of the Russian Applied Linguistics Society*, 1 (37), 47—57. (In Russian)].

- Манн Т. Будденброки: история гибели одного семейства. М.: Художественная литература, 1969. [Mann, Thomas. (1969) *Buddenbrooki: istoriya gibeli odnogo semeystva* (The Buddenbroocks). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Манякина Т. И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Киев: Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1981. [Manyakina, Tatyana I. (1981) *Yazykovo-stilisticheskaya kharakteristika zhanra aforizmov (na materiale nemetskogo yazyka)* (Linguistic and Stylistic Characteristics of the Genre of Aphorisms (Based on the German Language)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Kiyev: State Pedagogical Institute of Foreign Languages. (In Russian)].
- Мартемьянов Ю. С. Афоризм: проблема построения имплицитного текста // Имплицитность в языке и речи. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 115—123. [Martem'yanov, Yuriy S. (1999) *Aforizm: problema postroyeniya implitsitnogo teksta* (Aphorism: the Problem of Constructing an Implicit Text). In Martem'yanov, Yuriy S., & Borisova, Yelena G. (eds) *Implitsitnost' v yazyke i rechi* (Implicitness in Language and Speech). Moscow: LRC Publishing House, 115—123. (In Russian)].
- Маслова В. А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность. М.: Юрайт, 2018. 201 с. [Maslova, Valentina A. (2018) *Lingvisticheskiy analiz teksta. Ekspressivnost'*. (Linguistic Analysis of the Text. Expressivity). Moscow: Urait. (In Russian)].
- Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Военного ин-та иностранных языков. 1945. № 1. С. 5—17. [Meshchaninov, Ivan I. (1945) *Ponyatiynnye kategorii v yazyke* (Conceptual Categories in the Language). *Proceedings of the Military Institute of Foreign Languages*, 1, 5—17. (In Russian)].
- Мизинина И. Н. Словарь паронимов английского языка (не путайте похожие слова!): словарь-справочник. М.: ООО Н-ПРО, 2015. [Mizinina, Irina N. (2015) *Slovar' paronimov angliyskogo yazyka (ne putayte pokhozhiye slova!): slovar'-spravochnik* (Dictionary of English Paronyms (Do not confuse similar words!): A Reference-book). Moscow: N-PRO. (In Russian)].
- Москальская О. И. История немецкого языка. М.: Учпедгиз, 1959. [Moskal'skaya, Olga. (1959) *Istoriya nemetskogo yazyka* (History of the German Language). Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)].

- Мотовилов Н. Модернизация истории в произведениях Фейхтвангера // Семь искусств. 2013. № 4 (41). [Motovilov, Nikolay. (2013) *Modernizatsiya istorii v proizvedeniyakh Feikhtvangera* (Modernization of History in the Works of Feuchtwanger). *Sem' iskusstv* (Seven Arts), 4 (41). (In Russian)].
- Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России. М.: Академия, 2011. [Naumova, Galina R., & Shiklo, Alla E. (2011) *Istoriografiya istorii Rossii* (Historiography of the Russian History). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Николаев Г. А. Лекции по русскому словообразованию. Казань: КГУ, 2009. [Nikolaev, Gennadiy A. (2009) *Lektsii po russkomu slovoobrazovaniyu* (Lectures on Russian Word Formation). Kazan': Kazan' State University. (In Russian)].
- Никонова Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. [Nikonova, Zhanna V. (2006) *Teoriya freymov v lingvisticheskikh issledovaniyakh* (Frame Theory in Linguistic Research). Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Никонова Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка). Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2007. [Nikonova, Zhanna V. (2007) *Freymovuyu analiz rechevykh aktov (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* (Frame Analysis of Speech Acts (Based on the Material of the Modern German Language)). Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Никонова Ж.В. Вербальные средства объективации иллокутивного акта (опыт сопоставительного исследования на материале немецкого и русского языков) // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII / ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2013. С. 758—766. [Boldyrev, Nikolay N. (2013) Verbal'nyye sredstva ob'yektivatsii illokutivnogo akta (opyt sopostavitel'nogo issledovaniya na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) (Verbal Means of Objectification of an Illocutionary Act (Experience of a Comparative Study on the Material of German and Russian Languages)). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language), 13. Tambov: Tambov State University, 758—766. (In Russian)].

- Ничипорчик Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2015. [Nichiporchik, Yelena V. (2015) *Otrazheniye tsennostnykh oriyentatsiy v paremiyakh* (Reflection of Value Orientations in Proverbs). Gomel': Francysk Skaryna Gomel State University. (In Russian)].
- Новиков А. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. [Novikov, Lev A. *Semantika russkogo yazyka* (Semantics of the Russian Language). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- НФС — Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. [Noveyshiy filosofskiy slovar'. Postmodernizm (The Latest Philosophical Dictionary. Postmodernism). (2007). Minsk: Sovremennyyu literator.
- Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб.: Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской, 1902. [Ovsyaniko-Kulikovskiy, Dmitriy N. (1902) *Sintaksis russkogo yazyka* (The Syntax of the Russian Language). Saint Petersburg: I. L. Ovsyaniko-Kulikovskaya. (In Russian)].
- Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 2004. [Ozhegov, Sergey I., & Shvedova, Natalya Ju. (2004) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language) Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].
- Отчет В. М. Жирмунского за 1926 г.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1001. Оп. 2. Д. 112. [Otchet V. M. Zhirmunskogo za 1926 g. (Report of V. M. Zhirmunsky for 1926). *Peterburgskiy filial Arkhiva RAN* (Saint Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences). F. 1001. (In Russian)].
- Павлов В. М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 65—70. [Pavlov, Vladimir M. (1960) *O razryadakh imen prilagatel'nykh v russkom yazyke* (On the Ranks of Adjectives in Russian). *Topics in the Study of Language*, 2, 65—70. (In Russian)].
- Павловская О. Е. Стиль как прототипическая категория гуманитарных наук (системно-терминологический аспект). Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. [Pavlovskaya, Ol'ga Ye. (2007) *Stil' kak prototipicheskaya kategoriya gumanitarnykh nauk (sistemno-terminologicheskiy aspekt)* (Style as a Prototypic Category of Humanitarian Sciences (Systematic-terminological

- Aspect). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Krasnodar: Kuban' State University. (In Russian)].
- Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva, Yelena V. (1996) *Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* (Semantic Studies. Semantics of Time and Type in the Russian Language. Narrative Semantics). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Перфилова М. Н. Динамика лексики цвета в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2022. [Perfilova, Mariya N. (2022) *Dinamika leksiki tsveta v russkom yazyke* (Dynamics of Color Vocabulary in Russian). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Tambov: Tambov State University. (In Russian)].
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. [Podol'skaya, Natalya V. (1988) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* (Dictionary of Russian Onomastic Terminology). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Полчанинова Е. О. Афоризм во фразеологии и фразеологизм в афористике современного немецкого языка: лингвокультурологический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2012. [Polchaninova, Yelena O. (2012) *Aforizm vo frazeologii i frazeologizm v aforistike sovremennogo nemetskogo yazyka: lingvokul'turologicheskiy aspekt* (Aphorism in Phraseology and Phraseologism in the Aphoristics of the Modern German Language: Linguocultural and Logical Aspect). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State Pedagogical University. (In Russian)].
- Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: Истоки, 2009. [Popova, Zinaida D. (2009) *Sintaksicheskaya sistema russkogo yazyka v svete teorii sintaksicheskikh kontseptov* (The System of Russian Syntax as seen in the Theory of Syntactic Concepts). Voronezh: Istoki. (In Russian)].
- Порубов Н. И. Риторика. Минск: Высшая школа, 2002. [Porubov, Nikolay I. (2002) *Ritorika* (Rhetoric). Minsk: Vysshchaya Shkola. (In Russian)].
- Прошина З. Г. Межкультурная коммуникация. Английский язык и культура народов Восточной Азии. М.: Юрайт, 2020. [Proshina, Zoia G. (2020) *Mezhkulturnaya kommunikatsiya. Angliyskiy yazyk i kultura*

- narodov Vostochnoy Azii* (Intercultural Communication. English and Culture of Eastern Asia Peoples). Moscow: Urait. (In Russian)].
- Радченко О. А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: КомКнига, 2006. [Radchenko, Oleg A. (2006) *Yazyk kak mirosozidaniye: Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtianstva* (Language as a Creation of the World: The Linguophilosophical Concept of Neo-Humboldtianism). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Рахманкулова С. Е. Отражение знания об эмоциональном состоянии на уровне синтаксической структуры высказывания // Синтаксис и эмоции / отв. ред. Т. Н. Синеокова. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2012. С. 114—151. [Rakhmankulova, Svetlana Ye. (2012) Otrazheniye znaniya ob emotsional'nom sostoyanii na urovne sintaksicheskoy struktury vyskazyvaniya (Reflection of Knowledge about Emotional State at the Level of Syntactic Structure of Speech). In Sineokova, Tatyana N. (ed.) *Sintaksis i emotsii* (Syntax and Emotions). Nizhny Novgorod: LUNN, 114—151. (In Russian)].
- Рахманкулова С. Е. Структура простого высказывания на английском языке. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2018. [Rakhmankulova, Svetlana Ye. (2018) *Struktura prostogo vyskazyvaniya na angliyskom yazyke* (Structure of Simple Utterance in English). Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Резякин А. Военные разговорники. Открытия, которые потрясли мир // Неправда Виктора Суворова-2. М.: Яуза/Эксмо, 2008. [Rezyarkin, Andrey. (2008) *Voyennyye razgovorniki. Otkrytiya, kotoryye potryasli mir* (Military Phrasebooks. Discoveries that shook the world). In *Nepravda Viktora Suvorova-2* (Falsehood of Viktor Suvorov-2). Moscow: Yauza/Eksmo. (In Russian)].
- Рисс Г. Розенталь — немецкая католическая колония // Крым наша Родина: депортация немцев в 1941, 1944 гг. Симферополь: КАГН, 2005. С. 20—28. [Riss, Gilda. (2005) *Rozental' — nemetskaya katolicheskaya koloniya* (Rosenthal — a German Catholic Colony). In *Krym nasha Rodina: deportatsiya nemtsev v 1941, 1944 gg.* (Crimea is our Motherland: the Deportation of Germans in 1941, 1944). Simferopol': KAGN, 20—28. (In Russian)].
- Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М.: АЙРИС-пресс, 2014. [Rozenal', Ditmar E.; Golub, Irina B., & Telenkova, Margarita A. (2014) *Sovremennyy russkiy yazyk*

- (Modern Russian). Moscow: AJRIS-press. (In Russian)].
- Руднев В. П. Прецедентный анализ // Славистический сборник (Review of Slavic Studies). 2016. № 90. С. 9—49. [Rudnev, Vadim P. (2016) Precedentnyy analiz (Case-based Analysis). *Review of Slavic Studies*, 90, 9—49. (In Russian)].
- Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. [Karaulov, Yuriy N. (ed.) (1997) *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* (Russian Language. An Encyclopedia). Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya (The Big Russian Encyclopedia). (In Russian)].
- Сафарян Э. А. К пониманию юмора как теоретического концепта в современной науке // Университетские чтения [Электронный ресурс]. Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2009. URL: pgu.ru/upload/iblock/f14/nch2009-v-00066.pdf. [Safaryan, Ellina A. (2009) K ponimaniyu yumora kak teoreticheskogo kontseptu v sovremennoy nauke (Understanding Humor as a Theoretical Concept in Modern Science). In *Universitetskiye chteniya* (University Readings). Retrieved from pgu.ru/upload/iblock/f14/nch2009-v-00066.pdf. (In Russian)].
- Светозарова Н. Д. Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». СПб.: Нестор-История, 2015. [Svetozarova, Nataliya D. (2015) *German Bakhman i yego kniga "Poyezdka v nemetskiye kolonii Berezanskogo rayona"* (Herman Bachman and his book "A trip to the German colonies of the Berezan region"). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)].
- Серёда Л. М. Функционирование лексико-тематических групп в структуре английского короткого рассказа. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Минск: МГЛУ, 1984. [Sereda, Lyudmila M. (1984) *Funktsionirovaniye leksiko-tematicheskikh grupp v strukture angliyskogo korotkogo rasskaza* (Functioning of Lexico-thematic Groups in the Structure of the English Short Story). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Minsk: Minsk State Linguistic University. (In Russian)].
- Сидоркова Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1999. [Sidorkova, Galina D. (1999) *Pragmatika paremiy: poslovitsy i pogovorki kak rechevyye deystviya* (Pragmatics of Proverbs and Sayings as Speech Actions). Krasnodar: Kuban State University. (In Russian)].

- Синкина Е. В. Лексические единицы как маркеры эпохи // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: материалы III Международной научно-практической конференции / ред. Е. Н. Мальяга. М.: РУДН, 2008. С. 248—250. [Sinkina, Yevgeniya V. (2008) Leksicheskiye edinityy kak markery epokhi (Lexical Units as Markers of the Epoch). In Malyuga, Yelena N. (ed.) *Aktual'nye problemy lingvistiky i lingvodidaktiki inostrannogo yazyka delovogo i professional'nogo obshcheniya* (Actual Problems of Linguistics and Linguodidactics of a Foreign Language of Business and Professional Communication. Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference). Moscow: RUDN, 248—250. (In Russian)].
- Слепович В. С. Настольная книга переводчика с русского языка на английский. Мн.: ТетраСистемс, 2006. [Slepovich, Viktor S. (2006) *Nastol'naya kniga perevodchika s russkogo yazyka na angliyskiy* (Translator's Handbook from Russian to English). Minsk: TetraSistems. (In Russian)].
- Солганик Г. Я. О языке газеты. М.: Изд-во МГУ, 1968. [Solganik, Grigoriy Ya. (1968) *O yazyke gazety* (The Language of Newspaper). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Спиркин А. Г. Происхождение сознания. М.: Госполитиздат, 1960. [Spirkin, Aleksandr G. (1960) *Proiskhozhdeniye soznaniya* (Origin of Consciousness). Moscow: Gospolitizdat. (In Russian)].
- Степанова М. Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке (= Wortarten und das Problem den Valenz in der deutschen Gegenwartssprache). М.: Высшая школа, 1978. [Stepanova, Mariya D., & Helbig, Gerhard. (1978) *Chasti rechi i problema valentnosti v sovremennom nemetskom yazyke* (Parts of Speech and the Problem of Valency in Modern German). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Сучков Б. Лион Фейхтвангер и его роман «Успех» // Фейхтвангер Л. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1963. С. 5—28. [Suchkov, Boris. (1963) Lion Feikhtvanger i ego roman "Uspek" (Lion Feuchtwanger and his Novel "Success"). In Feuchtwanger, Lion. *Sobraniye sochineniy v 12 t. T. 1.* (Collected Works in 12 vols. Vol. 1). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 5—28. (In Russian)].
- Теккерей У. Ярмарка тщеславия. М: Эксмо, 2008. [Thackeray, William.

- (2008) *Yarmarka tshcheslaviya* (The Vanity Fair). Moscow: Eksmo. (In Russian)].
- Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Общие вопросы / отв. ред. А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 129—222. [Teliya, Veronika N. (1977) *Vtorichnaya nominatsiya i yeye vidy* (Secondary Nomination and its Types). In Ufimtseva, Anna A. (ed.) *Language Nomination: General Questions*. Moscow: Nauka, 129—222. (In Russian)].
- Темирболат А. Б. Категория хронотопа в свете современных научных концепций литературоведения // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.) / отв. ред. О. А. Шульга. СПб.: Реноме, 2012. С. 6—9. [Temirbolat, Alua B. (2012) *Kategoriya khronotopa v svete sovremennykh nauchnykh konceptkhiy literaturovedeniya* (Category of Chronotope in the Light of Modern Scientific Concepts of Literary Criticism). In Shul'ga, O. A. (ed.) *Filologicheskiye nauki v Rossii i za rubezhom* (Philological Sciences in Russia and Abroad. Proceedings of the Conference). Saint Petersburg: Renome, 6—9. (In Russian)].
- Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008а. [Ter-Minasova, Svetlana G. (2008a) *Voyna i mir yazykov i kul'tur* (War and Peace of Languages and Cultures). Moscow: Slovo. (In Russian)].
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: МГУ, 2008б. [Ter-Minasova, Svetlana G. (2008b) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* (Language and Intercultural Communication). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Терских М. В. Взаимодействие вербального и визуального компонентов в метафоризированных текстах социальной рекламы // Вестник Омского гос. пед. ун-та. 2017. № 3 (16). С. 76—84. [Terskih, Mariya, V. (2017) *Vzaimodeystviye verbal'nogo i vizual'nogo komponentov v metaforizirovannykh tekstakh sotsial'noy reklamy* (Interaction of Verbal and Visual Components in Metaphorized Texts Of Social Advertising). *Review of Omsk State Pedagogical University*, 3 (16) 76—84. (In Russian)].
- Тимофеева А. М. Сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира (на материале идиолектов Н. Заболоцкого и Р. Фроста). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2003. [Timofeyeva, Albina M. (2003) *Sopostavitel'noye*

- issledovaniye lingvotsvetovykh kartin mira (na materiale idiolektov N. Zabolotskogo i R. Frosta)* (Comparative Study of Linguistic and Color Pictures of the World (Based on the Idiolects of N. Zabolotsky and R. Frost)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Tyumen': Tyumen' State University. (In Russian)].
- Топонимика Крыма 2010: Сб. статей памяти И. Л. Белянского / сост. Ю. А. Беляев. Симферополь: Универсум, 2010. [Belyaev, Yu. A. (ed.) (2010) *Toponimika Kryma 2010* (Toponymy of Crimea 2010). Collection of articles in memory of I. L. Belyansky. Simferopol': Universum. (In Russian)].
- Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.: Высшая школа, 1979. [Turayeva, Zinaida Ya. (1979) *Kategoriya vremeni. Vremya grammaticheskoye i vremya khudozhestvennoye* (The Category of Time. Grammatical Time and Artistic Time). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Тюменцев Ю. А. Миф как форма исторического познания // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. статей / Отв. ред. Б. Г. Могильницкий. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. Вып. 27. С. 49—55. [Tumentsev, Yuriy A. (2003) *Mif kak forma istoricheskogo poznaniya* (Myth as a Form of Historical Cognition). In Mogil'nitskiy, Boris G. (ed.) *Metodologicheskiye i istoriograficheskiye voprosy istoricheskoy nauki* (Methodological and Historiographical Issues of Historical Science), 27. Tomsk: Tomsk State University, 49—55. (In Russian)].
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. [White, Hayden. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoye voobrazheniye v Yevrope XIX veka* (Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe). Yekaterinburg: Yekaterinburg University. (In Russian)].
- Умерова М. В. Переводческие соответствия: типология, виды, использование в текстах переводов // Вопросы филологических наук. 2011. № 6. С. 124—129. [Umerova, Mariya V. (2011) *Perevodcheskiye sootvetstviya: tipologiya, vidy, ispol'zovaniye v tekstakh perevodov* (Translation Correspondences: Typology, Types, Use in Translation Texts). *Voprosy filologicheskikh nauk* (Issues of Philological Sciences), 6, 124—129. (In Russian)].
- УЭС — Универсальный энциклопедический словарь / под ред. А. П. Горкина. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. [Gorkin,

- Aleksandr P. (ed.) (1999) *Universal'nyy entsiklopedicheskiy slovar'* (Universal Encyclopedic Dictionary). Moscow: Bol'shaya russiyskaya entsiklopediya (The Big Russian Encyclopedia). (In Russian)].
- Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И. Афористика. М.: Наука, 1990. [Fedorenko, Nikolay T., & Sokol'skaya, Lyudmila I. (1990) Aforistika (Aphoristics). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Федоров В. В. Жанровый подход в описании современной английской публицистики // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. 2011. № 16. С. 99—108. [Fyodorov, Vitaliy V. (2011) Zhanrovyy podkhod v opisaniy sovremennoy angliyskoy publitsistiki (The Genre-Based Approach in Descriptions of Modern English Journalism). *LUNN Bulletin*, 16, 99—108. (In Russian)].
- Федоров В. В. Лингвистические и экстралингвистические параметры англоязычной газетно-журнальной публицистики Восточной Азии. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2019. [Fyodorov, Vitaliy V. (2019) *Lingvisticheskiye i ekstralingvisticheskiye parametry angloyazychnoy gazetno-zhurnal'noy publitsistiki Vostochnoy Azii* (Linguistic and Extralinguistic Parameters of English Eastern Asiatic Journalism). Advanced PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Фейхтвангер Л. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1963. [Feuchtwanger, Lion. (1963) *Sobraniye sochineniy v 12 t. T. 1.* (Collected Works in 12 vols. Vol. 1). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Финогеев Б. Л. Крымские татары, немцы, греки, армяне, болгары: национальное мастерство и его влияние на экономическое развитие Крыма. Симферополь: Таврия, 1997. [Finogeyev, Boris L. (1977) *Krymskiye tatory, nemtsy, greki, armyane, bolgary: natsional'noye masterstvo i yego vliyaniye na ekonomicheskoye razvitiye Kryma* (Crimean Tatars, Germans, Greeks, Armenians, Bulgarians: National Mastery and Its Influence on the Economic Development of Crimea). Simferopol': Tavriya. (In Russian)].
- Фурс Л. А. Особенности когнитивной категории в синтаксисе // Когнитивные категории в синтаксисе / отв. ред. Л. М. Ковалева. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 21—50. [Furs, Lyudmila A. (2009) *Osobennosti kognitivnoy kategorii v sintaksise* (The Specifics of Cognitive Categories

- in Syntax). In Kovaleva, Liya M. (ed.) *Kognitivnyye kategorii v sintaksise* (Cognitive Categories in Syntax). Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University, 21—50. (In Russian)].
- Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. [Heidegger, Martin. (2006) *Chto zovetsya myshleniem?* (What is Called Thinking?). Moscow: “Territory of the Future” Publishing House. (In Russian)].
- Чужакин А. П., Палажченко П. Р. Мир перевода или вечный поиск взаимопонимания. М.: Валент, 1997. [Chuzhakin, Andrey P., & Palazhchenko, Pavel R. (1997) *Mir perevoda ili vechnyy poisk vzaimoponimaniya* (World of Translation or Eternal Findings of Mutual Understanding). Moscow: Valent. (In Russian)].
- Шамова Н. А. Англоязычный кинодискурс в лексикографическом отражении. Дис. ...кандидата филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2022. [Shamova, Nadezhda A. (2022) *Angloyazychnyy kinodiskurs v leksikograficheskom otrazhenii* (English Cinema-Discourse in Lexicographic Representation). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. [Shachmatov, Aleksey A. (1941): *Sintaksis russkogo yazyka* (The Syntax of the Russian Language). Leningrad: Uchpedgiz. (In Russian)].
- Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. [Shvedova, Natalya Yu. (ed.) (1970) *Grammatika sovremennoy russkogo literaturnogo yazyka* (Grammar of the Modern Russian Literary Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Наука, 1988. [Shveytser, Aleksandr D. (1988) *Perevod i lingvistika* (Translation and Linguistics). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Шилова Е. А. Ивановская лексикографическая школа: 25 лет в авангарде современной российской и европейской лексикографии // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 174—180. [Shilova, Yekaterina A. (2022) *Ivanovskaya leksikograficheskaya shkola: 25 let v avangarde sovremennoy rossiyskoy i evropeyskoy leksikografii* (Ivanovo Lexicographic School: 25 Years in the Vanguard of Modern Russian and European Lexicography). *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 1, 174—180. (In Russian)]. doi: 10.46726/H.2022.1.18

- Шутая Н. К. Сюжетные возможности хронотопа «присутственное место» и их использование в произведениях русских классиков XIX в. (на примере прозаических произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого) // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 9: Филология. 2005. № 5. С. 64—75. [Shutaya, Natalya. K. (2005) Syuzhetnyye vozmozhnosti khronotopa “prisutstvennoye mesto” i ikh ispol’zovaniye v proizvedeniyakh russkikh klassikov XIX v. (na primere prozaicheskikh proizvedeniy A. S. Pushkina, N. V. Gogolya i L. N. Tolstogo (The Plot Possibilities of the Chronotope “Official Place” and their Use in the Russian Classic Works of the 19th Century. (Exemplified by the Prose Works of A. S. Pushkin, N. V. Gogol and L. N. Tolstoy)). *MSU Vestnik*, 9, 64—75. (In Russian)].
- Энциклопедия Третьего рейха / сост. С. И. Воропаев. М.: Локид-Миф, 2000. [Voropaev, Sergey I. (ed.) (2000) *Entsiklopediya Tret’eyego reykh*a (Encyclopaedia of the Third Reich). Moscow: Lokid-Mif. (In Russian)].
- Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны. М: Советский писатель, 1988. [Epshteyn, Mikhail N. (1988) *Paradoksy novizny* (Paradoxes of Novelty). Moscow: Sovyetskiy Pisatel’. (In Russian)].
- Юнг К. Г. Миф и душа. Шесть архетипов. Киев; Москва: Port-Royal — Совершенство, 1997. [Jung, Karl G. (1997) *Mif i dusha. Shest’ arkhетипов* (The Myth and the Soul. Six Archetypes). Kiev; Moscow: Port-Royal — Sovershenstvo. (In Russian)].
- Ярошенко В. Н. Информационные жанры радиожурналистики. М., 1973. [Yaroshenko, Vladimir N. (1973) *Informatsionnyye zhanry radiozhurnalistiki* (Information Genres of Radio Journalism). Moscow. (In Russian)].
- Adelung, Johann Christoph. (1782) *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, zur Erläuterung der deutschen Sprachlehre für Schulen*. In 2 Bd. Leipzig: verlegt Johann Gottlob Immanuel Breitkopf.
- Adelung, Johann Christoph. (1793) *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen*. In 4 Theilen. Th. 1 A-E. Leipzig: bey Johann Gottlob Immanuel Breitkopf und Compagnie.
- Adelung, Johann Christoph. (1788) *Vollständige Anweisung zur Deutschen Orthographie, nebst einem kleinen Wörterbuche für die Aussprache, Orthographie, Biegung und Ableitung*. Frankfurt und Leipzig: б/и.

- Adorno, Theodor. (1990) *Gesammelte Schriften*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Albertus, Laurentius. (1573) *Teutfch Grammatick oder Sprach-Kunst*. Avgvstæ Vindelicorum: Excudebat Michaël Manger.
- Ammann, Herrman. (1973) Adjektiv und Eigenschaftswort. In Moser, Hugo. (ed.) *Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik. Aufsätze aus drei Jahrzehnten (1929—1959)*, Bd. XXV. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 153—185.
- Anders, Christina A. (2010) *Wahrnehmungsdialektologie: Das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien*. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co.
- Antesperg, Johann Balthasar. (1747) *Die Kayserliche deutsche Grammatik, oder Kunst, die deutsche Sprache recht zu reden, und zu schreiben*. Wien: bey Johann Ignatz Heyinger.
- Anweisung die deutsche Sprache richtig zu sprechen, zu lesen und zu schreiben. (1794) Wien: im Verlagsgewölbe der deutschen Schulanfalt bey St. Anna in der Johannes-Gaffe.
- Assmann, Jan. (1991) Die Katastrophe des Vergessens. Das Deuteronomium als Paradigma kultureller Mnemotechnik. In Assmann, Aleida, & Harth, Dietrich. (eds) *Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Assmann, Aleida, & Assmann, Jan. (1994) Das Gestern im Heute. Medien und soziales Gedächtnis. In Merten, Klaus; Schmidt, Siegfried J. & Weischenberg, Siegfried. (eds) *Die Wirklichkeit der Medien. Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft*. Opladen: Leske & Budrich.
- Ayto, John. (2020) *Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford: OUP.
- Baumgartner, Edwin. (2018) *Schmäh: Die Wiener Antwort auf die Dummheit der Welt*. München: Claudius Verlag GmbH.
- Bennet, Gena R. (2010) *Using Corpora in the Language Learning Classroom: Corpus Linguistics for Teachers*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Berlin, Brent, & Kay, Paul. (1969) *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkley and Los Angeles: University of California Press, Uca-Press.
- Bierwisch, Manfred. (1989) Event Nominalisations: Proposals and Problems. *Linguistische Studien A 194*, 1—73.
- Blühdorn, Hardarik; Breindl, Eva, & Waßner, Ulrich H. (eds) (2004) *Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorenssemantik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

- Bödiker, Johann. (1690) *Grund-Sätze der Deutschen Sprachen im Reden und Schreiben*. Berlin: bey Johann Wilhelm Meyer und Gottfried Zimmermann.
- Bolinger, Dwight Le Merton. (1975) *Aspects of Language*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Braun, Heinrich. (1765) *Anleitung zur deutschen Sprachkunst, Zum Gebrauche der Schulen, Churlanden zu Baiern*. München: J. Fried.
- Braun, Heinrich. (1793) *Deutsches orthographisch-grammatisches Wörterbuch mit einem Verzeichnisse ausländischer Wörter und Redensarten, welche im gemeinen Leben am öftesten vorkommen und lieber deutsch gegeben werden sollen*. München: bey Joseph Lentner.
- Braun, Peter. (2005) Die Sprache des Altens / des Alters bei Frank Schirrmacher. *Sprachreport*, 1 (21), 2—5.
- Briggs, Katharine Mary, & Tongue, Ruth L. (1964) *Folk Tales of England*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Briggs, Katharine Mary. (1991) *A Dictionary of British Folktales in the English Language incorporating the F. J. Collection*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Buendia-Castro, Miriam. (2020) Bilingual and Multilingual Online Environmental Knowledge Resources: A Comparative Study for Translation Purposes. *International Journal of Lexicography*, 33, 1, 40—72. doi.org/10.1093/ijl/ecz022
- Burkhardt, Armin; Linke, Angelika, & Wichter, Sigurd. (eds) (2004) *Studienbuch Linguistik*. Tübingen: Niemeyer. (= Reihe Germanistische Linguistik; 121 Kollegbuch)
- Cambourian, Alain. (eds) (2001) *Textkonnectoren: und andere textstrukturierende Einheiten*. Tübingen: Stauffenburg. (Eurogermanistik 16)
- Cholinvs, Petrus, & Frisivs, Johannes. (1541) *Dictionarium Latinogermanicum*. Zürich: Tigvri apvd Cristophorum Frofchouerum.
- Ciambella, Fabio. (2021) *Dance Lexicon in Shakespeare and His Contemporaries. A Corpus Based Approach*. London; New York: Routledge.
- Conrad, Susan. (2002) Corpus Linguistics Approach for Discourse Analysis. *Annual Review of Applied Linguistics*, 22, 75—95.
- Crystal, David. (1991) *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. T. J. Press: Padstow.
- Crystal, David. (1995) *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: University Press.

- Dasypodius, Petrus (Hasenfratz, Peter). (1537) *Dictionarium latinogermanicum et vice versa germanicolatinum, ex optimis Latinae linguae scriptoribus concinnatum*. Strassburg (Argentorati): б/н.
- Deleuze, Gilles. (1986) *Proust et les signes*. Paris: Presses univ. de France.
- Dudley-Evans, Tony. (1987) Genre Analysis and ESP. *ELR Journal (English Language Research)*, 1, 385—411.
- Düez, Nathanaël. (1702) *Dictionnaire François-Alemand-Latin Et Alemand-François-Latin Ci-devant mis en Lumière*. Cologne: Chez François Metternich Marchand Libraire.
- Ebers, Johannes. (1796) *The New and Complete Dictionary of the German and English Languages, Composed chiefly after the German Dictionaries of Mr. Adehung and of Mr. Schwan*. In 3 vols. Vol. I A-G. Leipzig: Printed for Breitkopf and Haertel.
- Ebner, Jakob. (2007) Varietätenlinguistik in der Praxis — Wie das „Variantenwörterbuch“ entstand und wie man es anwendet // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 3 / отв. ред. Н. С. Бабенко. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 297—309. [Ebner, Jakob. (2007) Varietätenlinguistik in der Praxis — Wie das „Variantenwörterbuch“ entstand und wie man es anwendet. In Babenko, Nataliya S., et al. (eds) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 3. Moscow: LRC Publishing House, 297—309].
- Ebner, Jakob. (2009) *Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch*. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag. [4., völlig überarb. Aufl.]
- Eco, Umberto. (1988) *Sémiotique et philosophie du langage*. Paris: Presses univ. de France.
- Eggers, Hans. (1986) *Deutsche Sprachgeschichte. Bd. 1. Das Althochdeutsche und das Mittelhochdeutsche*. Hamburg: Rohwolt Taschenbuch Verlag.
- Ehrich, Veronika. (1991) Nominalisierungen. In Stechow, Arnim, & Wunderlich, Dieter. (eds) *Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 441—458.
- Erdle, Birgit R. (2000) Das Trauma im gegenwärtigen Diskurs der Erinnerung. In Neumann, Gerhard, & Weigel, Sigrid. (eds) *Lesbarkeit der Kultur: Literaturwissenschaft zwischen Kulturtechnik und Ethnographie*. München: Fink.
- Ernst, Ulrich. (1993) *Ars memorativa und Ars poetica in Mittelalter und*

- Früher Neuzeit. Prolegomena zu einer mnemonistischen Dichtungstheorie. In Berns, Jörg Jochen, & Neubeck, Wolfgang. (eds) *Ars memorativa: zur kulturgeschichtlichen Bedeutung der Gedächtniskunst 1400—1750*. Tübingen: Niemeyer.
- Eudel, Paul. (1978) *Fälscherkünste*. Leipzig: Zentralantiquariat der DDR. Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe 1909.
- Ferrett, Emma, & Dollinger, Stephan. (2021) Is Digital Always Better? Comparing Two English Print Dictionaries with Their Digital Counterparts. *International Journal of Lexicography*, 34, 1, 66—91. doi.org/10.1093/ijl/ecaa016
- Feuchtwanger, Lion. (1937) *Moskau 1937: Ein Reisebericht für meine Freunde*. Amsterdam: Querido Verlag.
- Feuchtwanger, Lion. (1984) *Ein Buch nur für meine Freunde. Mein Roman „Erfolg“* Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Feuchtwanger, Lion. (1998) Erfolg. In *Gesammelte Werke in Einzelbänden. In 16 Bd. Bd. 3*. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag.
- Feuchtwanger, Marta. (1984) *Nur eine Frau, Jahre, Tage, Stunden. Erinnerungen*. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag.
- Flake, Otto. (1986) Die sieben Nichten Mazarins. In Flake, Otto. *Große Damen des Barocks. Historische Porträts*. Berlin: Buchverlag Der Morgen.
- Flämig, Walter; Hafka, Brigitta; Heidolph, Karl-Erich; Jüttner, Fritz; Pheby, John; Steinitz, Renate, & Wurzel, Wolfgang Ulrich. (1981) *Grundzüge einer deutschen Grammatik*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Fraas, Claudia. (2000) Begriffe — Konzepte — kulturelles Gedächtnis. Ansätze zur Beschreibung kollektiver Wissenssysteme. In Schlosser, Horst Dieter. (ed.) *Sprache und Kultur*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang.
- Franck, Fabian. (1531) *Teutſcher Sprach Art vnd Eygenſchafft Orthographia, gerecht Büchftäbig Teutſch zuſchreiben*. Franckfurt am Meyn: Bei Christian Egenolph.
- Frisius, Johannes. (1750) *Dictionarium Latino-Germanicum, nec-non Germanico-Latinum*. Coloniae Agrippinae: Ex Officina Metternichiana. [Editio nova prioribus correctior]
- Gavriilidou, Zoi; Mitsiaki, Maria, & Fliatouras, Asimakis. (eds) (2020) *Proceedings of XIX EURALEX Congress: Lexicography for Inclusion*, Vol. I-II. Komotini: Democritus University of Thrace.
- Genette, Gérard. (1966) Proust palimpseste. *Figures I*, 39—67.
- Genette, Gérard. (1969) Proust et le langage indirect. *Figures II*, 223—294.

- Genette, Gérard. (1972) Métonymie chez Proust. *Figures III*, 41—63.
- Giebel, Marion. (1993) *Das Geheimnis der Mysterien. Antike Kulte in Griechenland, Rom und Ägypten*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Girbert, Johann. (1653) *Die Deutsche Grammatica oder Sprachkunfft*. Mühlhausen: Typis Johannis Hüteri.
- Girke, Wolfgang. (1999) Kausalität und Verstehen. In Girke, Wolfgang, & al. (eds) *Aspekte der Kausalität im Slavischen. Mainzer Studien zum Problem der Kausalität*. München: Sagner, 161—179. (= Specimina philologiae slavicae 122)
- Glück, Helmut. (ed.) (2000) *Metzler-Lexikon Sprache*. Stuttgart-Weimar: Verlag J. B. Metzler. [2., überarb. und erw. Aufl.]
- Goebel, Ulrich; Lobenstein-Reichmann, Anja; Reichmann, Oskar. (eds) (1986) *Frühneuhochdeutsches Wörterbuch*. Bd. 5.2 d-dysenterie. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co KG.
- Gottsched, Johann Christoph. (1734) *Beyträge zur critischen Hifstorie der deutschen Sprache, Poefie und Beredfamkeit*. Bd. II. Leipzig: Bey Bernhard Christoph Breitkopf.
- Gottsched, Johann Christoph. (1749) *Grundlegung einer deutschen Sprachkunfft*. Leipzig: Verlegts Bernhard Christoph Breitkopf. [2., verb. u. verm. Aufl.]
- Granger, Sylviane, & Paquot, Magali. (eds) (2012) *Electronic Lexicography*. Oxford: Oxford University Press.
- Grebe, Paul. (ed.) (1962) *Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Leningrad: Uchpedgiz.
- Gueinz, Johann Christian. (1666) *Die Deutsche Rechtfehreibung ... von der Fruchtbringenden Gefellfchaft überfehen*. Hall in Sachsen: In Verlegung Christoph. Millii; Gedruckt bey Matthæus Henckeln.
- Gula, Robert G. (2002) *Nonsense: a Handbook of Logical Fallacies*. Mount Jackson: Axios press.
- Gysi, Klaus. (1960) *Lion Feuchtwanger*. In 2 Bd. Bd. 2. Berlin: Volk und Wissen.
- Hanken, Carolina. (1997) *Vom König geküßt. Das Leben der großen Mätressen*. Aus dem Niederländischen von Christiane Kuby. Berlin: Berlin Verlag. [2. Aufl.]
- Hargraves, Orin. (2020) Electronic Dictionaries. In Ogilvie, Sarah. (ed.) *The Cambridge Companion to English Dictionaries*. Cambridge: Cambridge University Press, 207—218.
- Harth, Dietrich. (1990) Historik und Poetik. Plädoyer für ein gespanntes

- Verhältnis. In Eggert, Hartmut. (ed.) *Geschichte als Literatur: Formen und Grenzen der Repräsentation von Vergangenheit*. Stuttgart: Metzler.
- Hartmann, Reinhard, & James, Gregory. (2002) *Dictionary of Lexicography*. London; New York: Routledge.
- Helbig, Gerhard, & Buscha, Joachim. (1974) *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- Herder, Johann Gottfried. (1966) *Abhandlung über den Ursprung der Sprache*. Stuttgart: Reclam.
- Hermant, Jost. (1994) *Geschichte der Germanistik*. Hamburg: Rohwolt Taschenbuch Verlag.
- Heuberger, Reinhard. (2016) Learners' Dictionaries: History and Development. In Philip, Durkin. (ed.) *The Oxford Handbook of Lexicography*. Oxford: OUP, 25—43.
- Heuberger, Reinhard. (2020) Monolingual Online Dictionaries for Learners of English and the Opportunities of the Electronic Medium: A Critical Survey. *International Journal of Lexicography*, 33, 4, 404—416. doi.org/10.1093/ijl/ecaa018
- Heupold, Bernhard. (1602) *Teutfches Dictionariolvm*. Franckfurt: Getruckt bey Christian Egenolffs Erben.
- Heyde, Johann Daniel. (1772) *Regeln vom Schreiben, Reden und Verfemachen in deutscher Sprache*. Wirzburg: Verlegts Johann Stahel.
- Heynatz, Johann Friedrich. (1785) *Anweisung zur Deutschen Sprache*. Berlin: bei Auguft Mylius.
- Hotzenkoecherle, Rudolf. (1968) Gegenwartsprobleme im deutschen Adjektivsystem. *Neuphilologische Mitteilungen*, 1, 1—28.
- Hundt, Markus. (2000) Deutschlands meiste Kreditkarte — Probleme der Wortartenklassifikation. *Deutsche Sprache*, 1, 1—23.
- Hutterer, Claus Jürgen. (1992) *Viktor Schirmunski*. München: Südostdt. Kulturwerk. (Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B, Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59)
- Ickelsamer, Valentin. (1534) *Ain Teüfche Grammatica*. Augsburg: Ulhart.
- Ipsen, Günter. (1924) Der Alte Orient und die Indogermanen. In *Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft: Festschrift für W. Streitberg*. Heidelberg: Winter, 200—237.
- Jackson, Howard. (2018) English Lexicography in the Internet Era. In Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *The Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: Routledge, 540—553.
- Jacobs, Joseph. (ed.) (1890) *English Fairy Tales*. London: David Nutt.

- James, Louis. (1997) *Die Österreicher pauschal*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Jeske, Wolfgang, & Zahn, Peter. (1984) *Lion Feuchtwanger oder der arge Weg der Erkenntnis. Eine Biografie*. Stuttgart: Metzler.
- Jung, Walter. (1966) *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- Klappenbach, Ruth, & Steinitz, Wolfgang. (eds) (1968/1978) *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Klosa-Kückelhaus, Annette; Engelberg, Stephan; Möhrs, Christine, & Storjohann, Petra. (eds) (2022) *Dictionaries and Society*. Book of Abstracts of the XX EURALEX International Congress, 12—16 July 2022. Mannheim: IDS-Verlag; Leibniz-Institut für Deutsche Sprache.
- Koselleck, Reinhart. (1973) Geschichte, Geschichten und formale Zeitstrukturen. In Koselleck, Reinhart, & Stempel, Wolf-Dieter. (eds). *Geschichte — Ereignis und Erzählung*. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Kozem, Iztok, & Kuhn, Tanara Z. (eds) (2019) *Electronic Lexicography in the 21st century (e-Lxicography)*. *Smart Lexicography*. Book of Abstracts. Brno: Lexical Computing.
- Krass, Peter. (2002) *Carnegie*. New York: John Wiley & Sons.
- Kristeva, Julia. (1994) *Le temps sensible. Proust et l'expérience littéraire*. Paris: Gallimard.
- Kruger, Alet; Wallmach, Kim, & Munday, Jeremy. (eds) (2011) *Corpus-Based Translation Studies: Research and Applications*. London: Continuum.
- Lachmann, Renate. (1991) Die Unlösbarkeit der Zeichen: Das semiotische Unglück des Mnemonisten. In Haverkamp, Anselm, & Lachmann, Renate. (eds) *Gedächtniskunst: Raum — Bild — Schrift. Studien zur Mnemotechnik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag
- Lang, Ewald. (1977) Paraphraseprobleme I: Über verschiedene Funktionen von Paraphrasen beim Ausführen semantischer Analysen. *Linguistische Studien*, 42, 97—156. (Reihe A: Beiträge zur semantischen Analyse)
- Leisi, Ernst. (1961) *Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen*. Heidelberg: Quelle & Meyer.
- Lockwood, William B. (1995) *An Informal Introduction to English Etymology*. Moutreux; London: Minerva Press.
- Loewenstein, David. (ed.) (2021) *The Cambridge Companion to Shakespeare and War*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Long, Ralph B. (1962) *The Sentence and its Parts*. Chicago: Chicago University Press.
- Maaler, Jofua. (1561) *Die Teütsch spraach*. Tigvri: excudebat Criftophorus Frofchouerus.
- Mallett, Margaret. (2017) *The Primary English Encyclopedia. The Heart of the Curriculum*. London: Routledge.
- Martin, Richard. (1985) *Charles and Diana*. New York: Ivy Books.
- Meichssner, Johann Helias. (1541) *Handbüchlin grundtlichs berichts, recht, unnd wolchrybens, der orthographie unnd Grammatic*. Tüwingen: Vlich Morhart.
- Melanchthon, Philipp. (1524) *Handbüchlein, wie man die kinder zu der geschriff vnd lere halten sol*. Wittenberg: б/н.
- Merleau-Ponty, Maurice. (1964) *Le Visible et l'Invisible*. Paris: Gallimard.
- Mieder, Wolfgang. „Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben“ von Michail Gorbatschows Ausspruch zum Volkssprichwort // Научный Вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2006. № 6. С. 37—52. [Mieder, Wolfgang. (2006) „Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben“ von Michail Gorbatschows Ausspruch zum Volkssprichwort. *Russian Journal of Building Construction and Architecture*, 6, 37—52].
- Molnár, Albert Szenczi, & Beer, Johann Christoph. (1708) *Dictionarium Quadrilingve Latino-Ungarico-Græco-Germanicum*. Noriberger: Martinus Endter.
- Moon, Rosamund. (2016) Explaining Meanings in Learners' Dictionaries. In Philip, Durkin. (ed.) *The Oxford Handbook of Lexicography*. Oxford: OUP, 125—143.
- Moritz, Karl Philipp, et al. (1794) *Grammatisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. In 4 Bd. Bd. II D-M. Berlin: bei Ernst Felisch.
- Moseley, Christopher. (2010) (ed.) *Atlas of the World's Languages in Danger*. Paris: UNESCO Publishing.
- Moskalskaja, Olga I. (1971) *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Moskau: Vysshaja Schkola.
- Motsch, Wolfgang. (1968) *Syntax des deutschen Adjektivs*. Berlin: Akademie Verlag.
- Müller-Funk, Wolfgang. (1981) *Literatur ALS Geschichtliches Argument: Zur ästhetischen Konzeption und Geschichtsverarbeitung in Lion Feuchtwangers Romantrilogie „Der Wartesaal“*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH.

- Nünning, Ansgar. (ed.) (1998) *Metzler-Lexikon Literatur- und Kulturtheorie: Ansätze — Personen — Grundbegriffe*. Stuttgart; Weimar: Metzler.
- Olearius, Tilemann. (1630) *Deutsche Sprachkunfft*. Hall: bey Melchior Oelschlegeln.
- Ölinger, Albert. (1574) *Underricht der Hoch Teutschen Spraach*. Strasbourg (Argentorati): Excudebat Nicolaus Vvyriot.
- Poirier, Jean. (1990) L'homme, l'objet et la chose. In Poirier, Jean. (ed.) *Histoire des mœurs*, I. Paris: Gallimard.
- Poulet, Georges. (1982) *L'espace proustien*. Paris: Gallimard.
- Proust, Marcel. (1971) *Contre Sainte-Beuve*, précédé de *Pastiches et mélanges*, et suivi de *Essais et articles*. Paris: Gallimard.
- Proust, Marcel. (1971) *Jean Santeuil*, précédé de *Les Plaisirs et les jours*, éd. par Pierre Clarac. Paris: Gallimard.
- Proust, Marcel. (1987/1989) *A la recherche du temps perdu*, publ. sous la dir. de Jean-Yves Tadié, 4 vols. Paris: Gallimard.
- Pudor, Christian. (1672) *Der Teutschen Sprache Grundrichtigkeit, Und Zierlichkeit*. Coelln an der Spree (Berlin): druckts Georg Schultze.
- Pyritz, Hans Werner. (ed.) (1950) *Bamberg, Egen. Die Minneburg: nach der Heidelberger Pergamenthandschrift unter Heranziehung der Kölner Handschrift und der Donaueschinger und Prager Fragmente*. Berlin: Akademie-Verlag. (Deutsche Texte des Mittelalters, Bd. 43)
- Qualtinger, Helmut. (1997) *Heimat bist du großer Zwerge und andere Texte für die Bühne*. Bd. 4. Wien: Deuticke.
- Rae, Bob. (1997) *From Protest to Power*. Toronto: Penguin Books.
- Rastier, François. (1992) Réalisme sémantique et réalisme esthétique. *Epistémocritique et cognition*, 10, 81—119.
- Reichard, Elias Caspar. (1747) *Verfuch einer Historie der deutschen Sprachkunfft*. Hamburg: Bey Johann Adolph Martini.
- Reiher, Ruth, & Läser, Rüdiger. (eds) (1993) *Wer spricht das wahre Deutsch?* Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag.
- Rey, Alain. (1992) *Dictionnaire historique de la langue française*. Paris: Robert.
- Richard, Jean-Pierre. (1990) *Proust et le monde sensible*. Paris: Seuil.
- Ricœur, Paul. (1975) *La métaphore vive*. Paris: Seuil.
- Riesel, Elise. (1959) *Stilistik der deutschen Sprache* (German Stylistics). Moscow: Verlag für fremdsprachige Literatur.
- Riordan, James. (1987) *Folktales of British Folktales*. Moscow: Raduga. (In Russian and English)
- Roth Georg Michael. (1799) *Systematische deutsche Sprachlehre für Schulen*.

- Gießen: bei Georg Friedrich Heyer.
- Rumler, Andreas. (2016) *Exil als geistige Lebensform. Brecht + Feuchtwanger. Ein Arbeitsbündnis*. Berlin: A. B. Fischer.
- Rüsen, Jörn. (1990) Rhetorik und Ästhetik der Geschichtsschreibung: Leopold von Ranke. In Eggert, Hartmut. (ed.) *Geschichte als Literatur: Formen und Grenzen der Repräsentation der Vergangenheit*. Stuttgart: Metzler.
- Sattler, Johann Rudolph. (1610) *Teutfche Orthographe Und Phraselogen. Das ist ein underricht Teutfche sprach recht vnnnd wohl zuschreiben*. Basel: getruckt in verlegung Ludwig Königs.
- Schirmunski, Viktor M. (1926) Studien zur Volkskunde der deutschen Kolonien. *Zur neuen Schule*, 7/8, 45—57.
- Schirmunski, Viktor M. (1928) Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Südukraine. *Teuthonista*, Jg. 5, H. 1, 38—60.
- Schmidt, Wilhelm. (1969) *Geschichte der deutschen Sprache*. Leipzig: Volkseigentlicher Verlag „Volk und Wissen“.
- Schottel, Justus Georg. (1641) *Sprachkunst*. Braunschweig: Gedruckt bey Balthasar Grubern.
- Schwanwitz, Martin. (1745) *Teutfche Grammatica*. St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayserlichen Academie der Wissenschafften.
- Shalom, Celia. (1993) Established and Evolving Spoken Research Process Genres. *English for Specific Purposes*, 1 (12), 37—43.
- Skrebnev, Yuriy M. (1994) *Fundamentals of English Stylistics*. Moscow: Vysshaya Shkola.
- Slater, Eileen. (ed.) (1996) *Literature and the Language Arts*. Saint Paul: EMC/Paradigm Publishing, Minnesota.
- Steinmetz, Sol. (2008) *Semantic Antics: How and Why Words Change Meaning*. New York: Random House Reference.
- Stephanus, Ritter. (1616) *Grammatica Germanica Nova*. Marburg: Typis Rodolphi Hutvvelckeri.
- Sternburg, Wilhelm. (2014) *Mein Lion Feuchtwanger. Die Biografie*. Berlin: Aufbau-Verlag.
- Stocker, Peter. (1998) *Theorie der intertextuellen Fallstudien*. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh.
- Ströhm, Alfred. (1926) Deutsche Mundarten an der Newa. *Teuthonista*, Jg. 3, H. 1, 39—62, 153—165.
- Stutz, Johann Ernft. (1790) *Deutfche Sprachlehre*. Potsdam: bei Carl Christian Horvath.

- Sütterlin, Ludwig. (1923) *Die deutsche Sprache der Gegenwart*. Leipzig: Voigtländer.
- Swales, John. (1990) *Genre Analysis*. Cambridge: University Press.
- Tautorat, Zans-Georg. (1980) *Schwarzes Kreuz auf weißem Mantel. Die Kulturleistung des Deutschen Ordens in Preußen*. Düsseldorf: NWZ-Verlag.
- Trier, Jost. (1931) *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*. Heidelberg: Winter.
- Vater, Heinz. (2005) *Referenz-Linguistik*. München: Fink.
- Vendryès, Joseph. (1940) Proust et les noms propres. *Mélanges Huguot*. Paris: Boivin.
- Wagener, Hans. (1996) *Lion Feuchtwanger*. Berlin: Morgenbuch.
- Wahrig, Gerhard. (1970) *Deutsches Wörterbuch*. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag.
- Walker, Hugh. (1991) *The English Essay and Essayist*. London: Alfa Editions.
- Wehle, Peter. (1980) *Sprechen Sie Wienerisch? Von Adaxl bis Zwutschkerl*. Wien; Heidelberg: Verlag Karl Überreuter.
- Weinrich, Harald. (1993) *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim: Dudenverlag.
- Weisgerber, Leo. (1962) *Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik*. Düsseldorf: Schwann.
- Weissberg, Bob. (1993) The Graduate Seminar: Another Research-Process Genre. *English for Specific Purposes*, 1 (12), 23—36.
- Wiegand, Heinrich E.; Beißwenger, Michael, & al. (2022) *Wörterbuch zur Lexikographie und Wörterbuchforschung (Dictionary of Lexicography and Dictionary Research)*. Bd. 1-4. Berlin: De Gruyter.
- Wismayr, Joseph. (1796) *Grundfätze der deutschen Sprache*. Erfter Theil: Sprechlehre. Salzburg: Im Verlage der Mayer'schen Buchhandlung.
- Wolfram, Herwig. (1995) *Die Germanen*. München: Beck.
- Wünsch, Carl. (1960) *Ostpreußen*. Berlin: Deutscher Kunstverlag.
- Yong, Heming, & Peng, Jing. (2021) *A Sociolinguistic History of British English Lexicography*. London: Routledge.
- Zöllner, Walter. (1973) *Reise in die Gotik*. Leipzig: Prisma-Verlag.

АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОНОГРАФИИ

РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Глава 1.1. Лингвокогнитивные и лингвопрагматические аспекты историографических текстов

В главе представлены результаты исследования особенностей языковой реализации субъективного фактора в немецкоязычных историографических текстах. Описан характер ретроспективной деятельности речевого субъекта, установлены имплицитная и эксплицитная формы его самопрезентации. Освещается специфика взаимодействия историографа как отправителя текста и читателя как получателя информации о реконструируемом прошлом.

Глава 1.2. Когнитивное моделирование номинативной системы языка

Глава посвящена обоснованию и описанию когнитивной модели «прецедентно-номинативное микрополе» как формы организации мышления и систематизации лингвистического знания. На материале словарных статей и в дискурсивной реализации отдельных номинативных единиц показываются когнитивные приемы и механизмы, с помощью которых формируется «прецедентно-номинативное микрополе» и образуется номинативная микросистема.

Глава 1.3. Настенное изречение как лингвокультурный дискурсивный феномен

Глава посвящена характеристикам специфического речевого жанра и феномена культуры «вандшпрух» («настенное изречение»), назначение которого состоит в продвижении определенных норм и правил поведения, выраженных в лаконичной форме и соотносимых с автосемантическими высказываниями. Существующие разновидности этого жанра, исторически возникшего в немецкой культуре, затем принятого в культуре США и в эпоху Интернет-коммуникации получившего глобальное распространение в электронном виде, сводятся к серьезным и шутливым изречениям.

Глава 1.4. Группа выразительных средств создания избыточности в немецком литературном языке

В главе строится типология средств создания избыточности в немецком литературном языке, которые решают экспрессивную задачу заострения внимания и могут образовывать отдельный сегмент в

его функциональном репертуаре. Их вспомогательным свойством выступает линейное увеличение лексической длины высказывания по типу примыкания.

Глава 1.5. Языковые средства достижения перлокутивного эффекта в текстах социальной рекламы (на примере современного немецкого языка)

Глава посвящена изучению текстов социальной рекламы как феномена некоммерческой рекламы, акцентирующей внимание реципиента на правилах и нормах социума, обеспечивающих его сохранение и развитие. Способность продуктов социальной рекламы привлекать внимание, оказывать эмоциональное воздействие и вызывать у реципиента строго определенную ответную реакцию (перлокутивный эффект) обусловлена их особой структурой и широкой палитрой специфических языковых средств, выявление и описание которых составило цель исследования, проведенного автором. Доказывается, что перлокутивный эффект текстов социальной рекламы достигается наличием в их концептуальной структуре прагматической доминанты, находящей выражение в разноуровневых языковых средствах. В немецком языке к таковым относятся прежде всего лексические (метафора, эпитет, ирония) и синтаксические (парцелляция, синтаксический параллелизм, риторический вопрос) средства выразительности. Методологической основой исследования выступила теория речевых актов.

Глава 1.6. Das Adjektivsystem der deutschen Sprache: Subklassen und Entwicklungstendenz (Система адеквативной лексики в немецком языке: субклассы и тенденция развития)

В главе рассматривается система немецкой адеквативной лексики с точки зрения динамики ее развития. Выявлены релевантные для данных признаков слов семантические компоненты плана содержания, такие как «автономность», «предметная «привязанность», «ингерентность» и др. Особенности семной конфигурации позволяют выделить наряду с традиционными разрядами качественных и относительных прилагательных «промежуточные» субклассы и лексико-семантические группы. «Размытость» границ между ними обуславливает семантико-функциональную гибкость адеквативов и в целом свидетельствует не только об активной взаимосвязи сегментов системы, но и о тенденции ее развития в сторону аксиологической лексики.

Глава 1.7. Полевая организация системы синтаксических моделей простого предложения современного английского языка: лингводидактический аспект

С лингводидактической точки зрения, с позиций полевого подхода и на основе тезиса о взаимодействии лексики и формальной структуры синтаксических единиц в главе рассматривается система синтаксических моделей простого предложения современного английского языка. На материале синтаксической модели с подлежащим и глагольным сказуемым описывается ядерно-периферийная организация разновидностей синтаксической модели и обсуждается возможность применения представлений о континуальности синтаксиса простого предложения в практике обучения английскому языку как иностранному.

Глава 1.8. Языковые средства выражения пространственно-временного континуума в дискурсе научной фантастики

Категория пространственно-временного континуума как одна из конститутивных текстовых категорий рассматривается в главе на материале научно-фантастического произведения. Исследование фокусируется на потенциальных возможностях языковых и лексических средств для описания темпоральных и локальных характеристик.

Глава 1.9. Публицистика в ряду функциональных стилей английского языка

В главе поднимается вопрос об осмыслении функционально-стилистических особенностей современной англоязычной публицистики в ее единстве, образуемом текстами схожими по своим языковым функциям и стилеобразующим параметрам, но отличающимися языковыми средствами их оформления. Неоднородный характер публицистических текстов позволяет разделить их на три уровня, демонстрирующих движение от инварианта стиля, представленного текстами, в которых языковые функции общения и воздействия имеют равное вербальное проявление, к периферийным текстам, характеризующимся минимизацией вербальных проявлений одной из них.

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРЬИРОВАНИЕ

Глава 2.1. Немецкий переселенческий этнос в истории России и Крымского полуострова

В главе систематизируются и обобщаются имеющиеся сведения об истории, культуре, образовании, религии и языке немцев Крыма, дополненные материалами современных полевых этнографических исследований, проводимых на территории полуострова авторами в

2018—2021 гг. Приводятся данные, полученные из источников отдела этнографической литературы Крымской Республиканской библиотеки им. И. Франко, периодических изданий, а также из материалов полевых исследований.

РАЗДЕЛ III. СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ

Глава 3.1. Учебные словари английского языка нового поколения

В главе рассматриваются основные тенденции, наблюдаемые в английской учебной лексикографии в настоящее время. Материалом исследования послужили современные английские печатные словарные издания и онлайн-версии этих словарей. В работе используются методы наблюдения и сравнительного описания.

Глава 3.2. Милитарная двуязычная «вспомогательная» лексикография для вермахта

В главе рассмотрены языковые, прагматические и дискурсивные особенности кратких немецко-русских разговорников, словарей и словников 1941—1944 гг. для военнослужащих вермахта. Они выполняли прототипическую или вспомогательную функции для базовых массовых словарей для «армейцев Рейха» в ситуации войны против СССР, став компонентом нацистской милитарной имиджелогии.

Глава 3.3. *Diphthong*: опыт историографического описания термина

Глава посвящена истории вхождения термина *Diphthong* в терминологическую систему немецкой лингвистики. На основе анализа литературных, научно-теоретических (грамматики, грамматические сочинения) и лексикографических (лексиконы, словари) источников, опубликованных в Германии в период с XV в. по XVIII в., автор прослеживает эволюцию фонетического статуса дифтонга. Вторая задача автора состояла в выявлении и систематизации терминологических номинаций понятия «*Diphthong*». В ходе исследования применяются методы историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа.

Глава 3.4. Особенности перевода паронимов: сопоставительное исследование семантики межъязыковых близнецов (английский и русский языки)

Семантическое значение является самой обсуждаемой темой в лингвистике XXI в. Семантика, семантическая структура слов, вопросы, касающиеся взаимосвязи различных значений, разработка методик этих исследований и другие проблемы семасиологии являются

предметом исследований современных ученых. Поскольку эти вопросы являются противоречивыми и дискуссионными, они вызывают научный интерес. В исследовании речь идет о семантике так называемых межъязыковых паронимов на примере английского и русского языка, рассматриваются причины их появления, классификации. На отдельных примерах исследуется развитие и изменение значения для установления языковых особенностей, соотношение частеречной принадлежности анализируемых паронимов. Происхождение и структура паронимов русского и английского языков свидетельствуют об общем их происхождении и изменении первоначального значения в ходе исторического развития. Отмечается, что справочная литература призвана снимать трудности понимания и перевода данных слов, которые обогащают язык не только с лексической, но и стилистической стороны. Хотя межъязыковые паронимы — достаточно известное в языке явление, в семантическом и стилистическом плане они вызывают трудности не только у начинающих, но и у опытных переводчиков.

Глава 3.5. Цифровая лексикографическая парадигма (на материале новых словарей английского языка)

Глава посвящена рассмотрению цифровой парадигмы английской лексикографии в эпоху Интернета. Описываются задачи цифровой англоязычной лексикографии, ее новый терминологический аппарат, особенности сосуществования печатных и электронных словарей, миграция словарей в Интернет, современные направления в англоязычной лексикографии. Особое внимание уделяется рассмотрению изменения портрета пользователя цифрового информационного пространства, новые цифровые тематические лексикографические проекты, электронные корпуса для общих и специальных целей, репертуар справочников английского языка различных типов и объемов на мобильных телефонах для определенных целевых групп пользователей.

Глава 3.6. Семантика цвета в картине мира английской народной сказки

Выявлены семантические и лингвокультурные особенности базовых цветообозначений в сказочной картине мира англичан. Используются методы описательных и словарных дефиниций, а также лингвокультурологического, семантического, компонентного и количественного анализа для системного рассмотрения материала, что вносит вклад в разработку методики реконструкции цветового фрагмента картины мира на материале английских народных сказок.

Глава 3.7. Австрийский юмор как лингвокультурологический феномен

В главе речь идет о национальных особенностях австрийского юмора. Будучи важным показателем культуры и когнитивной деятельности человека, юмор относится к числу важнейших компонентов национального менталитета. Яркой особенностью австрийского юмора является самоирония. Анализируются австрийские шутки и анекдоты, приводятся примеры самобытности австрийского юмористического отношения к жизни в сопоставлении с юмором немцев. Исследование проводится на историческом и лингвистическом материале. Перспективы изучения австрийского юмора включают такие аспекты юмористической коммуникации австрийцев как семантика, прагматика, синтактика и синтагматика.

Глава 3.8. Параллельный корпус и художественный перевод

Глава посвящена вопросам автоматизации переводческой деятельности, в частности, вариантам использования корпусных инструментов параллельного корпуса для анализа перевода художественного произведения. Исследование описывает специфику художественного перевода, особенности параллельного корпуса, а также варианты его применения в работе переводчика. На материале авторского параллельного корпуса по произведению Нортон Джастера *Мило и волшебная будка* и его русского перевода иллюстрируются принципы работы с параллельным корпусом для анализа переводческих решений. Полученные эмпирические и статистические данные будут полезны в непосредственно переводческом процессе, а также в качестве вспомогательных теоретических или практических данных, способствующих улучшению качества перевода.

РАЗДЕЛ IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Глава 4.1. Прозрение через падение: концепт «успех» в одноименном романе Лиона Фейхтвангера

Глава посвящена творчеству известного немецкого писателя Лиона Фейхтвангера, который еще в 20-е гг. прошлого века предсказал опасность распространения фашизма и особенно ярко отразил это в своем знаменитом романе *Успех*. «Успех» — это ключевое понятие для понимания того, как было организовано общество во времена Веймарской республики. В главе исследуются пути реализации концепции

успеха на онтологическом, политическом и повседневном уровнях. Делается вывод, что все успешные персонажи в конечном итоге переживают карьерный крах. Лишь немногим из них удастся возродиться через падение. По мнению Фейхтвангера, только дельцы и национал-социалисты не испытывают никаких трансформаций и всегда остаются на плаву. Их успех непоколебим. Это явление характерно для всех времен. Идея Фейхтвангера делает роман актуальным даже сегодня. Оригинальность исследования заключается в том, что произведение Фейхтвангера рассматривается как роман, написанный в жанре альтернативной истории.

Глава 4.2. Мир Пруста: между реальностью и вымыслом

Мир прустовского романа не воссоздает реальность как таковую, а преобразует ее по собственным законам в подобие реальности, некий «мультимодальный симулякр». Поэтому вместо того чтобы проверять его на соответствие реальному положению вещей, следует скорее понять, насколько оригинальны используемые по случаю способы репрезентации.

THE ANNOTATED CONTENT OF THE MONOGRAPH

SECTION I. ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

1.1. **Linguo-Cognitive and Linguo-Pragmatic Aspects of Historiographical Texts**

The article deals with the features of the linguistic implementation of the subjective factor in German-language historiographical texts. The nature of retrospective activity of the speech has been described, implicit and explicit forms of its self-representation are established. The special attention is devoted to interaction between the historiographer as a text sender and the reader as a recipient of information about the reconstructed past.

1.2. **Cognitive Modeling of the Nominative System of Language**

The chapter is devoted to the substantiation and description of the cognitive model “precedent-nominative microfield” as a form of organization of thinking and systematization of linguistic knowledge. Based on the material of dictionary entries and in the discursive implementation of individual nominative units, cognitive techniques and mechanisms are shown, by which a “precedent-nominative microfield” and a nominative microsystem are formed.

1.3. **Wall Saying as a Linguistic Cultural Phenomenon**

The chapter deals with a specific speech genre and cultural phenomenon *Wall Saying* (*Wandspruch*). Its main function is to promote certain norms and rules of behaviour expressed in a laconic form and correlated with autosemantic sentences. This genre appeared and became popular in Germany and then was transmitted to the United States with German speaking immigrants. Nowadays in the epoch of the internet communication wall sayings are often used in network discourse. They function as examples of everyday wisdom and are often humorous.

1.4. **The Group of Stylistic Means Expressing Redundancy in the German Literary Language**

The chapter provides a typology of means expressing redundancy in the German literary language, which solve the expressive task of focusing attention and can form a separate segment in its functional repertoire. Their auxiliary feature is a linear increase in the lexical length of an utterance according to the type of adjunction.

1.5. **Linguistic Means of Achieving a Perlocutionary Effect in Social Advertising Texts (Exemplified by Modern German)**

The chapter is devoted to the study of social advertising texts as a phenomenon of non-commercial advertising that focuses the recipient’s attention

on the rules and norms of society, ensuring its preservation and development. The ability of social advertising products to attract attention, have an emotional impact, and elicit a strictly defined response from the recipient (perlocutionary effect), is due to their special structure and a wide palette of specific linguistic tools, the identification and description of which was the purpose of the study. It is proved that the perlocutionary effect of social advertising texts is achieved by the presence of pragmatic dominant in their conceptual structure, which is expressed in multilevel linguistic means. In German, these include primarily lexical (metaphor, epithet, irony) and syntactic (parcellation, syntactic parallelism, rhetorical question) means of expression. The methodological basis of the research is the theory of speech acts.

1.6. The Adjective System of the German Language: Subclasses and a Development Tendency

The chapter examines the system of the German adjectival vocabulary in terms of the dynamics of its development. The semantic components of the content plan relevant to these feature words, such as “autonomy”, “object attachment”, “inherence”, etc., are revealed. The peculiarities of the semantic configuration allow us to single out “intermediate” subclasses and lexical-semantic groups along with the traditional classes of qualitative and relational adjectives. The “fuzziness” of the borders between them stipulates the semantic-functional flexibility of adjectives and on the whole testifies not only to the active interrelation of the system segments, but also to the tendency of its development towards axiological vocabulary.

1.7. A Field Theory Approach to Studying the Simple Sentence Patterns of English: EFL Teaching Perspective

Taking the field theory perspective and based on the thesis of interaction between structural and lexical properties of syntactic units, the research is focused on the system of the simple sentence patterns in modern English. This paper considers the Subject-Verb Predicate type of sentence pattern and reveals the center and the periphery in the varieties of the pattern. The author then suggests applying the idea of syntax continuity in an EFL classroom.

1.8. Linguistic Means of Expressing the Space-Time Continuum in Science Fiction Discourse

The category of the space-time continuum as one of the constitutive textual categories is considered in this chapter on the material of a science fiction work. The study focuses on the potential of linguistic and lexical means to describe temporal and local characteristics.

1.9. Publicism among English Functional Styles

The chapter raises the question of conceptualization of modern English-language publicism functional and stylistic features in the unity formed by the texts similar in their language functions and style-forming parameters but different in their verbal content. The heterogeneous nature of publicistic texts allows to divide them into three levels demonstrating the movement from the style invariant, represented by the texts where the communicative and expressive linguistic functions have equal verbal manifestation, to the peripheral texts where the verbal manifestations of one of them is minimized.

SECTION II. LANGUAGE CONTACTS AND VARIATION

2.1. German Migrant Ethnos in the History of Russia and the Crimean Peninsula

This chapter systematizes and summarizes the available information about the history, culture, education, religion and language of the Germans of the Crimea, which is supplemented by the materials of modern field ethnographic research conducted on the peninsula by the authors in 2018—2021. The article presents information obtained mainly from the sources of the Department of Ethnographic Literature of the I. Franko Crimean Republican Library, periodicals, as well as from field research materials.

SECTION III. WORD — SENSE — MEANING

3.1. English Learner's Dictionaries of New Generation

The chapter is devoted to the main tendencies observed in English learner's lexicography at the present time. The research is based on modern English printed and online dictionaries. The author uses methods of observation and comparative description.

3.2. Military Bilingual "Auxiliary" Lexicography for the Wehrmacht

The chapter examines the linguistic, pragmatic and discursive features of the German-Russian phrasebooks, dictionaries and vocabularies for Wehrmacht soldiers from 1941—1944. They fulfilled a prototypical or auxiliary function for the basic mass dictionaries for the "Reich army men" in the situation of war against the USSR, becoming a component of Nazi militaristic image-making.

3.3. *Diphthong*: An Attempt at the Historiographic Term Description

The chapter is devoted to the history of the term *Diphthong* and its entry into the terminological system of German linguistics. Based on the analysis of literary, scientific (grammars, grammatical works) and lexicographic (lexicons, dictionaries) sources, published in Germany in the period from the 15th to 18th cent., the author traces the evolution of the phonetic status

of diphthong. The second task of the author was to identify and systematize the terminological nominations of the notion “Diphthong”. The research employs methods of historical-linguistic, definitional and semantic analysis.

3.4. Translation Features of the Paronyms: A Comparative Study of Etymology and Semantics of Interlanguage Twins (Exemplified by English and Russian)

Semantic meaning is the most discussed topic in linguistics of the 21st century. Semantics, semantic structure of words, issues concerning the relationship of different meanings, the development of methods of these studies and other problems of semasiology are the subject of research by modern scientists. Since these issues are controversial and debatable, they arouse scientific interest. The study deals with the semantics of the so-called interlanguage paronyms on the example of English and Russian, the reasons for their appearance and classifications are considered. Using individual examples, the development and change of meaning for the establishment of linguistic features, the ratio of the partial affiliation of the analyzed paronyms are investigated. The etymology and structure of the paronyms in Russian and English indicate their common origin and the change in their original meaning during historical development. It is noted, that the reference literature is designed to remove the difficulties of understanding and translating these words, which enrich the language not only from the lexical, but also stylistic side. Although interlanguage paronyms are a well-known phenomenon in the language, in semantic and stylistic terms they cause difficulties not only for beginners, but also for experienced translators.

3.5. Digital lexicographic paradigm with special reference to English Dictionaries

The chapter is devoted to the description of the English lexicography digital paradigm in the époque of internet. It deals with the main tasks of the digital English lexicography, its new terminology, trends of the coexistence of printed and electronic dictionaries, migration of the dictionaries into the internet, modern trends in English lexicography. Special attention is given to the user’s profile changes in the digital media, new digital lexicographic thematic projects, and electronic corpora for general and special purposes, repertoire of the English apps-dictionaries for target audiences.

3.6. Colour Semantics in the Worldview of English Folk Fairy Tales

The chapter deals with the identification of semantic and linguocultural features of basic colour designations within the worldview of English folk

fairy-tales. Descriptive and componental analysis, dictionary definitions, linguocultural and semantic analysis as well as the method of quantitative analysis found their application in providing the panorama of basic colours in English folk fairy-tales. The above research methods contribute to the development of a reconstruction technique of a colour segment in the English worldview reflected in folk fairy-tales.

3.7. Austrian Humour as Linguoculturological Phenomenon

The chapter deals with the national features of the Austrian humour. Humour is one of the essential elements of the human culture and cognitive activity. It is a basic component of the national mind-set. Self-irony seems to be the brightest feature of the Austrian humour. The chapter examines some Austrian jokes and anecdotes, gives examples of the unique Austrian humorous attitude to life compared to the German humour. The sample material covers historical and linguistic aspects. Perspectives of the further research include semantic, pragmatic, syntactic and syntagmatic aspects of the Austrian humour.

3.8. Parallel Corpus and Literary Translation

The chapter deals with the automation of translation work, in particular advantages of parallel corpus tools to analyze literary translation. The research describes features of literary translation, characteristics of parallel corpus and variants of its implementation in translation practice. The analysis of author's parallel corpus compiled of *The Phantom Toolbooth* by Norton Juster and its Russian translation illustrates the main approaches to work with translation corpus. The empirical and statistical findings contribute to translation practice being both a part of translation memory and complementary theoretical and practical data to improve quality of translation..

SECTION IV. THEORETICAL ASPECTS OF LITERARY STUDIES

4.1. Insight through Falling: The Concept of Success in the Novel of the same Name by Lion Feuchtwanger

The chapter is devoted to the work of the famous German writer Lion Feuchtwanger, who has predicted the danger of the spread of fascism back in the 20s and has especially vividly reflected it in his famous novel *Success*. "Success" is a key concept to understand how society was organized during the Weimar Republic. This paper explores the way this concept is expressed at the ontological, political and everyday level. It is concluded that all successful characters eventually experience a career collapse. Only a few of them manage to be reborn through the falling. It is introduced, that Feuchtwanger's conclusion is that only dealer and leaders of national socialists /

nationalists do not experience any transformations and always remain afloat. Their success is unshakable. This phenomenon is typical for all times. This idea of Feuchtwanger makes the novel relevant even today. The originality of the research lies in the fact that the novel is viewed in a new genre perspective as a novel of alternative history.

4.2. L'univers proustien: entre la réalité et la fiction

Quoique opposée à la fiction, la réalité n'est pas exclue de la littérature, mais réinterprétée selon le mode spécifiquement esthétique. Le langage de représentation de l'univers proustien est d'autant plus exemplaire à ce propos qu'il semble renvoyer à des référents réels, mais y intègre en même temps des contenus subjectifs que le bon sens refuse d'accepter comme littéralement vrais.

ТЕРМИНЫ

- австрийский менталитет 3.7
автономность 1.6
анекдот 3.7
базовые цветообозначения 3.6
вандшпрух 1.3
вариант 1.9
Вена 3.7
вербализация 3.6
вермахт 3.2
временное поле 1.8
вымысел 4.2
выразительные средства 1.4
графическая иллюстрация 3.1
гуманизм 4.1
двуязычная лексикография 3.2
динамика 1.6
дифтонг 3.3
идейный пласт 4.1
иллюстративный пример 3.1
имиджелогия 3.2
инвариант 1.9
ингерентность 1.6
ирония 3.7
историко-культурологические и лингвистические исследования 2.1
историко-лингвистический анализ 3.3
историография 1.1
историография термина 3.3
категории пространства 1.8
категория времени 1.8
качество 1.6
когнитивно-номинативная модель 1.2
концепт 1.7, 4.1
корпус 3.8
корпусная лексикография 3.5, 3.8
креолизованный текст 1.5
культура 3.7
культурная память 1.1
лексико-семантическая сочетаемость 1.6
лексико-тематическая группа 1.8
лингвистический термин 3.3
лингвокультура 3.6
межъязыковые паронимы 3.4
метафора 3.7, 4.2
микроструктура 3.1
милитарный дискурс 3.2
назидание 1.3
настенное изречение 1.3
немецкий литературный язык 1.4
немецкий менталитет 3.7
нормы 1.3
обучение иностранному языку 1.7
онлайн-словари 3.5
онтология 4.1
оценочные прилагательные 1.6
параллельный корпус 3.8
паронимия 3.4
перевод 3.4
переводческие трансформации 3.8
перлокутивный эффект 1.5
полижанровость 4.1
пользователь 3.1
прагматическая доминанта 1.5
прецедентная ономазиология 1.2
прецедентное мышление 1.2
прецедентно-номинативное микрополе 1.2

- прилагательные-наречия 1.6
пространственное поле 1.8
Пруст 4.2
публицистический стиль 1.9
репрезентация 4.2
ретроспективная деятельность 1.1.
речевой акт 1.5
речевой репертуар 3.2
российские немцы Крыма 2.1
самоирония 3.7
самопрезентация 1.1
сегментация 1.4
семантика 3.6
семантическая структура 3.4
семантические функции 1.6
синтаксическая модель предложения 1.7
система 1.6
ситуация (событие) 1.7
сказочная картина мира 3.6
словари на мобильных телефонах 3.5
словари-разговорники 3.2
словники 3.2
социальная реклама 1.5
средства создания избыточности 1.4
стилеобразующие параметры 1.9
стратификация семантики 1.2
теория поля 1.7
теория речевых актов 1.5
терминологическая семантика 3.3
транспозиция 4.2
учебная лексикография 3.1
учебный словарь 3.1
фонетика 3.3
функциональный репертуар 1.4
функция воздействия 1.9
функция общения 1.9
хронотоп 1.8
художественный перевод 3.8
ценности 1.3
цифровая лексикографическая парадигма 3.5
цифровые проекты 3.5
шутка 1.3
этническая идентичность 2.1
юмор 3.7
юмористический 3.7
ядро и периферия 1.7
языковая функция 1.9

KEYWORDS

- adverb adjectives 1.6
- anecdote 3.7
- apps dictionaries 3.5
- Austrian mind-set 3.7
- autonomy 1.6
- basic colours 3.6
- bilingual lexicography 3.2
- case-based onomasiology 1.2
- categories of space 1.8
- category of time 1.8
- centre and periphery 1.7
- chronotope 1.8
- cognitive-nominative model 1.2
- communicative function 1.9
- concept 1.7, 4.1
- corpus 3.8
- corpus lexicography 3.5, 3.8
- creolized text 1.5
- cultural memory 1.1
- culture 3.7
- dictionaries 3.2
- digital lexicographic paradigm 3.5
- digital projects 3.5
- diphthong 3.3
- dynamics 1.6
- edification 1.3
- EFL teaching 1.7
- ethnic identity 2.1
- evaluative adjectives 1.6
- expressive function 1.9
- expressive means 1.4
- fiction 4.2
- field theory 1.7
- functional repertoire 1.4
- German literary language 1.4
- German mind-set 3.7
- graphic illustration 3.1
- historical, cultural and linguistic studies 2.1
- historical-linguistic analysis 3.3
- historiography 1.1
- humanism 4.1
- humorous 3.7
- humour 3.7
- ideological layer 4.1
- illustrative example 3.1
- imageology 3.2
- inherence 1.6
- interlanguage paronyms 3.4
- invariant 1.9
- irony 3.7
- joke 1.3
- journalistic style 1.9
- language function 1.9
- learner's dictionary 3.1
- learner's lexicography 3.1
- lexical-semantic compatibility 1.6
- lexico-thematic group 1.8
- linguistic term 3.3
- linguoculture 3.6
- literary translation 3.8
- means expressing redundancy 1.4
- metaphor 3.7
- métaphore 4.2
- microstructure 3.1
- military discourse 3.2
- multi-genreality 4.1
- norms 1.3
- online dictionaries 3.5
- ontology 4.1
- parallel corpus 3.8
- paronymy 3.4

- perlocutionary effect 1.5
- phonetics 3.3
- phrasebooks 3.2
- pragmatic dominant 1.5
- precedent thinking 1.2
- precedent-nominative micro-field 1.2
- Proust 4.2
- quality 1.6
- représentation 4.2
- retrospective activity 1.1
- Russian Germans of Crimea 2.1
- segmentation 1.4
- self-irony 3.7
- self-presentation 1.1
- semantic functions 1.6
- semantic structure 3.4
- semantics 3.6
- sentence pattern 1.7
- situation (event) 1.7
- social advertising 1.5
- spatial field 1.8
- speech act 1.5
- speech repertoire 3.2
- stratification of semantics 1.2
- style-forming parameters 1.9
- system 1.6
- term historiography 3.3
- terminological semantics 3.3
- theory of speech acts 1.5
- time field 1.8
- translation 3.4
- translation transformations 3.8
- transposition 4.2
- user 3.1
- values 1.3
- variant 1.9
- verbalization 3.6
- Vienna 3.7
- wall saying 1.3
- Wandspruch 1.3
- Wehrmacht 3.2
- worldview of fairy-tales 3.6

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аверкина С. Н.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Байкова О. В.*, Вятский государственный университет, Киров, Россия
- Бондарева Л. М.*, образовательно-научный кластер «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, Калининград, Россия
- Бочкарев А. Е.* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
- Бухаров В. М.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Голубева Н. А.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Григорьева Е. М.*, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
- Дубинин С. И.* Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, Самара, Россия
- Иванов А. В.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Иванова Т. К.*, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
- Карасик В. И.*, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
- Карпова О. М.*, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
- Кобенко Ю. В.*, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия
- Левещук А. Э.*, Московский государственный университет, Москва, Россия
- Малыгин В. Т.*, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Маник С. А., Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

Никонова Ж. В., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Никлушина Т. Н., Автомобильно-дорожный институт, Донецкий национальный технический университет, Горловка

Постникова С. В., Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Рахманкулова С. Е., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Родина Г. И., Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Тырыгина В. А., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Федоров В. В. Петропавловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Петропавловск-Камчатский, Россия

LIST OF CONTRIBUTORS

- Averkina, Svetlana N.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Baykova, Olga V.*, Vyatka State University, Kirov, Russia
- Bochkarev, Andrey Ye.*, National Research University Higher School of
Economics, Nizhny Novgorod, Russia
- Bondareva, Lyudmila M.*, Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia
- Bukharov, Valeriy M.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Dubinina, Sergey I.* Samara University, Samara, Russia
- Fedorov, Vitaliy V.* Russian Presidential Academy of National Econ-
omy and Public Administration, Petropavlovsk Branch, Petro-
pavlovsk-Kamchatskiy, Russia
- Golubeva, Nadezhda A.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Grigoryeva, Yekaterina M.* Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
- Ivanov, Andrey V.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Ivanova, Tatyana K.*, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- Karasik, Vladimir I.*, Pushkin State Russian Language Institute; Mos-
cow Linguistic University, Moscow, Russia
- Karpova, Olga M.*, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
- Kobenko, Yuriy V.*, National Research Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russia
- Levitsky, Andrey E.*, Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia
- Malygin, Viktor T.*, The Brothers Stoletov State University of Vladi-
mir, Vladimir, Russia
- Manik, Svetlana A.*, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
- Nikonova, Zhanna V.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Nikulshina, Tatyana N.*, Donetsk National Technical University, Auto-
mobile and Highway Engineering Institute, Gorlovka

Postnikova, Svetlana V., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Rakhmankulova, Svetlana Ye., Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

Rodina, Galina I., Arzamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Tyryguina, Valentina A., Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ_СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	4
1.1. Лингвокогнитивные и лингвопрагматические аспекты историографических текстов <i>Бондарева Л. М.</i>	5
1.2. Когнитивное моделирование номинативной системы языка <i>Голубева Н. А.</i>	27
1.3. Настенное изречение как лингвокультурный дискурсивный феномен <i>Карасик В. И.</i>	47
1.4. Группа выразительных средств создания избыточности в немецком литературном языке <i>Кобенко Ю. В.</i>	60
1.5. Языковые средства достижения перлокутивного эффекта в текстах социальной рекламы (на примере современного немецкого языка) <i>Никонова Ж. В.</i>	75
1.6. Das Adjektivsystem der deutschen Sprache: Subklassen und Entwicklungstendenz <i>Постникова С. В.</i>	91
1.7. Полевая организация системы синтаксических моделей простого предложения современного английского языка: лингводидактический аспект <i>Рахманкулова С. Е.</i>	104
1.8. Языковые средства выражения пространственно-временного континуума в дискурсе научной фантастики <i>Тырыгина В. А.</i>	115
1.9. Публицистика в ряду функциональных стилей английского языка <i>Федоров В. В.</i>	138
РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРЬИРОВАНИЕ	155
2.1. Немецкий переселенческий этнос в истории России и Крымского полуострова <i>Байкова О. В., Бухаров В. М.</i>	156

РАЗДЕЛ III. СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ.....	181
3.1. Учебные словари английского языка нового поколения	
<i>Григорьева Е. М.</i>	182
3.2. Милитарная двуязычная «вспомогательная» лексикография для вермахта	
<i>Дубинин С. И.</i>	206
3.3. <i>Diphthong</i> : опыт историографического описания термина	
<i>Иванов А. В.</i>	232
3.4. Особенности перевода паронимов: сопоставительное исследование семантики межъязыковых близнецов (английский и русский языки)	
<i>Иванова Т. К.</i>	258
3.5. Цифровая лексикографическая парадигма (на материале новых словарей английского языка)	
<i>Карпова О. М.</i>	273
3.6. Семантика цвета в картине мира английской народной сказки	
<i>Левицкий А. Э., Никульшина Т. Н.</i>	295
3.7. Австрийский юмор как лингвокультурологический феномен	
<i>Малыгин В. Т.</i>	310
3.8. Параллельный корпус и художественный перевод	
<i>Маник С. А.</i>	321
РАЗДЕЛ IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ	339
4.1. Прозрение через падение: концепт «успех» в одноименном романе Лиона Фейхтвангера	
<i>Аверкина С. Н., Родина Г. И.</i>	340
4.2. <i>L'univers proustien: entre la réalité et la fiction</i>	
<i>Бочкарев А. Е.</i>	354
Литература	366
Аннотированное содержание монографии	414
Термины	427
Сведения об авторах	431

CONTENT

PART I. ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS	4
1.1. Linguo-Cognitive and Linguo-Pragmatic Aspects of Historiographical Texts	
<i>Bondareva L. M.</i>	5
1.2. Cognitive Modeling of the Nominative System of Language	
<i>Golubeva N. A.</i>	27
1.3. Wall Saying as a Linguistic Cultural Phenomenon	
<i>Karasik V. I.</i>	47
1.4. The Group of Stylistic Means Expressing Redundancy in the German Literary Language	
<i>Kobenko Yu. V.</i>	60
1.5. Linguistic Means of Achieving a Perlocutionary Effect in Social Advertising Texts (On the Example of Modern German)	
<i>Nikonova Zh. V.</i>	75
1.6. The Adjective System of the German Language: Subclasses and a Development Tendency	
<i>Postnikova S. V.</i>	91
1.7. A Field Theory Approach to Studying the Simple Sentence Patterns of English: EFL Teaching Perspective	
<i>Rakhmankulova S. Ye.</i>	104
1.8. Linguistic Means of Expressing the Space-Time Continuum in Science Fiction Discourse	
<i>Tyryguina V. A.</i>	115
1.9. Publicism among English Functional Styles	
<i>Fedorov V. V.</i>	138
PART II. LANGUAGE CONTACTS AND LANGUAGE VARIATION ...	155
2.1. German Migrant Ethnos in the History of Russia and the Crimean Peninsula	
<i>Baykova O. V., Bukharov V. M.</i>	156
PART III. WORD — SENSE — MEANING	181
3.1. English Learner's Dictionaries of New Generation	
<i>Grigoryeva Ye. M.</i>	182
3.2. Military Bilingual "Auxiliary" Lexicography for the Wehrmacht	
<i>Dubinin S. I.</i>	206
3.3. <i>Diphthong</i> : An Attempt at the Historiographic Term Description	
<i>Ivanov A. V.</i>	232

3.4. Translation Features of the Paronyms: A Comparative Study of Etymology and Semantics of Interlanguage Twins (Exemplified by English and Russian)	
<i>Ivanova T. K.</i>	258
3.5. Digital lexicographic paradigm with special reference to English Dictionaries	
<i>Karpova O. M.</i>	273
3.6. Colour Semantics in the Worldview of English Folk Fairy Tales	
<i>Levitskiy A. E., Nikulshina T. N.</i>	295
3.7. Austrian Humour as Linguoculturological Phenomenon	
<i>Malygin V. T.</i>	310
3.8. Parallel Corpus and Literary Translation	
<i>Manik S. A.</i>	321
PART IV. THEORETICAL ASPECTS OF LITERARY STUDIES	339
4.1. Insight through Falling: The Concept of Success in the Novel of the same Name by Lion Feuchtwanger	
<i>Averkina S. N., Rodina G. I.</i>	340
4.2. L'univers proustien: entre la réalité et la fiction	
<i>Bochkarev A. Ye.</i>	354
References	366
The annotated content of the monograph	421
Keywords.....	429
List of Contributors	433

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА
И
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Выпуск 4

Коллективная монография

Оригинал-макет подготовлен А. В. Ивановым

Подписано в печать 01.12.2022. Формат 60x88/16.

Усл. печ. л. 25,58. Уч.-изд. л. 21,0.

Тираж 500 экз. Изд. № 5998. Заказ № 1846.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел.: (495) 334-82-65, (495) 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии «МЭЙЛ ТЕКНОЛОДЖИ»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 13, стр. 16.

Тел.: (495) 212-91-99; (926) 204-49-31

E-mail: info@book-expert.ru

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
Выпуск 4

ISBN 978-5-9765-5239-5

9 785976 552395 >

ФЛИНТА